

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Культура университетского бала

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 793.38:378.4
ББК 77.562+74.484.7
К90

Авторы: Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина

Рецензенты: первый федеральный вице-президент Российского общества социологов, профессор, заслуженный деятель науки *Е. Н. Икингрин*; д-р социол. наук, доц., заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского института управления (филиал) Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации *А. С. Ваторопин*

Культура университетского бала : монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 420 с.
ISBN 978-5-7996-2534-4

В монографии рассматривается феномен бальной культуры в истории России и современном университете. Монография представляет дополненное издание монографии «Балы в Уральском федеральном». Более углубленно и детализированно в хронологическом порядке представлена история балов в дореволюционной России. Анализируется бал как социокультурный феномен, его специфика и значение в развитии культуры России. Завершает монографию рефлексию реализации проекта «Балы в Уральском федеральном», где анализируется сущность и специфика, роль и значение бальной культуры в университете.

Монография адресована всем изучающим культуру России, интересующимся спецификой университетского образования.

УДК 793.38:378.4
ББК 77.562+74.484.7

Коллектив авторов выражает благодарность администрации вуза и дирекции Института физической культуры, спорта и молодежной политики за поддержку проекта и помощь в издании монографии.

ISBN 978-5-7996-2534-4

© Уральский федеральный университет, 2018
© Нархова Е. Н., Чегодаева Т. А., Ботова Н. И., Нархов Д. Ю., Давыдов В. Н., Кузьмина Е. В., 2018

Предисловие

Уральский федеральный университет, являясь преемником двух ведущих вузов Урала — классического и технического университетов, имеющих богатую историю, соединил их традиции в реализации своей основополагающей для общества миссии — трансляции и развития культуры. Университет, которому в 2020 г. исполнится 100 лет, на протяжении века не только обеспечивал кадрами регион и страну, но весьма существенно способствовал осуществлению основной функции культуры — человекотворчеству. Университетское сообщество — администрация и профсоюзы, профессора и доценты, преподаватели и ассистенты, в своей деятельности развивали и развивают, по выражению одного из основоположников Уральской школы гуманитаристики профессора Л. Н. Когана, «сущностные силы» студентов и аспирантов, помогая осуществлять мечты, достигать цели, решать сложные задачи.

Сохраняя богатые традиции национальной культуры, университет идет в ногу со временем, открывает новые горизонты в мировом культурном пространстве, вовлекая в свои ряды студентов и преподавателей из разных стран, выступая культурным драйвером для жителей Урала.

Амбициозные задачи, стоящие перед университетом, предполагают консолидацию работающих и обучающихся в нем

на основе корпоративной университетской культуры, воплощающей в себе идеи гуманизма и стремления к познанию. Возрождение и сохранение традиционных практик интеллектуального слоя представляется несомненно важным как в тактическом, так и в стратегическом аспектах. Университетская культура сохранила и развивает один из уникальных феноменов мировой и национальной культуры — бал, анализу которого и посвящена эта книга.

Бал как социокультурный феномен является не только субкультурной характеристикой университетской общности, но и своеобразным «социальным экзаменом», что подтверждает необходимость его культивации в образовательном пространстве вузов. И его важной составляющей является позиционирование университета как организатора этого пространства. Корпоративная культура университета, обладая существенной долей «здорового консерватизма», позволяет посредством возрождения культуры бала реализовывать культуротворческую миссию университета.

Читатель найдет в монографии исторический экскурс бальной культуры, теоретический анализ сущности культуры университетского бала, его специфики и роли на уровне личности, на уровне университета как особой социальной корпорации, увидит его культуuroобразующий потенциал в корпоративной культуре. На уровне социума бальная культура проявляется как форма общественного сознания, позволяющая хранить историческую память, передавать конструктивный опыт от поколения к поколению. Безусловно, бал университета — проявление его высокой миссии в обществе.

Данная монография еще раз подтверждает тезис: наша область была и остается не только «опорным краем державы», но и культурным, научно-образовательным регионом России.

В. А. Кокшаров,
ректор Уральского федерального университета,
председатель Совета ректоров вузов
Свердловской области

Введение

Социокультурная ситуация в современной России актуализирует вопросы формы и содержания, элитарной и массовой, традиционной и инновационной культуры. Культура как социальный феномен, возникая и развиваясь в процессе антропосоциогенеза, характеризует различные явления, аспекты жизни человечества: от аккумуляции социального опыта по применению таких форм деятельности и взаимодействия, которые помимо утилитарной эффективности обеспечивают коллективный характер человеческой жизнедеятельности, воплощаемый в системе регулятивных установок, опредмечиваемый в традиционных и инновационных технологиях до рефлексии этого опыта в науках и общественной мысли и трансляции от поколения к поколению в виде традиций, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок. Культура не только обладает свойством организации протекания во времени различных событий, но и сохраняет их в памяти общества, обеспечивая поддержание информации, необходимой для своего дальнейшего функционирования. История любит повторения. Все, что с нами происходит сегодня, уже когда-то было. Хорошо забытое старое возвращается к нам в виде модных форм и веяний, и мы принимаем их, не всегда задумываясь, что все эти современные явления есть не что иное, как накопленный, осмысленный и принятый опыт прошлых поколений. Возрождая и преобразуя лучшие моменты в жизни человека, общества, нации, мы становимся звеньями одной цепочки под названием прогресс.

Исследование проблемы влияния культурной среды на деятельность человека является весьма актуальным в современной

науке, поскольку позволяет выявить и определить необходимые факторы существования общества, общности, группы или слоя. Сохранение культурной среды, по оценке Д.С. Лихачева, необходимо для духовной, нравственной жизни молодого поколения. Аккумулируя имеющийся духовно-нравственный опыт, обращаясь к научным изысканиям и литературе прошлых эпох, каждое последующее поколение не только открывает для себя культуру предшествующих времен, но и находит ответы на многие вопросы современности.

В условиях глобализации, имеющей многоаспектное и разнообразное влияние на национальные культуры разных обществ, наблюдается рост интереса к праздничной культуре и попытки смоделировать и реставрировать отдельные элементы культурной жизни России прошлых веков. В последнее время в России воссоздается традиция проведения балов, которые становятся органичной частью жизни современного общества. О возрождающемся интересе к бальной культуре, как наиболее привлекательной практике повседневной жизни дворянства прошлых веков, свидетельствует появление в стране школ и студий исторической реконструкции и ролевого взаимодействия, клубов, школ старинного и исторического танца. Однако культура организации и проведения бала в традиционном его понимании сегодня находится в стадии возрождения, сложно говорить о его широком распространении. Реконструкция формы невозможна и нецелесообразна без глубокого, целостного, системного осмысления бала как феномена культуры, его роли и значения в истории и культуре России. Возрождение этого явления дореволюционного периода в виде не просто досуга, а своеобразной формы «социального экзамена» дворянского слоя на основе изучения его сущности и специфики может способствовать сохранению национальной культуры. Знания о традициях и обычаях, манерах и этикете, символике церемониального жеста и костюма, кодексе светского этикета, истории танца как своеобразного выражения основных идей бального церемониала позволяет рассматривать бал как индикатор

тор досуга интеллектуального слоя России и его специфических характеристик.

Бал возрождается сегодня и в университетской среде. Для университетской культуры важно понимание роли и функций данного феномена в жизни вуза, в образовательном пространстве, в выполнении миссии университета — генерации и трансляции культуры как сугубо профессиональной, так и понимаемой в самом широком значении. Монография «Культура университетского бала» является логическим научным продолжением реализации проекта «Балы в Уральском федеральном», который авторы рассматривают как механизм сохранения традиций культуры в широком аспекте и элемент корпоративной культуры Уральского федерального университета. Проект появился в 2010 году на факультете гуманитарного образования в рамках внеучебной деятельности студентов как досуговая практика, продолжающая и дополняющая учебный процесс. Основная цель — способствовать развитию и реализации в рамках внеучебной деятельности интеллектуального, творческого, управленческого потенциала студентов университета. Цель определила специфику студенческих балов, которая заключается в их тематической концептуализации, определяющей содержание как процесса подготовки, так и проведения бала. Балы преподавателей и сотрудников организуются на основе определенной темы, но в большей степени они направлены на поддержание корпоративной культуры университета, формирование чувства принадлежности у молодого поколения преподавателей.

Балы в истории России

Важной частью отечественной культуры и истории, оказавшей огромное влияние на жизнь русского общества, его духовное и нравственное совершенствование, был бал. Бал — удивительное слово. Достаточно короткое по своему звучанию и удивительно длинное по истории своего развития. В нем замечательным образом соединились традиции, обычаи разных народов, оказавших воздействие на его становление, в нем зарождались, утверждались и расцветали художественные стили, направления, формировавшие эстетический вкус и новое мышление общества, в нем объединились взгляды, идеи и воля великих мира сего, оказавших на его совершенствование огромное влияние. Бал — это и огромное количество разных жизней и судеб — счастливых и несчастных людей, которые, волею случая, стали его главными действующими лицами. Так что же такое бал? На страницах этой главы мы совершим экскурс в историю и попробуем рассмотреть бал во всем многообразии его проявлений. Человек в силу своих природных способностей и склонностей всегда стремился к совершенствованию. Желание познать себя, мир заставляло выйти за рамки сложившейся обыденности и сделать свою жизнь более интересной и насыщенной. Потребность в новых формах общения подталкивала к поиску новых форм досуга. Выйдя за рамки традиционного времяпрепровождения — посиделок, вечеринок и застолий, он пришел к совершенно уникальной культурно-развлекательной и образовательной форме совместного сосуществования в обществе, такой как бал.

Слово «бал» произошло от греческого баллери, старофранцузского *bailer*, латинского *ballare*, что означает «танцевать, прыгать».

В итальянском языке также есть созвучное слово «ballo» — бал, пляска, танцевальный вечер.

Первое упоминание о балах можно найти в хронике придворной жизни европейских монархов. Так, например, воспоминания очевидцев сохранили для нас описание свадебной церемонии французского короля Карла VI с его молодой избранницей. 18 июля 1385 года в небольшом городке Амьен состоялся бал, посвященный бракосочетанию Карла VI с Изабеллой Баварской. После праздничного обеда новобрачные под звуки торжественной музыки прошли по залам епископского дворца в сопровождении своей придворной свиты. Дальнейшее развитие балы получают с легкой руки Марии Медичи, которая, обосновавшись во Франции, культивирует среди придворных любовь к танцам и развлечениям. Во время правления Людовика XIV, «Короля—солнце», балы становятся верхом изысканности и галантности, они поражают необычайной роскошью и красотой, стройной системой бального церемониала, включающего в себя последовательность танцев, правила поведения на балу (бальный этикет) и бальную моду. Вся французская знать стремится попасть на королевский бал, чтобы видеть короля и восхищаться им, танцевать рядом с ним и обратить на себя его внимание. Близость короля будоражит и волнует чувства, а изысканные танцы, приятная музыка и большое количество красивых дам и кавалеров создают приятную атмосферу и романтическое настроение. Спустя короткое время, бал, покоров французоз, выходит за пределы страны и, легко скользя по блестящим паркетам королевских дворцов и императорских резиденций, находит себе новых поклонников во всех европейских странах. К середине XVII века балы становятся неотъемлемой частью практически всех официальных придворных праздников и торжеств.

В России о балах ничего не знали почти до начала XVII века. Русь-матушка, далекая от светских удовольствий и развлечений, живет патриархально, сообразуя свой уклад жизни с популярным в то время сводом правил под названием «Домострой». Книга по-

явилась в XV веке при Иване Грозном и позднее была переработана и дополнена священнослужителем протопопом Сильвестром. «Домострой» содержал советы, рекомендации и наставления, касающиеся разных направлений жизни человека: общественных, семейных, религиозных, бытовых, хозяйственных и пр. Как ходить в церковь, вести хозяйство, принимать гостей — все было расписано до мельчайших подробностей, простым и доступным языком — нужно было только следовать этим правилам. Косность мышления, постоянство во всем — в образе жизни, взглядах и вкусах делала жизнь понятной, предсказуемой и стабильной.

Первое знакомство русского общества с новыми элементами европейской культуры, весьма ограниченное и поверхностное, происходит в период царствования Лжедмитрия I (Григория Отрепьева). Именно в описаниях придворной жизни лжецаревича Дмитрия можно встретить упоминание о бальном церемониале.

8 мая 1606 года в Москве в Успенском соборе состоялось бракосочетание Лжедмитрия и Марины Мнишек. Как отмечает историк Костомаров, «свадьба устроена была по заветному прадедовскому чину с караваем, с тысячником, с дружками, со свахами»¹. Свадебный обряд, поначалу проходивший в соответствии с русскими традициями и обычаями, был дополнен и некоторыми нововведениями, которые запомнились современникам. Так, например, после венчания гостей пригласили на торжественный обед, на котором вместо привычных скоморошских дудок и пшалоков уважаемых господ развлекал небольшой оркестр, исполнявший польскую музыку. Свадебные гуляния по предложению новоявленного молодожена закончились танцами. «Придворные маршалы, коронный и великолитовский, очистили место; король с царицей открыли танцы, причем канцлер Литовский с Гнезненским кастеляном, с одной стороны, а Сендомирский воевода с Ленчицким воеводой — с другой, прислуживали. Кончив танец,

¹ Костомаров Н. И. Марина Мнишек // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей // ModernLib.Ru. — URL: bit.ly/2vVdLcD (дата обращения: 19.05.2018).

король дал знак послу, чтобы шел танцевать с царицей, но он из уважения к ней не согласился и говорил, что не достоин того, чтобы прикасаться к царице. Король вторично пошел танцевать с королевной; при этом прислуживали: кастелян Гнезненский с кастеляном Варшавским, канцлер Великого княжества Литовского с кастеляном Ленчицким и великий маршал Литовский с королевичем. Потом танцевали — королевна с царицей, которой прислуживали фраццимер и некоторые сенаторы. Далее танцевал с царицей королевич, а Литовский канцлер со старостой Валецким и Сендомирский воевода с Ленчицким воеводой прислуживали. Во все время этого танца из других женщин танцевала только девица Осветимская с Хелминским кастеляном; другие девицы не танцевали. Королевна и царица, возвращаясь от танцев на свои места, низко кланялись королю (царица кланялась ниже, чем королевна), а затем, придя на свои места, кланялись одна другой; садились в одно время»¹.

Все эти новшества придали празднику большую торжественность и схожесть с европейскими развлечениями. Таким образом, Лжедмитрий был первым царем, который попытался объединить элементы русской культуры с западноевропейской, сознательно совершив отступление от сложившихся веками традиций. Однако недолгое царствование Лжедмитрия I не позволило балам утвердиться в жизни русского общества.

Петровские ассамблеи

Балы возвращаются в Россию только в начале 18 столетия, когда на русский престол восходит молодой царь — Петр Алексеевич. Несмотря на молодость, он полон решительности и оптимизма, будущее России видит иначе, чем все его предшественники. Новый царь мечтает реформировать существующую систему госу-

¹ Церемониал или описание венчания посла великого князя Московского, Димитрия Ивановича, с дочерью Сендомирского воеводы Мнишека, девицею Мариной, в Кракове 1605 г. 29 ноября // Сайт древних рукописей DrevLit.Ru. — URL: bit.ly/2IW7L56 (дата обращения: 19.05.2018).

дарственной власти и внести изменения не только в законодательную, религиозную, военную и политические области управления, но и порядком изменить менталитет, а вместе с ним и весь образ жизни русского человека. Отныне Россия должна стать великой державой, играть решающую роль на арене мировой политики и занять достойное место среди европейских государств. С присутствием ему рвением он начинает насаждать западные культурно-эстетические ценности, пытаясь научить бояр и дворян жить, трудиться и отдыхать на иностранный манер. Именно благодаря его преобразованиям Россия знакомится с непривычным для себя понятием, как Петровская ассамблея.

Совершая свое большое путешествие по западным державам, Пётр Первый в 1717 году посетил и Францию. Любознательный царь не мог не побывать в этом государстве, считавшимся к началу XVIII века одним из самых богатых и могущественных в Европе. От своих информаторов, в частности от А.А. Матвеева, бывшего в составе московского посольства во Франции в 1705 году, он знал, что здесь «художества больше прочих всех государств европейских цветут и всех свободных наук ведения основательное повсегда умножается»¹. Кроме того, в своем донесении Матвеев подробно описал Петру и церемониал, принятый при королевском дворе, и дворцовый штат, и фасоны модных французских туалетов. Франция поразила Петра и красивой архитектурой городов, и своей культурой и, конечно же, роскошными балами и развлечениями. Возможно, приятные воспоминания, новые впечатления и побудили его кардинально изменить образ жизни русского человека и познакомить общество с новыми формами досуга. Почему же из всех видов развлечений наиболее привлекательными Петру показались ассамблеи? Известный историк В. О. Ключевский в своих лекциях по русской истории очень хорошо объясняет этот выбор: «Ассамблея — это и биржа, и клуб, и приятельский журфикс, и танцевальный вечер. Здесь толковали

¹ Матвеев А.А. Архив, или Статейный список, Московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции. — Л.: Наука, 1972. — С. 50.

о делах, о новостях, играли, пили, плясали. Никаких церемоний: ни встреч, ни проводов, ни потчеваний...»¹.

Главным развлечением на ассамблеях были, конечно же, танцы. Но искусных танцоров на первых порах было немного. «Между дансёрами в то время отличались граф Ягужинский, князя Трубецкой и Долгорукий, и граф Головкин. Из дам первые танцовщицы были великая княжна Елизавета Петровна и княжна Кантемир»².

Самым же лучшим танцором, по словам М. Пыляева, был сам император — «Он танцевал ловчей и приятнее всех»³.

Если в колонну танцующих вставал Петр Алексеевич, то это означало, что все гости, независимо от возраста и состояния здоровья, должны были последовать его примеру. Остаться в стороне было опасно, можно было подвергнуться наказанию — «Кубку большого орла».

Петр, любивший шум и веселье, быстро увлекался сам и увлекал всех присутствующих в вихрь танцевального безумства. Так, например, большой популярностью у него пользовался танец под названием «гросфатер», который он неизменно танцевал с большим удовольствием. В этом танце «все собрание, мужчины и женщины, под звуки медленного, почти похоронного марша, также медленно двигались по комнатам, вдруг по знаку маршальского жезла музыка переходила в веселую, дамы оставляли своих кавалеров, брали новых между не танцевавшими, кавалеры ловили дам или искали других, поднималась ужасная толкотня, беготня, шум, крик, даже лица царской фамилии не были изъязвлены от этого; за ними бегали, гонялись, как и за всеми другими, сами они ловили других, наконец, по новому сигналу маршала все опять приходило в прежний порядок, и те, которые оставались без дам, подвергались наказанию осушить кубок большого и малого орла. Этот огромный кубок

¹ Ключевский В. О. Лекция 69. Ассамблеи. Учебник Приличий // Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3. — М. : АСТ, 1993. — С. 47.

² Пыляев М. И. Старое житье. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — С. 150.

³ Там же.

обыкновенно находился в одной из комнат, и от осушения оно виновный не освобождался никакими отговорками»¹.

И, тем не менее, несмотря на задор Петра и его собственный пример, желающих танцевать было намного меньше, чем любителей поглазеть. Объяснялось это тем, что, во-первых; дамы и кавалеры танцевальным наукам обучены не были, во-вторых; танцы многими участниками ассамблеи воспринимались как некая повинность, которую приходилось исполнять дабы не вызвать гнев Петра. Танцевальные движения были сложными и непривычными. Надо было все время кланяться, приседать, делать мудреные реверансы. Дамы, одетые в модные платья с неудобными жесткими корсетами и огромными фижмами, в напудренных париках, которые время от времени сползали на лоб и всячески мешали, выглядели достаточно странно и неестественно. При этом широкие юбки и высокие каблуки сковывали движения, и требовалась немалая ловкость, чтобы не стукнуться, не упасть, не толкнуть соседнюю пару. От сильного волнения и напряжения дамы то и дело забывали танцевальные движения и вместо французского реверанса начинали делать кавалеру русский поясной поклон. При этом косточки корсета сильно впивались в тело, принося даме дополнительные страдания. Она то краснела, то бледнела, то покрывалась испариной, словом, чувствовала себя крайне некомфортно. Кавалеры также испытывали не самые приятные чувства. Узкие панталоны, туго натянутые чулки с подвязками и крайне тяжелые башмаки не способствовали изяществу движений, а висевшие с боку шпаги все время мешали и цеплялись за складки одежды. Так было на первых Петровских ассамблеях, но прошло несколько лет и те же иностранцы отмечали, что присутствующие на собраниях дамы «так изменились к лучшему, что не уступают немкам и француженкам в тонкости обращения и светскости, а иногда в некоторых отношениях даже имеют перед ними преимущество»².

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 149.

² Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Сайт древних рукописей DrevLit.Ru. — URL: bit.ly/2H2lgnk (дата обращения: 19.05.2018).

Таким образом, к концу царствования Петра Великого общественная жизнь изменилась, приняв светские формы, а ассамблеи стали уникальным явлением в жизни общества, событием, оказавшим огромное влияние на развитие русской культуры. Петр I, прилагая «намерения, являющиеся ему грубые, древние нравы смягчить»¹, со своей задачей вполне справился.

Анна Иоанновна

После смерти Петра Первого на смену ассамблеям пришли балы, которые ввела в придворную жизнь новая правительница Анна Иоанновна. Курляндская герцогиня, утвердившись на троне, началом своего царствования открывает в России эпоху безграничного женского всевластия. На престол Анна Иоанновна вступает в возрасте 37 лет. Вот как описывает ее внешность супруга английского посланника при русском дворе леди Рондо: «Она почти моего росту, но несколько толще, со стройным станом, смуглым, веселым и приятным лицом, черными волосами и голубыми глазами. В телодвижениях показывает какую-то торжественность, которая вас поразит при первом взгляде; но когда она говорит, на устах играет улыбка, которая чрезвычайно приятна. Она говорит много со всеми и с такою ласковостию, что кажется, будто вы говорите с кем-то равным. Впрочем, она ни на минуту не теряет достоинства Монархини; кажется, что она очень милостива, и, думаю, что ее бы назвали приятною и тонкою женщиною, если б она была частным лицом»².

Совершенно противоположную характеристику императрице дает еще одна современница, княгиня Долгорукова (урожденная Шереметева): «... Престрашного она была взору. Отвратное лицо имела. Так велика была, когда между кавалеров идет — всех головой выше и чрезвычайно толста»³. Действительно, внешностью

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век / ред. А. Бутуров. — М. : АСТ : Астрель, 2012. — С. 291. — (Серия «Историческая библиотека»).

² Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 322.

³ Алексеева А. Кольцо графини Шереметевой. — М. : АСТ, 2010. — С. 171. — (Серия «Внеклассное чтение»).

Анна не могла похвастать. Природа ее наделила огромным ростом (около двух метров), лицом «более мужским, нежели женским», со следами глубоких оспин и тучным весом. Да и жизнь до сего момента не баловала Анну Иоанновну своей благосклонностью: нелюбовь матери — царицы Прасковьи, вдовья жизнь, скудость материальных средств, постоянная зависимость от воли и власти Петра I, — все это лишало надежды и делало настоящее и будущее безрадостным и неинтересным. И вдруг такой поворот судьбы! Министры Верховного совета пожелали ее видеть на престоле русского государства. Анна Иоанновна не преминула воспользоваться счастливым случаем. Не имеющая представления, как управлять огромной империей, она не пугается трудностей и возникшие проблемы решает довольно быстро. Все ключевые позиции в аппарате государственной власти она отдает иностранцам: руководство внешней политикой было возложено на Остермана, командование русской армией — на Миниха, делами внутреннего порядка занялся Бирон, сама же предается удовольствиям и развлечениям, попутно занимаясь преобразованием двора и разработкой придворного этикета. За десять лет своего царствования она совершенно изменила русский двор, имевший при Петре Алексеевиче немногочисленную дворцовую прислугу: создала большой штат придворных и установила новые порядки. «Сказал уже я выше, что императрица Анна Иоанновна любила приличное своему сану великолепие и порядок, и тако двор, который еще никакого учреждения не имел, был учрежден, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская серебром была покровенна»¹, — отмечал князь Щербатов.

Прежде всего императрица утверждает дворцовый этикет, который становится обязательным для исполнения всех придворных. Двору запрещается участвовать в частных балах. Отныне во дворце будут проходить собственные балы, обязательные для

¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. — М. ; Augsburg : Im-Verden-Verlag, 2001. — С. 26.

посещения придворной знати. Дамам не рекомендуется приезжать на праздники два раза в одном и том же платье, кроме того, черный цвет одежды на торжественных приемах и балах вообще запрещается. Для официальных и неофициальных приемов вводятся определенные дни и часы. Современники вспоминали, что даже дочь Петра Великого Елизавета Петровна, если хотела видеть Анну Иоанновну, должна была заранее договориться с ней о времени визита. По воскресеньям и четвергам во дворце для приглашенных гостей устраиваются куртаги, на которых главным развлечением являются танцы и карточные игры. Определяется перечень официальных праздников, торжеств, вводится строгий придворный церемониал. Так, например, ежегодно 19 января отмечался «праздник Бахуса» в честь восшествия на престол Анны Иоанновны. Поздравляя императрицу, придворные обязаны были совершить определенный ритуал, — опустившись на одно колено перед государыней, выпить большой кубок венгерского вина за ее здоровье.

28 января, по случаю дня рождения императрицы, во дворце устраивался торжественный прием и бал, на который приглашались иностранные послы, придворные и знатные дворяне. Широко отмечались и события, имевшие важное политическое значение для России. Так, например, в 1734 году был устроен роскошный праздник с торжественным балом и парадным обедом по случаю победы русского оружия и взятие Данцига. Леди Рондо в письме одному из своих адресатов сообщает подробности этого торжества: «... Дамы были одеты в накрахмаленные белые газовые платья, вышитые цветами, но чехлы были всевозможных цветов, кому какой нравился... Волосы были у всех естественные, только немного подстрижены и завиты в большие локоны и с букетами цветов. Императрица и Императорская фамилия кушала в гроте противу длинной аллеи, оканчивающейся фонтаном и заключенной с обеих сторон изгородью из высокого голландского вяза; во всю длину аллеи, от самого грота, тянулись столы; над ними возвышалась палатка из зеленой шелковой материи, которая опи-

ралась на пилястры, оббитые и увешанные цветами. Между пилястрами в нишах загородки по обеим сторонам столов помещался буфет, с одной стороны тарелки, с другой фарфор. Кто-нибудь из кавалеров получал билеты, потом мужчины садились с дамами, и сидели по обеим сторонам. За столом было до 300 человек, 600 тарелок нужно было для одной перемены, перемен было две и десерт. После обеда общество разделилось; все разошлись гулять по саду; и собрались уже тогда, когда под вечер стало холодно, и сад запылал огнями иллюминации; бал открыт был в той же палатке, в которой обедали. Иллюминированные пилястры представляли прекрасную картину. Музыканты стояли позади изгороди; можно было подумать, что богиня этой рощи принимала участие в нашем веселии»¹.

Пристальное внимание Анна Иоанновна обращает на танцевальную и культурную программу придворных праздников. Во время балов уже «... тяжелых гротфатеров не танцевали, а являлись в а ла греми хлопущке»², — сообщает историк Пыляев.

Бал открывали торжественным полонезом обычно принц Вольфенбюттельский или обер-гофмаршал с принцессой Елизаветой Петровной, которая была весьма искусна в танце. Шведский ученый, путешественник Карл Рейнхольд Берк, посетивший Петербург в 1735 году и побывавший на одном из таких балов, позднее вспоминал: «Польские танцы танцуют чаще и изящнее, чем у нас»³.

Императрица с удовольствием наблюдала за весельем подданных, но сама танцевала весьма редко. Исчезают из гостиных и любимые Петром Первым шахматы и шашки, вместо них появляются азартные карточные игры, распространенные при европейских дворах. Придворные сановники и вельможи нередко в одну ставку в фараон или квинтич могли проиграть до двадцати тысяч рублей. «Сама императрица не была охотница до игры;

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 324.

² Пыляев М. И. Старое житье. — С. 154.

³ Берк К. Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. — СПб.: БЛИЦ, 1997. — С. 158.

если она играла, то не иначе как с целью проиграть. Она тогда держала банк, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравший тотчас же получал деньги»¹, — вспоминал Манштейн.

Желая вознаградить себя за все лишения и нужду, испытанные во время двадцатилетнего пребывания при курляндском дворе, Анна Иоанновна торопилась наверстать упущенное и беспечно тратила огромные деньги на праздники и развлечения. По подсчетам современников расходы на придворные увеселения и содержание двора в десять раз превышали сумму, отпущенную на армию и флот. Тщеславная императрица мечтала сделать свое правление пышным и богатым, а двор, по своему великолепию и красоте, ни в чем не уступающим Версальскому. «При дворе учились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады»², — сообщал князь М. Щербатов.

Торжественность и красота придворных праздников и балов производила большое впечатление на бывавших при дворе иностранных гостей. Леди Рондо в 1734 году в одном из своих писем с восхищением сообщала: «Недавно был день рождения Императрицы; в этот день дворец ежегодно украшается всем, что производит природа. Нынче торжество происходило в новой зале, которая гораздо шире Виндзорской залы Св. Георгие. Так как в этот день было холодно, то залу натопили, потом украсили миртовыми и померанцевыми деревьями, на которых лишь вполне распустились цветы. Деревья расставлены были рядами и образовали с двух сторон аллеи; середина залы оставлена была для танцев. Утомленные гости часто уходили в густоту дерев, садились кругами, не быв беспокоимы взорами Государыни; красота, благовоние и прохладная теплота этого удивительного сада, возникшего вдруг среди снега и льда, казалась волшебством и располагала душу к какой-нибудь мечтательности; в уединенных аллеях мы пили кофе, чай и другие прохладительные напитки. Воротившись в середину залы, мы

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 337.

² Там же. — С. 341.

были поражены музыкою; начались танцы, аллеи наполнились красивыми юношами и прелестными женщинами»¹.

Однако, представленные напоказ блеск и роскошь двора не могли ввести в заблуждение более наблюдательных гостей. «Вы не можете вообразить, — писал английский посланник, — как великолепен здешний двор с новым царствованием, хотя в казначействе нет ни одного шиллинга. При всеобщем безденежье куртизаны входят в неоплатные долги, чтобы сделать великолепные наряды к маскарадам»².

Но все эти мелочи Анну Иоанновну не беспокоили. Не смущаясь того, что народ нищает, а казна пустеет, она стремится сделать свои праздники лучшими в Европе. Торжественные приемы, балы, маскарады, музыкальные концерты, спектакли, фейерверки и другие увеселения следовали при дворе одни за другими. Будучи любительницей хорошей музыки, Анна Иоанновна, для придания большей эстетичности и торжественности парадным обедам, использовала и выступления музыкантов. Они своей игрой и приятной музыкой улучшали аппетит и улаждали слух присутствующей публики. Так, на обеде в честь кавалеров ордена Александра Невского в 1735 году, Анна Иоанновна кушала с ними за одним столом, и «музыкальный концерт отправлялся при том от искуснейших италийских музыкантов и певиц к высочайшему удовольствию Ея Императорского Величества»³. Несмотря на все старания императрицы привить дворянам хорошие манеры, ее подданные все же нет-нет да и удивляли иностранных гостей отсутствием вкуса и культуры. Генерал Христофор Манштейн по этому поводу пишет: «У императрицы возникло желание сделать свой двор самым блестящим в Европе. Употреблены были на это большие суммы денег, но все-таки желание императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатейшем кафтане, парик

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 323–324.

² Там же. — С. 342.

³ Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. — СПб.: Питер, 2008. — С. 119. — (Серия «Дворцовые тайны»).

бывал прегадко вычесан, прекрасную штофную материю неискусный портной портил дурным покроем; или, если туалет был безукоризнен, то экипаж был из рук вон плох: господин в богатом костюме ехал в дрянной карете, которые тащили одры... Женские наряды соответствовали мужским; на один изящный женский туалет встречаешь десять безобразно одетых женщин»¹.

Увлеченная западной культурой Анна Иоанновна, тем не менее, заботилась и о том, «чтобы русская национальность не утратилась совсем»². Поэтому по определенным дням во дворце устраивались, так называемые «русские» вечера, на которых «танцевали по-русски, нарочно для того избираемые гвардейские унтер-офицеры со своими молодыми женами, между которыми бывали отличнейшие танцовщицы, с ними иногда танцевали по-русски и придворные кавалеры»³.

Бывающие при дворе иностранцы с большим восхищением наблюдали за этими танцами. Легкость и плавность женских движений завораживала, разудалость и стремительность мужских — веселили и радовали глаз. Карл Рейнхольд Берх в своих «Путевых заметках о России» сообщал, что даже члены царской семьи исполняли на балах русские танцы «показывая тем самым, что ценят не одно только иностранное»⁴. «Все роды европейских танцев не могут сравниться с природным русским, когда прекрасная русская девушка в русском своем платье его танцует, и смело можно сказать, что в целом свете нет другого танца, который бы в прелести мог русский превзойти»⁵, — вспоминали восхищенные зрители. Балы обычно сопровождалась и обильными угощениями. Поэтому государыня уделяет внимание и утверждению столового этикета. Праздничные застолья стали проводить на европейский лад. Пьянство, излишества и грубость, принятые при Петре, ис-

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 335.

² Пыляев М. И. Старое житье. — С. 154.

³ Там же. — С. 156.

⁴ Берк К. Р. Путевые заметки о России. — С. 158.

⁵ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 155.

чезли. Вместо них появились манерность, вежливость и утонченность. Гостям во время обеда в качестве прохладительных напитков предлагались оршад и лимонад, традиционные на петровских ассамблеях «мед и вина отошли на дальний план»¹.

Обеденные столы накрывались нарядными скатертями, которые искусно перевязывались алыми и зелеными лентами. Для украшения обеденной зоны использовали различные декоративные элементы: симпатичные «безделушки» и «атрибуты». Во время одного праздничного застолья была даже устроена особая «гора банкетная деревянная, сверху корона с крестом, скипетр и мечи золоченые», — вспоминали современники. Кроме того, в качестве декора часто использовали и искусственные цветы, которые устанавливали в специально приготовленные пирамиды. По примеру императрицы во многих домах столичного общества был введен обычай держать открытый стол на западный манер, а интерьер домов поражал иностранных гостей обилием зеркал, дорогой мебели и красивой посудой.

Нововведения, появившиеся при царском дворе во время правления Анны Иоанновны, подчеркнули незаурядность ее характера. Удивительным образом она сумела объединить в себе черты русской барыни — домоправительницы, воспитанной в атмосфере строгой религиозности и ханжества, с чертами «совершенной государыни» (высказывание испанского дипломата герцога де Лириа — прим.), продолжившей начинания Петра-преобразователя. Будучи племянницей Петра Великого, она смогла оставить след в истории и внесла свою лепту в культурно-образовательную реформу, начатую царем. За годы своего правления Анна Иоанновна продолжила внедрение европейских культурных ценностей в жизнь русского общества, привила вкус к новым формам светских развлечений, ввела основы придворного этикета и способствовала развитию бальной культуры в России.

С завершением царствования Анны Иоанновны, женское владычество на троне продолжается и, благодаря дворцовому пе-

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 154.

ревороту, Елизавета, дочь Петра Великого, принимает скипетр державной власти в свои руки. Отныне и на долгие годы Ее Величество Женщина будет задавать тон при дворе, определять правила поведения в обществе, утверждать законы, делать жизнь яркой, эмоциональной и насыщенной.

Елизавета Петровна

Елизавета Петровна, большая охотница до балов и развлечений, продолжает начатое ее предшественниками дело и со всем своим энтузиазмом и энергией берется за культурное преобразование русского общества и своего двора. Обладая веселым и беззаботным нравом, Елизавета стремилась подняться над привычными серыми буднями и сделать свою жизнь ярким и увлекательным приключением. Череда балов, игр и разных увеселений немало способствовали этому и вносили разнообразие в ее дни. Елизавета не жалеет денег на развлечения, придворные праздники роскошью и великолепием убранства, изысканностью бальных туалетов, обилием бриллиантов и драгоценных камней поражают даже «видавших виды» французов. Секретарь французского посольства де ла Мессельер, находясь под впечатлением от придворных балов, позднее вспоминал: «Красота и богатство апартаментов невольно поразили и нас; но удивление вскоре уступило место приятнейшему ощущению при виде более 400 дам, наполнявших оные. Они были почти все красавицы в богатейших костюмах, осыпанных бриллиантами. Но нас ожидало еще одно зрелище: все шторы были разом спущены, и дневной свет внезапно был заменен блеском 1200 свечей, которые отражались со всех сторон в многочисленных зеркалах. Загремел оркестр, состоявший из 80 музыкантов. Великий князь с великою княгинею подал пример танцам. Вдруг услышали мы глухой шум, напоминавший нечто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидели великолепный трон, с которого сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла в большую залу. Воцарилась все-

общая тишина. Государыня поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили нас, говоря с нами по-французски, как говорят в Париже»¹.

При Елизавете Петровне «вошел в потребность и маскарад». Елизавета регламентирует состав участников, имеющих право посещать придворные маскарады, их количество и порядок проведения. Их устраивали два раза в неделю: один для придворных вельмож и гостей императрицы, другой для лиц, соответствующих в «Табели о рангах» первым шести классам и «знатного шляхетства». Присутствие на таких маскарадах было обязательным для всех приглашенных. Неявка или отказ на них присутствовать расценивались как личное оскорбление Ее Императорского Величества. «Первоначальные маскарады ограничивались тем, что представляли свет навыворот, т. е. мужчины одевались в женское, а дамы — в мужское платье. Такие маскарады носили название «метаморфоз». Первый из них был устроен в Москве в 1744 году. Что может быть проще и наивнее этого? Самой царице очень шел мужской наряд: узкий мундир превосходно обрисовывал ее красивые формы. Женское кокетство не оставалось без успеха, и то, что могло быть недостатком в женском платье, отлично пряталось в ботфорты и прикрывалось лампасами. Девственная скромность исчезала под свободными приемами мужчины»², — писал историк Пыляев.

На маскарадах мужчины по приказанию императрицы должны были появляться в огромных юбках на фижмах и причесанными по последней дамской моде, а дамы, соответственно, в мужских костюмах. Развлечения с переодеванием приносили удовольствие лишь самой императрице, которая чувствовала себя в мужском костюме «как рыба в воде», все остальные молча страдали и обреченно ждали конца испытания. Великая княгиня Екатерина Алексеевна вспоминала: «... Мужчины не очень любили эти дни превращений; большинство были в самом дурном расположении

¹ Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года/де ла Мессельер // Русский архив, 1874. — Кн. 1, вып. 4. — С. 969.

² Пыляев М. И. Старое житье. — С. 155.

духа, потому что они чувствовали, что были безобразны в своих нарядах; женщины большею частью казались маленькими, невзрачными мальчишками, а у самых старых были толстые и короткия ноги, что не очень-то их красило»¹.

Однажды на одном из таких праздников с будущей императрицей Екатериной II произошел курьезный случай. Ее партнер по танцу камер-юнкер Сиверс был, как и положено, по желанию императрицы, в женском платье с фижмами. Во время очередного движения, совершая поворот в полонезе, он своими фижмами опрокинул танцующую сзади графиню Гендрикову, и та, падая, в свою очередь толкнула Екатерину Алексеевну. В результате великая княгиня упала прямо под юбку Сиверса, окончательно запутавшегося в своем непривычном наряде. Все трое оказались на полу и долго не могли подняться, пока им не пришли на помощь. Такие метаморфозы не проходили бесследно для присутствующих. Непривычные одеяния делали непривычными и манеры поведения гостей. Взгляды, движения, слова были неестественными и театральными. «Мужчины скромничали и порой даже краснели. Женщины бегали за кавалерами, шептали им любовные признания, назначали свидания и упрекали в ветрености»², — вспоминали современники.

Скорее всего интерес к маскарадам у императрицы возник не случайно. Отзвуки этой привязанности можно найти в недалеком прошлом Елизаветы. Серая, будничная жизнь за кулисами придворной жизни, постоянная нужда в денежных средствах, неослабный надзор Анны Иоанновны, а позднее и Анны Леопольдовны, привели к тому, что Елизавета вынуждена была надеть на себя маску «лояльности», под которой старательно прятала страх, обиды, унижения и переживания. Вот это вынужденное лицедейство и привело позднее императрицу к другому «лицедейству» — маскарадам с переодеваниями.

¹ Записки Императрицы Екатерины II. — М. : Орбита, Московский филиал, 1989. — С. 309–310.

² Лернер Н. О. Маскарад: Забытый рассказ из жизни Пушкина // Русская старина. — 1913. — № 4. — С. 124.

Балы обычно начинались в шесть часов вечера. Танцевали и играли в карты до десяти. Затем императрица с избранными ею лицами садилась ужинать, остальные угощались стоя. После ужина вновь продолжались танцы и где-то, в два часа ночи, усталые гости, наконец, покидали гостеприимных хозяев дома. На балах большой популярностью пользовались менуэты и английские танцы. Как вспоминал секретарь французского посольства граф де ла Мессельер: «зараз танцевали до двадцати менуэтов, что производило довольно странную, но в то же время приятную для глаз картину. Контраданцев вообще танцевали мало, всего несколько польских и англезов»¹.

Танцевали на балах и русские пляски. Императрица, хорошо знакомая с мотивами народной танцевальной культуры, внесла огромный вклад в создание «облагороженного» русского танца. С ее легкой руки «Русская пляска» и «Казачок» приобретают светский лоск и становятся популярными на всех балах придворной знати. Елизавета Петровна, любившая танцевать, по словам М. И. Пыляева, была «совершеннейшая ... танцовщица, подававшая собою всему двору пример правильного и нежного танцевания». Прекрасно владевшая танцевальным искусством, она требовала этого умения и от своих подданных. С ее подачи дворяне усиленно осваивали основы танцевального искусства под руководством французского танцовщика, педагога Жана Батиста Ланде. Весь Петербург знал этого талантливого мастера, «который был всеобщим учителем танцев и при дворе, и в городе». «Ловкий танцмейстер Ланде начал учить будущих тансеров российского войска; первый шляхетный корпус достался ему в предел. И все русские ноги сделались тогда благовоспитанными. Прыжки, пируэты ворвались во дворец, в обращение вошли грация и ловкость, ноги шаркали с душою, поклоны стали ниже и фигурнее, улыбки выразительнее»².

¹ Захарова О. Ю. Веселье без перерыва. Балы и маскарады Елизаветы Петровны // Родина. — 1995. — № 6. — С. 86.

² Пыляев М. И. Старое житье. — С. 155.

Уроки мастера имели успех. Ученики достигли совершенного мастерства, что позволило Ланде публично заявить: «Кто хочет видеть, как правильно, нежно и непринужденно менуеты танцевать надобно, тот должен приехать к императорскому российскому двору»¹.

Императрица, приезжая на бал, могла веселиться до пяти—шести часов утра. Беспреданно танцуя, она подвергалась сильной испарине, и вынуждена была во время бала менять наряды по нескольку раз. Страсть к нарядам у императрицы позднее стала притчей во языцех. Современники вспоминали, что за время своего царствования она ни разу не надела одно и то же платье. После ее смерти в гардеробах осталось около пятнадцати тысяч платьев, две тысячи пар обуви, два сундука шелковых чулок и около сотни кусков разных материй. Считая себя красавицей, она не терпела вокруг себя конкуренции, появление привлекательной дамы могло испортить ей настроение, и привычный ход праздника тут же превращался в акт жестокой расправы с нарушительницей спокойствия. Так случилось с госпожой Нарышкиной. Единственной виной этой дамы было роскошное платье, которое, по словам графа Федора Гавриловича Головкина, подчеркивало достоинства ее красивой фигуры. Елизавета Петровна, увидев великолепный наряд дамы, велела ей снять каркас с юбки, и платье мгновенно потеряло свою форму и красоту. Вот в таком виде Елизавета и повелела бедной Нарышкиной появляться при Дворе. Правда, причиненное унижение заставило обер-егермейстершу пойти на хитрость. Она заказала в Англии специальное устройство, которое позволяло каркасу юбки складываться в нужный момент. Нарышкина «приезжала ко двору точно божество, затмевая всех своей талией, своим нарядом и видом. В то же мгновение, когда появлялась императрица, пружины падали и платье и талия теряли свою прелесть; но как только императрица удалялась, пружины снова оказывали свое действие»², — рассказывали очевидцы.

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 99.

² Две характеристики: из записок графа О. Г. Головкина / Н. Шильдер // Русская старина. — 1896. — Т. 88, № 11. — С. 370—371.

Время шло, былая красота Елизаветы тускнела, лицо и кожа уже не привлекали внимание своей свежестью и молодостью. Для императрицы, которая огромное значение придавала своему внешнему виду, это было страшным ударом. Проводя много времени у зеркала, Елизавета внимательно рассматривала себя, тщательно изучала свое лицо. Каждая новая морщинка сообщала ей о ее возрасте и приносила серьезные огорчения. Чтобы скрыть недостатки кожи, находчивая государыня начинает активно использовать вошедшие в моду декоративные мушки, которые позволяли акцентировать внимание мужчин на женских достоинствах, и искусно скрывали изъяны. Первые мушки появились в Европе в XVII веке. Молва приписывает их появление изобретательности герцогини Ньюкастл, которая, как-то собираясь на бал, обнаружила на лице большой прыщик. Чтобы скрыть его от взгляда посторонних, герцогиня решила приклеить на поврежденное место кусочек черного бархата и в таком виде появилась на балу. Кружочек черного цвета необыкновенно эффектно смотрелся на бледном лице герцогини, оттеняя его белизну. Весь вечер она была в центре внимания, а на следующий день многие дамы взяли на вооружение это декоративное украшение. Первые мушки были достаточно большими, некоторые закрывали полщеки, поэтому их часто называли «пластыри любви». В XVIII веке мушки значительно уменьшаются и их уже именуют как «венерин цветочек». В России мода на мушки быстро прижилась, дамы и девицы легко освоили это изящное орудие кокетства. «Стоило только наклеить мушку в таком месте, на которое в особенности хотели обратить внимание, и можно было быть уверенным, что взоры всех то и дело будут обращаться на это именно место. Так и поступали»¹, — вспоминал немецкий ученый, писатель Эдуард Фукс.

Крохотные мушки поначалу были простыми — в виде кружочка, полумесяца или сердечка. Но, спустя короткое время, они превращаются в произведения искусства и представляют собой достаточно сложные композиции — в виде кареты с четверкой ло-

¹ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов / пер. с нем. В. М. Фриче. — Смоленск : Русич, 2010. — С. 42.

шадей, амурчика с колчаном и стрелами или фрегата с парусами. Дамы в течение бала постоянно меняли местоположение мушек: их наклеивали то на шею, то на лоб или на плечи, меняли их форму и все для того, чтобы передать кавалерам свои чувства и настроение. Мушки были тайным сигналом, который мужчины должны были увидеть и понять. Если дама наклеивала мушку справа над губой, то это означало сердечную жалость, под бровью — люблю, да не вижу, под левым глазом — слезы, посередине левой щеки — радость. Историк М. Н. Мерцалова пишет о том, что мушка-полумесяц приглашала для ночного свидания, амурчик означал любовь, а карета — согласие на совместный побег.

Мушки носили в специальных «мушницах» — изящных коробочках из хрусталя, дерева или фарфора. Без них ни одна дама не появлялась на балу. Екатерина II в своих «Записках...» вспоминала, что как-то она приехала на маскарад в придуманном накануне простом, но достаточно оригинальном платье и без единой мушки. «В ту минуту, как я вошла, я легко заметила, что обращаю на себя все взоры. Я прошла, не останавливаясь, через всю галерею и вошла в покои, которые составляли другую половину; я встретила императрицу, которая мне сказала: «Боже мой, какая простота! как! даже ни одной мушки?» Я засмеялась и ответила, что это для того, чтобы быть легче одетой. Она вынула из своего кармана коробочку с мушками и выбрала из них одну средней величины, которую прилепила мне на лицо. Оставив ее, я вскоре вернулась в галерею, где показала мушку самым близким, а также фавориткам императрицы, и, так как мне было очень весело, то в этот вечер я танцевала больше обыкновенного. Не помню, чтобы когда-либо в жизни я получала столько от всех похвал, как в тот день»¹.

Управляя Российским государством на протяжении двадцати лет, она до конца своих дней оставалась настоящей женщиной — загадочной, непредсказуемой, своенравной и противоречивой. Своими действиями и поступками она часто сбивала с толку и свое

¹ Записки Императрицы Екатерины II: репринтное воспроизведение 1907 года. — М. : Орбита, Московский филиал, 1989. — С. 315.

окружение, и представителей европейских дворов, вызывая у них самые разные чувства: восхищение, удивление, негодование. Поэтому совсем неудивительно, что и мнения об этой незаурядной женщине ее современники оставили самые различные. «Хотя у нее так называемый женский ум, но его у нее много», — писал в 1747 г. французский дипломат д'Аллион. Граф Воронцов со слов французского дворянина Шевалье д'Эона так характеризовал государыню: «Под личиной добродушия она (Елизавета) обладает тонким, острым умом. Если заранее не застегнуться и не надеть панциря, защищающего от ее взгляда, он проникает под ваше одеяние, раскрывает его, раздевает вас, открывает вашу грудь, и когда вы это заметите, то уже слишком поздно: вы обнажены, эта женщина все прочла внутри вас и обыскала вашу душу... ее чистосердечие и доброта не что иное, как маска!»¹.

Царствование Елизаветы Петровны стало для дворянства настоящим праздником жизни. «Никогда на Руси не жилось так легко, и ни одно царствование до 1762 г. не оставило по себе такого приятного воспоминания»², — писал историк В. О. Ключевский.

«Петр дал нам науку, его дочь привила нам вкус ...», — говорили современники. Особенно ей удалось привить вкус к красивой жизни. «Прекрасная Елисаветъ», оставив яркий след в истории государства российского, покинула царственный небосклон на пятьдесят третьем году своей жизни. Отныне на целых 34 года судьба огромной империи будет в руках другой, не менее выдающейся женщины — Великой Екатерины.

Екатерина Великая

Именно при Екатерине II российское государство и русский двор достигнут вершины своего блеска и могущества. Благодарная своей счастливой звезде, она всю жизнь будет стараться соответ-

¹ Валишевский К. Роман императрицы: Екатерина II / пер. с польск. А. Михайлова. — М. : Мир книги ; Литература, 2006. — С. 34.

² Ключевский В. О. Лекция 73 (Императрица Елизавета) // Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. — М. : АСТ, 1993. — Кн. 3. — С. 70.

ствовать уготованной ей роли великой самодержицы. «Это государство сделало для меня бесконечно много; и я считала, что всех моих личных способностей, непрестанно направленных ко благу этого государства, к его процветанию и к его высшим интересам, едва может хватить, чтобы отблагодарить его»¹.

В основу своего правления она внесет идеи французских философов—просветителей: «Законы определяют благополучие государства. Только просвещенное общество может установить справедливые законы». «Просвещение возможно через мудрого правителя» — следовательно, ее предназначение отныне быть такой. Вступив на престол, она до конца своей жизни трудилась не покладая рук. По словам поэта Державина, Екатерина II стала «часовым, который вечно на часах». От взгляда императрицы не ускользает ни одна сторона жизни русского общества. Ее начинания будут касаться всех ее областей — от политики до искусства. И везде она внесет свои изменения, преобразования и усовершенствования. Не обойдет она своим вниманием и полюбившиеся в дворянском обществе развлечения — балы и маскарады. В период ее царствования придворные праздники станут еще более торжественными и представительскими, а балы будут отличаться особым шиком и блеском.

Екатерина Алексеевна, несмотря на всю важность своего положения, от природы была веселого нрава. Завершив свой трудовой день, она любила совместить, как сама говорила, «дело с неделанием». С удовольствием предаваясь играм, танцам, развлечениям, императрица своим примером поощряла и подданных к благоразумным увеселениям. Поэтому часто устраивала во дворце балы, веселые маскарады, спектакли и званые вечера для своих гостей. «Каждое воскресенье был при дворе бал, или куртаг, — вспоминал Л. Н. Энгельгардт. — На бал императрица выходила в таком же порядке, как и в церковь; перед залом представлялись дамы и целовали ей ручку»².

¹ Валишевский К. Роман императрицы: Екатерина II / пер. с польск. А. Михайлова. — М. : Мир книги ; Литература, 2006. — С. 211.

² Энгельгардт Л. Н. Записки. — М. : Новое литературное обозрение, 1997. — С. 44.

Бал обычно открывали великий князь Павел Петрович со своей супругой великой княгиней Марией Федоровной. Они исполняли менуэт, а затем все присутствующие вставали в полонез. Порядок пар определялся церемониалом: в первой паре шли великий князь с великой княгиней, за ними — придворные и офицеры гвардии в званиях не ниже полковника. Полонез своей церемонностью создавал торжественную атмосферу, задавал определенный тон балу. Дамы были одеты в парадные русские платья, выполненные по особому покрою, кавалеры — в дворянских мундирах. После менуэтов и польских танцев танцевали кадрили. Этот танец, появившийся при Екатерине, позволял танцующим выйти за пределы строгой иерархии полонеза, почувствовать свободу и коллективное единение. Пары в кадрили образовывали каре и по очереди демонстрировали различные комбинации фигур. Каждая из четырех кадрили пыталась выделиться своим мастерством среди остальных танцоров. В этом была заложена танцевальная и творческая состязательность. Еще одной новинкой екатерининских балов становится вальс. Появившись в XVIII веке в Европе, а затем в России, он, в кругу добропорядочных граждан, приобрел репутацию неприличного и греховного танца. И, тем не менее, несмотря на различное отношение людей, вальс быстро находит в обществе своих поклонников. Моду на вальс сравнивали с модой на табак: все осуждали «вульгарный» танец, но попробовать хоть один тур вальса хотелось всем. И хотя Екатерина II не симпатизировала этому танцу, он был допущен на ее балы, как дань времени. Далее шли контрдансы. Императрица, посмотрев на танцующих, садилась играть в карты с заранее выбранными партнерами; примерно через два часа музыка затихала, государыня покидала бал, за ней спешили разъехаться все гости.

Известная художница—портретистка, француженка Виже-Лебрен, побывавшая в Петербурге в 1795 году, так описывает один из придворных балов: «В то время российский Двор мог похвалиться таким количеством прелестных женщин, что балы

у императрицы являли собой воистину восхитительное зрелище. Мне посчастливилось быть на самом великолепном из них. Императрица в парадном платье сидела в глубине зала, окруженная первейшими персонами двора. Рядом с нею стояли великая княгиня Мария Федоровна, Павел, Александр, как всегда великолепный, и Константин. Открытая балюстрада отделяла их от галереи для танцев. Танцевали только полонезы, в коих и я тоже приняла участие, сделав тур по залу с молодым князем Барятинским, после чего села на банкетку, чтобы лучше рассмотреть танцевавших. Трудно даже представить количество красивых женщин, двигавшихся мимо меня, но нельзя не упомянуть о том, что всех оных превосходили принцессы императорской фамилии. Все четверо были наряжены в греческом стиле, их туники держались на плечах аграфами с большими алмазами. В туалете великой княгини Елизаветы не обошлось без моего участия, и костюм ее выделялся своей выдержанностью; у двух дочерей Павла, Елены и Александры, на головах были голубые газовые вуали, которые придавали их лицам нечто неуловимо небесное. Великолепие, окружавшее императрицу, роскошь зала, множество красивых женщин, изобилие алмазов, блеск тысячи восковых свечей — все это делало сей бал воистину магическим зрелищем»¹.

Регулярно посещая придворные балы, петербургская знать буквально разорялась на бальных нарядах и украшениях. «Роскошь в одеждах все пределы превзошла: парчевые, бархатные, с золотом и серебром, платья, шитые золотом, серебром и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и те в толиком множестве, что часто гардероб составлял почти равной капитал с прочим достатком какого придворного или щеголя, а и у умеренных людей оно всегда великое число было»².

¹ Воспоминания г-жи Виле-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / пер. с фр. Д. Соловьева. — СПб. : Искусство-СПб, 2004. — С. 38–39.

² Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. — М. ; Augsburg : Im-Werden-Verlag, 2001. — С. 34.

Желая уберечь своих подданных от излишней роскоши и безмерной траты денег, Екатерина II старается привить им вкус к изысканной простоте. С решительностью, присущей ей, императрица берется за утверждение новых канонов бальной и придворной моды. В 1782 году она издает ряд указов, касающихся придворных костюмов и аксессуаров, в которых подробно описывает их цвета, фасоны и размеры. Первый указ — «Об уборе дам, имеющих проезд ко двору» рекомендовал соблюдать «более простоту и умеренность в образе одежды» и запрещал отделывать платье золотым и серебряным шитьем или кружевом шире двух вершков (9 см) и «... на голове уборы носить не выше двух вершков, разумея от лба»¹.

Современники вспоминали: «Екатерина ввела при дворе изящную простоту русского платья; прежние цветные платья были заменены на выходах белыми, парча вышла совсем из моды; сама императрица являлась на торжествах одетая в длинное белое платье, в маленькой короне, иногда в порфире, прическа была в длинных локонах на плечах. Позднее государыня придумала себе костюм, похожий на старинный русский, с фатою и открытыми проймами на рукавах»².

Второй указ предписывал всем чиновникам, помещикам и их женам обзавестись мундирными платьями тех цветов, которые соответствовали цвету губернских гербов, утвержденных Екатериной. В этой одежде дворяне обязаны были появляться во всех публичных местах. «По желанию императрицы для того, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платье жены. У матушки было платье: юбка была атласная, а сверху вроде казакина или сюртучка довольно длинного, из стамеди, стального цвета с красною шелковой оторочкой и на красной подкладке... Так как батюшка был владельцем в Калужской

¹ Екатерина II о дамских уборах. Октября 24-го дня 1782 г. / сообщ. М. А. Вевитинов // Русская старина. — 1888. — Т. 59, № 7. — С. 177.

² Пыляев М. И. Старый Петербург. — М. : Титул, 1990. — С. 193.

губернии, где был предводителем, и в Тульской губернии, то у матушки было два мундира — один стального цвета, а другой, помнится, лазоревый с красным»¹.

Третий указ — «О назначении, в какие праздники какое платье носить особам обоего пола, имеющим приезд ко Двору» — разрешал носить в особо торжественных случаях одежду «московских золотых или серебряных парчей с шитьем или без шитья», в менее торжественных — из шелка и сукна. Все ткани должны были быть русского производства.

К сожалению, искреннее желание императрицы сократить расходы дворян на бесчисленные наряды и украшения привело к обратным результатам. Стоимость мундирных платьев обернулась им в круглую сумму, а стремление к роскоши не исчезло. Янькова Е. П. вспоминала: «Все стали шить себе мундирные платья, и материи очень дешевые, преплохой доброты, ужасно вздохнули, и дешевое вышло очень дорогим. Так зимы две поносили мундирные эти платья и перестали»².

Кстати, многие начинания императрицы заканчивались подобным образом. Екатерина Алексеевна, берясь за дело с огромным энтузиазмом, спустя какое-то время остывала, теряла к нему интерес и переключалась на что-нибудь новое. Этот свой недостаток она осознавала и с грустью констатировала: «У меня не хватает времени, чтобы закончить все; это напоминает мне мои законы и постановления: все начато, и ничто не dokonчено; все сделано урывками»³.

Любила Екатерина Алексеевна устраивать во дворце помимо балов еще и маскарады. Они давались каждую пятницу и собирали огромное количество людей. Обставлялись эти вечера весьма торжественно. Роскошь маскарадных праздников, по словам современников, поражала воображение. На них могли прийти

¹ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — 3-е изд. — М. : Ленанд, 2014. — С. 164.

² Благово Д. Рассказы бабушки. — С. 164.

³ Валишевский К. Роман императрицы: Екатерина II / пер. с польс. А. Михайлова. — М. : Мир книги ; Литература 2006. — С. 178.

представители разных сословий, достаточно было заранее приобрести билет в придворной конторе. Дворяне веселились в одном зале (галерее), купцы в другом, но никому не возбранялось переходить из комнаты в комнату и принимать участие в совместных танцах. Обязательным условием участия в маскараде было наличие маскарадного костюма или маски. Вот как описывает один из всесословных маскарадов английский путешественник Кокс: «Двадцать роскошно иллюминированных комнат дворца были открыты для публики. Посередине одной из зал, в которой обыкновенно давались придворные балы, устроено место для танцев особ высшего полета, огороженное низкой решеткой. Другая изящно убранная зала овальной формы, называемая «большой зал Аполлона», отведена для танцев лиц, не имеющих доступа ко двору, мещан и т. п. Остальные комнаты — где подавался чай и разные прохладительные — были заняты карточными столами. Все переполнялось громадной толпой, которая постоянно двигалась взад и вперед. Гостям предоставлено было на выбор оставаться в масках или снять их. Представители дворянства явились в домино, лица низшего сословия — в русских национальных костюмах... Это была как бы выставка одежд, носимых в данное время обитателями Российской империи, что представляло такое разнообразие пестрых фигур, какого не создала самая причудливая фантазия в маскарадах других стран»¹.

Хорошо передана таинственная и загадочная атмосфера маскарада в стихотворении М. Родзянко:

Для женщин бойких, остроумных,
Но не блестящих красотой,
Есть прелесть в маскарадах шумных
И в их веселости живой.
Там тайным жгучим раздраженьем
Воспламеняется мечта,

¹ Кокс У. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии // Президентская библиотека. — URL: bit.ly/2H9j6xX (дата обращения: 19.05.2018).

Там для людей с воображеньем
Под каждой маской красота...¹

М. Родзянко

Императрица с большой радостью посещала как придворные маскарады, так и публичные. Обычно она приезжала инкогнито и с удовольствием интриговала с окружающими. «Многие не догадывались или с намерением шутили, прыгали перед нею. Государыню это очень забавляло и смешило, иногда ей очень доставалось от тесноты». Павел Сумароков рассказывал: «Однажды императрица уселась подле знакомой госпожи Д-ской, которую очень жаловала и допускала к себе в кабинет, государыня, переменяв голос, вступила с ней в разговоры и долго ее интриговала. Последняя, сгорая от любопытства, желала узнать, кто ее интригует, и кого ни назовет, все получала отрицательный знак головою. Наконец потеряв терпение, срывает маску с императрицы и, пораженная открытием, сильно смутилась и оробела. Императрица тоже не менее была удивлена дерзким поступком. «- Что вы сделали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! — проговорила государыня, затем встала и тотчас же уехала из маскарада. Смелая дама навек потеряла благоволение императрицы»².

Подражая двору, богатые вельможи и сановники в своих дворцах и усадьбах, по определенным дням, начинают устраивать партикулярные (частные) балы и маскарады. Они, по своему характеру, были более непринужденными, чем придворные, и отличались домашним уютом, сердечностью хозяев, доброй и веселой атмосферой. Частные балы устраивали по случаю семейных праздников: именин, дней рождения или какого другого события. Круг приглашенных на частный бал зависел исключительно от симпатий хозяев дома. Как правило, это были родственники, друзья, высшее начальство, важные персоны города, люди, принадлежавшие к определенному сословию. Вообще, программа частного

¹ Родзянко М. С. Маскарад // Петербургский листок. — 1865. — № 10–11. — С. 2.

² Пыляев М. И. Старое житье. — С. 81.

бала, убранство залов, их интерьер зависели от личных пристрастий, финансовых возможностей, а также вкусов и убеждений хозяев, каждый из которых собирал свой круг гостей. В Петербурге, в разгар бального сезона, партикулярные балы или маскарады, бывало, проходили в один и тот же день сразу в нескольких домах. Такое обилие развлечений для высшей знати было привычным явлением и составляло их повседневный образ жизни. Француженка Виже-Лебрен, часто бывавшая в домах богатых вельмож, с удивлением отмечала, что «... в Санкт-Петербурге все высшее общество составляло как бы одну семью: вся знать считалась точно в родстве между собою...»¹.

Устраивать балы в своих домах могли только очень состоятельные люди. Удовольствие это было дорогое и стоило огромных денег. Дворяне тратили огромные состояния на организацию бальных вечеров, и все только для того, чтобы произвести впечатление на приглашенных гостей. Шарль Массон, живший в России с 1786 по 1796 г., в своих записках позднее вспоминал: «Удовольствия домашние доведены до совершенства. Роскошь и изысканные удобства, пышность и изящный вкус покоев, обилие и утонченность яств, веселость и непринужденность разговоров вознаграждают человека, любящего удовольствия... Танцы и празднества следуют друг за другом, каждый день может оказаться праздником, и человек находит в большом доме собрание шедевров всех искусств, товары со всех концов света, а часто, даже посреди стужи, — весенние сады»².

Необыкновенной роскошью и богатством славились в Петербурге балы светлейшего князя Григория Александровича Потемкина. Один из последних праздников, который он дал в Таврическом дворце, надолго запомнился его гостям. «Одного воска в свечах и шкаликах сожжено было на 70000 руб., так что воска, бывшего в Петербурге, неостало, и за ним по почте посылали

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век / под ред. А. В. Бутовой. — М. : АСТ : Астрель, 2012. — С. 481. — (Серия «Историческая библиотека»).

² Массон Ш. Секретные записки о России. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — С. 59.

в Москву. На этом празднике, по описанию, танцевало двадцать четыре пары из знатнейших фамилий в костюмах, украшенных бриллиантами, которые в итоге стоили десять миллионов рублей. Сам Потемкин имел на голове шляпу, которую по тяжести от бриллиантов не мог надеть, и ее носил за ним в руках один из его адъютантов»¹.

Хозяева изо всех сил старались сделать программу вечера интересной и запоминающейся. В перерывах между танцами устраивали концерты, на которые приглашали известных музыкантов, певцов, ставили спектакли, демонстрировали живые картины. Моду на живые картины ввела в Петербурге Виже Лебрен. В своих воспоминаниях она рассказывала, что однажды для развлечения общества предложила присутствующим поучаствовать в живых картинах. «Я выбрала действующих лиц из самых красивых мужчин и женщин и костюмировала их в кашемировые шали, которых у нас было вдоволь. Сюжеты картин я выбирала преимущественно серьезные и сценкам из библии отдавала предпочтение над всеми прочими; ставила также по памяти картины известных мастеров, например, «Семейство Дария», и эта картина удалась отлично, но больше всего имела успех картина «Ахилл при дворе Ликомеда»; роль Ахилла я взяла на себя, потому что одевалась по большей части так, что каска да щит были совершенно достаточны, чтобы сделать мой костюм вполне верным исторически». Живые картины так понравились гостям, что вскоре это развлечение стало популярным во многих домах петербургской знати. «... Всякому хотелось участвовать в них, и нередко я бывала поставлена в необходимость противоречить иным дамам, которые сильно желали выставить себя напоказ»².

Московское общество, по своему характеру и привычкам, заметно отличалось от петербургского большого света. Москвичи проводили свои дни, «наслаждаясь жизнью и мало заботясь о будущем». Приглашая гостей на балы и маскарады, меньше всего

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 181.

² Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 469–470.

думали об условностях этикета, старались развлечь и угостить на славу. Балы богатых вельмож выглядели следующим образом: «Зал освещался множеством восковых свеч, горевших в хрустальных люстрах и медных стенных подсвечниках. По двум сторонам залы, у стен, стояло множество раскрытых ломберных столов, на которых лежало по две колоды нераспечатанных карт. Музыканты размещались у передней стены на длинных, установленных амфитеатром скамейках: когда гостей съезжалось довольно, то музыка открывала бал польским, при торжественных случаях с аккомпанементом хора певчих. Протанцевав минут пять, знатнейшие пожилые особы садились за карты, а вместо них начинали отличаться молодые. Употребительнейшие танцы в то время были: полонез, а-ла-грек, английский променад, альман, хлопущка, уточка, экосезы, мазурка, котильон, матрадуры, галопад, менуэты еп деух и еп quatre. Во всех этих танцах соблюдали все правила, выделявая каждое па самым добросовестным образом. Известные до этого времени стройные круги хороводов, веселые плетни, метелицы, буйные трепаки, казачки, камаринские танцевались только уже в провинции. Во время танцев старики и старушки за карточными столами потешались в вист три-три, рокамболь, макао, рест, квинтич, басест, шнип: шнап-шнур, кучки, а-ла-муш, юрдон (самая азартная игра, от которой произошло известное выражение «проюрдонился»), тентере, панфил, ерошки или хрюшки, никитишны»¹.

Среди москвичей большой оригинальностью в организации своих балов отличался граф А. Г. Орлов. Современники вспоминали, что он каждую неделю устраивал вечера, на которые мог приехать каждый желающий. Хозяин встречал гостей в передней гостиной, сидя за столом с важными сановниками и вельможами. Сначала приехавшим на вечер дамам и кавалерам предлагался обильный ужин, а затем «... по знаку хозяина музыканты играли русскую песню: «Я по цветикам ходила», под звуки которой дочь

¹ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. — СПб. : Паритет, 2002. — С. 414.

графа, разодетая в богатейший русский сарафан, плясала по-русски. Гости тоже усердно за ней пускались в пляс. В половине второго танцы прерывались, и хозяин возглашал: «Пора по домам!», музыка умолкала, и всякий торопился убраться домой, ранее поблагодарив радушного хозяина, который коротко знакомых обнимал, других дружески трепал по плечу, у дам целовал ручки, и всем говорил не иначе как «ты». При разъезде почти вся улица была запружена экипажами»¹.

К концу царствования Екатерины Русский двор, заимствовавший утонченные манеры Версальского двора, «сделался убежищем вкуса и пристойности и начинал служить образцом для других дворцов Европы»², — написал русский мемуарист Ф. Ф. Вигель.

Екатерина Великая царствовала тридцать четыре года. За время своего правления она много сделала для государства: расширила и укрепила границы империи, снискала восхищение и уважение просвещенной Европы, оказала влияние на формирование отечественной науки, искусства и образования, внесла свой вклад и в развитие балльной культуры России. Всей своей жизнью, поступками и делами императрица старалась снискать любовь русского общества. Принимая те или иные решения, она беспокоилась о том, «что это общество скажет и подумает о ней». «Хотела, чтобы оно в случае надобности рассчитывало на нее и чтобы она сама, в свою очередь, тоже могла на него рассчитывать»³.

Незадолго до своей смерти Екатерина сказала: «Одно потомство вправе судить меня. Только перед ним я отвечаю: я смело могу сказать ему, что я нашла и что после себя оставлю»⁴. Спустя полвека придворная фрейлина императрицы Марии Александровны Анна Тютчева напишет про Екатерину: «Екатерина II была не столько умной женщиной, сколько гениальным мужчиной;

¹ Пыляев М. И. Старый Петербург. — С. 415.

² Вигель Ф. Ф. Записки: в 3 ч./под. ред. С. Я. Штрайха // Libru. — URL: bit.ly/2HN76Vu (дата обращения: 19.05.2018).

³ Валишевский К. Роман императрицы: Екатерина II / пер. с польс. А. Михайлова. — М. : Мир книги ; Литература 2006. — С. 116.

⁴ Валишевский К. Роман императрицы. — С. 195.

она была призвана к тому, чтобы влиять на людей, направлять их, управлять ими; чтобы всегда проявлять себя вовне и искать во внешней и чисто земной жизни удовлетворения своему огромному честолюбию»¹.

Замечательный русский мыслитель, литератор, историк Н. М. Карамзин был более благосклонным к императрице. В своей «Записке» к внуку Екатерины Александру I он написал: «Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась характером древних республиканцев, но хотела повелевать как земной Бог — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением... Сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время»².

Павел I

С уходом Екатерины II закончилась великая эпоха женского самодержавия. Отныне и до конца правления дома Романовых царский трон будет принадлежать только мужчинам. Ее сын Павел Петрович, став императором, своим указом лишил женщин права на престол. Долгое время жаждущий власти, он будет править

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — М. : Захаров, 2016. — С. 219.

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М. : Наука, 1991. — С. 44.

Россией всего четыре года, четыре месяца и четыре дня, но это непродолжительное царствование покажется дворянам целой вечностью, станет для них тяжелым и мучительным испытанием.

По своему характеру Павел I был человеком беспокойным, излишне эмоциональным и нетерпеливым. Вступив на престол, он, с присущим ему темпераментом, стремится изменить практически все, что долгим и упорным трудом создавала его мать. «Все изменилось меньше чем через день», — вспоминал князь Чарторыйский, — «костюмы, лица, наружность, походка, занятия»¹.

Утром 7-го ноября Двор стал совершенно другим. Его оккупировали гатчинцы. Блеск, величавость и степенность екатерининского Двора исчезли, на их место пришли ненужная сутолока, беспокойство и беготня. «Здесь шло беспрестанное движение, волнение, суетня; камердинеры, адъютанты в ботфортах бегали, натыкались друг на друга, одни ища кого-нибудь, другие, неся приказы императора»², — сообщает в своих воспоминаниях Адам Чарторыйский.

Зимний дворец, в котором, по словам Варвары Головиной, раньше «во всем была гармония», в одно мгновение превратился «в караульное помещение». «Слышны лишь топот ботфортов, звяканье шпор да сухой стук огнива, и, как в городе, захваченном полчищами вояк, оглушительный крик стоял во всех помещениях», — с ужасом вспоминал поэт Державин. Обиды, унижения, нанесенные Павлу его матерью и долгое время копившиеся в душе, теперь вырвались наружу и требовали отмщения, а уязвленное самолюбие — немедленной компенсации. Все это вступивший на российский трон император пытается с лихвой получить

¹ Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизветтера // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HEE9wY (дата обращения: 19.05.2018).

² Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизветтера // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HEE9wY (дата обращения: 19.05.2018).

от своих подданных. «Он управлял обитателями своей страны в соответствии со своим сиюминутным настроением — перемещал их, оскорблял, наказывал, калечил, складывал в сундучок для игрушек, — как делал это когда-то в детстве со своими игрушками»¹, — написал исследователь исторического наследия России, писатель Анри Труайя.

С первых дней своего правления он с пылом берется за преобразования, которые вызвали большое удивление и недоумение у дворян. В государстве и при Дворе он вводит новые порядки, которым под страхом репрессий обязан подчиняться каждый. Один из первых его указов касался формы одежды, предписывающий всем военным и гражданским лицам одеваться в соответствии с введенной императором новой модой. «Ни один офицер, — вспоминает Н. А. Саблуков, — ни под каким предлогом не имел права являться куда бы то ни было иначе как в мундире»².

Всем мужчинам запрещалось носить круглые шляпы, высокие сапоги, длинные панталоны, а также завязки на башмаках. Недовольный расточительством дворян он запрещает им надевать шелковые чулки, которые «в то время стоили в три раза дороже, чем куль муки в девять пудов»³.

Вместо них предписывалось надевать гетры, треуголку, высокие ботфорты, перчатки, иметь при себе трость на прусский манер. Волосы следовало зачесывать назад, пудрить и заплетать в тугую косичку. Служащие обязаны были ходить в мундирах, соответствующих их статусу. Все, кто осмелился ослушаться императора, немедленно подвергались наказанию. Жандармы задерживали нарушителей прямо на улице и снимали с них запрещенные предметы одежды. Но больше всего от новых распоряжений Павла I страдали дамы и молодые девушки. Своим очередным указом, касающимся формы одежды придворных дам, он лишил

¹ Труайя А. Павел Первый / пер. с фр. Е. А. Трофимова. — СПб. : Амфора, 2014. — С. 122. — (Серия «Великие россияне»).

² Саблуков Н. А. Записки о времени императора Павла и его кончине // Исторический вестник. — 1906. — Т. 103. — С. 112.

³ Пыляев М. И. Старый Петербург. — С. 380.

их возможности одеваться в соответствии с собственным вкусом и желаниями. Отныне все дамы обязаны были появляться при дворе в единообразных придворных платьях. «Дамский туалет принял такой же однообразный вид, как мужской»¹, — вспоминал позднее Этьен Дюмон.

Согласно «Объявлению экспедиции церемониальных дел» декабря 1796 года дамам предписывалось иметь робы из черного бархата с длинным черным шлейфом и юбкой. В такой одежде Павел I повелел всем придворным дамам прибыть в Москву на торжества, связанные с его коронацией. Варвара Головина в своих мемуарах вспоминала: «В 1797 году Двор императора Павла I прибыл в Москву и остановился в Петровском дворце. В день коронации все были в парадных платьях. Это был первый раз. Великая княгиня Елизавета, желая дополнить свой туалет, очень искусно прикрепила свежие розы к алмазному цветку, бывшему у нее на груди. Когда она вышла к государыне (Марии Федоровне), та осмотрела ее, и, не говоря ни слова, вырвала розы из ее букета и бросила на пол. «Это не подходит к парадному платью!», — сказала она. «Это не подходит! — было обычными словами, когда что-нибудь не нравилось. Великая княгиня остановилась в изумлении, более удивленная этими манерами, действительно не подходившими к коронованию и причастию, чем огорченная судьбой своего букета. Противоречие между постоянно спокойными манерами, достойными и величественными прошлого царствования с мелочностью, взволнованностью и манерами, часто вульгарными, которые Великая Княгиня видела теперь, оскорбляло ее свыше всякой меры»².

На парадные придворные балы все женщины обязаны были приезжать в русских платьях. Эти платья своим фасоном и покроем очень не нравились дамам, так как казались им невзрачными и неудобными. Немецкий ученый, этнограф Иоганн Готтлиб Георги в своей книге «Описание всех обитающих в Российском го-

¹ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. / излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. — 1913. — № 2. — С. 164.

² Головина В. Н. Мемуары. — М. : АСТ : Астрель : Люкс, 2005. — С. 157–158.

сударстве народов, их житейских обрядов, обыкновенных одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», изданной в С.-Петербурге в 1799 году, сообщал: «Женщины придворные одеваются в так называемое русское платье, но оно весьма мало отвечает сему наименованию, и есть паче утонченного европейского вкуса, ибо и сам вид оно больше на вид польского похож»¹.

Балы, концерты и театральные представления чаще всего проходили в Гатчине, где император любил устраивать военные маневры. Так, например, 30 августа 1797 г. в Кавалергардской зале Гатчинского дворца был дан бал, на который, в соответствии с полученными накануне повестками, дамы обязаны были прибыть в русском платье, кавалеры в праздничных кафтанах, а офицеры в мундирах и башмаках. Павел I строго следил за тем, чтобы все его подданные в обязательном порядке следовали его предписаниям. Очень часто праздники омрачались разными наказаниями, например, арестом или ссылкой офицеров в отдаленные гарнизоны без всякого предупреждения только потому, что они допустили небрежность в одежде. Энгельгардт вспоминал о случае, который произошел на балу в Казани с военным губернатором Лассием: «Государь танцевал польский со многими дамами. Увидя военного губернатора Лассия в башмаках и с тростью, подошел к нему, он сказал: «Как? Лассий в башмаках и с тростью?» — «А как же?» — «Ты бы спросил у петербургских». — «Я их не знаю». — «Видно, ты не любишь петербургских; так я тебе скажу: когда ты в сапогах, знак, что готов к должности, и тогда надо иметь трость; а когда в башмаках — знак, что хочешь куртизировать дам, тогда трость не нужна»².

Благосклонность императора к небрежности, допущенной губернатором, объясняется тем, что тот был иностранец, но вот

¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновенных одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. — 2-е изд. — СПб. : Русская симфония, 2005. — С. 512.

² Энгельгардт Л. Н. Записки. — М. : Новое литературное обозрение, 1997. — С. 44–45.

русский офицер за такую ошибку мог бы сурово поплатиться. Небольшие отступления от этикета допускались на Малых балах, а также во время «вечерних собраний» в Кавалергардской или Кавалерской комнатах Дворца. Тогда дамы могли позволить себе появиться перед императором не в русском платье, а в бальном.

На придворные балы все приглашенные должны были являться обязательно. Тот, кто по той или иной причине пропускал бал, «заносился на особый лист и, таким образом, об этом доходило до сведения государя»¹, — сообщал Саблуков. Не позволялось также приезжать на бал позже императора. Польский публицист О. А. Пржецлавский в своих воспоминаниях описывает один случай: «Шишков был флигель-адъютантом императора Павла. Однажды в дежурство Александра Семёновича государь принял бал у князей Гагариных, данный в великолепном доме, в Большой Миллионной. Обязанность дежурного флигель-адъютанта была следовать нога в ногу за государем на случай каких-нибудь приказаний. Бал продолжался уже несколько времени; Павел Петрович был весел и разговорчив. Вдруг отворяется дверь и в ней показывается граф К***. Государь, видимо, признал неуместным, что, зная о присутствии его на бале, один из званных позволил себе явиться позже высочайшего гостя. Едва граф успел переступить порог, как государь, обращаясь к Шишкову, говорит: «Флигель-адъютант, ступай к графу К*** и скажи ему, что он дурак». Александр Семёнович говорил, что никогда в жизни не был в таком затруднительном положении, как в эту минуту, тем более, что тот, кому велено было сказать такую любезность, был знатная особа. Но делать было нечего. Он подходит к этой особе и с низким поклоном начинает: «Государь император приказать...». Но государь, пошедший вслед за ним, перебивает и вскрикивает: «Не так, говори, как приказано и больше ничего». После того молодой офицер, снова раскланявшись, во всеуслышание произнес: «Ваше сиятельство,

¹ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / отв. ред. С. Никитин. — М. : Три века истории, 2000. — С. 160. — (Серия «Русские дневники. Письма. Воспоминания»).

вы дурак». «Хорошо», — похвалил государь и отошел. На другой день Шишков ездил к графу извиняться в невольной дерзости»¹.

Упиваясь своей властью и могуществом, Павел I все время придумывает новые правила, порядки, которые, так или иначе, должны подчеркнуть величие его царственной особы. Все подданные, где бы они не находились — на улице, в учреждении или во дворце, при его появлении каждый раз должны были демонстрировать ему свое почтение и подчинение. Так, например, приезжая на бал, все гости обязаны были следить за перемещениями императора по залу, потому что категорически запрещалось поворачиваться к нему спиной. Можно представить, какое моральное напряжение и физическое неудобство испытывали гости во время таких развлечений. Шарль Массон, побывавший на одном из таких балов, позднее вспоминал: «На придворных балах танцорам нужно было изо всех сил извиваться, чтобы танцуя, постоянно быть обращенным к нему лицом, где бы он ни находился»².

Бал начинался обычно в шесть часов вечера. Павел I вместе с императрицей открывали бал торжественным полонезом. Затем исполняли менуэт, который государь очень любил и выделял среди прочих танцев. Танцуя его, он преображался, его движения «становились грациозными, а на лице появлялось выражение рыцарской учтивости»³.

В танцевальной программе придворного бала, помимо полонеза и менуэта, были представлены кадрили, гавоты и контрдансы. Вальс, получивший распространение в России во времена Екатерины II, в период правления Павла I был признан вульгарным и неприличным танцем. В 1799 году своим указом он запретил танцевать вальс на балах под страхом сурового наказания. Реаби-

¹ Лаврентьева Е. В. Светский этикет пушкинской поры. — М. : Олма-Пресс, 1999. — С. 15.

² Массон Ш. Секретные записки о России. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — С. 92.

³ Высокочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. — Санкт-Петербург, «Питер СПб». 496 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/Zk4i8d> (дата обращения 19.05.2018).

литирован этот танец был благодаря стараниям Анны Лопухиной, фаворитки Павла Петровича, которая очень любила вальсировать. Варвара Головина в своих воспоминаниях сообщала: «В Петербурге балы давались часто, чтобы удовлетворить страсть к танцам м-ль Лопухиной. Она любила вальсировать, и этот невинный танец, запрещенный до сего времени как неприличный, был введен при дворе»¹.

С благосклонного разрешения императора танцоры, наконец, вновь получили возможность кружиться по залам дворца в ритме вальса, а оставшиеся без приглашения дамы могли тешить уязвленное самолюбие, обсуждая танцующих счастливиц. «... У нее, говорят, совсем особая манера вальсировать, едва ли приличная женщине, причисляющей себя к хорошему обществу. Третьего дня в Собрании она вальсировала с такой резвостью, что у нее растрепалась вся прическа, то есть буквально все, что было у нее на голове, очутилось на полу», — смаковали мельчайшие подробности скачущие дамы в ожидании следующего танца»².

Вскоре, к большой радости всех женщин, фаворитка Павла I — Лопухина, не любившая придворный костюм, сумела уговорить императора вернуть дамам право появляться на придворных балах в платьях, сшитых по собственному усмотрению. «Придворный костюм мешал танцевать Лопухиной, она находила его малоизящным, и появился приказ, чтобы дамы в выборе костюмов руководились только своим вкусом. Этот приказ, которому вся молодежь подчинилась с самым большим удовольствием, был причиной огорчения Государыни. До сего времени она проявляла в этом отношении строгость, граничившую с преследованием, что очень не нравилось молодым особам, они торжествовали теперь, видя, что и Государыня обязана подчиниться общему правилу»³.

¹ Головина В. Н. Мемуары. — С. 200.

² Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 23 февраля / 7 марта 1845 г. Москва // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 2001. — Т. XI. — С. 280.

³ Головина В. Н. Мемуары. — С. 201.

Большое внимание уделяет Павел I церемониальным и представительским делам, особенно подробно останавливается на придворном этикете. «Нет мелочей, до которых не снизошел бы этот обожающий пустяки император»¹, — отметил в своих записках французский поэт и мемуарист Шарль Массон.

Варвара Головина, продолжая эту тему, в своих мемуарах написала: «Император вкладывал в представительство и приемы всю свою склонность к преувеличению»².

Придворный этикет становится суровым, отягощённым нелепыми условностями и ритуалами. Павлу нравится внушать своим подданным страх. «Ужас, им внушаемый, заставлял всех с трепетом и покорно опущенной головой подчиняться всем его приказаниям, самым неожиданным и странным»³.

Так, например, напыщенным и смешным выглядел введенный императором обряд коленопреклонения и целования руки монаршей особы. Этой процедуре подвергались все приглашенные во дворец гости. Дворцовый этикет подробно определял порядок проведения этой церемонии. «При церемонии целования руки, повторявшейся постоянно при всяком удобном случае, по воскресеньям и по всем праздникам, нужно было, сделав глубокий поклон, стать на одно колено и в этом положении приложиться к руке императора долгим и, главное, отчетливым поцелуем, причем император целовал вас в щеку. Затем надлежало подойти с таким же коленопреклонением к императрице и потом удалиться, пятясь задом, благодаря чему приходилось наступать на ноги тем, кто продвигался вперед. Это вносило беспорядок, несмотря на усилия обер-церемониймейстера, пока двор лучше не изучил этот маневр и пока император, довольный выражением подчинения и страха, которое он видел на всех лицах, сам не смягчился

¹ Массон Ш. Секретные записки о России. — С. 94.

² Головина В. Н. Мемуары. — С. 167–168.

³ Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. — М. : К. Ф. Некрасов, 1912–1913 // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HEE9wY (дата обращения: 19.05.2018).

в своей строгости»¹, — вспоминал свидетель этих сцен князь Чарторыйский.

«Горе тому, кто, будучи допущен к поцелую сухой руки Павла, не стучал коленом об пол с той же силой, с какой солдат ударяет оружием прикладом. Нужно было также, чтобы чмокание губ на руке раздалось во всеуслышание, дабы засвидетельствовать поцелуй, как и преклонение колен. Князь Голицын, камергер, был немедленно отправлен под арест самим Его Величеством за то, что сделал поклон и поцеловал руку слишком небрежно»², — общал француз Шарль Массон.

Стремясь навести идеальный порядок в стране, император решает существенно изменить жизнь русского общества и ввести строжайший надзор над всеми его представителями. В течение своего непродолжительного правления он успел издать более 2000 именных законов, указов и актов, касающихся разных областей деятельности государства. Среди этих актов были и такие, которые касались личного бытия граждан, определяли распорядок их дня, регулировали правила проведения общественных увеселений и даже определяли обеденное меню чиновников и военных. Так, например, стремясь приучить подданных к умеренности, он «назначил число кушаньев по сословиям, а у служащих по чинам: майору определено было иметь за столом три кушанья». Желая проверить, как его офицеры исполняют указ, Павел I, посетив Сумский гусарский полк, спросил Якова Петровича Кульнева:

— Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев?

Кульнев, человек бедный, отпустивший на волю задаром всех своих крестьян, не мог роскошествовать и обходился одним блюдом. Зная предельный педантизм Павла и ведая, что он не прощает малейшей неправды, ответил:

— Три, Ваше Императорское Величество.

¹ Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой ; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. — М. : К. Ф. Некрасов, 1912—1913 // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HEE9wY (дата обращения: 19.05.2018).

² Массон Ш. Секретные записки о России. — С. 92.

— А позвольте узнать, господин майор, какие?

— Курица плашмя, курица ребром и курица боком, — отвечал находчивый офицер.

Император, довольный ответом офицера, расхохотался¹.

Всем гражданам, по свидетельству Этьена Дюмона, было запрещено показываться раздетыми у окон. Мужчинам не полагалось ходить в халатах. Упущение такого рода подвергалось наказанию заключением в исправительном доме².

Если жители столицы хотели повеселиться, устроить званый вечер или бал, то заранее должны были исхлопотать разрешение на его проведение. Кроме того, хозяевам домов, где проходил танцевальный вечер, очень часто приходилось мириться с присутствием на торжестве пристава в полицейском мундире. Если же у кого-то проходила несанкционированная вечеринка, то полицейские без стеснения входили в дом, в котором замечали «сильное освещение — признак сборища»³.

«... Не имея никакой возможности предвидеть последствия соединённого с произволом сумасбродства, люди жили в постоянном страхе. Вскоре дошло до того, что боялись даже принимать у себя гостей; когда приезжали друзья, плотно закрывали ставни, а если давали бал, то отсылали кареты, дабы не привлекать к себе излишнего внимания»⁴, — вспоминала Виже-Лебрен.

Приспособившись к данным обстоятельствам, дворяне, не желавшие отвыкать от веселой жизни, плотно зашторив окна и закрыв двери, «веселились до упаду и повесничали на славу». Варвара Головина в своих мемуарах написала: «Потрясение, происшедшее от замены самого мягкого царствования режимом террора, про-

¹ Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / вступ. ст. Е. Курганова, сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина. — М.: Художественная литература, 1990. — С. 81.

² Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // Голос минувшего. — 1913. — № 4. — С. 137.

³ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. — С. 163.

⁴ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. — С. 76.

извело совершенно неожиданное действие, которое было необъяснимым, если не было известно, что крайности соприкасаются. В большинстве случаев, когда не дрожали от страха, то впадали в безумную веселость. Никогда так не смеялись, никогда так удачно не подхватывали смешные стороны, преувеличивая их»¹.

В последние годы царствования император реже проводит праздники и балы, но по случаю своего новоселья в Михайловском замке в феврале 1801 года он устраивает грандиозный бал, на который приглашает около трех тысяч гостей. Этот бал особенно запомнился современникам. Новый дворец был настолько сырым, «что в первый раз, когда император дал в нем бал, в комнатах стоял такой туман от зажженных восковых свечей, что везде была густая мгла, и тысячи свечей мерцали, как тусклые фонари на улице. Гостей можно было с большим трудом различить в конце каждой из зал; они как тени двигались в потемках. Все дамские наряды и уборы отсырели и в полутьме казались одного цвета. Дворец для всех был крайне неудобен, беспрестанно нужно проходить по коридорам, в которых дул сквозной ветер»², — рассказывал М. И. Пыляев.

Бальное торжество произвело на всех присутствующих тяжелое впечатление. Гости во влажном тумане дворца казались друг другу зловещими призраками и мечтали быстрее покинуть это неуютное место. Один Павел Петрович был доволен всем происходящим. Это был последний бал императора.

Царствование Павла I было непродолжительным. Став императором, он хотел быть для своего народа любящим и заботливым государем—отцом. Обладая обостренным чувством справедливости, Павел Петрович мечтал навести в своем государстве порядок и приучить жить дворян в соответствии со своими представлениями о нравственности и морали. Склонный к романтизму Павел I хотел быть для всех рыцарем чести, совести и достоинства, но стал самым непредсказуемым и непоследовательным монархом в истории России.

¹ Головина В. Н. Мемуары. — С. 167–168.

² Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. — С. 379.

Подводя итог царствования Павла I, его современник Адам Чарторыйский сказал: «Несомненно, Россия страдала под управлением такого человека, душевное равновесие которого было весьма сомнительно. ...Император Павел вел империю полным ходом к неисчислимым потерям и разложению, внося полную дезорганизацию сил страны и правительственной машины, в том виде, как она существовала до него в России. ...Он царствовал порывами, минутными вспышками, не заботясь о последствиях своих распоряжений, как человек, не дающий себе никакого труда размыслить, взвесить все обстоятельства дела, за и против, который приказывает и требует только немедленного исполнения всякой фантазии, какая ему придет в голову...»¹.

К большому несчастью государя с этими словами были согласны многие его подданные. В ночь на (12) 24 марта 1801 года Павел I в покоях Михайловского дворца был убит группой заговорщиков. Смерть его была такой же быстрой и трагичной, как и вся его жизнь. «Россияне смотрели на сего монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней... Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестью искупления: в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день светлого Воскресения»², — написал после смерти Павла I историк Н. М. Карамзин.

«Царство ужаса и террора», наконец, завершилось.

Александр I

После кончины Павла I, его первенец, цесаревич Александр принимает на себя бремя царствования. Эпоху правления Александра I можно условно разделить на два периода. Первый — активный, деятельный, когда он — в центре государственной,

¹ Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников — СПб.: у А. С. Суворина, 1908. — С. 263–264 // Государственная публичная историческая библиотека России. — URL: bit.ly/2HLjrpjL (дата обращения: 19.05.2018).

² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М.: Наука, 1991. — С. 46.

политической и светской жизни общества, в гуще событий, развлечений, парадов и бесконечных путешествий по России и за границе. Второй — период исканий, религиозного созерцания, погружения в мир душевных переживаний, уход от внешней суеты, блеска и помпезности. Время, когда он внутренне одинок и жаждет духовного совершенствования.

Царствование Александра Павловича начинается с объявления манифеста 12 марта 1801 года, в котором государь сообщает народу свою волю: «Мы, восприемля наследственный Императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почившей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да, по Ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы»¹. Этим заявлением новый государь сообщал своим подданным, что отныне все его действия будут направлены на утверждение прежних порядков и привилегий для дворян. Русское общество с большой радостью встретило новость о вступлении Александра I на престол. «Съезжались со всех сторон государства, чтобы поглядеть на молодого Государя, любимого внука Екатерины II, воспоминание о которой жило во всех сердцах. Достаточно было одного этого наименования, чтобы привлечь к нему любовь всех подданных. Но все в нем способствовало доведению этой любви до восторженности и вызывало самые сладкие надежды. Восхваляли его добродетели, оправдывали то, что могло в нем не нравиться. Никогда начало царствования не было более блестящим»², — вспоминала В. Н. Головина.

Чтобы смягчить тяжелые впечатления о времени царствования своего отца, Александр отменил многие указы и распоряжения, введённые при жизни Павлом. К большой радости офицеров он

¹ Платонов С. Русская история. — М. : Эксмо, 2015. — С. 466. — (Серия «Библиотека всемирной литературы»).

² Головина В. Н. Мемуары. — С. 257.

восстановил прежнюю военную форму, снял запрет на импорт, позволив светской знати свободно ввозить в Россию предметы роскоши из Европы, вернул дворянам право самостоятельно выбирать для себя одежду, руководствуясь собственными вкусами, упростил придворный церемониал, отменил торжественные императорские выезды. В «Исторических мемуарах об императоре Александре и его дворе» графиня Шуазель-Гуфье София вспоминала: «Восшествие на престол Александра ознаменовалось актами справедливости и благотворительности. Александр уничтожил при дворе чрезвычайные строгости этикета, введенные в предшествующее царствование... Первая круглая шляпа, появившаяся на улицах Петербурга, произвела, как говорят, целую сенсацию... Всем и каждому в империи было предоставлено право выезжать за пределы страны. — Таково было счастливое начало царствования Александра. Государь этот предоставлял своим подданным и обеспечивал за ними всю ту свободу, которую они разумно могли требовать»¹.

«В России наступил «золотой век»², — восторженно сообщала Виже-Лебрен.

В императорском дворце и роскошных домах богатых сановников балы, маскарады, званые вечера шли нескончаемой чередой. Общество радовалось возвращению веселой и беззаботной жизни. Молодой государь, поддавшись всеобщему настроению, с увлечением окунается в круговорот развлечений, устраивает балы у себя во дворце и с большим удовольствием принимает приглашения на частные.

Ежегодно, 1 января, по распоряжению Александра Павловича двери Зимнего дворца раскрывались для многочисленной петербургской публики, и разодетые в красочные костюмы дамы и кавалеры устремлялись на новогодний бал-маскарад. «Более тридцати тысяч билетов раздавалось желающим быть в этом ма-

¹ Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / предисл. А. Кизеветтера // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2qLeAis (дата обращения: 19.05.2018).

² Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. — С. 217.

скараде. По разнообразию костюмов и многочисленности посетителей маскарада подобного не бывало. С восьми часов вечера бесконечный ряд великолепных комнат дворца открывался и в какой-нибудь час времени заполнялся пестрою толпою. Черкесы, грузины, армяне, татары в национальных костюмах, толпа купцов с окладистыми бородами, в длиннополых сибирках и в круглых шляпах, с женами и дочерьми в парчовых и шелковых платьях, в жемчугах и бриллиантах, офицеры, иностранные посольства, в парадных мундирах»¹.

По многочисленным залам дворца сновали рыцари в латах, гусары, уланы, девушки в разноцветных домино и почтенные дамы, сияющие золотом, серебром и драгоценными камнями. В назначенное время раскрывались двери, и из внутренних покоев к гостям выходил император и все царское семейство. Александр Павлович, исполняя роль гостеприимного и радушного хозяина, общался с гостями, любезничал с дамами, прохаживался из одной залы в другую. «Присутствие монарха с августейшею фамилию и двором — все это делало такой маскарад вполне торжественным»².

«В залах расставлено было множество буфетов с золотой и серебряной посудой, с прохладительными напитками всякого рода, отличными винами, пивом, медом, квасом, с обилием кушаний всякого рода от самых изысканных до простонародных... Толпа вокруг буфетов сменялась толпою, по мере того, как они опоражнивались и снова наполнялись... Иностранцы не могли удивиться порядку и приличию толпы и доверчивости государя к своим подданным, которые с любовью, преданностью и чувством самодовольства теснились вокруг него в течение 5 или 6 часов. Тут не соблюдалось ни малейшего этикета, в то же время никто не злоупотреблял близостью к царской особе»³, — вспоминали современники.

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 182.

² Там же.

³ Анисимов Е. В. Императорская Россия / ред. Е. Цветкова. — СПб. : Питер, 2016. — С. 459.

В этот день, как никогда, присутствующие на балу ощущали свое полное единство с государем, а он — с народом. Этот новогодний бал—маскарад стал для Петербурга традиционным. Александр I на протяжении многих лет исправно исполнял роль гостеприимного хозяина дома, оказывая внимание и уважение своим многочисленным гостям. Граф Жозеф де Местр, побывавший на новогоднем балу во дворце 1 января 1817 года, писал в одном из своих «петербургских писем»: «У императора правило при подобных праздниках забывать, что он Государь и делается просто светским человеком высшего круга общества. Постоянно слышно, как он говорит: «я имел честь быть вам представленным, сударыня...», «прошу вас извинить меня», «позвольте ли вы мне...», точно так, как всякий другой светский человек»¹.

На бал молодые юноши и девушки ездили не только для того, чтобы научиться правилам светского общепития и достойно зарекомендовать себя в обществе. Здесь можно было также найти для себя «выгодную партию». Славилась своими невестами Москва. Каждый год, в бальный сезон, из многих провинциальных городов России в гостеприимную столицу съезжались дворяне со всем своим многочисленным семейством, чтобы себя показать и других посмотреть, а если повезет, то найти завидных женихов для своих дочек. «Не одно московское дворянство, но и дворяне всех почти великороссийских губерний стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить в нем жен и дочерей»², — вспоминал Ф. Ф. Вигель. Каждый вторник огромное количество экипажей устремлялось к дверям Благородного Собрания. Почтенные мужчины, важные дамы, молодые девицы, лихие офицеры и разодетые франты — все устремлялись в залы Собрания, где уже шумела многотысячная толпа приехавших на бал людей.

Петр Андреевич Вяземский отмечал: «Дворянский клуб или Московское благородное собрание было сборным местом рус-

¹ Местр де Ж. Петербургские письма / сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева. — СПб. : Инапресс, 1995 // Priflib. — URL: bit.ly/2HCz7QG (дата обращения: 19.05.2018).

² Вигель Ф. Ф. Записки: в 3 ч. / под ред. С. Я. Штрайха // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HH76Vu (дата обращения: 19.05.2018).

ского дворянства. Пространная и великолепная зала в красивом здании, которая в то время служила одним из украшений Москвы и не имела себе подобной в России, созывала на балы по вторникам многолюдное собрание, тысяч до 3, до 5 и более. Это был настоящий съезд России, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина из какого-нибудь уезда Уфимской губернии, от статс-дамы до скромной уездной невесты, которую родители привозили в это собрание с тем, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и, вследствие того, выйти замуж. Эти вторники служили для многих исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб... Для многих из нас эти вторники долго теплились светлыми днями в летописях сердечной памяти»¹.

Именно в залах Дворянского собрания происходили главные смотрины всех российских невест, поэтому попасть сюда стремились и богатые вдовцы, и безусые юнцы, и стареющие девы, и начинающие выходить в свет молодые барышни. Янькова вспоминала: «Балы в Собрании были очень нарядны и многолюдны; все, имевшие в Москве собственные дома, ежели хотели ездить в Благородное собрание, должны были записаться как члены, а посетительских билетов не могли иметь. Не помню, какой номер билета был у меня в тот год, но у которой-то из моих дочерей был № 1000 для девиц: поэтому можно себе представить, поскольку персон бывало на больших балах в благородном собрании»².

Нарядно одетые девушки в легких, воздушных платьях разных оттенков, сияя молодостью и красотой, представляли собой яркий, ухоженный цветник, заботливо выращенный усилиями многочисленных бабушек, маменек и тетушек.

«Дворянское собрание было после 1820-х годов во всем блеске... По возвращении нашем из Петербурга я застала на балах дочь моей двоюродной сестры, графини Елизаветы Степановны Салтыковой — Сашеньку. Очень была она мила, свежа лицом,

¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 7 // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HNb6Y3 (дата обращения: 19.05.2018).

² Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 223.

привлекательна, стройная, живая, преумная и прелюбезная, одна дочь у матери, которая только ею и дышала; знали, что дадут за нею немало, так около девочки мужчины, точно рой пчел, так и жужжали»¹, — вспоминала Янькова.

К сожалению, не всем везло так, как Салтыковой Сашеньке, бывали случаи, когда девушки, не имеющие хорошего приданного и привлекательной внешности, вынуждены были долгие годы ездить на балы в поисках своего будущего мужа. Перед каждым балом поднаторевшие в искусстве кокетства маменьки, наставляли своих несмелых и застенчивых дочек в женских хитростях, рассказывали, как следует вести себя с молодыми людьми, как улыбнуться, что сказать, чтобы привлечь их внимание.

Петр Александрович Муханов в рассказе «Сборы на бал» достаточно точно передал волнения и переживания почтенной дамы о своей засидевшейся в невестах дочери. «Беда с дочерьми! хлопочи с утра; обо всем надобно подумать самой... Ты целый вечер не танцевала: ты всегда умеешь сесть там, где тебя никто не заметит. Мне надоело 12 лет сряду возить тебя на балы без всякой пользы. Ты приедешь, сядешь в угол, повесишь нос, нахмуришь брови, когда к тебе подходят; не скажешь двух слов, не можешь попросить кавалера сесть возле тебя, не можешь заговорить с ним о танцах, спросить, с кем он танцует котильон: тогда иной, может быть, из учтивости попросил бы тебя танцевать с ним. Граф Чванов подошел к тебе — ты отвечала ему так сухо, что он повернулся и ушел, а, может быть, он имел на тебя виды. Князь Блестов смотрел на тебя в лорнет, верно, с намерением; а ты не поправились, не только не подняла головы, но глаза опустила, точно как провинциалка. Миленов позвал тебя на польский, может быть, с тем, чтоб изъясниться: ты пошла как будто поневоле и, верно, не открыла рта, не сказала ему ничего приятного, привлекательного. За ужином села со старыми девушками, точно как будто ты сама сознаешься, что им погодка! ...Майор, который приехал

¹ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 267.

с решительным желанием — жениться, а я тебе решительно объявляю, чтобы ты непременно ему понравилась. Если он на тебя взглянет, то старайся на него посмотреть так, чтобы ваши глаза встретились, и в это время улыбнись, потому что улыбка изображает небесную душу; сделай какое-нибудь движение, чтобы показать, что ты ловка. Если он тебя позовет на польский, то встань с приятностью, дай руку с ловкостью, взгляни приветливо, говори с ним много, особенно о сельской жизни, о семейственном счастье, о скуке большого света, но все это умненько, так, чтоб он не мог заключить, что свет тебе знаком уже 12 лет... Будь уверена, любезная Лизанька, что я, с своей стороны, сделаю все, что могу, но нельзя выйти замуж без собственных забот, без желания нравиться, без заманчивых достоинств»¹.

Более предприимчивые матушки, не надеясь на ловкость и избретательность своих дочерей, брали инициативу в свои руки и, не теряя времени понапрасну, ходили по кавалерам, уговаривая их потанцевать с любимыми чадами. Жихарев П. С. вспоминал: «Меня уверяли, что если девушка пропускает танцы или на какой-нибудь из них не ангажирована, то это непременно ведет к каким-то заключениям. Правда ли это? Уж не оттого ли иные матаны беспрестанно ходили по кавалерам, особенно приезжим офицерам, и приглашали их танцевать с дочерьми: «Батюшка, с моею-то потанцуй»².

Если за невестами молодые люди ехали в Москву, то сделать блестящую карьеру стремились в Петербурге. Близость двора, присутствие Императорской семьи будоражили чувства и подстегивали к решительным действиям: заручиться поддержкой и покровительством знатных особ, получить выгодное место или должность, войти в высший свет общества и стать своим на придворных балах. Приглашение во дворец являлось своего рода пропуском в круг избранных. Получить этот счастливый билет

¹ Муханов П. Московская литературная мозаика // Библиотека Кеменики-ри. — URL: bit.ly/2HxSGtk (дата обращения: 19.05.2018).

² Жихарев С. П. Записки современника. — М. : Захаров, 2004. — С. 27. — (Серия «Биографии и мемуары»).

мечтали многие юноши и мужчины. Вигель Ф. Ф. в своих воспоминаниях писал: «Особые милости двора, кому бы они ни были оказаны, конечно, и тогда служили лучшей рекомендацией в лучшее общество... Принадлежать к сему обществу было верхом желаний моего тщеславия»¹.

Императорские балы делились на традиционные, которые устраивались из года в год, как, например, январский бал-маскарад, и на специальные.

Специальные устраивали по особым случаям: — важных политических событий, военных побед, прибытия важных иностранных гостей, рождения наследника, бракосочетания членов царской фамилии и т. д. Так, например, в 1809 г. император Александр I в честь визита в Россию прусского короля Фридриха Вильгельма I и его жены, королевы Луизы, дал большой бал в Зимнем дворце. Графиня Шуазель написала: «В честь их в Зимнем дворце состоялись роскошные празднества, между прочим, фейерверк, стоивший громадных денег, и бал, в котором приняли участие более двадцати тысяч лиц в характерных костюмах. Прусская королева появилась на нем в великолепном русском костюме, оцененном в сто тысяч рублей: она нашла его перед балом в своей уборной. Вот как Александр умел сострадать невзгодам августейших лиц и уважать их!»²

В июне 1812 года в окрестностях Вильно прошел бал по случаю заключения мирного договора между Российской и Османской империей, завершивший Русско-турецкую войну 1806–1812 годов. Именно на этом балу Александр I узнал о вторжении наполеоновских войск в Россию. Графиня Шуазель, бывшая на этом балу, вспоминала: Дамы в покрытых цветами элегантных туалетах уселись в круг на паркетной площадке, на лужайке, занимавшей место галереи и украшенной благоухающими померанцами.

¹ Вигель Ф. Ф. Светская жизнь Российской империи. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — С. 71.

² Шуазель-Гуфье София. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе/предисл. А. Кизеветтера // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2qLeAis (дата обращения: 19.05.2018).

Толпа лиц, привлеченных любопытством и в особенности желанием созерцать своего государя, разбилась на отдельные кружки. Со всех сторон в различных местах парка раздавались гармоничные звуки духовых инструментов: это музыканты императорской гвардии играли избранные номера. Блестящее собрание разряженных женщин, военных в богатых мундирах и орденах с алмазами; рассыпавшаяся на зеленой лужайке огромная толпа, пестревшая разнообразными и блестящими цветами своих одежд, старые деревья, образывавшие обширные пространства зелени; река Вилия, отражавшая в своем извилистом течении и лазурное небо ... — все представляло чудную картину. Но вот появился государь..., и все взоры сосредоточились на нем одном. Государь был в этот день в форме Семеновского полка, с отворотами небесно-голубого цвета, который удивительно шел к нему. Государь обошел круг дам, которым он не позволил вставать даже тогда, когда он к ним обращался; затем он вступил в разговор с некоторыми из присутствующих мужчин. Дам пригласили освежиться прохладительными напитками; затем государю предложили открыть бал на площадке, чтобы собравшаяся толпа могла насладиться этим зрелищем. Со свойственной ему любезностью государь согласился, и пригласил на полонез г-жу Беннигсен, исполнявшую роль хозяйки бала; затем он танцевал с г-жой Барклай де Толли, потом со мной, и при звуках музыки мы поднялись в главную танцевальную залу, обширную и ярко освещенную. Я не стану повторять здесь все комплименты, с которыми государь соблаговолил обратиться ко мне, так же, как ко всем присутствующим дамам: подробности эти заняли бы слишком много места, безграничная галантность государя не поддается описанию. Никто в такой степени не обладал искусством придать грациозный оборот самым обыкновенным выражениям и удивительным тактом, проистекавшим не только от находчивости, но и от редкой сердечной доброты... Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях

от Вильны!.. Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой!»¹.

В 1814 году в Павловске был устроен праздник уже по случаю блестящей победы русской армии над Наполеоном и триумфального возвращения их на родину. По этому поводу в парке построили Розовый павильон, в котором был дан торжественный ужин, а затем бал.

1 июля 1817-го года во дворце прошел роскошный бал в честь бракосочетания великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны. «Эти балы при дворе были в то время довольно часты. Они назывались *bals pares* или куртаги и состояли из одних польских. Государь с императрицей Марией Федоровной, великий князь Константин с императрицей Елизаветой Алексеевной, в.к. Николай с великой княгиней, в.к. Михаил с принцессой Виртембергской, а сзади их генерал-адъютанты и придворные кавалеры с придворными дамами попарно, при звуках польского, входили в бальную залу. К ним присоединялись пары из собравшихся уже гостей. Государь, обойдя кругом залу, поклонясь, оставлял императрицу и переменял даму. При перемене дам он строго наблюдал старшинство чина и общественное положение их мужей. Император шел в первой паре только открывая бал, потом обыкновенно он шел во второй. Один из генерал-адъютантов вел польский, незаметно наблюдая, насколько интересуются государь своей дамой и продолжается ли разговор, судя по этому, он продолжал или кончал круг. Когда Александр шел с прелестной княгиней Трубецкой, рожденной Вейс, или другою интересной дамой, польский переходил и в другие комнаты»², — вспоминал камер-паж великой княгини П. М. Дараган.

¹ Шуазель-Гуфье София. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / предисл. А. Кизеветтера // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2qLeAis (дата обращения: 19.05.2018).

² Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817—1819 гг. // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HtxJwp (дата обращения 19.05.2018).

В декабре 1824 года в Зимнем дворце прошел бал по случаю дня рождения Александра I. Праздник оставил самые приятные воспоминания у гостей, имевших честь присутствовать на этом торжестве. Барон Розен, бывший в числе приглашенных на бал, позднее в своих Записках сообщал: «12 декабря был я в Зимнем дворце на балу: императрица Мария Федоровна каждый год праздновала в этот день рождение императора Александра I. Этот бал был самый роскошный в году по торжественности и по времени года... Как счастливы были лица, удостоившиеся улыбки царской или царского слова! Сколько генералов стояли навытяжку в ожидании этого счастья! Сколько из них выставляли себя напоказ, в ожидании глаз не спускали с малейшего движения государя! ...Бальная музыка отличалась особенною приятностью и нежностью. Из танцевавших дам и фрейлин все порхали грациозно; бриллиантов было много, красавиц было мало... На стороне эрмитажной был устроен буфет: ряд больших растворочных дверей были по бокам развешены и украшены золотыми блюдами сверху донизу... Ужин был на славу, а царский стол, особо накрытый посреди столовой для царской семьи, был на чудо! Этот стол окружен и украшен был цветущими деревьями, лучшими цветами, множеством гиацинт и нарциссов. По окончании ужина генералы теснились один пред другим, чтобы сорвать цветочек. Офицеры за длинными столами, попережку, не по полкам, требовали лучших вин, и ели и пили на убой, и говор, сперва тихий, становился все громче и веселее по числу опорожненных бутылок бургунского — Кло-де-Вужо и шампанского — Клико»¹.

Придворные балы начинались, как правило, в половине девятого вечера. Император появлялся на балу в своем неизменном военном мундире, который очень шел к его высокой статной фигуре. По традиции бал открывался торжественным полонезом. Именно этот танец, по мнению поляков, был достоин монарших особ. В первой паре вставал император с «наипочетнейшей» да-

¹ Розен А. Е. Записки декабриста. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. — С. 98–99.

мой, чаще всего с женой великого князя, за ним императрица с важным гостем, следом выстраивались в соответствии со своими чинами, титулами и придворным статусом остальные гости. Подруга Е. Р. Дашковой, Марта Вильмонт, так описывала придворный бал в Петергофе 6 августа 1803 г.: «Во дворец успели к семи часам, все комнаты были открыты, и всюду толпилась такая масса людей, что едва можно было пройти. Прибыли император, императрица, и бал открылся «длинным» полонезом. В первой паре шел император с моей знакомой красавицей Ададуровой, они не танцевали, а именно шли под музыку, выписывая по залу восьмерку, за ними чинно выступали еще пар шестьдесят: это было похоже на прогулку, и каждый вельможа прошествовал передо мною несколько раз»¹.

Вторым танцем на балу был вальс. Отсутствие сложных фигур, легкость движений, волнующая близость партнера делали танец приятным для многих дам и кавалеров. В «Критическом и систематическом словаре придворного этикета» графиня де Жанлис так характеризовала вальс: «Молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идёт кругом! Вот что такое вальс!...<...> Современная молодежь настолько естественна, что, ставя не во что утонченность, она с прославляемыми простотой и страстностью танцует вальсы»².

Романтичный, способный пробудить робкие надежды и сладкие мечты, безумный и пьянящий вальс долгое время считался неприличным танцем. Он стал первым салонным танцем, в котором партнер приблизился к своей партнерше, обняв ее за талию. Легкое соприкосновение рук, игривые взгляды, нежные признания делали вальс чарующим и увлекательным. Вальс давал возможность партнерам втайне от всех обмениваться записочками,

¹ Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. — М. : Издательство МГУ, 1987. — С. 219–220.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — нач. XIX века. — СПб. : Искусство-СПб, 1994. — С. 121.

содержащими любовные откровения, способствовал некоей интимности, которая возникала у танцующих с первых тактов музыки. Против вольного танца выступали многие видные деятели своего времени. Так, например, немецкий кайзер Вильгельм запретил танцевать вальс на придворных балах, а в Вене, в первое десятилетие XIX века, вальс разрешалось танцевать не более десяти минут. В России вальс быстро нашел своих сторонников, танец пришелся по вкусу многим дамам и кавалерам. Великолепные красавицы, статные мужчины, объединившись в пару, вальсировали подолгу, совершая по два—три тура, затем делали перерыв, чтобы перевести дух, общались, кокетничали и вновь выходили на паркет, продолжая свое стремительное кружение в бешеном темпе вальса. Европейские путешественники отмечали, что только русские исполняли «летучие, почти воздушные танцы», что они «танцуют вальс с такой быстротой и непринужденностью, каких не выдержат ни англичанин, ни француз». Император Александр I, как отмечали современники, часто танцевал вальс и делал это легко и ловко. Офицер Преображенского полка П. С. Деменов, бывая на придворных балах в качестве приглашенного танцора, имел возможность наблюдать за танцующим государем. «С женщинами был чрезвычайно любезен. ...Танцевал он с какою-то особенной величавою ловкостью. Мне, как служившему в гвардии, приходилось очень часто видеть его на придворных балах вальсирующим в 1819 году, хотя ему тогда было уже 42 года»¹.

В 1811 году на придворных балах появляется новый танец — французская кадриль. Первое время ее не все умели танцевать. Полковник лейб-гвардии Измайловского полка М. М. Муромцев вспоминал: «В 1811 году в первый раз во дворце начали вводить кадриль; и так как кавалеров было очень мало, то и я попал вместе с Балабиным, М. Орловым и Лагрене (из французской миссии) в кадриль. Нас обступила царская фамилия. Конечно, та-

¹ Лаврентьева Е. В. Глава XVI. «При танцах вы должны особливо стараться показывать вашу благосклонность, вежливость и приятство» // Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. — М. : Молодая Гвардия, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/BS7mu5> (дата обращения 19.05.2018).

лант этот был ничтожный, но тогда в мои лета казался великим отличием»¹.

В кадрили пары танцующих располагались по четырехугольнику напротив друг друга, образуя каре, и по очереди исполняли свои партии. Танец состоял из пяти фигур: — Le Pantallon (Штаны — по названию одной популярной песни), L'été (Лето), La Poule (Курица — тоже связано с песней), La Pastourelle (Пастораль) и Finale (Финал) — каждая из которых завершалась общим движением, объединяющим всех танцоров.

Фигуры кадрили были достаточно сложные и требовали от танцующих определенного внимания и мастерства. Этот танец смотрелся красиво, когда движения танцоров были слажены и доведены до совершенства. Однако, очередность движения пар в танце первое время вызывала у многих танцоров «старой закалки» большое удивление и недоумение. Понять правила исполнения кадрили могли не все желающие. Каменская М. вспоминала: «Кавалер старых времен Иван Петрович никак не мог понять этого танца, и его просто сердило, что все пары не танцуют зараз... Помню, как во время того, как я во французской кадрили дожидалась своей очереди танцевать, он подошел ко мне и, дотрагиваясь до моего плеча, сказал:

— Что ты стоишь, графинюшка, как усопшая? Ступай, танцуй!..

— Иван Петрович, мне нельзя... Теперь не наша очередь; надо, чтобы сперва кончили поперечные пары...

— Пустяки! Ступай, ступай! Танцуйте все вместе, вам веселее будет.., — увещевал меня милый старик.

— Да во французской кадрили этого нельзя, это не такой танец, — объясняла ему я.

— Дурацкий танец — ваша французская кадрили, вот что! — сказал он мне и недовольный отошел прочь»².

¹ Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Эпикет. — М. : Олма-Пресс, 1999. — С. 317.

² Каменская М. Воспоминания. — М. : Художественная литература, 1991. — С. 207.

И, тем не менее, несмотря на всю свою сложность и новизну, кадриль легко вписалась в программу танцевальных вечеров.

Главным танцем бала была мазурка. Она, так же как и кадриль, впервые появляется на балу во время царствования Александра Павловича. Балетмейстер Глушковский рассказывал: «В 1810 году была завезена из Парижа мазурка; последняя в эти годы вошла в большую моду, ее танцуют в четыре пары; по словам Глушковского, ее очень красиво танцевал актер Сосницкий: танцую мазурку, он не делал никакого усилия, все было так легко, зефирно, но вместе увлекательно. Сосницкого приглашали наперехват во все аристократические дома как бального кавалера, так и танцмейстера»¹.

Умеющие танцевать мазурку, в первые годы ее появления в России, действительно были нарасхват, — не всем этот танец давался легко. Он состоял из сложных танцевальных фигур и шагов, был быстрым и ритмичным. Центром танца, его кульминационным моментом было мужское соло с обязательным исполнением сложных прыжков «антраша». Именно в этой сольной партии и проявлялось во всей полноте танцевальное искусство кавалера. Кроме того, танец был достаточно длинным и при таком стремительном темпе требовал от танцующих немалой ловкости и выносливости. Мешков Г. И. вспоминал: «Танцевали иногда мазурку, но никогда не больше, как в четыре пары, ежели только находились лица, умевшие танцевать этот живописный танец. Тогда, около танцовавших собирались все присутствовавшие, оставив карты, потому что и действительно было что посмотреть. Это был настоящий балет; плохо танцовавшие не решались в нем участвовать»².

Как свидетельствовал декабрист Александр Беляев: «Тогдашняя мазурка была не то, что нынешняя; это был живой, молодецкий танец для кавалера и очаровательный для грациозной дамы»³.

¹ Пыляев М. И. Старое житье. — С. 106.

² Из Воспоминаний Г. И. Мешкова // Русский вестник. — 1903. — Т. 114, вып. 4 — С. 555–572.

³ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и прочувствованном: В 4 ч. Ч. 1 // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2qVLihG (дата обращения: 19.05.2018).

По воспоминаниям художницы Виже-Лебрен, легкой, изящной манерой исполнения мазурки отличалась признанная петербургская красавица Марья Антоновна Нарышкина, она по праву считалась одной из лучших исполнительниц этого танца. Среди мужчин славу великолепного «мазуриста» при дворе имели государь Александр I, граф Соллогуб, герой войны 1812 года граф Милорадович.

Мазурка была парным танцем, в котором главенствовал мужчина, дама охотно принимала его лидерство, демонстрируя свою хрупкость и незащищенность. На танцевальном паркете, на глазах у публики, буквально разыгрывался настоящий спектакль, в котором его герои переживали целую гамму чувств; от надежды на взаимность до показного равнодушия. Мужчина во время танца старается завоевывать женщину, одновременно восхищаясь и любясь ее красотой, партнерша, как «пугливая лань», грациозно убегает от кавалера, подраживая его своей неприступностью. В стремительном ритме танца дама словно парит над паркетом, бросая на партнера пылкий и восторженный взгляд. В мазурке могли участвовать все умеющие и желающие танцевать. Пока первая группа танцоров исполняла движения, заданные распорядителем бала, остальные ожидали своей очереди на стульях, коротая время в оживленной беседе. Танец мог продолжаться без перерыва около часа. Все это время танцоры менялись партнерами, исполняли новые танцевальные фигуры, возвращались на место и вновь продолжали активно общаться. Разговор во время танца и в паузах между очередным выходом на паркет позднее получил выражение «мазурочная болтовня». «Мазурочная болтовня» требовала поверхностных, неглубоких тем, но также занимательности и остроты разговора, способности к быстрому эпиграмматическому ответу... Он имел свою прелесть — оживленность, свободу и непринужденность беседы между мужчиной и женщиной, которые оказывались одновременно и в центре шумного празднества, и в невозможной в других обстоятельствах близости»¹.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — нач. XIX века. — СПб. : Азбука, 2014. — С. 121. — (Серия «Культурный код»).

«Наконец, с хор загремела мазурка; мы с княжной уселись... Личико ее расцвело; она шутила очень мило; ее разговор был остер, без притязания на остроу, жив и свободен; ее замечания иногда глубоки... Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела... Разговор их продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики»¹.

Поддерживать разговор во время танца, да еще и в течение длительного времени, было непросто. Не все в обществе могли блеснуть своей начитанностью и остроумием, не каждому удавалось легко найти интересную тему для своего собеседника. Сабанеева Е. А. в своих воспоминаниях рассказывает анекдоты, ходившие в московском обществе про княжну Анну Урусову, которая не утруждала себя чтением серьезных книг: «Раз где-то княжна Урусова разговаривала со своим кавалером в кадрили или мазурке, он и спросил ее, что она читает. Она ответила: «Розовенькую книжку, а сестра моя читает голубую». «Князь Мещерский был безумно влюблен в княжну Урусову; он считался между интеллигентной молодежью замечательным по уму и образованию. И тоже начал с ней речь о литературе, о чтении, о поэзии, что ли. Она долго его слушала и, наконец, перебила его речь вопросом: «*Mon prince, avec quel savon faites-vous votre baibe?*» (Князь, вы каким мылом пользуетесь, когда бреетесь? (фр.))»².

Для влюбленных самым приятным и волнующим моментом в мазурке был выбор партнера. К даме подводили двух кавалеров, которые заранее загадывали для себя какой-нибудь девиз, например, «мужество или воля». Дама говорила понравившееся ей слово, и тот кавалер, который это слово загадал, и становился ее

¹ Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. — М.: Художественная литература, 1985. — С. 420. — (Серия «Классики и современники»).

² Сабанеева Е. А. Воспоминание о былом. Из семейной хроники 1770–1828 гг. // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2Fb0093 (дата обращения: 19.05.2018).

партнером на очередную фигуру мазурки. То же самое происходило и с мужчинами, когда им подводили двух дам. Главным для выбирающих было угадать девиз своих пассий, чтобы танцевать непременно с ними, иметь возможность говорить о своих чувствах, быть рядом. Сколько семейных пар сложилось благодаря этому пылкому танцу, сколько влюблённых сердец обрело свою вторую половинку. «Мазурка имела искони особо интересное значение, она служила руководством для соображений насчет сердечных склонностей — и сколько было сделано признаний под звуки ее живой мелодии!»¹, — вспоминала Е. А. Сабанеева.

«Я ждал первого звука благодетельной мазурки, как Рим ждет первого удара колокола, возвещающего ему окончание конклава. Мне было самому странно и смешно неукротимое волнение моего сердца, до сих пор столь чуждого бальной суеты, что оно и не подзревало поэзии заветного танца!

...Наконец первый смычок коснулся первой скрипки, оркестр залился громким треллером, и кавалеры бросились в другие комнаты за стульями. Всякая пара хлопотала о своем месте: зал оглушился тревогою, толкотнёю, шарканьем... Мазурка — это душа бала, цель влюбленных, телеграф толков и пересудов, почти провозглашение о новых свадьбах, — мазурка, это два часа, высчитанные судьбою своим избранным в задаток счастья всей жизни»², — с волнением описывает свои переживания во время бала героиня рассказа «Чины и деньги» Вадим Свирский.

Завершался бал чаще всего котильоном. Слово Cotillion с французского языка можно перевести как «юбка», поэтому некоторые романтики того времени утверждали, что танец этот был выдуман французами в честь прекрасной половины человечества. Котильон — это танец-игра, включающий в себя фрагменты разных танцев, например, вальса, кадрили, мазурки и огромного количества

¹ Сабанеева Е. А. Воспоминание о былом. Из семейной хроники 1770–1828 гг. // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2Fb0093 (дата обращения: 19.05.2018).

² Ростопчина Е. П. Чины и деньги // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2KoPqiE (дата обращения: 19.05.2018).

игр. Веселые игры делали танец интересным и привлекательным для молодежи. В них играли с удовольствием, постоянно придумывая новые фигуры, их оригинальность и разнообразие зависели от творчества и фантазии распорядителя танцев. Так, например, танцорам предлагалось прыгать через платок, построить пирамиду, пройти через лабиринт, сделать двойную цепь и т. д. Танцмейстер Людовик Петровский в «Правилах для благородных общественных танцев» сообщает, что котильон пользуется большой популярностью у молодых людей, что если они и едут на бал, «то единственно для того, чтобы потанцевать катильон; тут найдут они первое удовольствие, имея сообщество с дамами». Далее Петровский объясняет, чем так привлекателен этот танец. «Как не любить его, когда оной столько принимает на себя видоизменений? Сперва можно целой круг потанцевать, потом пара за парой три раза повальсировать, а там, если падет выбор быть первой парой, делать разные перемены, какия угодно, а местами все что только на ум взбредет. Спрашиваю, есть ли ж, что в сем танце найдется недостаточным? — там делают и крест, и круг, и сажают даму с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на коленях становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мушины, дабы избрать для себя дам, какая понравится; в дополнение же сей фигуры те и другие садятся, дабы с той и другой стороны учинить повсюдный выбор. За тем следуют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание, или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание чрез платок высоко, по-кукольному, и, что всего привлекательнее, битье кавалером в ладоши вслед вальсирующей пары, дабы перестала танцевать»¹.

Бал продолжался до тех пор, пока в зале были император с императрицей. После окончания вечера огромная толпа гостей направлялась к выходу на Дворцовую площадь, где своих хозяев встречали кучера, подавая к подъезду карету.

¹ Петровский Л. Правила для благородных общественных танцев, изданные учителем танцеванья при Слободско-украинской гимназии Людвигом Петровским // Русские мемуары. — URL: bit.ly/2HVq5vE (дата обращения: 19.05.2018).

Бальный сезон начинался с Рождества (25 декабря по старому стилю) и заканчивался последним днем масленицы. Наряду с придворными балами в столицах в большом количестве проходили и частные балы. Представители знатных семей, богатые вельможи, сановники устраивали роскошные праздники для светского общества Петербурга. Хорошо организованный бал сразу же запоминался публике, и восхищенные отзывы о его организаторах мгновенно разносились по всему городу. На такие балы нередко приезжали и представители императорской фамилии, бывало и без предупреждения. Приезд императора или членов его семьи на частный бал резко повышал его статус, он сразу же становился престижным. Появление царственных особ придавало значимость и торжественность празднику, ставило его в ряд выдающихся событий для хозяев и их гостей. Готовясь к балу, домочадцы старались придумать что-нибудь новенькое, «не такое как у всех», удивить гостей необычным оформлением зала, подготовить интересные развлечения, поразить диковинными блюдами во время ужина. Все эти затеи стоили огромных денег, многие знатные дворяне залезали в долги, некоторые разорялись, но, тем не менее, каждый год с началом сезона двери богатых домов традиционно распахивались, чтобы в очередной раз принять высочайших гостей, а вместе с ними и весь цвет аристократии.

8 февраля 1808 года Александр Львович и Мария Алексеевна Нарышкины удостоились чести встречать в своем доме царскую семью. Для любимого императора хозяева устроили роскошный бал, подготовка к которому потребовала немалой фантазии, времени, сил и денег. «Хозяева, ожидая высоких к себе посетителей, употребили всевозможное тщание на украшение дома, где между прочим комната, приготовленная для принятия во время ужина высочайшей фамилии, отделана была первым декоратором г. Гонзагою, совершенно в новом вкусе, соединяющем в себе великолепие с простотою, богатство с приятностью. Также отделаны им были две комнаты сопредельные оной; в прочих отделка была лучших в городе мастеров; одним словом, хозяева ничего

не щадили, чтоб можно было угостить наилучшим и приятнейшим образом»¹.

Москва не отставала от Петербурга. Праздники в честь важных государственных лиц и торжественных событий устраивали многие знатные дворянские семьи. Так, например, в 1817–1818 годах в городе прошла целая череда роскошных балов, посвященных официальному визиту царской семьи. Янькова сообщала: «Вся осень 1817 года и зима 1818 года по случаю пребывания императорской фамилии в Москве прошли в больших веселостях: балы, собрания, праздники не прерывались, и все московские вельможи-хлебосолы наперерыв один пред другим старались забавлять и тешить высочайших гостей»². Среди всей этой праздничной суеты особенно запомнился современникам бал у Апраксиных, который посетило около 1000 человек. Елизавета Петровна писала: «В 1818 году, когда двор был в Москве, Апраксины давали бал, и вся царская фамилия и какие-то принцы иностранные были на этом празднике, а званых гостей было, я думаю, 800 ежели не 1000 человек... Молодая Апраксина была прекрасная собой: свежа и румяна, совершенная роза. На ней была белая атласная юбка в клетку, шитая бусами, а на тех местах, где клетки пересекались, крупные солитеры, лиф бархатный, ярко-красный, также шитый бусами и солитерами... Во время бала вдовствующей императрице (Марии Федоровне) угодно было обойти всю залу и приветствовать дам и девиц милостивым словом»³.

В последние годы жизни Александра I светская жизнь двора становится не такой веселой и насыщенной, как в начале его царствования. Государь сторонится шумного общества, ведет уединенный образ жизни. Центром праздников и увеселений становится Двор вдовствующей императрицы Марии Фёдоров-

¹ Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX века. Танцы, костюмы, символика. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 121.

² Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 223.

³ Там же. — С. 88.

ны. Благодаря своему особому положению (М. Ф. — сохранила за собой все преимущества царствующей императрицы) она ведет роскошную жизнь: устраивает приемы, организует праздники и фейерверки, проводит балы.

Император редко присутствует на этих увеселениях, делая исключения лишь для особо важных случаев. Его интересует больше свой внутренний мир, чем мир внешний. Он устал от власти и придворной суеты, душа его ищет покоя и забвения. Долли Фикельмон, характеризуя последние годы правления Александра Павловича, написала: «В прежнее царствование нравы были строже, удовольствия, особенно в последние годы, были так редки, что на всей общественной жизни лежал отпечаток большой серьезности, большей степенности»¹.

Эпоха царствования Александра I подходила к концу. Бремя власти, длиною в двадцать четыре года, стало для него огромным испытанием на прочность и силу духа: трагическая смерть отца, неудавшаяся семейная жизнь, война 1812 года, горечь поражений. Все это было принято, пережито и осознанно. Александр, достойно пройдя свой жизненный путь, сумел возвыситься над собой и временем. Несмотря на всю свою приветливость и внешнюю открытость, он так и остался неразгаданным для своих современников. Вяземский П. А., адресуя свои стихи императору, написал:

Сфинкс, не разгаданный до гроба,
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил².

П. А. Вяземский, 1868

¹ Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — М. : Минувшие, 2009. — С. 93–94.

² Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки : сб. — М. : Правда, 1988. — С. 133.

Николай I

Николай I стал следующим императором волею providения. Будучи третьим сыном в семье Павла I, он, по закону о престолонаследии, был далек от царского трона. Имеющий титул великого князя Николай Павлович никогда и не помышлял о верховной власти. Но жизнь распорядилась иначе. Именно он должен был стать следующим государем русского народа, самодержцем Российской империи.

Великая княгиня Ольга Николаевна в своем дневнике написала: «Совершенно неожиданно он вступил на трон в 1825 году. Он командовал в то время бригадой пехоты и понятия не имел о правлении, о хозяйстве или законодательстве. Он осознавал свою неподготовленность и старался окружить себя достойными людьми...»¹.

«... Папа стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда, и мысль об отречении была несовместима с его представлением о чувстве долга»².

Самоотверженно принявший на себя венец власти Николай I до последних минут своей жизни старался быть достойным отцом своего народа. Тютчева А. Ф. дала следующую характеристику Николаю: «Глубоко искренний в своих убеждениях, часто героический и великий в своей преданности тому делу, в котором он видел миссию, возложенную на него providением, можно сказать, что Николай I был дон-кихотом самодержавия»³.

Николай Павлович действительно делал все искренне и с полной отдачей. Все, что его окружало, должно было быть масштабным, торжественным, весомым. Изысканность, роскошь и вели-

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — М.: Алгоритм, 2017. — С. 302.

² Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 345.

³ Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. — М.: Захаров, 2016. — С. 45.

колепии русского Двора времен царствования Николая I отмечали многие современники. Долли Фикельмон в своих воспоминаниях обратила внимание на яркость и праздничность николаевского двора. Фрейлина А. Ф. Тютчева сообщала: «... русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность. Он сохранял весь свой престиж, и этим престижем был всецело обязан личности императора Николая Павловича»¹.

Во всем он создавал собственный, имперский стиль: касалось это вопросов внешней политики и внутренней деятельности государства, жизни народа и царского Двора. Авторитет императора, считал Николай Павлович, должен быть непоколебимым, а мощь державы нерушима. «Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца. Он обладал нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величаявая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд — все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании»², — вспоминала Анна Федоровна Тютчева.

Престиж трона, избранность, особое положение царской семьи должны поддерживаться и подчеркиваться всеми известными способами. И немалую роль в этом обязан играть Двор и придворные чины. Главной функцией Двора было обеспечение нормальной жизнедеятельности императорской семьи, поддержание авторитета государя, его имиджа, величия и могущества. Император обращает большое внимание на утверждение регламента придворных церемоний, вводит строжайший контроль над надлежащим исполнением придворного этикета, при нем окончательно формируется структура и состав всех дворцовых ведомств. Лица, состоящие при Дворе, находились на придворной службе и имели специальные чины и звания.

¹ Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник / А. Ф. Тютчева. — М. : Захаров, 2016. — С. 44.

² Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. — С. 44—45.

Носящих особые придворные чины в России было немного. Чины присваивал государь тем лицам, которые пользовались его доверием, имели особые заслуги перед государством. Высших чинов было 15, каждый выполнял свои функции. Так, например, обер-гофмейстер руководил придворным штатом и распоряжался финансами двора, обер-гофмаршал заведовал хозяйством двора и присматривал за придворными служащими. К его обязанностям также относились организация придворных торжеств (в хозяйственном отношении) и содержание императорского стола при дворе. На обер-шенка возлагалось заведование винными погребами и снабжение двора вином, обер-камергер руководил придворными кавалерами; он же представлял членам императорской семьи тех, кто получил право на аудиенцию. Церемониал Двора находился в ведении обер-церемониймейстера.

При дворе находился также целый штат лиц, имеющих придворные звания. Это были камергеры (комнатные господа), камер-юнкеры (комнатные дворяне), дамы носили звания: обер-гофмейстерин Двора Ее Величества, гофмейстерин, статс-дам, камер-фрейлин и фрейлин. Старшей дамой в придворном штате императорского дворца была обер-гофмейстерина. Она заведовала всем дамским коллективом, а также канцеляриями императриц и великих княгинь. Придворное звание статс-дама, (нем., от *staat* — государство, и фр. *dame* дама) было очень почетным и присваивалось супругам крупных военных начальников и гражданских чинов. Большинство из этих женщин принадлежали к знатным дворянским фамилиям и являлись кавалерственными дамами ордена св. Екатерины. Они не имели определенных обязанностей при дворе, но должны были принимать участие в придворных церемониях и праздниках. Статс-дамы имели отличительный знак — брошь с миниатюрным портретом императрицы, украшенный бриллиантами. Благодаря этому изящному портрету, статс-дамы в придворном быту иногда именовались «портретными дамами». Вольфганг Гаффнер, побывавший на одном из дворцовых балов, позднее в своих воспоминаниях оставил описание

этих важных особ: «Наиболее почетные из придворных дам называются «дамы с портретом»: они носят на левой стороне осыпанный бриллиантами портрет императрицы. Многие из них носят также звезды и ордена. Справедливо, чтобы в стране, где мужчины увешаны орденами, и дамы получили в этом свою долю»¹.

Камер-фрейлины (образовано от лат. camera, и нем. Fraulein — девица — комнатная девица) и фрейлины занимали следующую ступень в иерархической лестнице придворного штата. Фрейлинами могли быть только незамужние девушки из известных дворянских семей, хорошо воспитанные, образованные, приятной наружности. В их обязанности входило круглосуточное дежурство возле государыни или великих княгинь, быстрое и аккуратное исполнение их приказов и поручений, сопровождение царственных особ во время прогулок, выездов и обязательное присутствие на придворных приемах, праздниках и балах. Фрейлина императорского двора А. О. Смирнова-Россет вспоминала: «Императрица посылала за мной всякий раз, когда ей скучно или когда ей нездоровится, любила слушать мои рассказы, иногда просила меня читать ей»².

Все придворные фрейлины имели свои знаки отличия: каждая барышня имела особый шифр, принадлежащий Двору той императорской персоны, которой она служила. Фрейлинский вензель представлял собой брошь в виде одного инициала императрицы; или же двух — двойной вензель. Двойной объединял в себе инициалы действующей императрицы и ее свекрови — вдовствующей императрицы. Брошь была украшена бриллиантами, композицию венчала императорская корона. Фрейлины великих княгинь и княжон также имели свои вензеля. Этот знак отличия носили на банте цвета Андреевской голубой ленты и прикрепляли к придворному платью на левой стороне корсажа. Несколько фрейлин имели более высокий ранг — камер-фрейлин. По своему статусу они приравнивались к статс-дамам.

¹ Николай I. Портрет на фоне империи/сост. и послесл. С. Шокарева. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2011. — С. 402.

² Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. — СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. — С. 263. — (Серия «Азбука-классика»).

Всем придворным чинам полагалась являться ко Двору в придворных костюмах. В 1831 году император Николай I издает указ о придворных мужских мундирах, а в 1834 — устанавливает форму женского придворного наряда — платье «русского покроя». Адъютант шведского принца Оскара-Фридриха Вольфганг Гаффнер, имевший честь быть на одной из торжественных придворных церемоний по случаю целования руки и поздравления новобрачных — великой княгини Ольги Николаевны и принца Виртембергского, достаточно подробно описал платья присутствующих дам.

«Так как меня поместили вместе с другими иностранцами в начале процессии, то эта церемония кончилась для меня довольно скоро. Прежде чем она началась, я имел случай рассмотреть, как были одеты для этой церемонии придворные дамы. На них было белое шелковое платье с красным бархатным корсажем, открытым спереди и обшитым позументом с очень длинным и дорогим шлейфом, богато вышитым золотом. На голове они носили кокошник из красного бархата, унизанный бриллиантами в несколько рядов»¹.

Мария Александровна Паткуль отмечала, что русский костюм выглядит необыкновенно богато и изящно и, самое главное, «носит отпечаток чего-то родного, национального»².

Мужские придворные мундиры были темно-зеленого цвета с красными суконными стоячими воротничками, украшенные золотым шитьем и такого же цвета обшлагами. Парадные мундиры полагалось носить с белыми штанами до колен, белыми чулками и башмаками с пряжками. Можно было к мундиру надевать и белые брюки с золотыми лампасами. Цвет платья или мундира, количество золотого и серебряного шитья четко фиксировали статус царедворцев. Чем выше было положение вельможи, тем больше было золотого шитья в его costume.

Жизнь придворных регулировалась строжайшим этикетом, который определял весь их день; начиная с самого утра и заканчивая

¹ Николай I. Портрет на фоне империи. — С. 51.

² Паткуль М. А. Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX столетия. — М. : Гос. публич. истор. б-ка России, 2014. — С. 51. — (Серия «Вглядываясь в прошлое»).

поздним вечером. В придворном регламенте подробно было написано — кто сопровождает императора и его семью во время выезда из дворца, как проходят официальные приемы и аудиенции, кто представляет государю иностранных послов и гостей и каким образом организуются высочайшие выходы и праздничные балы.

Дворцовый церемониал и этикет находились под пристальным надзором обер-церемониймейстера и обер-гофмейстерины Двора Ее Величества. Дело это было весьма серьезное и ответственное, так как Николай I весьма строго следил за соблюдением дворцового этикета и обращал внимание даже на самые незначительные мелочи в организации придворных праздников и балов. Долли Фикельмон писала про императора: «Порою он выглядит невероятно молодым и просто очаровывает. Но уже в следующий миг строгим взглядом обводит собрание, и никого не минуют его справедливые, а иногда пугающие суровостью замечания»¹.

Николай Павлович считал, что строгий этикет при дворе и четкое следование ему крайне необходимо для наведения порядка. Утвержденные им правила помогали контролировать деятельность всех его подчиненных, строго определяли статус, права и обязанности всех придворных чинов, держали царедворцев в определенных рамках дозволенного поведения, поддерживали порядок и дисциплину и «способствовали декоруму и блеску императорского звания». «Придворная жизнь, по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддержать ее престиж. Это не только преграда, отделяющая государя от его подданных, это в то же время защита подданных от произвола государя. Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство. Там где царит этикет, придворные — вельможи и дамы света, там же, где этикет отсутствует, они спускаются на уровень лакеев и горничных»², — писала фрейлина А. Ф. Тютчева.

¹ Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — М. : Минувшие, 2009. — С. 99.

² Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. — С. 49–50.

Церемония проведения императорских балов была разработана тщательным образом и соблюдалась присутствующими неукоснительно, не допуская никаких вольностей и отступлений от правил. Поведение придворных дам и кавалеров строго регламентировалось: приглашенные на празднество должны были знать, как следует вести себя в присутствии императора и императорской фамилии, на каком расстоянии от них находиться, как подойти, какие слова сказать, если царственные особы удостоили внимания. Малейшее нарушение этикета могло привести к неприятным последствиям. Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году, вспоминал о неловкой ситуации на балу, в которую молодой камер-юнкер, только что назначенный к исполнению своих обязанностей, попал по незнанию этикета: «Когда император разговаривает с кем-либо публично, большой круг придворных опоясывает его на почтительном расстоянии... Император разговаривал с австрийским послом. Молодой, недавно назначенный камер-юнкер, получил от великой княгини Марии Николаевны приказание пригласить от ее имени посла протанцевать с нею полонез. В своем усердии бедный дебютант, прорвав круг придворных, о котором я уже упоминал, бесстрашно подошел к императору и при его величестве обратился к австрийскому послу:

— Граф, герцогиня Лейхтербергская просит вас танцевать с нею первый полонез.

Император, недовольный поведением своего камер-юнкера, сказал ему громко:

— Вы только что назначены на вашу должность, так научитесь же правильно выполнять ее. Прежде всего, моя дочь не герцогиня Лейхтенбергская, а великая княгиня Мария Николаевна, а затем вы должны знать, что меня не прерывают, когда я с кем-либо разговариваю...»¹.

Император посчитал необходимым довести до сведения присутствующих, что его дочь, несмотря на свое замужество, не утра-

¹ Кюстин де А. Николаевская Россия / пер. с фр. Я. Гессена, Л. Домгера. — М. : АСТ: АСТ Москва: Хранитель: Neoclassic, 2008. — С. 137. — (Серия «Историческая библиотека»).

тила статус члена императорской фамилии и что она, как и прежде, остается Ее Императорским Высочеством, великой княгиней Марией Николаевной, со всеми вытекающими отсюда почестями, привилегиями и положением, поэтому это она делает честь австрийскому послу, приглашая его на танец, а не наоборот. Молодой человек за свою провинность был уволен, а обер-камергер, руководящий работой придворных кавалеров, получил серьезный выговор за то, «что такого дурака, прерывающего государя, представил к должности».

Щепетильное отношение Николая Павловича к таким вещам неудивительно, он хорошо понимал значимость представительских мероприятий для имиджа царской семьи и русского трона, так как от впечатлений, полученных на придворных праздниках иностранными представителями, зависели и их донесения королевским Дворам всех стран. Положительная или отрицательная характеристика того или иного события существенным образом влияла на репутацию государя и его Двора.

Николай I любил всенародные праздники и торжественные церемонии и с душой предавался их подготовке. Его дочь Ольга Николаевна отмечала: «Он умел обставлять так хорошо и с таким блеском, что воспоминание о них оставалось еще долго. Все торжества последующего времени казались мне потом только неудачным подражанием предшествующей эпохе»¹.

При Николае Павловиче впервые были проведены во дворце и костюмированные тематические балы, которые в дальнейшем получили большую популярность в обществе. Один из самых ярких костюмированных праздников был устроен в Зимнем дворце в 1834 году. Он был посвящен арабским сказкам и назывался «Аладдин и волшебная лампа». Великая княгиня Ольга вспоминала: «Этой зимой, во время масленицы, при Дворе был устроен большой костюмированный бал на тему сказки «Аладдин и волшебная лампа». В Концертном зале поставили трон в восточном

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 306.

вкусе и галерею для тех, кто не танцевал. Зал декорировали тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами, волшебство этого убранства буквально захватывало дух. В то время глазу еще непривычны были такие декорации, которые мы теперь видим на каждой сцене. Мэри и я появились в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах; нам было разрешено идти за Мама в полонезе. Какой блеск, какая роскошь азиатских материй, камней, драгоценностей! Я могла смотреть и искренне предаться созерцанию всего этого волшебства, не думая об обязанностях или правилах вежливости. Карлик с лампой, горбатый, с громадным носом, был гвоздем вечера. Его изображал Григорий Волконский, сын министра Двора, будущий муж прелестной Марии Бенкендорф. Этот бал остался в моем воспоминании кульминационным пунктом зимы 1833 года»¹.

Помимо взрослых придворных балов, во дворце регулярно проходили и детские, на которых присутствовали юные дворяне из аристократических семей. Маленькие танцоры, приезжая в императорский дворец, с раннего возраста постигали премудрости придворного этикета. Участие в таких балах было полезным как для царских детей, так и для их будущих подданных. Общась и танцуя друг с другом, они совершенствовали свои манеры и танцевальные способности, учились достойно держать и представлять себя в высшем обществе, приобретали навыки непринужденного общения и легкости в разговоре, преодолевали свой страх, стеснительность и волнение.

Гофмейстерина Императорского Двора Елизавета Алексеевна Нарышкина, вспоминая о детстве, рассказывала о своих сверстницах, которых она часто видела на детских придворных балах. Ее, робкую и пугливую девочку, только начинающую посещать детские праздники, восхищали элегантные и уверенные манеры опытных барышень, которые, поднатюнув на детских балах в искусстве светского общения, держались в обществе, как на-

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 300.

стоящие леди. В своем дневнике она пишет: «Изредка нас возили на детские балы... Девочки, которых мы встречали, представляли для меня собой новый тип. Они были элегантны и нарядны, как настоящие маленькие дамы. И умели говорить светским жаргоном о светских вещах. В этом отношении я сознавала их безусловное превосходство надо мной. Их апломб, миленькие манеры, легкий флирт с пажами, рассказы и смешки были для меня недостижимы, и вместе с тем я чувствовала, что никогда не заговорила бы при них о том, что наполняло мою голову и мое сердце, так что моя роль с ними была довольно пассивна»¹.

Дети дипломатов, государственных чиновников, представителей высшего света, приезжая с родителями на бал, попадали в особую атмосферу царского Двора, в которой царили богатство и роскошь, восхищение и благоговение перед членами императорской семьи. Непосредственное присутствие высочайших особ создавало торжественное настроение, а их милость и внимание делали праздник ярким и запоминающимся. Молодое поколение, вдыхая «запах фимиама всеприсутствия владык», с ранних лет постигало каноны незыблемости царской власти, осознавало исключительное положение императорской фамилии. Долли Фикельмон, часто вывозившая свою дочь на придворные детские балы, отмечала: «Многие дети как будто уже понимают, какое влияние на их будущее может оказать проявленная к ним милость Императора и Императрицы. Эти бедные маленькие ангелочки становятся неуклюжими, цепенеют, смущаются. Но я ненавижу детские балы, ибо для маленьких детей они чреваты опасностью заболеть, а для детей постарше — это школа кокетства и суеты»².

И, тем не менее, участие в балах было для детей волнительным и приятным событием, которое они ждали с нетерпением. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала, что на детские балы

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей / сост., вступ. ст., перев. и коммент. Е. В. Дружининой. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 76.

² Фикельмон Д. Дневник. 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. — М.: Минувшие, 2009. — С. 241.

они появлялись «все семеро», т. е. в полном своем составе: «Саша в казачьем мундире, Мэри — в бальном туалете, Адини и я — с лиловыми бантами в волосах, она — в коротком платьице в кружевных штанишках, я — в длинном платье, с закрученными локонами... Я была уже ростом с Мама. Кости появлялся в матросском костюме, два маленьких брата — в русских рубашках. В два часа, после обеда, за которым подавались блины с икрой, начинались танцы»¹.

Долли Фикельмон 11 января 1832 г. в своем дневнике оставила интересные подробности об одном из детских балов: «В одной из красивейших зал собралось двести детей; все как один очаровательные, празднично наряженные, хорошо держатся — пленительное зрелище. Элизалекс (дочь Д. Ф. Фикельмон — прим.) вела себя прекрасно, была очень мила, выделяясь не столько лицом, сколько манерами и своей маленькой фигуркой. Маленькие великие княжны были восхитительны. Старшая — красавица, приветливая, веселая и живая. Красота княжны Ольги поразительна: прелестное лицо с правильными чертами и ангельским выражением, серьезное, одухотворенное, — просто маленькая дама. Престолонаследник великолепен, у него невероятная для тринадцатилетнего подростка осанка юноши. Он как картинка, у него уже грациозные и элегантные манеры. Поистине невозможно представить ничего более совершенного, чем эта императорская семья вкупе. Император, императрица и их дети могли бы быть персонажами какой-нибудь сказки о феях»².

Помимо императорских взрослых и детских балов, в Санкт-Петербурге проходили придворные балы, которые давали великие князья и высшие чины двора по долгу службы и своего положения, посольские — их устраивали иностранные министры по случаю официальных праздников и событий, и частные — в домах высшей аристократии.

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 360.

² Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 189–190.

К числу самых изящных, истинно очаровательных праздников» в Петербурге принадлежали балы, даваемые членами императорской фамилии. Особым вкусом и красотой отличались танцевальные вечера великого князя Михаила Павловича. Устройством балов, их организацией занималась его супруга, великая княгиня Елена Павловна. Она проявляла максимум вкуса и изобретательности, придумывала оригинальные сюрпризы и декорации, делала все, чтобы об ее празднике «потом еще долго говорили как о верхе светского блеска и хорошего вкуса». И это ей, несомненно, удавалось. Барон Корф, побывавший 6 июля 1839 года на придворном балу великокняжеской четы, в своем дневнике оставил восхищенный отзыв. Он писал: «Бал был дан в городском его дворце, который сам по себе уже есть верх вкуса и великолепия, но на этот день изящным чувством и умением великой княгини получил такой фантастический блеск, что превосходил всякое описание. Довольно сказать, что к балу сvezены были все цветы из павловских и ораниенбаумских оранжерей, на двухстах возах и пяти барках, которые вел особый пароход. Зато все во дворце цвело и благоухало, и такого обилия редких и многоцветных растений мне не случилось видеть с Борромейских островов. В бальной зале из купы цветов исторгался прекрасный фонтан, который вместе с тысячько огнями вторился в бесчисленных зеркалах. Вдоль всех главных зал тянулся лицом в сад обширный, собственно на этот случай приделанный балкон, убраный цветами, коврами и фантастическою иллюминациею *a la Kia-King* (смысл не ясен — прим.), с чудесным видом на Царицын луг и Неву. Главная ужиная зала была также убрана с необыкновенным вкусом: царской стол под навесом больших деревьев и зеркал составлял обширный полукруг, которого вся внутренняя, обращенная к публике сторона была убрана в несколько рядов цветами. Везде и во всех концах дома раздавалась музыка, которая гремела и в саду, открытом на этот день для публики и всего народа. Всех гостей было до 800, и все в парадных мундирах. Праздник кроме всего своего стоил 50 т. р.»¹.

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — М.: Рубежи XXI, 2010. — С. 406.

Престижными в высшем обществе были и балы принца Ольденбургского. Петр Георгиевич и его супруга Тереза-Вильгельмина также, как и их царственные родственники, не жалели денег и фантазии на обустройство своих балов. Назначая вечер, они заранее продумывали его тематику, старались поразить необычностью и яркостью оформления. Вообще, удивить светское общество, пресыщенное постоянными праздниками и развлечениями, было достаточно сложно, но, при хорошей подготовке и оригинальной задумке, сделать это было возможно.

Барон Корф подробно описывает бал, который принц устроил 8 июля 1839 на своей летней даче на Каменном острове. «Бал принца на даче его на Каменном острове был в другом, более сельском виде... Танцевали в саду под открытым небом на огромном паркетном полу, окруженном со всех сторон возвышениями и ступенями с коврами. Когда уже совсем стемнилось, танцы перешли в залу, а сад и весь дом снаружи загорелись тысячью огнями. На Неве перед домом катались между тем шлюпки с музыкою и с русскими песельниками. Все это по самой уже новизне своей было очаровательно и представляло скорее какой-то итальянский, нежели наш северный праздник. Гостей по тесноте места было здесь только триста, и притом все во фраках, как будто на даче, хотя Каменный остров числится уже нынче в городе»¹.

Официальные придворные балы каждый год во дворце Департамента уделов давал и министр Императорского Двора князь П. М. Волконский. Имея в своем распоряжении все необходимые средства и возможности, распоряжаясь большим хозяйством императорских дворцов, князь мог себе позволить роскошные балы, при сравнительно небольших тратах денег. Долли Фикельмон, бывавшая на танцевальных вечерах во Дворце уделов, отмечала: «Он — министр Императорского Двора. Следовательно, в его распоряжении и все дворцовое обслуживание, и императорские оранжереи с прекрасными цветами»².

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 407.

² Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 89–90.

Надо отметить, что князь обладал не только соответствующими возможностями, но и хорошим вкусом и умел сделать свои праздники интересными и приятными для высокой публики. Графиня Фикельмон в своих дневниковых записях от 20 января 1830 года сообщает: «Бал получился чудесным, блестящим, непринужденным, живым, прекрасно освещенным»¹.

В период правления Николая I в высшем дворянском обществе сложилась четкая иерархия домов, которые императорская семья и цвет аристократии удостоивали своего высочайшего присутствия.

Корф М.А. в своем дневнике рассказывает, что существует ограниченное количество частных домов, в которых «веселится и скушает, танцует и играет большой свет». Эти дома он делит на четыре разряда:

- 1) те, в которых на балах бывает императорская фамилия;
- 2) те, в которых бывает только Государь;
- 3) те, где не бывает ни императрицы, ни Государя, а разве что только в некоторых из них вел. князь Михаил Павлович;
- 4) такие дома, до которых большой свет удостоивает спускаться, но которых хозяева сами почти никуда не приглашаются.

К первому разряду относятся:

1. Княгиня Кочубей, вдова государствен [ного] канцлера.
2. Вице-канцлер граф Нессельрод.
3. Графиня Разумовская.

Публика, собирающаяся в этих домах, по мнению барона, является самой чистой и эксклюзивной.

Далее идут дома, в которых встречается, как он пишет, «примесь» общества. К таким относятся:

4. Обер-церемониймейстер граф Воронцов. Чистый только в небольших вечерах, но на балах для царской фамилии бывает и примесь.

5. Статс-дама княгиня Белосельская. Еще более примеси. Балы ее чуть ли не самые многолюдные в Петербурге, чему способствует и огромность ее дома.

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 89–90.

6. Генерал-адъютант Трубецкой. Почти совсем чистый, но большие балы его года два уже прекратились по расстройству денежных и семейных обязательств.

7. Обер-шенк граф Браницкий — примесь полонизма.

8. Генерал-адъютант Левашов. Почти совсем чистый.

9. Отставной и единственный князь Юсупов. Лучшее и богатейшее помещение, но чтобы наполнить его, необходимо много примеси, и едва ли встречаешь где столько figures qu'on n'a jamais vues (столько лиц, которых нигде больше не увидишь — фр.)¹.

Чистые балы Кочубея, Нессельроде и Разумовских отмечали в своих воспоминаниях многие современники. Их дома были престижными для публики, особенно потому, что частыми гостями здесь были император и императрица. Царская чета являлась главным украшением бала, центральными фигурами вечера и внимание присутствующих все время было обращено к ним. Графиня Фикельмон отмечала, что «на балах все взоры обращены на императора и императрицу, все мысли заняты не празднеством, а их особами, все женщины желают понравиться Государю, все мужчины — Государыне! В подобной ситуации любая живость ума и сердца становится малозначительной либо вообще остается незамеченной. Так, если вы желаете вести беседу в комнате, где находится или же просто минует через нее Ее или Его Величество, вас не устаивают ни вниманием, ни ответом, глаза присутствующих выражают только одно: «Ищу взгляда Императора! Или же: «Я жду, чтоб Императрица взглянула на меня!» Мало-помалу и сам начинаешь усваивать эту привычку, ибо можешь остаться в полной изоляции, ежели согласишься или поступаешь иначе»².

Далее Д. Ф. Фикельмон в своем дневнике неоднократно упоминает о балах, которые устраивала для Двора и высшей знати княгиня Кочубей. 23 января 1833 года она пишет: «Позавчера я должна была присутствовать у Кочубеев на бале, который они

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 244–245.

² Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / сост. С. Мрочковская-Балашова. — М. : Минувшее, 2009. — С. 259–260.

давали для Двора. Поехала туда вопреки всякому желанию и в душевном состоянии, мало подходящем для танцев, но под конец отошла и даже развеселилась, поддавшись общему оживлению и возбуждению. Императрица продолжала танцевать даже после четырех утра! Она выглядела свежей, моложавой и красивой, какой я уже давно ее не видела»¹.

14 февраля она вновь сообщает об удачном бале в доме Кочубеев, на котором присутствовала императорская чета. «В воскресенье по поводу окончания масленицы сумасшедший день у Кочубея — с двух часов дня до часу пополуночи. Послеполуденное время провели прелестно, а вечером просто безумствовали! Появление императрицы в зале напомнило сказку о феях. Она была еще красивее, чем всегда, истинная роза, и солнечный цвет, танцующая, струился над ней, а рядом, опираясь на трость, шагала старая мадам Загряжская, всем видом напоминающая тысячелетнюю фею или, по крайней мере, Бабу-Ягу. Сначала танцевали с удовольствием, а потом с остервенением. Вот и кончился сезон безумного и шумного веселья»².

Балы у министра иностранных дел Нессельроде пользовались не меньшей популярностью в высшем обществе и были такими же «чистыми», как и балы Кочубеев. Сюда не мог проникнуть посторонний человек, войти в дом имели право только избранные лица, здесь собирался большой свет. Графиня Фикельмон, посетив дом министра 19 февраля 1832 года, в своем дневнике оставила приятные воспоминания об этом вечере: «Бал у Нессельроде для Двора. Немногочисленное общество, но вобравшее все самое красивое и элегантное»³.

«Блестящими и престижными» в обществе были и балы графини М. Г. Разумовской. Ее дом был одним из немногих, где часто бывала императорская семья. В уютных владениях Марии Григорьевны, точно так же, как у Нессельроде и Кочубеев, собирались

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 249.

² Там же. — С. 259.

³ Там же. — С. 204.

лица одного круга, здесь были только свои, «без примеси». Барон Корф в своем дневнике от 2 февраля 1839 года описывает танцевальный вечер, который устроила графиня для императорской семьи и важных персон. «Dejeuner dansant (обед с танцами — фр.) гр. Разумовской заключался в том, что все съехались к завтраку во 2-м часу, потом танцевали при дневном свете, в пять часов обедали и потом опять танцевали до 10. Горько было, я думаю, нашим поблекшим от беспрестанных балов и бессонных ночей красавицам показывать при солнечных лучах свои пожелтелые плечики и спины, которые вечером идут еще кое-как в парад. Государь был на завтраке, к обеду уехал домой, но после опять приехал и много танцевал. Императрица с вел. княжнами оставалась весь день»¹.

Далее у Корфа в его списке обозначены дома, которые не являлись совсем чистыми. На больших балах, которые устраиваются в частных домах для императорской семьи, можно встретить людей, не входящих в узкий круг высшего света. К ним он относит и дом обер-церемониймейстера графа Воронцова. Иван Илларионович Воронцов, дипломат, член государственного совета, был известным и уважаемым в Петербурге человеком. Он умел обставлять свои праздники на широкую ногу и имел репутацию хлебосольного и гостеприимного хозяина.

Вот как описывает балы Воронцова-Дашкова граф В. А. Соллогуб, неоднократно бывавший в их доме: «Самым блестящим, самым модным и привлекательным домом в Петербурге был в то время дом графа Ивана Воронцова-Дашкова благодаря очаровательности его молодой жены прелестной графини Александры Кирилловны... Каждую зиму Воронцовы давали бал, который двор удостаивал своим посещением. Весь цвет петербургского света приглашался на этот бал, составлявший всегда, так сказать, происшествие светской жизни столицы. В день, или, скорее, в вечер торжества дом-дворец представлял великолепное зрелище; на каждой ступени роскошной лестницы стояло по два ливрейных лакея: внизу в белых кафтанах — ливрея Дашковых, на второй по-

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 267.

ловине лестницы в красных кафтанах — ливрея Воронцовых. К десяти часам все съезжались и размещались в ожидании высоких гостей в двух первых залах. Когда приходила весть, что государь и императрица выехали из дворца, мажордом Воронцова — итальянец, кажется звали его Ричи (его знал весь Петербург), — в черном бархатном фраке, коротких бархатных панталонах, чулок и башмаках, со шпагой сбоку и треуголкой под локтем, проворно спускался с лестницы и становился в сопровождении двух дворецких у подъезда; граф Воронцов помещался на первой ступени лестницы, графиня ожидала на первой площадке. Императрица, опираясь на локоть графа Воронцова, поднималась на лестницу. Государь следовал за нею... Ужин императрице сервировался на отдельном небольшом столе на посуде из чистого золота...»¹.

Дом графа Левашова также пользовался известностью в столице, а балы, которые генерал-адъютант давал для публики, барон Корф называет «почти совсем чистыми». В своем дневнике от 6 февраля 1843 года он подробно описывает бал Левашовых и дает характеристику присутствующему на нем контингенту. «Бал у графа Левашова был прелестен, как бывают все его балы, но только утомительно длинен. На другие балы съезжаются к 11 часам, и мы, не танцующие, разъезжаемся в час или немногим чем позже; а здесь, по случаю приезда императрицы, все были званы к половине 9-го и съехались к 9, а разъехались, так как этикет запрещает удаляться прежде императрицы, все-таки в час. Дом Левашова прелестно убран и отделан, но очень невелик, и оттого гостей было звано гораздо менее, нежели зовут в другие дома и даже на другие балы Левашова. Прежний его список включал в себя 400 человек, а теперь он замарал из них 180. Разумеется, что множество людей считает себя обиженными, но как же этого избежать при огромном и беспрестанном умножении нашего высшего общества... На бале у Левашова, сверх императорской четы, были тоже обе великие княжны, цесаревна, наследник и великий

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 696—697.

князь Михаил Павлович. Все оставались до самого конца. Хозяин казался совершенно счастливым»¹.

Ко второму разряду барон Корф, в своем списке, отнес дом сенатора Д. П. Бутурлина, в котором бывает только государь. Балы Бутурлина, по мнению Модеста Андреевича, являются совершенно эксклюзивными. Дмитрий Петрович — видный государственный деятель, председатель секретного Комитета для надзора за цензурой и печатью, действительный статский советник, был заметной личностью в столице. Являясь представителем старинного аристократического рода, Д. П. Бутурлин был человеком чести и слова. Корф в своем дневнике дает сенатору интересную характеристику. «Бутурлин — ужаснейший *doctrinaire* (доктринер — фр.) во всем, что он ни делает, — точно таков же и с своими понедельниками, которые заведены уже многие годы и на которых бывают самые только сливки высшего общества. Будь в этот день бал не только в другом частном доме, но даже и во дворце, он ни за что никуда не поедет и непременно сидит у себя с освещенными залами. «*Ayant dit une fois a mes amis que je suis chez moi les Lundis* (сказав однажды моим друзьям, что я буду у себя по понедельникам — фр.), — говорит он, — *j'aurais cru de la plus grande impolitesse de leur manquer, si meme il n'en venait qu'un seul* (я считал бы крайне невежливым их манкировать, даже если придет лишь один — фр.)».

Николай I часто бывал в доме Бутурлиных, устаивая своим уважением сенатора и вниманием его жену Елизавету Михайловну. Фрейлина Императорского Двора А. О. Смирнова—Россет вспоминает об одном из таких балов: «Однажды в конце бала, когда пара за парюю быстро и весело скользили в мазурке, усталые, мы присели в уголке за камином с бар. Крюднер; ...Наискось в дверях стоял царь с Е. М. Бутурлиной, которая беспечной своей веселостью более, чем простотой, всех привлекала, и, казалось, с ней живо говорил; она играла веером, смеялась иногда и показывала ряд прекрасных белых своих жемчугов...»².

¹ Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. — М.: Academia, 2004. — С. 75.

² Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. — С. 9.

Долли Фикельмон, побывавшая на балах у господ Бутурлиных, несмотря на их эксклюзивность и ограниченное количество присутствующей там публики, нашла вечера скучными и неинтересными. В своем дневнике от 19 февраля 1835 года она написала: «В вихре всех этих празднеств — маленький бал у Бутурлиных, довольно унылый, не бал, а пустой звук, который, по-моему, может доставить удовольствие лишь влюбленным, а таких совсем немного среди здешнего общества»¹.

К третьему разряду Модест Андреевич причислил дома, в которых из императорской фамилии бывает только один великий князь Михаил Павлович.

В этом списке числятся:

1. Государственный контролер Хитрово. У него бывает великий князь, но вечера редки. Из примеси бывают разве только два или три высших чиновника контроля.

2. Обер-гофмейстер Опочинин. Огромный раут 22-го декабря в день рождения жены, где бывает и в. князь. Кроме того, вечера очень редкие, разве иногда в великий пост роуты (рауты — прим.).

3. Камер-юнкер Давыдов. Великолепный и блестящий дом, но открытый только с нынешней зимы одним балом, на котором был и в. князь.

4. Генерал-адъютант Сухозанет. В примеси много таких игроков, которых больше нигде не увидишь.

5. Министр народного просвещения Уваров. Вечера редки, и большею частию немногочисленное общество. Но прежде бывали большие балы, на которые являлся весь высший круг.

6. Статс-секретарь Новосильцев. Маленькие вечера очень часты, но тут всякая всячина. Но несколько лет тому назад был большой бал, на котором собралась вся знать.

7. Егермейстер кн. Щербатов. Прежде бывали большие балы во всем параде. Нынче, со времени выдачи в замужество обеих дочерей, это кончилось.

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург — С. 326.

8. Брат его, отставной генерал-адъютант кн. Щербатов. Года два тому назад был большой бал, совершенно чистый.

9. Камергер князь Голицын, так называемый рябчик. Большие балы с примесью *cretty-pletty*.

10. Лев Нарышкин, сын покойного обер-гофмейстера и зять обер-шталмейстера кн. Долгорукова. Нынешнею зимою начались прекрасные и совсем эксклюзивные балы, которые, однако же, после двух раз прекратились смертию отца.

11. Сенатор гр. Гурьев (брат графини Нессельрод). Балов никогда не бывает; но есть определенные дни (нынче вторники), в которые собираются играть в карты и притом одни мужчины, потому что жена, урожденная гр. Толстая, больная, нервическая и вообще какая-то мудреная, никогда не является. Общество чистое, с прибавкою только нескольких поляков, потому что Гурьев был прежде киевским генерал-губернатором.

12. Наш председатель князь Васильчиков. Балов никогда не бывает, чего не позволило бы помещение, но в нынешнюю зиму было два вечера, впрочем, почти для одних мужчин и для небольшого только круга дам из родных. Общество было совершенно чистое и в последний раз довольно многолюдное; но все, однако, за исключением множества лиц, даже и таких, которые бывают везде¹.

Балы в этих домах не были регулярными, их давали от случая к случаю, по мере возможности. Организация бала требовала от его устроителей проявления различных способностей. Большие материальные затраты не являлись гарантией хорошего праздника. От хозяев, помимо красивого декора и роскошного угощения, требовалось умение развлекать гостей, не утомляя своим чрезмерным вниманием, быть приятными и гостеприимными, но ненавязчивыми. Не все, из перечисленного Корфом списка, могли похвастать этими способностями. Долли Фикельмон, побывав на балу обер-гофмейстера Опочинина, в своем дневнике от 26 декабря 1832 года, отметила неопытность хозяев в этом деле.

¹ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 245–247.

Она пишет: «На днях маленький вечер у Опочининых довольно несуразный и вялый. С первого взгляда можно понять, имеют ли хозяева навык принимать гостей. У них же все говорило о том, что он отсутствует. Однако это поправимо, если они будут чаще вращаться в обществе, ведь учтивости и доброжелательности им не занимать»¹.

Посетив дом Опочининых в следующем году, графиня Фикельмон констатирует, что умения делать балы интересными Опочинины так и не приобрели, «подобного рода развлечения не получаются и всегда кажутся провинциальными».

Для комфорта гостей размеры дома также имели немалое значение. Удобные и просторные залы располагали к приятному отдыху, давали простор для танцев, возможность уединения. Посетив бал князя Щербатова, Д. Ф. Фикельмон не преминула заметить, что дом не позволяет принять большое количество людей. 14 декабря 1832 года в своем дневнике она написала: «Забыла рассказать о бале у Щербатовых. У них красивая зала, но очень тесная для такой толпы, которая собралась там»².

Положительного отзыва графини Фикельмон из списка М. А. Корфа удостоились балы действительного тайного советника и камергера А. З. Хитрово. 25 апреля 1833 года в ее дневнике появляется следующая запись: «14-го бал у контролера Хитрово — прелестный, весьма оживленный для конца сезона»³.

В 1834 году посетив дом Хитрово, графиня вновь восхищается балом, при этом не совсем лестно отзывается о хозяевах дома. Она пишет: «Контролер Хитрово умеет придавать элегантность своим вечерам, хотя ни он сам, ни его жена не блещут ею»⁴.

Завершает список Корфа четвертый разряд, к которому он отнес дом братьев Лазаревых. Это дом, который петербургский бомонд охотно посещает, но к себе хозяев не приглашает. «К ним

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 301.

² Там же. — С. 243.

³ Там же. — С. 269.

⁴ Там же. — С. 301.

ездят все, а их не пускают почти никуда»¹, — сообщает Корф в своем дневнике. Семья Лазаревых стала популярной в Петербургском обществе благодаря протекции графа Бенкендорфа. «Дом их введен в почет гр. Бенкендорфом, который некогда имел интригу с женою одного из них и для которого все к ним ездили, а теперь оно сохранилось уже по преданию и обычно»², — сообщает барон.

«Лазаревы стали исключительно богатыми и выдвинулись только благодаря деньгам — в них то все достоинство. У этого Лазарева — прекрасный дом с красивыми вещами, довольно красивыми картинами; человек он невыносимый и всем досаждаст, но, к сожалению, чересчур любезный»³, — делится своими наблюдениями о хозяине дома Долли Фикельмон.

Несмотря на свой непростой характер, Лазарев, как отметила графиня Фикельмон, умел быть любезным, давал балы, не жалея денег, и весь цвет аристократии можно было встретить в его доме. 2 января 1839 года барон Корф в своем дневнике написал: «На днях был великолепный бал у известных армянских богачей Лазаревых, бал, на котором собрана вся административная и дипломатическая знать и все пресловутости модного света, вообще едва ли не блистательнейший во всю нынешнюю зиму»⁴.

Императорская семья и цвет аристократии любили посещать общественные балы и, особенно, публичные маскарады, которые проходили в Дворянском собрании и в помещении Большого театра. Государь и высшая публика приезжали обычно ближе к полуночи, в самый разгар вечера и смешивались с толпой. Возможность почувствовать себя обычным человеком, не обременённым своим высоким положением, кружила голову, создавала романтическое настроение, шекотала нервы. Император обычно появлялся в казачьем мундире, который очень шел ему, и без маски, так как военным было запрещено надевать ее. Мужчины на вечере

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 247.

² Там же. — С. 224.

³ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 196.

⁴ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 224.

почти все были без масок, военные приезжали одетыми в домино, статские в разноцветных фраках и круглых шляпах, дамы в масках, полумасках или маскарадных костюмах. Николай Павлович «гулял в аванзалах и театральной сцене совершенно как частный человек». Его очень забавляли флирт и кокетство женщин, которые, узнавая государя, всячески старались привлечь его внимание. Любая маска «имела право взять государя под руку и ходить с ним по залу». Позволяя дамам себя интриговать, государь не терпел никакой фамильярности. Известно, что на одном из маскарадов одна из женщин позволила себе бесцеремонное обращение к государю. Барон Корф так описывает эту ситуацию.

«Император Николай и в зиму 1851 года все еще продолжал любить и часто посещать публичные маскарады, особенно в Дворянском собрании, где они отличались большею живостью и многолюдством, нежели в Большом театре. На одном из таких маскарадов к нему подошла какая-то женская маска с восклицанием:

- Я тебя знаю.
- И я тебя.
- Не может быть.
- Точно знаю.
- Кто же я такая?
- Дура, — и отвернулся.

Ответ очень меткий на важное открытие, что маска знает государя, произнесенное еще по-русски, следственно, по все вероятности, какую-нибудь горничною или прачкою»¹.

Императрица, так же как и государь, любила бывать на маскарадах, получая неизъяснимое удовольствие от пьянящей свободы и возможности интриговать мужчин «не хуже другой какой-нибудь дамы»².

Готовясь к маскараду, она поручала обер-полицмейстеру достать для нее городскую карету с лакеями в поношенных ливре-

¹ Корф М. А. Записки. — М. : Захаров, 2003. — С. 535. — (Серия «Биография и мемуары»).

² Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 268.

ях и приезжала на бал инкогнито, под вымышленной фамилией. Долли Фикельмон, не раз сопровождавшая императрицу на маскарад, вспоминала: «В пятницу маскарад у Энгельгардта. Императрица пожелала поехать туда, но инкогнито и при соблюдении строжайшей секретности, выбрав меня сопровождать ее... В наемной карете поехала к Энгельгардту вместе с императрицей, которая пребывала там под именем M-elle Тимофеевой. Она смеялась, как ребенок, я же натерпелась страху, опасаясь возможных инцидентов. Когда мы смешались с толпой, стало еще хуже. Ее толкали локтями, неуважительно пихали, как всякую другую маску. Все это было в новинку Императрице и очень забавляло ее. Мы интриговали с многими. Мейендорф, модный красавец, так настойчиво домогавшийся благосклонности Императрицы, имел неловкость вообще не узнать ее и держался с нами весьма неучтиво. Лобанов сразу распознал нас обеих, но Горчакову, который общался с нами целый час и затем усадил нас в карету, и в голову не пришло, с кем имеет дело. Меня потешало крайнее замешательство пристава Кокошкина. Бедняга очень скоро узнал Императрицу и трепетал при мысли, что с ней может что-нибудь случиться... Он, право же, так паниковал, что было жалко глядеть на него. Наконец, в три часа утра, я вернула ее во Дворец, целую и невредимую, почувствовав огромное облегчение, что освободилась от такой ответственности»¹.

Любовь императорской четы к маскарадам была более чем понятна. Свободная и непринужденная обстановка праздника помогала выйти за рамки дворцового этикета, здесь можно было отдохнуть от своих привычных обязанностей, погрузиться в атмосферу всеобщего раскрепощения. Маскируясь под рядовых посетителей, царственные особы, что называется, «ходили в народ», общались с представителями разных слоев населения, знакомились с общественным мнением.

Регулярно бывая на маскарадах, император всегда открывал для себя много новой, интересной и полезной информации, узнавал

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 258.

то, что тщательно скрывалось от него его ближайшим окружением. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Как Гарун аль Рашид, он мог появляться и говорить с кем угодно. Благодаря этому ему удавалось узнать многое, о чем он даже не подозревал, в том числе и о недостатках, которые он мог устранить, и о необходимости кому-то помочь и даже облегчить чью-нибудь участь»¹.

Таким образом, маскарады, благодаря их демократичности и публичности, давали возможность императору быть в курсе столичной и общественной жизни, непосредственно общаться с народом, оказывать ему свою отеческую заботу и попечение. «Его Величество держится с удивительной грациозностью, и на него непрестанно нападает множество черных домино, чтобы сказать ему все, что им только взбредет в голову»², — сообщал художник Верне, наблюдавший императора на маскарадах.

Выслушивая откровения толпы, Николай I и во время развлечений продолжал работать, ни на минуту не забывая о своих обязанностях, добросовестно выполняя свой долг. «Он ничем не жертвовал ради удовольствия и всем ради долга и принимал на себя больше труда и забот, чем последний поденщик из его подданных. Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волей»³, — написала про императора фрейлина А. Ф. Тютчева в своем дневнике.

И таким он оставался до последних дней своей жизни.

Эпоха царствования Николая Павловича была самой богатой на праздники и развлечения и поэтому самой запоминающейся. Балы в период его правления приобрели невиданный размах и великолепие. Зародившись в России во времена Петра Великого, в царствование Николая I балы достигли своего апогея. Таких ро-

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 361–362.

² Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843 / пер. фр. Д. Васильева. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. — С. 54.

³ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 46.

скошных и торжественных праздников и такого могущественного Двора в России больше уже никогда не было. Со смертью императора красота, роскошь и великолепие придворных праздников пошли на убыль. История начала обратный отсчет времени. Следующие за Николаем Павловичем императоры лишь поддерживали традиции, существующие при Дворе. Превзойти Николая I по устройству, организации и необыкновенной атмосфере величия и благородства балов уже не смог ни один из них. Благодаря своей харизме, воле, сильному характеру, Николай I сам творил историю своего царствования, сам устанавливал правила поведения, создавал собственный имперский стиль во всем, к чему прикасался, на что обращал внимание. Тютчева А. Ф. вспоминала: «... Передо мной предстала высокая фигура самодержца, вид которого всегда внушал мне невольный трепет. Смущенная, покрасневшая, я встала, чтобы поклониться. Одним из тех жестов изысканной учтивости, тайной которой он обладал, он пригласил меня сесть и спросил, что я читаю. «Историю вашего царствования, ваше величество», — робко отвечала я прерывающимся голосом. «Она вся перед вами, сударыня, к вашим услугам», — сказал он с полупоклоном. В этой шуточной фразе, обращенной к оробевшей девушке, он бессознательно высказался весь целиком. История его царствования, история его родины и его народа — это был он и исключительно он»¹.

Тридцатилетнее правление Николая I, оставившее глубокий след в истории государства российского и существенным образом повлиявшее на жизнь русского общества — его культуру, быт и развлечения, заканчивалось. На престол готовился взойти Александр II. Вместе с ним начиналась новая эпоха, новое время, другая жизнь.

Александр II

Александр II был полной противоположностью Николаю Павловичу. Не разделяя многих взглядов отца на ведение внутренней

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 48.

и внешней политики, он начинает свое царствование, исполненный благородных намерений внести существенные перемены во все сферы жизни русского общества. Многочисленные реформы станут результатами его активной деятельности, отражениями его взглядов на устройство государства и всех его отраслей.

Что касается культурной жизни общества и, в частности, развлекательной его части, здесь не возникнет каких-то перемен. Александр оставит порядок, существующий при дворе, и праздники и балы будут проходить по правилам, утвержденным в свое время императором Николаем. Он, так же как и Николай Павлович, любит веселье и развлечения и дает придворные балы во дворце с не меньшей регулярностью, чем его родитель. Но ему не хватает мощи и величия отца. Тютчева А. Ф. в своих воспоминаниях дала следующую характеристику Александру. «Черты его лица были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд малоодухотворенный; словом, его лицо было маловыразительно и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид. Это выражение он перенял от отца, у которого оно было природное, но на его лице оно производило впечатление неудавшейся маски. Как император, он считал себя обязанным почти всегда принимать суровый и внушительный вид, который в нем был только плохой копией. Это не давало ему того обаяния, каким в свое время обладал император Николай. И лишало его того, которое ему дано было природой и которым он так легко мог бы привлекать к себе сердца. Это двойное выражение его лица отражало до известной степени двойственность его натуры и судьбы. Чужие качества, которые он старался себе присвоить, парализовали в нем его подлинные качества, полученные им от природы... Его сердце обладало инстинктом прогресса, которого его мысль боялась... Он был тем, чем не хотел быть, и хотел быть тем, чем не был»¹.

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 30–31.

Придворная жизнь, атмосфера Двора, несмотря на все старания Александра оставить все как есть, неуловимо менялись, исчезал неповторимый стиль и лоск, присущий временам императора Николая. Благолепие и глубокая почтительность к членам царской семьи покидали дворец, на их место приходили легкомысленность и распушенность. Двор терял свою грандиозность и внушительность. Фрейлина Тютчева в своем дневнике написала: «К несчастью, дурной тон распушенности и излишней непринужденности все больше и больше распространяется со времени смерти императора Николая Павловича, строгий взгляд которого внушал уважение к дисциплине и выдержке дамам и кавалерам свиты не менее, чем солдатам его полков. Наше общество очень нуждается во внешней сдержке, так как оно утратило инстинктивное чувство декорума, которым отличаются примитивные расы, и не достигло еще той степени культуры, при которой вежливость и хороший тон вытекают из утонченной душевной жизни, как из естественного источника»¹.

Менялась и атмосфера придворных праздников. Хорошая организация, изысканное оформление, красота и роскошь балов остались неизменными, но, по отзывам современников, им не хватало былого величия и торжественности. Фрейлина А. Ф. Тютчева через год после смерти императора Николая I с грустью констатировала: «Времена изменились, балы — тоже». Связано это было, скорее всего, с характером Александра Николаевича и его супруги Марии Александровны. Александр II, будучи человеком веселым и общительным, любил балы и посещал их с удовольствием, но придать им особый шик и значимость не умел. Императрица же, хотя и обладала необыкновенным обаянием, достоинством и благородством, не очень любила светскую жизнь, ее больше интересовали тихие спокойные вечера в кругу близких людей, с которыми можно было говорить на разные темы: обсуждать политические и общественные события, читать серьезные книги.

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 252.

Общение с умным, образованным собеседником ей было намного милее, чем пустые светские беседы с присутствующими на балу гостями. Мария Александровна воспринимала балы, как необходимую и «скучную обязанность». Появляясь на придворных балах, она добросовестно исполняла свою работу, играя роль гостеприимной хозяйки. Но делала это так старательно, что всем было видно, что ей самой не доставляет это никакого удовольствия. Граф Шереметев вспоминал: «... стройная, худая, вся усыпанная бриллиантами, с прическою в мелких завитках, она показывалась как бы нехотя, была любезна, говорила умные речи, всматривалась пристально и проницательным взглядом; всегда сдержанная, она скорее недоговаривала, чем говорила лишнее. Она как бы исполняла скучную обязанность, и когда говорила, можно было подумать, что она хочет сказать: «Видите, я с вами говорю, потому что это принято, что это — долг, но до вас мне нет никакого дела, у меня своя внутренняя жизнь, доступная избранным, все остальное — служба, долг, скука...»... Она постоянно думала о том, что ей возможно, а чего нельзя как Императрице, и любила напирать на эти обязанности. Она как будто после долгих лет все усваивала себе, анализировала свое положение как Императрица»¹.

Придворные балы при Александре II проводились по сложившимся при прежних государях традициям. Перед началом бала в парадном зале дворца перед приглашенной публикой появлялся важный церемониймейстер. В своих руках он держал жезл — длинную трость черного дерева с шаром слоновой кости наверху, двуглавым орлом и бантом Андреевской ленты. Зычным голосом он сообщал присутствующим о выходе государя с государыней. По команде капельмейстера оркестр начинал играть полонез. Церемониймейстер три раза громко ударял жезлом об пол, и танец начинался. Шествие открывал обер-гофмаршал, в окружении церемониймейстеров, задачей которых было очистить пространство зала для первой пары — государя и его партнерши.

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. и примеч. Л. И. Шохина — М. : Индрик, 2001. — С. 114–115.

После традиционного полонеза гости танцевали вальсы, кадрили, мазурки. Танцевальная программа вечера была отработана досконально. Танец за танцем следовали в определенном порядке. Император Александр, так же как в свое время и его отец, после открытия бала работал, активно общаясь с гостями. Князь Кропоткин, камер-паж императора, в силу своей должности обязанный всюду сопровождать государя, вспоминал: «Моя служба на балах была не из легких. Александр II не танцевал и не сидел, а все время ходил между гостей. Камер-пажу приходилось идти на некотором расстоянии от царя так, чтобы не торчать слишком близко и вместе с тем быть под рукой, чтобы явиться немедленно на зов. Это сочетание присутствия с отсутствием давалось нелегко»¹.

Пока император выполнял свои обязанности, праздник шел своим чередом. Руководил балом специально назначаемый для этого случая человек — распорядитель бала или, как его еще называли, дирижер. От него требовалось умение вести танцевальный вечер, ловко дирижировать танцорами. От его организаторских способностей зависело, насколько удачно и слаженно пройдет праздник. К распорядителю бала предъявлялись определенные требования. Он должен был обладать прекрасными танцевальными способностями, хорошей памятью, знать наизусть фигуры и шаги всех танцев, великолепно владеть французским языком, так как все команды танцующим отдавались на этом языке. Кроме того, распорядителю желательно было иметь хорошую физическую подготовку, так как в течение бала ему приходилось практически без перерыва танцевать, «летать из одного конца зала в другой», показывая парам новые движения, быть расторопным, уметь в случае необходимости прийти танцорам на помощь в неловкой или непредвиденной ситуации.

Лучших дирижеров знали в лицо, они пользовались большой популярностью в обществе, их нарасхват приглашали на балы, ценили и уважали. Во время правления Александра II заслуженной

¹ Кропоткин П. А. Записки революционера // Милитера: Военная литература. — URL: bit.ly/2qYxiD3 (дата обращения: 19.05.2018).

славой лучшего премьер-дирижера пользовался Ипат Арсеньевич Бартнев. В 1860-х годах ни один придворный бал не обходился без его участия.

Дамы и кавалеры, вступая на паркет, послушно исполняли распоряжения дирижера, танцевали с завидной легкостью и грацией, по команде распорядителя менялись партнерами и вновь кружились по залу. Бал и все его участники были единым механизмом, работающим четко, слаженно, организовано. Каждый знал, где в нужный момент должен быть и что при этом следует делать. Раз и навсегда отрепетированный спектакль повторялся неустанно, каждый гость назубок знал свою роль; все было привычно, неизменно, как всегда. «... При дворе привычка к привычкам так глубоко укоренилась, что берет верх над всеми непосредственными впечатлениями. Делают то или иное не по вкусу, по необходимости или удобству, но исключительно потому, что так делалось вчера и будет делаться завтра»¹, — сообщает А. Ф. Тютчева. И далее с грустью продолжает: «В воскресенье при дворе был бал, блестящий и невыносимо скучный, как всегда»².

И, тем не менее, несмотря на привычное однообразие, придворные балы в стенах дворца собирали огромное количество людей. Главными действующими лицами этого праздника были члены императорской семьи, главным украшением — дамы. Блистая своей красотой, молодостью, нарядами, они привлекали внимание присутствующих мужчин, создавали романтическое настроение, были интригой вечера. Легко и непринужденно дефилируя по залам дворца, дамы как бы устраивали между собой негласный показ мод, представляя публике свои творения. При этом каждая из них выступала в качестве модельера и модели одновременно. Изысканный туалет, легкая непринужденная походка, блистательная улыбка — ничто в обаятельной и элегантно-обладательнице модного платья не выдавало пережитого нака-

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 235.

² Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 446.

нуне волнения и беспокойства. Гоголь в романе «Мертвые души» дает блестящую характеристику нарядам светских дам. «... В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилась много порядочная голова. Легкий головной убор держался только на одних ушах и, казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!» Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы... Всё было у них придумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностию; шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше; каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала, по собственному убеждению, что они способны погубить человека; остальное всё было припрятано с необыкновенным вкусом: или какой-нибудь легонький галстучек из ленты или шарф легче пирожного, известного под именем поцалуя, эфирно обнимал и обвивал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей. Эти скромности скрывали наперед и сзади то, что уже не могло нанести гибели человеку, а между тем заставляли подозревать, что там-то именно и была самая погибель»¹.

Вообще, бальные платья русская аристократия стремилась шить по модным европейским образцам у знаменитых в Петербурге и Москве модисток или привозить из Парижа. Графиня Разумовская, которая имела большое пристрастие к нарядам, в 1853 г., проезжая через Вену, попросила приятеля, служившего на таможене, помочь ей с провозом багажа. Удивленный такой просьбой, таможенник спросил: «Да что же вы намерены провезти с собою? — «Безделицу, — отвечала она, — триста платьев». Если

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. — М. : Художественная литература, 1985. — С. 152–153. — (Серия «Классики и Современники»).

учесть, что, по неписаным законам, существующим в обществе, дама обязана была появляться на балу в новом наряде, то триста платьев были, конечно же, сущим пустяком для графини, которая вела активную светскую жизнь.

Залы императорских дворцов и богатых домов радовали глаз красотой убранства и оригинальным оформлением. Организаторы балов тратили немалые деньги на декор и угощение. Стоимость праздников с каждым годом дорожала, а аппетиты искушенной публики становились все больше и больше. Никифоров Д. И., описывая московские балы времен царствования Александра II, с горечью сообщает: «Прежний танцевальный вечер на 70 или 100 человек обходился от 150 до 200 рублей. Теперь нельзя обернуться 3000 и 5000 руб. Во-первых, заведено устраивать непременно буфет с глыбами льда и замороженным шампанским, которое и молодежь и старики истребляют с начала до конца вечера. При котильоне необходимы игрушечные побрякушки и декадентские ордена, на которые выходит масса денег. За ужином принято устилать скатерть живыми цветами, за недостатком и дороговизною которых в Москве выписывают их из Ниццы. Все эти накладные бесполезные расходы делают то, что количество таких вечеров в нашем обществе сильно сократилось... В старину, когда шампанское продавалось 3 рубля бутылка, его подавали только за ужином, а теперь, когда цена его более чем удвоилась, его пьют не переставая в течение всей ночи, как будто для этого и приехали на вечер. Все жалуются на скуку, но виноваты в ней сами, примешивая их увеселениям такую большую долю тщеславия. Из тщеславия выписываются хоры музыки за 600 верст и платят вместо 300 рублей — 1500 р., только чтобы сказали, что за нее заплачена такая сумма. Из тщеславия заказывают ужин в «Эрмитаже», платя за него баснословные цены. Между тем, как в доброе старое время ужины готовили свои повара из привезенной своей деревенской провизии. Во время танцев прохлаждались водицами, и все это обходилось дешево и было веселее»... Патриархальность пропала теперь: все старания устремлены на выказывание «капитала»,

а вне роскошных праздников хозяева домов ходят в своих комнатах в одиночестве, экономией возмещая произведенные траты»¹.

Но главным на балах, конечно же, было не угощение. Гости приезжали на праздник, прежде всего, чтобы получить яркие эмоции, сильные впечатления, удовлетворить свою потребность в дружеском общении. Михневич В. писал: «... бал сделался венцом общественности, высшим его выражением, танцы — культом, единственно достойным детей «забав и роскоши», и в то же время чуть не единственным цементом для общения кавалеров с дамами...»².

Женщины, ограниченные пространством своего дома, однообразием привычной обстановки и окружения, выезжая в свет, получали приятную возможность не только себя показать и других посмотреть, но и разнообразить жизнь. Веселая, оживленная суэта бала, звуки громкой музыки, огромное количество нарядных людей — все эти моменты легко превращали обычный день в праздник, а разговоры с друзьями и знакомыми согревали душу, давали пищу для размышлений и последующих обсуждений. Непринужденное общение для участников бала было главным средством обмена различной информацией, оно было новым, интересным и отличным от привычных домашних пересудов.

Некоторые женщины и мужчины приезжали на бал только ради общения, незатейливые разговоры друг с другом они предпочитали оживленным танцам. Сидя в укромном уголке где-нибудь между колоннами и наблюдая за веселящейся молодежью, дамы и кавалеры обсуждали разные темы, например, театральную премьеру или новомодные спиритические сеансы с вертящимися столами. Во время ужина, сменив собеседников, узнавали свежие новости и слухи, ходящие в обществе, а также получали от знающих людей полезную и нужную для себя информацию. Тютчева А. Ф. часто посещала балы, чтобы развеять скуку и пообщаться

¹ Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II : воспоминания. — М. : Гос. публич. историческая б-ка России, 2013. — С. 53–55.

² Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: В 3 т. Т. 2. — СПб., 1882. — С. 372.

с интересными людьми. В своем дневнике от 12 октября 1858 года она написала: «Я пошла в Арсенал, чтобы посмотреть немного на танцы и затем удалиться в 11 часов, как подобает гувернантке, которая встает в семь часов. Но сначала я разговорилась с прелестной Раден, фрейлиной великой княгини Елены Павловны, затем ко мне подсел Тотлебен, наш севастопольский герой, и у нас завязался разговор, который увлек меня до часу ночи... Он говорил со мной о Севастополе, героем которого был, и о своем пятилетнем сыне с одинаковой простотой и одушевлением. В этом человеке нет тени тщеславия. Ложась спать, я благодарила Бога, что есть люди подобные ему»¹.

9 ноября этого же года Анна Федоровна вновь приезжает на бал, чтобы найти для себя интересного собеседника и отдохнуть от привычных будней. После бала она, как всегда, оставит в дневнике свои впечатления: «Сегодня вечером давался бал для гусаров, праздник которых бывает 6-го числа. Все дамы были в белом и красном, в платьях более или менее походивших на гусарский мундир. Я не танцевала и беседовала с несколькими кавалерами, князем Багратионом, адъютантом государя и умным малым, Кушелевым, также адъютантом и большим поклонником вертящихся столов»².

При этом Тютчева не забывает и кокетничать с мужчинами, как истинная светская женщина. В очередной раз, посетив танцевальный вечер в Арсенале, она сообщает: «Чтобы развлечься, я пококетничала с адъютантом графом Крейцем, победоносный вид которого меня в душе забавляет»³.

Почтенные старички и старушки также с удовольствием приезжали на бал, чтобы отдохнуть от привычной домашней обстановки и повеселиться в соответствии со своими возможностями. Конечно же, главным их развлечением на балах были карточные

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники. — С. 425–426.

² Там же. — С. 436.

³ Там же. — С. 423.

игры. Посмотрев немного на танцующие пары, судари и сударины отправлялись к ломберным столам, где и проводили время до конца вечера. Играли в степенные коммерческие игры: винт, вист, преферанс. Делая ставки, испытывали легкий азарт и волнение, но, в основном, играли больше для удовольствия, чем для выигрыша. Чтобы не быть скучным в обществе, правила светского этикета советовали молодым людям научиться играть в карты. «В настоящее время карты пользуются особенным фавором в нашем обществе. Играют все, дамы и девицы, юноши и зрелые мужи, предпочитая танцам зеленое поле... Всесильная мода предписывает уметь играть в карты, и так как без этого умения светский молодой человек нередко может оказаться в самом неловком положении, то изучение механизма общепринятых, общественных игр должно обязательно входить в воспитание светского человека, но не обращаться никогда в пагубную страсть. Это изучение должно быть только одним из многих средств делать другим приятное и не быть помехой в общем удовольствии. Знание карточных игр нередко может представить случай вывести из затруднения хозяев, заняв место отсутствующего партнера, и такие близкие, можно сказать интимные отношения с лицами, часто весьма хорошо поставленными в свете, иногда очень успешно отзываются на будущности молодого человека»¹, — читаем мы наставления молодым людям в «Правилах вежливости и светского этикета».

Игроки, садящиеся за карты, обязаны были не только уметь играть, но и хорошо знать правила поведения за карточным столом. Так, например, перед началом игры правила хорошего тона рекомендовали «приветствовать легким наклоном головы тех лиц, с которыми играют, на этот легкий поклон должен ответить каждый из играющих». Кроме того, было очень учтиво и вежливо со стороны мужчин собирать со стола карты «освобождая от этого труда дам, когда наступает их очередь». Ни в коем случае «не следовало перетасовывать карты уже стасо-

¹ Правила вежливости и светского этикета / ред. Г. Потаповская. — М. : Белый город, 2005. — С. 169–170.

ванные игроком, так это считалось большим оскорблением для последнего»¹.

Во время игры не следовало разговаривать с лицами, не участвующими в карточной игре, зато по отношению к своим партнерам допускались корректные реплики, своеобразные шутки и присказки. И это был еще один приятный момент в игре. Помимо эмоций, которые игроки получали за ломберным столом, они удовлетворяли и свою потребность в общении с единомышленниками, с людьми, говорящими на одном языке и понимающими друг друга с полуслова. «Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаутками», — писал Вяземский в «Старой записной книжке». Такая атмосфера царила на всех петербургских балах во времена царствования Александра II.

Москва-матушка по части увеселений от Северной столицы не отставала. Белокаменная также активно гуляла и веселилась, но делала это менее церемонно, чем было принято в Петербурге. Москвичи не были привержены к строгому соблюдению этикета, на танцевальных вечерах царила теплая семейная атмосфера, гости чувствовали себя как дома. «Общество было дружно», — вспоминал москвич Д. Никифоров, — приезжая на бал или вечер, везде встречали своих хороших знакомых и были как дома. Не надо было, танцуя с какой-нибудь барышней, выдумывать разговоры, у всех было много общих интересов, и всякий более или менее знал не только семью своей дамы, но и окружающих ее родных до десятого колена»².

Москвичи собирались почти каждый день и все знали, в каком доме и в какое время будут давать бал. «В семействе князя Львова на Никитской танцевали по средам, у Рюминых на Воздвиженке по четвергам, у графа Закревского по пятницам, у Николая Гавриловича Головина по понедельникам. Были вечера у Паниных,

¹ Правила вежливости и светского этикета. — С. 170.

² Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II : воспоминания. — С. 55.

Воейковых, Оболенской, княгини Кудашевой и других в разные дни»¹.

В 60-х годах 19 столетия в Москве, так же как и в Петербурге, существовала своя иерархия балов для большого света. В негласном списке были дома, которые beau-monde столицы с удовольствием посещал, и те, которые, по-возможности, старался обходить стороной.

Большой популярностью у светского общества пользовались балы в доме Раевских на Большой Дмитровке. Хозяин, приглашая гостей, особым усердием себя не утруждал, роль хозяйки успешно выполняла его дочь. Дмитрий Иванович Никифоров вспоминал: «Бал имел свою оригинальность, чисто помещичью старого закала. Несмотря на сбор почти всего московского высшего общества, сам хозяин мало старался занимать своих гостей. Это исполняла добрейшая и милейшая дочь его. Сам же хозяин оделял конфетами и фруктами разных мальчишек и девчонок, смотревших из дверей буфета и официантской и иногда вылетавших даже в приемную и зал»².

Ценились московской аристократией и балы князя Львова, дочери которого впоследствии удачно вышли замуж, — старшая за князя Долгорукова, младшая за князя Горчакова. Хозяин дома устраивал вечера еженедельно, каждую среду. На этих балах блистали красотой известные московские красавицы — графиня Бобринская, княжны Щербатовы, две графини Растопчины, графиня Уварова.

У Николая Гавриловича Головина высший свет танцевал по понедельникам. Хозяева всячески старались развлечь дам и кавалеров, придумывая разнообразные развлечения. Мать и две ее дочери с большим мастерством и умением проводили с гостями нехитрые игры, устраивали во время вечера приятные сюрпризы. «В антрактах между танцами хозяйка читала стихи своего произ-

¹ Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II : воспоминания. — С. 55.

² Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II : воспоминания. — С. 70.

ведения, а младшая дочь ее, Ольга, с помощью матери и старшей сестры своей, Людмилы, показывала фокусы, отгадывая, что вы думали или писали. Вообще это была какая-то восторженная семья. Головин впоследствии был уездным московским предводителем дворянства»¹, — сообщал неоднократно бывавший на этих вечерах Дмитрий Иванович.

Давал балы для московской публики и Храповицкий Владимир Степанович. Особенно запомнился москвичам большой бал, который он устроил зимой 1857—1858 года. «Бал отличался особым многолюдством. Танцевальная зала не была обширна, поэтому танцевали в двух смежных комнатах. Было два дирижера. Дом и решетка дома, выходящая на Тверской бульвар, были иллюминированы. Впоследствии единственная дочь Храповицкого вышла замуж за князя Николая Николаевича Оболенского»², — вспоминал Никифоров.

Регулярно проводила танцевальные вечера и Анна Степановна Воейкова, но ее дом аристократия не жаловала, особенно женщины. «Муж ее Петр Степанович, по прозвищу Стаканыч, с начала вечера зазывал мужчин в свой кабинет, где стаканы играли первенствующую роль»³, — объяснял причину игнорирования Дмитрий Иванович.

Утонченным дамам и галантным кавалерам, приученным к хорошим манерам, поведение хозяина казалось предосудительным, а превращение бала в обычную пирушку недопустимым поступком, который заслуживал всяческого порицания.

Так и проходила день за днем жизнь светского общества. Посещая многочисленные балы и развлечения, горожане, таким образом, коротали время, наполняли свою жизнь определенным смыслом, заполняли пустоту и серость будней ярким фейерверком эмоций и впечатлений.

¹ Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания. — С. 72.

² Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания. — С. 70.

³ Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания. — С. 73.

Правление императора Александра II длилось двадцать шесть лет, но за время его царствования существенных изменений в развитии балльной культуры не произошло. Все праздники проходили в соответствии со сложившимися во время царствования Николая I традициями. Александр Николаевич лишь только неукоснительно их выполнял. Время от времени, посещая частные балы, он как прекрасный танцор и галантный мужчина получал удовольствие от танцев и красивых женщин. Страсть к одной из них станет впоследствии для него роковой. Не сумев переступить через свою любовь к княжне Долгорукой, которая, по словам Шереметева, «владела умом и сердцем государя и как никто изучила его характер», он, встав, перед выбором личного счастья и долга перед семьей и отечеством, выберет первое, полностью подтвердив опасения своей матери, императрицы Александры Федоровны. В своем письме к сыну, в канун его совершеннолетия, она, возможно предчувствуя будущие события, написала: «Меня огорчает, помимо всего прочего, что с возрастом ты не приобретаешь твердости характера, которой тебе так не хватает, а, напротив, все более становишься рабом своих страстей. Как же ты будешь управлять Империей, если не можешь управлять собой?»¹.

На этот вопрос ответили современники и историки: «Человеческая природа, не имея опоры в высших принципах, очень легко скатывается в безнравственность, но никогда не остается безнаказанной. Стоит только сойти с совершенно прямого пути и стать на путь уступок пороку, как тонкость и верность нашего восприятия теряются с устрашающей быстротой. И мы ступаем, так сказать, одной ногой на стезю нечестия»², — написала фрейлина высочайшего Двора Александра Толстая в адрес императора Александра II.

Военный министр, историк Д. А. Милютин в своем дневнике констатировал: «... государь сочувствовал прогрессу, сам двигал

¹ Головина В. Н., Эдлинг Р., Муханова М. В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. — М. : Алгоритм, 2016. — С. 324. — (Серия « Как жили женщины разных эпох »).

² Головина В. Н., Эдлинг Р., Муханова М. В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. — С. 326.

вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему, окружающему его, даже к себе самому»¹.

«Случилось так, — писал князь П. А. Кропоткин, — что я мог заглянуть в глубь его сложной души, увидеть в нем прирожденного самодержца, жестокость которого была только отчасти смягчена образованием, и понять этого человека, обладавшего храбростью солдата, но лишённого мужества государственного деятеля, — человека сильных страстей, но слабой воли, — и для меня эта трагедия развивалась с фатальной последовательностью шекспировской драмы»².

Историк В. О. Ключевский резюмировал: «Он не хотел казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался»³.

Конец царствования Александра II был трагическим. Жизнь государя оборвалась на 63-м году от разорвавшейся рядом с ним бомбы. Наследник Александр Александрович, вступив на престол, начал новую главу в хронике царствования Дома Романовых. Политика Александра III приобрела курс на независимость русского государства и возрождение национальной идеи. Слова: «Во всём свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот» — будут ключевыми в его правлении.

Александр III

Александр III стал императором в непростое для страны время. Вся императорская фамилия и правящая элита были в глубоком смятении и страхе за судьбу династии и государства. Молодому царю предстояло встать у руля давшего крен корабля. Твердость духа, решительность характера, мудрость, независимость и воля — вот, что требовалось от государя в этот момент. В письме

¹ Дневник Д. А. Милютина 1873–1875: в 4 т. Т. 1. / ред. и прим. П. А. Зайончковского. — М.: Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1947. — С. 120.

² Кропоткин П. А. Записки революционера // Милитера: Военная литература. — URL: bit.ly/2qYxiD3 (дата обращения: 19.05.2018).

³ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 5. Курс Русской истории. Ч. 5. — М.: Мысль, 1989. С. 356–357.

от 6 (18) марта 1881 года выдающийся российский юрист и государственный деятель К. П. Победоносцев писал новому императору: «... час страшный и время не терпит. Или теперь спасти Россию и себя, или никогда!»¹.

И Александр III сумел найти в себе все необходимые качества, явив миру новый тип русского царя — самостоятельного, сильного, самодостаточного, который не только не искал «любви Европы», но даже и не старался произвести на своих могущественных европейских родственников приятное впечатление. «Европа может подождать, пока русский царь удит рыбу», — сказал он однажды — и в этих словах выразилась вся его суть. Ему было абсолютно безразлично, что о нем думают и говорят за пределами государства, императора интересовал только его народ, его страна и их благополучие. Именно Александр III, единственный из всех русских царей за время своего правления сумел «без единого выстрела» обеспечить России всеобщий авторитет и уважение среди европейских государств.

Приняв власть в свои руки, он занялся наведением порядка в огромной империи и при Дворе. Новый император издает указ о новом военном обмундировании для армии, в соответствии с которым все военнослужащие должны были вместо прежних щегольских, обтягивающих мундиров носить простую и удобную форму: полукафтаны и шаровары, перепоясанные цветными кушаками, в качестве головного убора — барашковую шапку.

В первую очередь император повелел переодеться генералам своей свиты, дабы явить пример всем окружающим. На первом придворном приеме вся свита императора была одета в новую форму, кроме князя Барятинского, командира Преображенского полка, который явился в старом мундире, из нежелания носить, как он выразился, мужицкую форму. Неподчинение приказу императора привело заносчивого офицера к немедленной отставке из армии.

Кроме того, Александр Александрович значительно упростил придворный этикет и церемониал. Будучи человеком крайне бе-

¹ Письма Победоносцева к Александру III : В 2 т. Т. 1 / предисл. М. И. Покровского. — М. : Новая Москва, 1925. — С. 315.

режливый, он, в целях экономии, сократил штат министерства Двора, уменьшил количество придворной челяди, ввел строжайшую экономию и строгий надзор за денежными расходами. По этой же причине существенно сократил и количество придворных балов.

К началу царствования Александра III структура балов имела законченный вид, являла собой строгую организацию и упорядоченность. Придворный бал проходил всегда по одному и тому же сценарию: предварительное представление гостей императору и императрице, общий сбор во дворце — съезд гостей, торжественный выход в зал членов императорской семьи, общее построение на полонез, обязательная танцевальная программа, в которую входили полонезы, вальсы, мазурки, кадрили и котильоны, поздний ужин и, вновь, танцы. С уходом императорской семьи бал заканчивался.

Обер-гофмейстерина Императорского Двора Е. А. Нарышкина вспоминала: «Зимний сезон 1882–1883 года был исключительно блестящ... Я в первый раз была на величественном выходе Георгиевского праздника, так как городские дамы на него не приглашались... На великолепном большом бале мне пришлось в первый раз принять участие в царском полонезе — я была включена в торжественное шествие, которым члены императорского двора открывали бал. Молодая Императрица сияла свежестью и красотой, украшенная ослепительными бриллиантами, в длинном розовом трене, покрывающем ее розовое тюлевое платье. Великая княгиня Екатерина Михайловна пригласила меня остаться с ней в малахитовой гостиной. Мы сидели за столом, и время от времени к нам присоединялись члены императорской семьи, так что темы наших разговоров были весьма разнообразны. Ужин проходил в зале, пышно украшенной и уставленной пальмами. Все были в праздничном настроении, а дамы поражали роскошью своих туалетов. Великая княгиня Мария Павловна, любившая и умевшая танцевать, получила в этот вечер огромное удовольствие»¹.

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей / сост., вступ. ст., перев. и коммент. Е. В. Дружининой. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — С. 299–300.

Императорский стол обычно стоял на небольшом возвышении, украшенный огромным количеством цветов и растений. Императрица занимала место в центре стола, по правую и левую руку от нее располагались почетные представители дипломатического корпуса. Император во время ужина в сопровождении свиты обходил сидящих за отдельными столиками гостей. Дамы и кавалеры вкушали разнообразные и изысканные блюда под звуки приятной музыки, исполняемой музыкантами нескольких оркестров. После ужина вновь начинались танцы, которые, по традиции, завершались веселым котильоном.

Придворные балы проводились в соответствии с определенным регламентом и имели свою условную классификацию.

Особое место среди них занимали коронационные балы, которые проходили по случаю коронации очередного императора, вступающего на российский престол, и были обязательной частью официальной программы коронационных торжеств. Коронационный церемониал был отработан до мельчайших деталей и представлял собой величественное зрелище, имеющее мощное эмоциональное и психологическое воздействие на присутствующих на церемонии иностранных гостей и подданных государя. Коронация традиционно проходила в Москве и собирала огромное количество народа. Момент коронации был важным политическим актом. Возлагая на себя корону и принимая знаки царской власти — скипетр и державу, государь брал на себя ответственность за судьбу своего народа и государства, а народ восторженными криками демонстрировал любовь и доверие государю. В этот момент, как никогда, монарх и его подданные чувствовали свое неразрывное единство.

Елизавета Алексеевна Нарышкина, потрясенная увиденной коронацией, навсегда сохранила в памяти эти события. В своем дневнике она написала: «Приближался день коронации Александра III... Торжества начались въездом императорской четы в Москву... Раздался пушечный выстрел. Государь сел на лошадь, позади него великие князья, принцы и свита. Императрица заняла свое место в передней карете, за нею — все великие княгини

и принцессы. Нас тоже рассадили по чинам в золотые кареты. Мы перекрестились, когда процессия двинулась длинной золотой рекой между шпалерами войск и толпами народа, стоявшего за ними и покрывавшего крыши домов. Чем дальше мы двигались, тем больше ликовал народ; ярко светило солнце, воздух был наполнен звуками колоколов... Создалось полное ощущение того, что Россия, как в старые времена, демонстрирует своему Императору верноподданнические чувства. День коронации для меня остался одним из самых прекрасных воспоминаний. В качестве придворной дамы я присутствовала на церемонии в непосредственной близости от главных участников и могла подробно рассмотреть повернутое в профиль лицо Императрицы, как в белом платье и простой причёске она ждала, когда ей водрузят на голову императорскую корону. Лицо Императора в тот день выражало силу и энергию, но вместе с тем мягкость и доброту.

Момент, когда твердым, но взволнованным голосом он, один на коленях среди стоявших в церкви, молился о даровании благодати и силы для исполнения своего высокого служения, на всех зрителей произвел глубокое впечатление. Вслед за тем в короне и со скипетром в руках он один стоял, и все присутствующие коленопреклонённо внимали молитве о нем, произносимой митрополитом. Моя соседка, австрийская гофмейстерина, очень важная и приятная дама, восторженно отозвалась о всей церемонии, забывая даже об усталости»¹. После церемонии «венчание на царство» императорская чета вышла к народу. «Государыня, — как отмечала баронесса Эдита Раден, — выглядела молодо и прекрасно, как двадцатилетняя девушка. Её чудные волосы падают локонами на плечи. На ней нет никаких украшений. Она в платье из серебряной парчи. Вокруг шеи обвиваются нити чудного жемчуга»².

Дополняет коронационный наряд императрицы золотая мантия, подбитая горностаем, на серебряном платье хорошо видна

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. — С. 287–288.

² Толмачев Е. П. Александр III и его время. — М. : Терра, 2007. — С. 298. — (Серия «Венценосцы»).

красная лента, голову украшает малая бриллиантовая корона. Император — в военном мундире с бриллиантовой цепью ордена Св. Андрея Первозванного, лентой через плечо и в золотой порфире. Голову императора венчает большая бриллиантовая корона, в руках он держит скипетр и державу.

Роскошная царская корона была одной из главных императорских регалий и имела глубокий сакральный смысл. Она являлась символом верховной власти царя, его главенства во всем. С этого момента он становился «помазанником Божиим на земле».

Горностаевая мантия на плечах монарших особ демонстрировала окружающим их исключительный статус, особое предназначение, а также богатство, величие и могущество династии. Шлейф огромных размеров определял дистанцию между царственными супругами и их подданными, зрительно показывая грань дозволенного приближения к ним. Изысканная одежда, роскошные регалии царской власти, величественный церемониал — все эти атрибуты коронационного церемониала усиливали торжественную атмосферу праздника, создавали возвышенное настроение в рядах присутствующих.

«Видели мы потом, — писал граф С. Д. Шереметев, — как медленно продвигалось шествие, подымаясь по Красному Крыльцу. Все слилось и смешалось в пестроте нарядов и цветов, в глазах словно потемнело. Все взоры напряженно направлены в одно место — на площадку Красного Крыльца. Среди пестрой смешанной толпы ярко заблестела корона. Государь остановился лицом к народу. Еще мгновение, и корона наклонилась три раза. То были три царских поклона в ответ на оглушительные крики восторга и торжества. Государь вступил в Грановитую палату, и, словно по мановению жезла, все разом утихло»¹.

Закончился день священного Коронования торжественным обедом в Грановитой палате и красочной иллюминацией Кремля.

На следующий день, 16 мая, в Кремле был дан торжественный бал, на котором присутствовали высочайшие особы, съехавшиеся

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — С. 547.

по случаю коронации со всего света, и вся русская аристократия. На празднике новые правители российской империи предстали перед многочисленными гостями во всем царском величии, роскоши и великолепии. С этого дня в истории государства и всего русского общества начинался новый этап жизни — приходила эпоха Александра III.

«В 9 часов все залы Дворца были залиты огнем и переполнены приглашенными. Тут собрались послы, иностранные министры и прочие особы дипломатического корпуса с их супругами; генералы; штаб- и обер-офицеры; губернские предводители дворянства и знатное российское дворянство; депутаты Финляндии, казачих войск и азиатских народов; представители Земских управ; городские головы, придворные дамы и кавалеры. В 9 часов 25 минут появились Император с Императрицей. На балу играли три оркестра: придворный, Преображенского полка и Императорских театров»¹.

Елизавета Алексеевна Нарышкина, бывшая участница этого бала, вспоминала:

«... Между тем празднества продолжались, и на следующий день после коронации ждали новые сказочные увеселения. В Кремле, под звуки полонеза из оперы Глинки «Жизнь за царя», великие князья, свита и посланники двигались по бальной зале между рядов придворных дам, одетых в старинные русские придворные платья. В этот удивительно теплый вечер окна были открыты настежь, и были видны контуры соборов и колоколен Москвы, будто усыпанные тысячами драгоценных камней. Император сделал с Императрицей первый тур, а последующие — с иностранными принцессами и дамами из дипломатического корпуса. Я танцевала с принцем Александром Баттенбергским, который тогда еще занимал трон Болгарии. Высокого роста, с красивой внешностью, он был очень обходительным и галантным кавалером, но даже при первом поверхностном знакомстве был замечен его явный сно-

¹ Коронация Александра III. Часть 1 // LiveInternet. — URL: bit.ly/2KkfUln (дата обращения: 19.05.2018).

бизм. Он хвастался, что давал Царю советы по организации этого бала... Итак, коронация не только прошла благополучно, но и поражала такой пышностью и блеском, что даже иностранные гости пребывали в состоянии постоянного изумления... Монсеньор Ванутелли, среди всего прочего, сказал мне тогда при прощании: «Я не был готов к тому, что увидел! Это великолепное утверждение монархической власти настолько грандиозно, что я могу сравнить коронацию российского Императора лишь со словами благословения *urbi et orbi* (граду и миру — лат.) святого Папы, произнесенными им с высоты собора Святого Петра»¹.

После праздничных торжеств, которые длились несколько дней, Императорская фамилия и весь Двор, наконец, вернулись в Санкт-Петербург.

Любимым местожительством царской семьи становится Гатчинский дворец. В Петербурге монаршие особы останавливаются в Аничковском, предпочитая его Зимнему дворцу.

Александр III внешностью, характером и привычками был полной противоположностью своему отцу. Он не испытывал тяги к роскоши, не любил пышных приемов и балов. Его с молодости тяготила придворная жизнь, а заученные фразы и отрепетированные жесты вельмож вызывали раздражение. Но долг обязывал. Став государем, Александр Александрович, в силу своего положения, вынужден был мириться с условностями, существующими при Дворе, придерживаться установленного порядка.

Придворные балы в столице продолжались. Царская семья их устраивала с определенной регулярностью в Зимнем дворце — официальные (представительские) и Аничковском (домашние).

Официальные проходили в Белом, Концертном, Эрмитажном залах Зимнего дворца и назывались еще, как «Большой», «Средний» и «Малый» балы.

Белый зал мог вместить около 3000—3500 человек за один раз, поэтому и назывался «Большой», Концертный зал принимал 500—550 посетителей, Эрмитаж не более 150 гостей.

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. — С. 289—290.

Перечисленные категории балов носили обязательный характер, их формат складывался на протяжении длительного времени, каждый новый хозяин дворца, вступая в свои права, независимо от своих взглядов и привычек, должен был соблюдать сложившиеся при Дворе традиции, значение которых хорошо понимал и он сам, и вся петербургская элита. Граф С. Д. Шереметев писал: «Придворные балы имеют свое значение, в особенности большой бал Николаевской залы. Это предание, которое забывать не следует»¹.

12 февраля 1887 года в Зимнем дворце, в соответствии с заведенным порядком, император в очередной раз принимал гостей. Бал проходил в Эрмитажном зале и, по обыкновению, был дан для избранной публики. На нем присутствовал весь дипломатический корпус. Государь встречал гостей в мундире уланского полка (в этот день уланы отмечали полковой праздник). И хотя бал проходил в соответствии с установленными традициями, атмосфера вечера существенно отличалась от той, изысканной и роскошной, которая царила на балах его деда, Николая I.

Шереметев С. Д., присутствовавший на Эрмитажном балу, с сожалением вспоминал: «... Общество было прежде изящнее. Мундиры на военных некрасивы, шапожища и шаровары не идут к балу. Красивых дам почти нет. Еще держатся некоторые из прежних львиц, хотя и тронулись, но танцуют исправно, не стесняясь присутствием дочерей. Все те же Варенька Мятлева, Мару Долгорукая, Nelly Барятинская, Kitty Балашова, графиня Берг-Долгорукая и даже вальжная княгиня Белосельская! Свежее других мне показалась Нарышкина, урожденная Графиня Толь. Эта из новых. Девушки довольно бесцветны...

«Дирижирует» балом конногвардеец, Барон Мейендорф, добрый малый, но с ухарскими ухватками, не вполне подходящими, кричит он и командует, как в казарме. Кавалергарды, превратившиеся в придворных кавалеров..., забывают свои предания. Никто

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. и примеч. Л. И. Шохина. — С. 547.

из стариков не пройдет, как бывало в мазурке, — то было загляденье! Теперь и стариков таких нет и смотреть на них некому»¹.

Император Александр III, как и его предшественники, относился к балам как к обязательным атрибутам придворной жизни, без которых немислима была деятельность императорского Двора и светского общества. Поэтому, несмотря на всю свою нелюбовь к танцевальным вечерам, он всегда присутствовал на них. Граф Шереметев вспоминал, «придворные балы были наказанием для государя», он «никогда не отличался своими светскими наклонностями, не любил танцевать, всегда скучал на этих обязательных для него приемах и мало сочувствовал вообще этому обществу»².

Скорее всего, это было связано с особенностями его фигуры и с развившимися, в связи с этим, комплексами. С самого детства он был корпулентным мальчиком, неловким и неуклюжим в своих манерах. Стесняясь своей полноты и тяжеловесности, Александр Александрович не любил танцевать, предпочитая наблюдать за умеющими хорошо это делать гостями.

Его супруга Мария Федоровна, наоборот, была страстной любительницей танцев и с большим удовольствием предавалась приятному для себя развлечению. Иногда на этой почве в царской семье возникали конфликты. Современники вспоминали, что на февральском балу 1884 г. императрица «... продолжала неустанно танцевать, не пророняя ни слова. Государь уехал, встав из-за ужина»³.

За подготовку придворных балов отвечали разные дворцовые службы, задачей которых было достойно провести праздник. Придворная челядь с утра до вечера суетливо сновала по комнатам и галереям. Во дворце чистили, убирали, украшали залы. Из царских оранжерей привозили огромное количество цветов, экзотических кустов и деревьев, создавая уютные зеленые уголки,

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — С. 505–506.

² Там же. — С. 508.

³ Воррес Й. Последняя великая княгиня // Сайт e-Reading. — URL: bit.ly/2HvPR8L (дата обращения: 19.05.2018).

разноцветные цветочные клумбы. Гофмаршальская часть, ответственная за организацию торжества, демонстрировала чудеса ловкости и изобретательности. Служащие этого ведомства шли в ногу со временем и часто применяли в оформлении залов новинки технического прогресса. Балы Александра III запомнились публике тем, что на них впервые Зимний дворец воссиял электрическим светом. Вместо привычных свечей организаторы в качестве освещения использовали лампочки Эдисона.

Как известно, Александр III был очень прост в быту и жил чрезвычайно экономно, не балуя себя и свою семью излишествами. Бережно расходуя государственные деньги, Александр Александрович вел строжайший контроль над денежными тратами всех придворных ведомств, и от его внимания не ускользали даже небольшие расходы в придворной среде. «Так, государь обратил внимание на значительное количество фруктов, конфет и вообще угощения во время приемов во дворце. Иногда приглашенных было немного, а расход на угощение выводился очень большой. Государь как-то в беседе с К. П. Победоносцевым упомянул, что по случаю небольшого приема, бывшего недавно во дворце, было показано в счете гофмаршальской части множество фруктов, конфет и пр., но что, разумеется, гости не могли уничтожить все это количество. Особенно государь обратил внимание на расход фруктов, считая, что едва ли гости могли съесть по несколько штук. На это Победоносцев объяснил государю, что такой расход возможен. Так, например, он сам съел один апельсин, но взял с собою другой и грушу для Марфиньки — его приемной дочери. Многие гости так делают, привозя детям из дворца какое-нибудь лакомство — как бы царский подарок. Государь не знал этого обычая и успокоился»¹, — вспоминал генерал Н. А. Епанчин.

Во время придворных балов, несмотря на строгий порядок и четкую организацию праздника, время от времени случались разные казусы. Например, бывало, что танцоры падали во время

¹ Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб. : Издательство Пушкинского Фонда, 2001. — С. 202. — (Серия «Государственные деятели России глазами современников»).

танцев, нечаянно ломали предметы декора или интерьера, теряли личные предметы, украшения, случалось, даже нижние юбки. Александр III в одном из писем к цесаревичу Николаю Александровичу упомянул о забавном инциденте, который произошел на «Большом» балу в январе 1891 года с одной молодой девушкой. «Во время вальса, — пишет он, — вдруг неожиданно для всех присутствующих на середину зала вылетела большая юбка. Можно только представить, что пережила молодая девушка, у которой из-под платья вылетела эта большая юбка»¹.

Если к подобной ситуации император отнесся с сочувствием, то в случаях, связанных с соблюдением придворного этикета, государь был строг и требовал его исполнения от всех присутствующих на балу гостей, особенно это касалось офицеров. Любое нарушение правил приличия могло вызвать гнев Александра III и незамедлительное порицание или наказание провинившихся. Современники вспоминали, что на одном из январских балов 1890 года Александр Александрович увидел, как некоторые офицеры, вернувшись после ужина в зал, позволили себе танцевать без перчаток. Более того, под воздействием принятых во время застолья спиртных напитков, один из офицеров настолько осмелел, что позволил себе еще большую вольность, вместо объявленной распорядителем польки начал танцевать венский вальс. Поведение военных так возмутило императора, что сразу после бала они были взяты под стражу и конвоированы в комендантскую комнату.

Щепетильной в отношении исполнения дворцового этикета была и светская аристократия. Высшая элита болезненно воспринимала любое посягательство на существующий во дворце порядок и категорически защищала чистоту, избранность и неприкосновенность своих рядов. Так, например, в январе 1884 года все приглашенные на придворный бал в Зимний дворец гости были крайне оскорблены появлением в их обществе дочери париж-

¹ Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. — М. : ТРИТЭ: Российский архив, 1999. — Т. IX. — С. 45.

ского миллионера Ротшильда — Беатрис Эфрусси де Ротшильд, которую, несмотря на все ее богатство, связи и титул баронессы, восприняли не более как жену «одесского купца». Лорду же Рандольфу Черчиллю, приехавшему с женой Дженни в Петербург в декабре 1887 года, пришлось получить личное разрешение Александра III на право посетить 1 января 1888 года придворный бал, чтобы с хор одного из залов дворца иметь возможность любоваться торжественным полонезом, в котором принимали участие члены императорской фамилии и все высшее общество.

Важное место в иерархии придворных балов занимали свадебные балы. Свадебный ритуал при царском Дворе складывался веками и исполнялся неукоснительно всеми представителями царской династии. Обряд одевания невесты, торжественного выхода в церковь, венчания, праздничного обеда и заключительного бала был отработан до мельчайших деталей и подробно прописан в анналах свадебного придворного церемониала. Великая княгиня Мария Павловна в своих воспоминаниях подробно описала все этапы свадебного торжества. «После завтрака я пошла к себе и начала одеваться... Я облачилась в платье из серебряной парчи, такой толстой, что она казалась негнушейся. Парикмахер уложил волосы... Свой туалет мне надлежало продолжить в Большом дворце, где праздновалась свадьба. Пора было ехать. Карета ожидала нас у дверей. В Большом дворце двое придворных из свиты тети помогли мне подняться по лестнице. Мы вошли в одну из гостиных дворца, где нас уже ждали несколько человек. В центре комнаты был украшенный кружевами и лентами туалетный столик с золотыми туалетными принадлежностями времен императрицы Елизаветы, дочери Петра I. На столике лежали драгоценности императорского дома, которые великим княгиням надлежало надевать в день свадьбы. Здесь была диадема императрицы Екатерины с розовым бриллиантом удивительной красоты в центре и маленькая темно-красная бархатная корона, вся усыпанная бриллиантами. Здесь были бриллиантовое ожерелье из крупных камней, браслеты и серьги в форме вишен, такие тяжелые! Присутствующие начали

прикреплять к моей талии огромный шлейф из серебряной парчи, украшенный тисненными из серебра лилиями и розами. Потом мне нужно было сесть пред зеркалом, и старый придворный парикмахер, француз Делакруа, спустил по сторонам лица два длинных локона, которые спадали мне на обнаженные плечи. Потом он укрепил диадему. Затем придворные дамы под руководством гофмейстерины возложили мне на голову кружевную фату и маленькую корону и прикрепили в складках веточки флердоранжа (цветок апельсина — белоснежные цветки померанцевого дерева — прим.). Потом мне на плечи набросили темно-красную бархатную мантию, отороченную горностаем, и закрепили ее огромной серебряной пряжкой. Мне помогли подняться. Я была готова. Прибыли монархи, двери были широко распахнуты, и на пороге гостиной показался мой жених. У него в руках был букет белых лилий и роз, он неуверенной походкой вошел в комнату. Теперь я была разнаряжена, как идол, вес всего, что было на мне надето, казалось раздавит меня. Я едва могла двигаться. Император приблизился к столу, на котором стояли две большие иконы, и взял одну, чтобы благословить меня. Я подошла к нему и с помощью отца и одного из кузенов преклонила перед ним колени. Он перекрестил меня. Встать я была не в состоянии. Император, вернув икону на стол, подхватил меня под локоть и помог подняться.

Потом была образована свадебная процессия. Принц, который должен был прибыть в церковь до меня, возглавлял ее. Я шла под руку с императором. Два камергера, два пажа и генерал Менгден, гофмейстер моей тети, несли мои шлейф и мантию, и, несмотря на их помощь, я передвигалась с трудом. Мы шли через залы, большие и маленькие, заполненные людьми в парадных мундирах и придворных платьях, пока, наконец, не достигли церкви. Здесь меня ждал принц. Мы встали в центре нефа, он — справа, я — слева. Шаферы стояли в два ряда позади каждого из нас. Началась служба. Священники в ризах из золотой парчи двигались вокруг нас, совершая традиционный православный обряд бракосочетания... В богослужении участвовали митрополит Санкт-Петербур-

га и городское духовенство. Великолепные радостные песнопения наполняли церковь. Снаружи гремел артиллерийский салют, от которого дрожали окна... Наконец служба кончилась. Мы перешли в другую гостиную и в течение полутора часов беспрестанно получали поздравления от придворных... После этого тетя увела меня в одну из комнат отдохнуть перед банкетом.

В семь часов вечера я и принц сидели рядом во главе огромного стола в форме подковы. Слева от меня император. Императрица сидела справа от принца. Внутренняя сторона стола оставалась свободной, так что все гости могли нас видеть. Банкет обслуживали воспитанники Пажеского корпуса. При каждом тосте, сопровождаемом орудийными залпами, камергеры разносили шампанское в высоких бокалах на золотых блюдах. Позади каждого высокопоставленного гостя находились пажи и сановники, выделенные для их личного обслуживания... В конце банкета мы вернулись в гостиную и уселись, ожидая завершения приготовлений к торжественному приему, которым заканчивалась программа этого дня. Когда все гости прибыли и были размещены, обер-гофмейстер явился и возвестил о том. Мы вошли в огромный бальный зал, устланный по этому случаю красными коврами. А затем начался церемониал, который не менялся со времен Екатерины Великой. Под медленные звуки старого полонеза монархи, принцы и принцессы, члены императорской фамилии разделились на пары. Каждая пара делала три тура по залу, и при каждом новом круге менялись партнеры. Они держались за руки, как в балете, и всякий раз, когда пары расходились или же начинался новый круг, дамы приседали, а мужчины кланялись. При дворе столь строго соблюдали традицию, что на одном конце бального зала стоял карточный стол с зажженными свечами и колодами карт. Это в память императрицы Екатерины, которая во время церемонии играла в карты с самыми знаменитыми гостями. Первый круг я танцевала с императором, второй — с эрцгерцогом Гессенским, а третий с наследным принцем Румынии, который позже стал королем Фердинандом. Наш проход сопровождался волной

поклонов тесных рядов гостей. Перед императором я делала особо глубокий реверанс, что было настоящим испытанием из-за негнущегося серебряного платья и необходимости удержать в надлежащем положении диадему и фату. Когда закончился прием, мы сели в карету, запряженную четверкой лошадей, император вез нас к себе во дворец... На пороге Александровского дворца императрица встретила нас по русскому обычаю хлебом-солью на большом серебряном блюде. На императрице была большая диадема из жемчуга и бриллиантов, а ее парадное платье из белого муара украшало золотое шитье. Мы приняли блюдо из ее рук. Так закончилась церемония моей свадьбы»¹.

Среди официальных придворных балов, которые императорская семья устраивала для петербургского высшего общества, особую нишу занимали костюмированные тематические балы и балы-маскарады. Балы могли быть посвящены самым разным темам: победам русской армии над врагами, сказочным сюжетам и персонажам, колоритному востоку с его экзотической красотой и чудесами.

Значительным интересом у любителей старины пользовались исторические костюмированные балы, особенно посвященные «русской» теме. Связано это с тем, что Александр III целенаправленно вел политику возрождения отечественной культуры, русского языка, сохранения самобытности и достоинства русской нации и всячески популяризовал это в обществе. По своему характеру, образу жизни он был самым «русским императором из всех Романовых. Это выразалось в его облике и одежде, манере мыслить, говорить и действовать. Благодаря любви государя ко всему русскому, в большом свете появляется интерес к отечественной культуре, национальным обычаям, старинным обрядам, песням и танцам. В Петербурге и Москве проходят «русские» балы, на которых вся светская знать, одетая в старинные костюмы, танцует русские танцы, слушает народные песни.

¹ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары/пер. Л. Бурмистровой, И. Кагальской, В. Харитоновой. — М.: Захаров, 2014. — С. 97–101. — (Серия «Биографии и мемуары»).

25 января 1883 года во дворце великого князя Владимира Александровича прошел костюмированный русский бал, посвященный допетровским временам. Все гости были одеты в исторические платья XVI–XVII веков. Нарышкина Е. А. вспоминала: «Все костюмы были этнографически и исторически верны. Приготовление к балу заняло общество в продолжение нескольких недель. Текстильный фабрикант Сапожников не успевал доставлять требуемые парчи, из которых сшивались боярские платья для дам и мужчин. Мой костюм, как говорят, удался»¹.

Балу, как отметила в своем дневнике Елизавета Алексеевна, предшествовала основательная подготовка. Организаторы и участники очень серьезно отнеслись к выбранной теме. Дамы и кавалеры с большим интересом принялись штудировать книги по истории, изучали в архивах Императорской академии художеств документы с описанием старинных тканей, костюмов, головных уборов и все для того, чтобы максимально воссоздать на придворном балу атмосферу боярской Руси.

В день бала роскошные залы дворца великого князя Владимира Александровича превратились в царские палаты Иоанна IV, а из подъехавших к дворцу карет появились многочисленные бояре, боярыни и их дети, сокольничие, воеводы и прочие представители того времени. Журнал «Всемирная иллюстрация» на своих страницах дал подробное описание этого бала. «На бал было приглашено ... до 250 знатных особ обоего пола, офицеры приглашались из кавалергардского, лейб-гвардии конного, гусарского Его Величества, Преображенского и других полков. Съезд начался в исходе десятого вечера. К этому времени на парадной лестнице, ея площадке и в дверях малой столовой стояла прислуга, одетая в живописные костюмы разных эпох, имеющих связь с русской историей: то были скифы, варяги, бермяты, стрельцы новгородские и московские и т. п. В галерее перед танцевальной залой и в малой столовой было устроено два роскошных буфета, изящно убранных цветущими растениями ... Вскоре гостиная

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. — С. 300.

и танцевальная зала наполнилась русскими боярами, боярынями и боярскими детьми обоего пола, воеводами, витязями, думными и посольскими дяками, кравчими, сокольничими, ловчими, рындами, конными и пешими жильцами времен Иоанна IV, варягами, печенегами, запорожцами, казаками; явился думный дяк с чернильницей и пером за поясом — П. А. Васильчиков, гусяр с гусями и другие. Казалось, вся допетровская Русь воскресла и прислала на этот бал своих представителей»¹.

На балу присутствовала вся императорская фамилия. Когда к дворцу великого князя подъехали император с императрицей, хозяйка дома Владимир Александрович и его супруга великая княгиня Мария Павловна торжественно встретили царственную чету по русскому обычаю — с хлебом и солью. Император явился на бал в привычном военном мундире. Императрица Мария Федоровна была одета в костюм русской царицы XVII века. «На Ея Величестве была одета из дорогой золотой парчи ферязь, украшенная бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом и другими драгоценностями; на оплечье — бармы, украшенные драгоценными камнями; парчевая шубка с золотыми цветами, отороченная собольим мехом и с разрезными рукавами. На голове Ея Величества была одета серебряная шапка-венец, отороченная соболем и украшенная большими бриллиантами, изумрудами и крупным жемчугом, который в несколько ниток ниспадал с шапки на оплечье»², — сообщал своим читателям корреспондент журнала «Всемирная Иллюстрация».

Государственный секретарь А. А. Половцов, бывший на балу, отметил, что костюм императрицы, нарисованный для нее князем Гагариным, был исторически верным. Далее Александр Александрович в своем дневнике сообщает: «Праздник удался в высшей степени, обилие и разнообразие ярких цветов оживляет залу в противоположность скучному фраку... Жена моя в русском ко-

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. — С. 554.

² Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января // Всемирная иллюстрация. — 1883. — № 737. — С. 183.

стюме XI столетия, дочь в татарском уборе, а я в костюме, изображенном на известной гравюре, изображающей портрет стольника Потемкина, ездившего послом в Англию. Особенно выдаются костюмы Васильчикова, директора Эрмитажа и двух его дочерей, Балашевой, Шереметевой, гр. Воронцовой, старухи кн. Кочубей, Всеволожской (Е. Д.). Все вел. князя разодеты в богатейшие костюмы и уборы, вообще мужчины одеты с большею, чем дамы, историческою верностью»¹.

Его высочество великий князь Владимир Александрович оделся в костюм боярина XVII века. Роскошное платье было изготовлено из темно-зеленого бархата и оторочено собольим мехом, боярская шапка, кушак и воротник шелковой рубашки украшены драгоценными камнями. «Великая княгиня Мария Павловна изволила быть в праздничном роскошном костюме русской боярыни того же века. На голове Ея Высочества был высокий кокошник (новгородского образца). Кокошник, шубка и ферязь из золотой парчи были унизаны разноцветными драгоценными камнями и жемчугом»².

Бал был открыт торжественным полонезом, в котором приняли участие все гости. Во время ужина публику развлекали музыканты и певцы, исполняя только русскую народную музыку и песни. Государь покинул бал сразу после ужина, императрица продолжала танцевать. Праздник продолжался до рассвета, натанцевавшие вдоволь гости покинули дворец гостеприимных хозяев около пяти часов утра. После бала все его участники в память о замечательном вечере сфотографировались в своих живописных костюмах, а театральный деятель и директор императорских театров И. А. Всеволожский нарисовал многих гостей в карикатурном виде на развороте веера. Нарышкина Е. А., бывшая на этом балу и получившая огромное удовольствие от необычной атмосферы праздника впоследствии написала: «Весь вечер переносил нас в отдаленное вре-

¹ Половцев А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 1 (1883–1886). — М. : Наука, 1966 — С. 34.

² Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января. — С. 183.

мя наших предков, и было грустно на следующее утро начинать будничную жизнь, спрятав в шкафы старинные одежды»¹.

Большой любовью у членов царской семьи и высшей аристократии пользовались Аничковские (домашние) балы, которые хозяева дворца устраивали для многочисленных родственников и друзей. Александр III перенял у своего деда, Николая I, традицию проведения камерных балов для избранной публики.

В назначенное хозяевами время к Аничковскому дворцу устремлялись богатые экипажи, в которых можно было видеть нарядных дам и кавалеров, как правило, это были люди, входящие в «ближний круг» царской семьи. Они торжественно поднимались по ступеням парадной лестницы, на верхней площадке которой их встречали статные казаки. В приемной комнате церемониймейстер А. С. Долгоруков приветствовал входящих гостей, находя для каждого приветливое слово. Дежурные фрейлины императрицы, исправно выполняя свои обязанности, занимали людей, ожидавших выхода царской семьи, светскими разговорами. Наконец, появлялись хозяева дома. «Государь показывался в начале бала, — вспоминал граф Шереметев, — радушно принимал гостей и уходил в свой кабинет»².

Некоторых дам или мужчин Александр Александрович, бывало, приглашал к себе в кабинет поговорить и поиграть в карты. Остальные гости, не удостоившиеся подобной чести, «сидели со вниманием, предаваясь праздным выводам, и замечаниям».

Пока император ждал окончания бала у себя в кабинете, его супруга Мария Фёдоровна с душой предавалась развлечениям. Она без усталости танцевала, любила быть в центре веселья, обожала красивую музыку, нарядные туалеты, блеск огней. Исполняла танцевальные движения императрица легко и изящно, вызывая восхищение у присутствующих. «... Вальсы, мазурки, котильоны с разнообразными фигурами чередовались без умолку». К началу ужина в дверях кабинета появлялся государь. «... Стоя в две-

¹ Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. — С. 300.

² Мемуары графа С. Д. Шереметева. — С. 509.

рях, оглядывал танцующих и делал свои замечания, но долго он не выдерживал». Увлеченная танцами, императрица не замечала времени. Тогда Александр III, чтобы остановить государыню, шел на разные хитрости: например, если котильон продолжался слишком долго, а супруга императрица Мария Федоровна не хотела заканчивать танец, государь придумал особое средство — «... музыкантам было приказано удаляться поодиночке, оркестр все слабел, пока, наконец, не раздавалась последняя одинокая струна и та, наконец, умолкала. Все оглядывались, в недоумении, и тогда бал прекращался сам собою»¹, — вспоминал С. Д. Шереметев.

Аничковские балы давались часто, так как Мария Федоровна любила светские развлечения, ценила общество близких ей людей, а Александр Александрович, страстно любящий свою супругу, стремился доставить ей удовольствие и сделать ее жизнь счастливой.

Во время правления Александра III в Россию приходит мода на «цветные» балы. Инициатором проведения этих балов стала императрица Мария Фёдоровна. С 80-х годов 19 столетия цветные балы занимают достойное место среди прочих придворных балов и становятся популярными в жизни царской семьи и светского общества. Особенностью этих балов была заранее выбранная цветовая гамма, которая обязывала приглашенных гостей являться ко двору в платьях соответствующих цветов. Кроме того, цвет часто имел символическое значение для присутствующих, с помощью которого они могли выразить свое отношение к тому или иному событию. Так, например, 24 января 1888 года в Зимнем дворце состоялся Зеленый (изумрудный) бал, на который приглашенные дамы явились в платьях всех оттенков зеленого цвета, их наряд дополняли роскошные изумрудные украшения. Зеленый бал стал балом «надежды». Это чувство подданные выражали своему императору, надеясь на то, что Александр III вернет России ее былое величие и могущество.

Для молодых незамужних девушек устраивали «белые» балы. На эти вечера приглашали в качестве танцоров неженатых гвар-

¹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. — С. 509.

дейских офицеров, которые весь вечер танцевали с молодыми красавицами кадрили. Молодожены развлекались на «розовых» балах, исполняя в основном вальсы. Для семейных пар организовывали «красные» балы. Балы могли быть «голубыми», «оранжевыми», «желтыми», название и цвет балов зависели от вкусов и желаний организаторов цветных вечеров.

В 1889 году в Петербурге, в Аничковском дворце, состоялся «Черный» бал, который сразу же стал главной новостью дня и надолго запомнился его участникам. Все гости, приехавшие на бал, были в черных платьях и костюмах. «Черные вырезанные платья, черные веера, черные по локоть перчатки, черные башмачки...»¹, — описывал наряды дам камердинер императрицы А. Степанов.

Великий князь Константин Константинович, бывший на этом балу, в своем дневнике написал: «Бал в Аничковом 26 января был очень своеобразным, с дамами во всем черном. На них бриллианты сверкали еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно»². С высоты хор можно было наблюдать «волнующееся шлейфное черное море». Цвет бала был выбран не случайно. Это была реакция русского Двора на трагедию, произошедшую с кронпринцем Австрии Рудольфом, и политику, которую в последнее время проводила Австрия по отношению к России. Черный бал имел ярко выраженный политический характер и стал смелым вызовом в адрес австрийского императора Франца Иосифа.

Цветные балы, с легкой руки императрицы, быстро вошли в обиход русского общества и успешно проходили во дворцах, усадьбах и общественных клубах вплоть до Первой мировой войны.

Придворные балы в императорских резиденциях проводились только для избранной публики. Для широких слоев населения в зданиях клубов и собраний организовывались публичные танцевальные вечера. Они, так же как и придворные, имели свою классификацию и отличались между собой по тематике, составу

¹ Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII — начала XX веков. — М. : АиФ Принт, 2003. — С. 266.

² Половцев А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 1 (1883—1886). — М. : Наука, 1966. — С. 383.

участников, их профессиональным интересам и возрастам. Публичные балы, в отличие от придворных, не требовали от устроителей огромных затрат на их организацию, а от приглашенных гостей — больших материальных издержек на подготовку к ним. Многие общественные балы проводились по подписке, вкладчину, либо на них продавали билеты, которые мог купить каждый желающий. Собранные деньги целенаправленно расходовались на украшение залов, угощение и организацию концертов, в которых принимали участие известные артисты. Публичные балы по составу своих участников могли быть сословными и подразделялись на дворянские, купеческие и мещанские.

На дворянских балах, которые проходили в Благородных собраниях или Дворянских клубах, царил строгий этикет, главным критерием для присутствующих были принадлежность к дворянскому роду и наличие хороших манер.

Купцы, так же как и дворяне, строго следили за чистотой своих рядов. Организуя балы, любили пустить пыль в глаза, демонстрируя на показ богатство и щегольство. Все на этих балах было степенно, добротнo и солидно.

Мещане были не столь притязательны в подготовке своих балов. На вечерах чаще всего царила простота нравов и безыскусность, правила хорошего тона были знакомы далеко не всем посетителям. В залах клуба гуляла самая разная публика: здесь можно было встретить горничную и приказчика, мелкого чиновника и студента. Попадались, бывало, и каким-то чудом забредшие господа во фраках.

Каждое сословие организовывало и проводило балы в соответствии со своими вкусами, привычками, материальными возможностями и, конечно же, воспитанием. Гарин-Михайловский Н. Г. в своей повести «Студенты» ярко передал атмосферу одного мещанского бала. «В прокопченных залах заведения его обдало обычным спертым воздухом, в котором смешивались и человеческий пот, и прокислые закуски буфета, и пиво, и водка. Но конфузливый, в так называемом порядочном обществе, Ларио здесь не чувствовал обычного стеснения. Он умел в этих за-

лах проводить весело время. Когда он вошел, вечер был в полном разгаре. В воздухе тускло горели газовые рожки, освещая низкие, грязные залы, в которых взад и вперед двигалась обычная толпа посетителей: гризетки, горничные, ремесленные кокотки, «швейки», их кавалеры — приказчики, студенты и разного рода кутящий люд, от чуйки до господина во фраке, желающего поразить этот мир изысканностью своих манер. Но здесь, в этой демократической толпе, было мало настоящих ценителей таких манер, и они вызывали только веселый смех в дамах да желание со стороны кавалеров своих дам поставить обладателя фрака с изысканными манерами в какое-нибудь особенно глупое положение.

...Наконец раздался давно ожидаемый сигнал к кадрили. В длинной зале начали строиться пары. Молодой человек на коротких ножках, в пиджаке, поспешно натягивал перчатки, топтался возле своей дамы и с волнением оглядывался по сторонам так озабоченно, точно от этой кадрили зависела вся его судьба. Подвыпивший господин из молодых приказчиков тащил под руку вдоль построившихся пар свою толстую, неуклюжую даму, отыскивая себе визави. Лысый, в чуйке, кавалер, сапоги бутылкой, робко втиснулся со своей дамой в ряды танцующих и оглядывался так, точно вот-вот покажется его законная супруга, от которой он мгновенно и даст «стрекача» в толпу. Что касается дам, то те с деловыми лицами строились также равнодушно, как делают это солдаты на учениях...»¹.

Среди публичных балов большим интересом у общественности пользовались, так называемые, «профессиональные» балы. Их, в специально арендуемых для этой цели помещениях, устраивали для своей братии архитекторы, художники, чертежники и прочая профессиональная публика. Балы всегда проходили ярко, интересно, оживленно и привлекали большое количество посетителей.

По отзывам прессы, подобные балы имели большой успех в обществе, благодаря разнообразной тематике и веселой, непринужденной атмосфере, царящей на этих вечерах.

¹ Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2rbKgXJ (дата обращения: 19.05.2018).

Особой оригинальностью отличались балы—маскарады художников, которым каждый раз удавалось поразить публику оригинальным оформлением залов и красочным костюмированным шествием.

Всю подготовку к балу осуществляли сами художники. Они заранее назначали специальную бальную комиссию, которая и решала все организационные вопросы: определяла тематику праздника, готовила программу. Оформлением залов занимались студенты академии. Задолго до начала праздника в мастерских писались декорации для залов, плелись бесчисленные гирлянды цветов, готовились красочные маскарадные костюмы. «... Нам отводили особое помещение — антресоли первого этажа, — вспоминала художник-акварелист А. П. Остроумова-Лебедева, — где из-под пола выходили круглые верхушки огромных окон Академии. Там лежали груды цветной папиросной бумаги, и мы по вечерам плели гирлянды пестрых цветов, бесконечное количество аршин, ими украшался бальный зал»¹.

Так, например, во время бала 27 марта 1885 года большая зала академии «... была декорирована венками из темной зелени, висевшими на стенах и высоких зеркалах, и небольшими гербами, выглядывавшими из массы разноцветных флагов. Всмотревшись пристальнее в эти гербы, вместо мечей, знамен, львов, лебедей и других атрибутов геральдики увидели бы на них комические силуэты объясняющейся влюбленной парочки, на розовом фоне следующего герба — любовное письмецо, на третьем — пылающее сердце, а несколько ниже и сбоку этого последнего — небольшую кучку тлеющего пепла от другого сердца»².

В 1892 году Академия художеств вновь устроила очередной бал, который на этот раз был посвящен традициям празднования восточных славян Иванова дня и назывался «Канун Купала». Бал, как

¹ Цит. по: Колесникова А. В. Бал в России, XVIII — начало XX века. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. С. 223.

² Художественно-музыкальный вечер и костюмированный бал императорской академии художеств (К рисунку Карла Брожа) // Всемирная иллюстрация. — 1885. Т. 33, № 848. — С. 314.

всегда, собрал огромное количество гостей и был интересен своей тематикой, сюрпризами и живыми картинами.

К концу XIX века балы художников настолько стали популярны у русского бомонда, что в залах собрания часто можно было встретить представителей императорской фамилии, цвет петербургской аристократии, известных литераторов, критиков, художников. Известно, что балы Академии художеств с интересом и удовольствием посещали Архип Иванович Куинджи, Леон Бакст, Василий Петрович Верещагин.

Бывал на маскарадах художников и общественный деятель, историк искусств В. В. Стасов. Позднее он вспоминал: «Это были праздники совершенно необыкновенные, блестящие, каких у нас до тех пор никогда не бывало... Пантомимные спектакли, живые картины, великолепные декорации с чудными освещениями, необыкновенно художественные костюмы, процессии Робинзона Крузо с его дикими..., Дон Кихота с целой свитой рыцарей на картонных коньках, юмор и картинность, живописные эффекты и остроумные выдумки, — все тут было чудесно и привлекательно»¹.

Практически все балы художников были благотворительными, деньги, вырученные от продажи входных билетов, шли в помощь нуждающимся студентам академии.

Любители камерных вечеров приятно проводили время в кругу родных и близких. В многочисленных домах богатых дворянских и купеческих семей проходили частные балы, на которые хозяева дома приглашали приятных себе людей. Партикулярные (частные) балы играли большую роль в жизни русского общества. Помимо танцев и развлечений, которым гости предавались с удовольствием, подобные вечера предоставляли дамам и кавалерам возможность неформально общаться друг с другом, участвовать в общественной жизни своего сословия. Здесь можно было отдохнуть, развеять скуку, обсудить предстоящий благотворительный

¹ Колесникова А. В. Бал в России XVIII — начала XX века: моногр. — СПб. : Азбука-классика, 2005. — С. 193. — (Серия «Искусство жизни»).

базар, узнать свежие новости, поучаствовать в незатейливых домашних представлениях.

Частные балы, так же как и публичные, имели свою классификацию и подразделялись на сословные, возрастные (взрослые, детские, смешанные), календарные, семейные (по случаю именин, дней рождений и пр. событий) и тематические. Круг приглашенных гостей на частный бал был ограниченным. На таких балах редко можно было встретить незнакомого человека, в основном это были члены семьи, хорошие знакомые, друзья, иногда приглашали и важных персон, чтобы придать вечеру статусность и представительность.

На домашних балах отношения между гостями были свободными, дружескими. Здесь все хорошо друг друга знали и уважали. Старшее поколение не бравировало своим положением и возрастом, молодым девушкам не возбранялось на виду у всех общаться с кавалерами, дети наравне с взрослыми принимали участие в играх и танцах. Домашние балы привносили в жизнь домочадцев и их друзей особую атмосферу радости, уюта и веселья. Такие вечера ждали, к ним готовились и с удовольствием принимали в них участие.

Профессор этнографии В. Н. Харузина в своих мемуарах оставила интересные воспоминания о домашних балах московского купца И. Г. Шипачева, на которых она вместе со своими родными часто бывала. Вера Николаевна писала: «Вечера у Ивана Григорьевича и Ольги Михайловны бывали многолюдные и всегда оживленные. Такое у меня от них осталось впечатление. Мне было на них всегда весело. Освещенные комнаты, смех и разговор, восклицания за карточными столами в кабинете у дядюшки, много довольных, улыбающихся лиц взрослых — и много-много детей. Иван Григорьевич любил детей, любил собирать их и веселить. И детям должно быть весело — так же как приятно должно было быть каждому гостю от приветия и внимания хозяев. В зале устраивались игры, в которых принимала участие иногда и взрослая и полувзрослая молодежь, — и затем танцы. Танцевали, по крайней мере, кадрили все. Зала была небольшая, но как-то умещались

все. Пары размещались по четырем стенам, и когда исполняли фигуру, приходившиеся визави, другая смена ждала своей очереди. Танец задерживался, но был более оживлен: в перерывах можно было разговаривать со своим кавалером или дамой. И так весело было ждать своей очереди. Особенное оживление вносил в танцы Иван Григорьевич своим участием в них. Он танцевал только с детьми, на каждую кадриль выбирая по очереди какую-нибудь девочку, — и это была для нее честь и удовольствие. Старик, он танцевал необычайно живо, весело, что-то говорил, от чего улыбалась его маленькая дама, приободрял восклицаниями своих маленьких визави. Иногда не долетали его слова, но слушать его голос и видеть его было весело — и все начинали сиять улыбками. Не только дети. Взрослые становились у дверей в гостиную и радостно смотрели на него. У другой двери в залу, ведущей в коридор, толпилась прислуга в белоснежных фартуках и радовалась на общее веселье. Самым выдающимся моментом в кадрили была пятая фигура. Все ждали ее, наперед зная, что будет. Дядюшка направлялся за своей дамой, шассируя (скользя) совсем по-особенному, выделывая ловко необычные па, какие-то смешные, но не лишённые изящества, — такие, каких никто в зале делать не мог, но от которых делалось весело. И вся зала, и зрители в дверях громко изъявляли свой восторг и одобрение — и не самим па, а той добротой, с какой он примешивал свое оживление к детской радости. Танцы и игры, сиденье в угловой, прохаживание по зале, чтобы остыть, разговоры с однолетками и угощение. Угощение — по-старинному, как у нас в доме уже не подавали: на больших подносах. Как сейчас помню: поставят несколько больших подносов, и на одних из них — нарезанные пополам апельсины, на других — красиво разложенные на кучки орехи разных родов, чернослив, мятные пряники, разноцветный мармелад и белые и розовые палочки сухой пастилы. Прелестное зрительное впечатление прежде всего. Добавьте, что всего тут в изобилии и что хозяевам — лучшая радость, чтобы угощение исчезало... Были гости, которые неизменно уносили с собой домой «гостинцы» для себя или оставших-

ся дома детей. Когда мы поднимались наверх в детскую для того, чтобы отдохнуть или просто переменить местопребывания, мы видали узелки с «гостинцами», положенные около верхнего платья той или другой посетительницы... Было что-то милое и уютное в этих узелках, в той сердечности, с которой вспоминали об оставшихся в доме»¹.

Танцевальная программа частных балов изобиловала самыми разными танцами, среди которых особой симпатией у любителей быстрых ритмичных движений пользовалась полька. Танец, появившийся в России в период правления Николая I, во времена Александра III продолжал удерживать ведущую позицию среди других бальных танцев. Чешский танец, привезенный в сороковых годах 19 столетия в Россию из Парижа знаменитым русским балетмейстером Н. О. Гольцом, сначала дебютировал на сцене императорского театра, а затем появился и в салонах аристократии. Своим стремительным темпом, легким «половинным шагом» и веселой музыкой полька сумела очаровать и светских львиц, и молодых купчих, и простых служанок. В опубликованной в 1845 году книге «Полька в Париже и Петербурге» говорилось: «Теперь в каждом почти доме, мало того в каждом семействе танцуют польку, позабыв совершенно кадрили, мазурки и вообще все танцы, восхищавшие до того времени поклонников Терпсихоры... Где бы вы ни были, куда вы ни пошли, всюду толкуют вам о польке, об очаровательной польке»².

Далее автор книги, рассуждая об особенностях польки, выводит интересную взаимосвязь между танцем и характером человека. Он пишет: «Кадриль соответствует сангвиническим натурам, галоп желчным, вальс холерическим, а полька есть исключительная принадлежность людей нервических и страстных»³.

¹ Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминание детских и отроческих лет. — М. : Новое литературное обозрение, 1999. — С. 164–166. — (Серия «Россия в мемуарах»).

² Григорович Д. В. Полька в Париже и в Петербурге / пер. с фр. и доп. С. Громилова. — СПб. : Тип. С. Петербургского Губернского Правления, 1845. — С. 39–40.

³ Григорович Д. В. Полька в Париже и в Петербурге. — С. 62.

Первое время полька на балах исполнялась с постоянными фигурами, а к концу XIX века движения танца видоизменились и на смену чистой польке пришли более сложные варианты исполнения, такие как полька–галоп, полька–мазурка, полька–грамблян. Во время царствования Александра III полька уже не считалась модным танцем, но в залах частных домов и общественных собраний ее по-прежнему танцевали с азартом и удовольствием.

В богатых домах для проведения балов хозяева использовали парадные комнаты и залы, которые обычно располагались анфиладой. Апартаменты, богато декорированные, украшенные зеркалами, дорогой мебелью и цветами, были чаще всего нежилыми и использовались хозяевами только для устройства торжественных праздников. Так, например, в доме графини Л. И. Кушелевой–Безбородко, часто дававшей балы для петербургской публики, было около сорока комнат, расположенных так, что когда «... в большом зале гремел оркестр музыки, на другой половине, в кабинете графа, можно было свободно читать и заниматься. И ни один звук не доходил туда из концертной залы»¹.

В домах небольших и с меньшим достатком, для организации балов использовали все имеющиеся приличные помещения, часто используя для этих целей жилые комнаты, столовые и гостиные.

Для развлечения гостей состоятельные хозяева дома не жалели денег и прибегали к разным уловкам, чтобы сделать свои вечера яркими и запоминающимися. Так, например, в перерывах между балными отделениями устраивали концерты, на которых выступали знаменитые музыканты, известные артисты, певцы и литераторы.

Журналистка и писательница Александра Ивановна Соколова вспоминала, что в доме Кушелевых «играли и пели лучшие артисты, читали и декламировали лучшие чтецы, и в заключение каждого вечера танцевали до утра под звуки самого модного и дорогого оркестра»².

¹ Соколова А. И. Встречи и знакомства. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — С. 205. — (Серия «Россия в мемуарах»).

² Соколова А. И. Встречи и знакомства. — С. 205.

Так, например, однажды на балу Кушелевых—Безбородко присутствовал известный французский романист Александр Дюма (отец), который приехал в Россию специально по приглашению графской четы. В другой раз хозяйка дома пригласила на свой вечер известного своей славой в Старом и Новом Свете спирита Юма.

Кушелевы, стремясь сделать свои вечера престижными для петербургской публики, всегда старались, чтобы все приезжие знаменитости выступали у них «раньше всех публичных вечеров и концертов». Соколова А. И. сообщала, что известный во всей Европе пианист Герц дал свой первый концерт в Петербурге сначала в доме Кушелевых и лишь только потом выступил в большом зале Дворянского собрания.

Менее состоятельные домовладельцы устраивали импровизированные концерты, на которых своими талантами блистали сами гости. Умеющие хорошо играть на музыкальных инструментах, по просьбе хозяев дома, исполняли модные вальсы, ноктюрны. Обладательницы хорошего голоса пели популярные романсы и арии, любители стихов декламировали произведения любимых поэтов и, несмотря на самодеятельность и отсутствие профессионализма у доморощенных артистов, такие вечера были не менее интересными и, главное, душевными.

Часто для развлечения гостей организаторы устраивали тематические балы, каждый раз придумывая новую тематику вечера. Приезжая на бал, посетители вдруг попадали в царство морского владыки или оказывались при французском дворе. Так, например, В. Н. Харузина вспоминала, что однажды ее родители побывали у купца Прохорова на ситцевом балу стиля Людовика XV, на котором ее старшая сестра Лена вместе с другими гостями танцевала менуэт. «... На маме был костюм из темно-желтого и красного ситца, на Лене костюм в нежно-зеленых и розовых тонах; у обеих волосы были напудрены, и трудно было сказать, говорили потом, кто из них обеих был интереснее»¹.

¹ Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминание детских и отроческих лет. — С. 240.

Губернские балы

Во времена Александра III не только Петербург и Москва славились своими балами. Жители губернских и уездных городов, во всем копируя столичный образ жизни, старались не уступать в привычках и манерах знатым вельможам и устраивали в своих домах не менее пышные и богатые балы. К 80–90-м годам XIX века обитатели больших и малых городов России уже не мыслили свою жизнь без театров, концертов и балов. Местные богачи, побывав в Москве и Санкт-Петербурге, возвратившись домой, закатывали в своих роскошных усадьбах «пир на весь мир», не жалея денег на устройство праздников. Балы проводились по случаю государственных праздников, именин и дней рождения членов императорской фамилии, приезда в город представителей царской династии, высоких и важных чиновников, по поводу городских праздников и семейных событий.

По своей организации, устройству и программе провинциальные балы были очень похожи на столичные, но, тем не менее, им не хватало петербургского лоска и вкуса, и московской пышности, и представительности. Незнание всех тонкостей светского этикета, определяющего жизнь высшего аристократического общества, могло поставить местную знать в неловкое положение и вызвать насмешку у столичных гостей. Так, например, появление дамы в одном и том же платье на званом обеде, а затем на балу могло неприятно удивить высоких особ из Петербурга, а несвежие бальные перчатки танцоров и вовсе испортить настроение.

Бывало, что богатые люди из губернских и уездных городов, купив дом в Петербурге или Москве, перебирались туда на постоянное местожительство, перенося в столичный образ жизни привычный для себя распорядок дня, а вместе с ним и провинциальные традиции и привычки. Князь Феликс Юсупов, со слов родителей, в своих мемуарах вспоминал о двух богатых сестрах—провинциалках, которые, переехав в столицу, «... решили покорить Петербург, вознамерясь принимать в своем доме высшее общество».

Купленный за большие деньги дом они обставили в соответствии со своими вкусами и представлениями о моде и красоте — «с крикливой роскошью». Далее, по рассказам князя, сестры наняли модного повара и миллион слуг, одели их в яркие ливреи и решили, что пора заявить о себе в свете. В один из дней все высшее общество Петербурга, в том числе и чета Юсуповых, получили необычные для себя пригласительные билеты со следующим текстом: «Дорогие князь с княгиней, полноте сидеть дома да грызть сухари. Будьте к нам на ужин в субботу в восемь». Феликс Юсупов вспоминает, что родители настолько были удивлены поведением сестер, «что ради смеха решили принять их приглашение. Когда они вошли в дом, то встретили там всех своих друзей»¹.

Мода на балы приходит во все российские города, в том числе уральские и сибирские. Купцы и чиновники, горные инженеры и адвокаты, врачи, учителя и артисты вместе со своими семьями собираются на танцевальные вечера в частных домах, посещают публичные в Общественных Клубах и Собраниях. Так, например, балы в Иркутске становятся популярными еще в начале XIX века. Жители города «... зимой долгие вечера сокращали частыми балами; из танцев французский, кадрили занимают первое место»², — писал в своей статье «Взгляд на Иркутск» местный корреспондент.

Стараясь придерживаться выработанных годами бальных канонов, например, соблюдения очередности определенных танцев, жители губернских и уездных городов, тем не менее, приносили в атмосферу бального вечера местный колорит и обычаи, придерживаясь своих представлений о правилах приличия и хорошем тоне.

Столичные гости, бывавшие в Иркутске, отмечали: «Не в укор добрым жителям Иркутска должно сказать, однако ж, что их вечера страх как утомительны. Дамы, коих наряд по большей части схож с картинками «Московского телеграфа», сидят отдельно

¹ Юсупов Ф. Ф. Мемуары / пер. с фр. Е. Кассировой. — М. : Захаров, 2001. — С. 63. — (Серия «Биографии и мемуары»).

² См.: Прогулки по старому Иркутску-6: Из истории иркутских балов. 22 августа 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-50461177_37960072 (дата обращения: 19.05.2018).

от мужчин в особенной комнате, с хозяйкою. Там пред диваном стоит большой круглый стол, на котором с особенным искусством расположены на красиво разрисованных тарелках всякого рода варенья, различные сладкие пирожки, груши и виноград, привезенные из Китая, ягоды и орехи, шелканье коих составляет здесь любимое препровождение времени. Мужчины же в основном также сидят отдельно — играют в карты, пьют вина и наливки»¹.

Приводило в ужас приезжих гостей и то, что дамы и молодые барышни могли себе позволить недопустимые в столичных кругах вольности, например, явиться на бал без перчаток. Для местных дам главным было не соблюдение правил балного этикета, а собственная внешность и красота. По воспоминаниям жительницы Иркутска госпожи Терновой «девушки накануне бала обычно ничего не ели, кроме хлеба с чаем, корсеты передвигали на самые дальние планшетки, ели мел и даже пили разведенный уксус, дабы приобрести «интересную бледность».

Причесывались к балу иркутянки не только у местных, но и даже столичных парикмахеров. В местных газетах часто можно было увидеть следующие объявления: «Внимание дам. Для предстоящего бала, приехав из Москвы, известный в столицах дамский парикмахер причесывает самые модные прически. Мною привезены всевозможные модели волосяных изделий, как-то: фроны, крепоны, валики, трансфармасионы»².

В конце XIX века в Иркутске большой любовью у жителей города пользуются тематические балы, моду на которые вводит известный всем в городе купец первой гильдии А. Ф. Второв.

Александр Федорович, удачливый коммерсант, имевший состояние в 18 миллионов рублей, часто бывал за границей и в обеих столицах. Приезжая в Москву и Петербург, он, бывало, посещал и столичные балы. Там-то господин Второв и подсмотрел непривычные для иркутян тематические вечера. С его подачи в Обще-

¹ Кузнецова В. И. Балы в России и в Иркутске//Иркипедияги. — URL: bit.ly/2HBRzpk (дата обращения: 19.05.2018).

² Цит. по: Балы в России и в Иркутске. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/node/2657/all-dates (дата обращения: 19.05.2018).

ственном клубе Иркутска начинают проходить «ситцевые балы», на которые барышни и дамы, в соответствии с тематикой вечера, обязаны приезжать в ситцевых платьях и туфельках из этой ткани. Сам же Александр Федорович проводит в своем четырёхэтажном роскошном особняке частные балы для близкого круга людей, кроме того, просторные комнаты большого дома он предоставляет в аренду жителям города для проведения праздников и танцевальных вечеров. Так, например, в ноябре 1891 года в его доме прошел семейный вечер, который устроили купцы и приказчики. Местная газета сообщила: «1891 год. 9 ноября состоялся в доме Второва по инициативе приказчиков семейный вечер, на который собралось до 150 человек приказчиков, купцов-хозяев, служащих в разных торговых учреждениях, и других лиц. За плату в 2 р. гостям предложены были чай, закуска. Танцы прошли оживленно, все остались довольны»¹.

На гостей, посетивших этот вечер, внутренняя отделка дома и роскошная обстановка залов произвели неизгладимое впечатление. Балы в доме Второва так полюбились приказчикам, что «в 1897 г. Клуб общества приказчиков даже снял его в аренду на срок три года»².

В конце XIX века балы в Иркутске становятся привычным явлением и любимым видом отдыха горожан. Танцевальные вечера регулярно проходят в залах Городской думы, Общественного собрания и частных богатых домах.

Жительница Иркутска Лидия Ивановна Тамм в своих «Записках» вспоминала: «В нашей семье любили рассказывать о семейных балах, которые были особенно популярны в конце XIX — начале XX веков. Тетушки рассказывали, как на таких вечерах проводились лотереи-аллегри, которые сопровождались шуточными призами. Их выдавали сразу по предъявлении билета. Призами служили смешные открытки, воздушные шарик»,

¹ Колмаков Ю. П., Романов Н. С. Хронология. 1891. Ноябрь // Иркипедиягу. — URL: bit.ly/2HxBuVu (дата обращения: 19.05.2018).

² Кузнецова В. И. Балы в России и в Иркутске // Иркипедиягу. — URL: bit.ly/2HBRzpk (дата обращения: 19.05.2018).

духи, альбомы. Хотя эти лотереи были беспроигрышными, сборы от них в благотворительные общества поступали солидные... Бабушка частенько рассказывала мне об одном таком вечере, куда они всей семьей и друзьями Подгорбунскими и Залуцкими как-то попали... Маленьких детей, в том числе и мою маму, сразу же увели в комнату, где для них были устроены театрализованное представление и «живые картины» по басням Крылова. В большом зале Собрания молодежь танцевала и играла в «Почту». Каждому участнику игры прикрепили на грудь искусственный цветок, дали карандаши и бумагу. Одетые под «почтальонов» девушки разносили письма от одного «цветка» к другому. Мужчины разошлись по интересам: кто в «курилку», кто в соседний зал, где шла игра в лото и преферанс. Дамы уселись за столы, на которых стояли самовары и были разложены всевозможные булочки и печенье. Они попивали чаек и рассматривали разложенные здесь же журналы мод и полезных советов»¹.

На публичные балы иркутяне любили приходить целыми семьями. Во время танцев на блестящем паркете часто можно было видеть почтенных родителей и их любимых чад, исполняющих танцевальные па рядом друг с другом. Местные газеты печатали подробные анонсы предстоящих танцевальных вечеров, которые горожане всегда читали с большим интересом. Так, например, на страницах издания можно было встретить такое объявление: «В Ремесленном собрании, арендуемом преподавателем танцев О. М. Кац, бывшим артистом Одесского, Киевского и Варшавского театров, в субботу, 7 апреля, дан будет большой танцевальный вечер с 2-мя призами:

- 1) За исполнение мужского танца «Лезгинка»,
- 2) За исполнение дамского танца «Миньон».

Призы будут выдаваться по присуждению публики. Во время вечера учителем танцев О. М. Кац на сцене исполнены будут в национальном костюме малороссийский гопак, Английский

¹ Кузнецова В. И. Балы в России и в Иркутске // Иркипедиягу. — URL: bit.ly/2HBRzpk (дата обращения: 19.05.2018).

танец «Матрос». Играть будет военный оркестр. Начало в 8 часов вечера».

В Оренбурге балы у жителей города пользовались не меньшей популярностью, чем в Иркутске. Особенно они стали востребованы с открытием в 1841 году здания Дворянского собрания, построенного по проекту архитектора А. П. Брюллова.

«В середине ноября, — вспоминал военный инженер И. Ф. Благрамберг, — оренбургское общество, особенно прекрасный пол, было охвачено волнением. Сооружение ранее упомянутого здания Дворянского собрания по проекту Брюллова было закончено, и должно было состояться его торжественное открытие. Так как генерал-адъютант Перовский намерен был с первым санным поездом отправиться в северную столицу, решено было устроить прощальный бал в новом, со вкусом построенном здании. Организовали запись, по которой каждый член общества согласно своему состоянию должен был внести средства, и в течение недели было собрано 10 тыс. рублей ассигнациями — сумма для Оренбурга того времени значительная. Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания; такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненных и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц»¹.

Зимой отдохнувшее за лето на своих загородных дачах оренбургское общество жаждало развлечений. Долгие вечера горожане проводили в приятных и уже ставших привычными для себя увеселениях: балы следовали за балами, на смену им приходили спектакли, поставленные артистами любительского театра, иногда в город наведывались приезжие музыканты-гастролеры, которые

¹ Благрамберг И. Ф. Воспоминания / пер. с нем. О. И. Жигалиной, Э. Ф. Шмидта; вступ. ст. Н. А. Халфина; коммент. О. И. Жигалиной // Милитера: Военная литература. — URL: bit.ly/2Нумjvl (дата обращения: 19.05.2018).

к восторгу любителей музыки устраивали для местной публики концерты. Бларамберг вспоминал: «Зиму мы провели в обычных развлечениях. Сюда, в далекий Оренбург, добрались и несколько музыкантов, чтобы дать концерты. Балы сменялись представлениями нашего любительского театра, и беднякам не приходилось жаловаться. ...Год завершился большим балом в здании Дворянского собрания с взаимными пожеланиями счастья в Новом году, под звон бокалов с шампанским»¹.

В другом губернском городе — Перми, балы проходили в здании Дворянского собрания и в Купеческом клубе, который позже был переименован в Общественное собрание.

Дворянское собрание было открыто для местной «благородной элиты», состоящей из важных чиновников, крупных начальников, инженеров, офицеров местного гарнизона. Здание Благородного (Дворянского) собрания было построено в 1837 году по проекту архитектора И. И. Свиязева. Члены клуба, в соответствии с уставом, обязаны были приезжать в здание в бальных костюмах: мужчины во фраках, женщины в декольтированных платьях. В Благородном собрании для пермского высшего общества давались балы, проводились благотворительные вечера, средства от которых поступали в пользу больниц, учебных заведений и приютов. Благодаря щедрым пожертвованиям дарителей, на деньги, собранные во время благотворительных балов и концертов, в Перми были открыты Мариинская женская гимназия и четыре воскресные школы.

В 1863 году в городе начинает работу еще один клуб — Купеческий, который, по словам пермского летописца и педагога В. С. Верхоланцева «... был открыт купцами в виде протеста против Благородного собрания, куда допускались только лица во фраках и куда не пустили известного общественного деятеля К. только потому, что он явился в сюртуке»².

¹ Бларамберг И. Ф. Воспоминания / пер. с нем. О. И. Жигалиной, Э. Ф. Шмидта; вступ. ст. Н. А. Халфина; коммент. О. И. Жигалиной // Милитера: Военная литература. — URL: bit.ly/2Hymjvl (дата обращения: 19.05.2018).

² Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. — Пермь, 1913 — С. 20–21.

Купеческий клуб, позже переименованный в Общественное собрание, собирал под сводами состоятельных жителей Перми. Собираясь целыми семьями на публичные балы, маскарады и концерты, пермяки приятно проводили время в кругу знакомых людей. В помещении собрания каждый находил себе место для любимого развлечения. Желающие танцевать направлялись в бальную залу, поклонники карточных игр располагались за ломберными столами, любители лото коротали время за спокойной, неспешной игрой и разговорами.

Уездный Екатеринбург, входящий в состав пермской губернии, в период царствования Александра III продолжает строиться и развиваться, сохраняя при этом патриархальный уклад и неспешный ритм существования. Живя с оглядкой на столицы — Москву и Санкт-Петербург, екатеринбургское общество с пристальным вниманием следит за жизнью столичного бомонда, привнося в свой обиход все модные веяния того времени. Богатые купцы-золотопромышленники, возвращаясь из столичных городов в Екатеринбург, с восторгом рассказывают своим знакомым о роскошных праздниках, устраиваемых при дворе, о балах, которые дают великосветские вельможи в своих роскошных усадьбах, о развлечениях московской и петербургской знати.

Екатеринбургские дамы стараются ни в чем не уступать петербургским светским львицам и строго следуют всем капризам моды. Иностранцы путешественники и столичные гости, побывавшие в разное время в Екатеринбурге, с удивлением отмечали: «Высшие чиновники составляют приятное общество, в котором неудивительно встретить изящные столичные манеры, так как почти все они получили образование в Петербурге, в корпусе горных инженеров. Зимой часто собираются для танцев и музыки в предназначенный для этого дом. Расходы покрываются складчиной. На этих собраниях, в которые легко попасть приезжему, встречаются часто элегантные современные наряды, которые многие выписывают из Петербурга»¹.

¹ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. — Екатеринбург : ИГЕМО Lithika: Музей истории Екатеринбурга, 2000. — С. 152.

Дмитрий Сигов, делясь своими впечатлениями о городе, не преминул заметить, что «... у жителей города тот же утонченный, образованный вкус во всем, то же искреннее гостеприимство, те же пустые гостиные сплетни и прочее; даже модные наряды дам ничем не разнятся от столичных, схваченных с последних парижских картинок»¹.

Балы в Екатеринбурге в балльный сезон проходили почти еженедельно. Дмитрий Сигов, активно участвовавший в общественной жизни горожан, позднее вспоминал: «Нынешняя зима проведена была здесь самым веселым образом: начиная с января месяца до великого поста собрания в клубе и балы в частных домах не прерывались». Устроители балов, к удовольствию городской публики не забывали и про маскарады. Тот же Д. Сигов отмечал: «Бывшие в начале генваря и на масленице маскарады обратили на себя особое мое внимание. Они ни чем не уступили столичным, кроме числа посетителей, которых однакож собиралось в каждый более 200 человек. Кто не видел столичных маскарадов, для того и здешние покажутся отличнейшими: великолепно освещенные залы, неумолкающий гром музыки, непрерывные танцы — все располагало чувства к приятному ощущению!»².

Восхитили столичного гостя и маскарадные костюмы местных красавиц. Описывая наряды, он отдает должное их вкусу и фантазии: «Дамы и их модные костюмы — это прелесть. Многие из молодых дам были одеты даже в национальные русские платья: бархатные разных цветов сарафаны, обшитые золотыми позументами, с кокошниками на головах и с живописными шелковыми лентами в косах — все это очаровывает даже самого хладнокровного зрителя! Были так же и хорошие маски, с острыми шутками замаскированных лиц»³.

¹ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. — С. 182.

² Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. — М.: Наука, 2006. — С. 363.

³ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. — С. 182–183.

Самым же известным местом приятного препровождения времени в городе считался Общественный клуб, который в 30-х годах 19 столетия располагался в доме штаб-лекаря Варвинского, в 80-х годах в доме купчихи Клавдии Баландиной на углу Вознесенского проспекта и ул. Клубной (ныне ул. К. Либнехта и Первомайская). Первый этаж дома-особняка, с прилегающим к нему цветущим садом, Клавдия Аникеевна сдавала в аренду для проведения различных праздников и балов. В 70-х годах девятнадцатого века богатые и известные люди города, такие как Тарасов, Рязанов и Поклевский-Козелл, принимают решение выкупить у владелицы дома это здание и устроить в нем «Общественное собрание». Для города, насчитывавшего к тому времени немногим более 30 тыс. жителей, открытие клуба стало знаменательным событием. В уставе Собрания, утвержденном в 1871 г., было записано, что оно создается «для приятного препровождения времени в дозволенных играх, чтения газет и журналов». Клуб открывался ежедневно в 7 часов утра. В 10 ч в здании собирались деловые люди для обсуждения коммерческих дел. Вечерами появлялись любители шашек, шахмат, преферанса и бриджа. Те же, кто предпочитали играм чтение, могли воспользоваться библиотекой клуба, в которой насчитывалось более 8 тысяч книг. Любители музыки пользовались богатой коллекцией нот. В клубе был и собственный оркестр. Но, прежде всего, Общественное собрание славилось своими балами. Они давались ежегодно 28 декабря (в день открытия общественного собрания), на Новый год, Рождество, Масленицу и другие праздники.

Организатором балов чаще всего выступал екатеринбургский «Дамский кружок». Особенно шумно проходили в Общественном собрании новогодние балы-маскарады. Их ждали с нетерпением и тщательным образом к ним готовились. Подготовка занимала все свободное время горожан. Дамы с утра до вечера трудились над созданием оригинального маскарадного образа: листали модные журналы в поисках интересных фасонов, ездили по галантерейным магазинам, посещали портних. Каждой из них хотелось быть

на балу особенной и неотразимой в своем новом маскарадном костюме. Так, однажды, на одном из новогодних вечеров, жительницы города сестры фон Цур–Миллен появились в роскошных костюмах древнегреческой жрицы и «феи ночи».

Зинаида Ильинична Симанова, дочь известного в городе купца 1-й гильдии, городского головы И. И. Симанова, с удовольствием посещала эти новогодние маскарады. В своих воспоминаниях она написала: «Веселым и интересным бывал костюмированный бал 4-го января. Почти все были в масках и разнообразных костюмах. Но маски посреди вечера снимались. Бывали «оперные» и «драматические» компании, когда пары изображали главных персонажей из опер и драм. Я как-то являлась Маргаритой с Фаустом, Татьяной с Онегиным, Лизой с Германом. Подбирались персонажи целой пьесы до слуг включительно. Как-то на этот бал явился муж моей сестры с огромной бочкой. Он изображал волшебника, и в бочке находился человек, вышедший оттуда, то балериной, то монахом, то во фраке. В бочке он переодевался, и поэтому можно было судить о ее размерах. В числе развлечений были разные игры с сюрпризами. Конечно, все было платное»¹.

На Новый год на балах принято было сочинять пророчества, поэтому среди публики в самый разгар вечера неожиданно мог появиться чародей в черном бархатном плаще или звездочет в мантии и колпаке, усыпанных звездами. В руках они держали большую книгу, из которой читали предсказания для всех любопытных дам и кавалеров, желающих заглянуть в свое будущее.

Устраивались в Общественном собрании и благотворительные балы. Как вспоминала жительница города Надежда Нестерова-Анфиногорова: «Начинался сезон таких концертов-балов обычно 15 или 20 августа в пользу «недостаточных» студентов, 21 ноября был так называемый «польский бал», выручка от которого шла в пользу бедных прихожан католического костела. В последнем номере концерта обычно исполнялись польские народные танцы — краковяк, мазурка. После концерта устраивались танцы для

¹ Пешкова И., Симанова З. Отец и дочь // Урал. — 2003. — № 8. — С. 225.

публики до часу или двух ночи. Во время антрактов, на одном вечере, я помню, в двух гостиных были установлены палатки в виде «ульев», в которых молоденькие девушки, одетые в костюмы «пчелок», предлагали гостям «польский медок» — сладкий напиток, за который гости платили, кто сколько мог»¹.

Пользовались у горожан большим интересом и тематические балы, которые каждый раз по задумке организаторов меняли название, сюжет и декорации. Нестерова—Анфиногорова Н. рассказывала: «... 6-го декабря был бал, который каждый год менял свое название, но я запомнила только два — «матросский» и «белый». На первом все присутствующие должны были одеться матросами, иначе платили штраф по 1 руб., а некоторые по 3 и 5 руб. На «белом» балу все дамы, несмотря на возраст, должны были быть одетыми в белые платья, а мужчины во фраки, иначе тоже взымался штраф. У провинившихся деньги собирали девушки в белом. Часто им помогали молодые люди во фраках или особой форме»².

Зинаида Ильинична Симанова сообщила, что однажды декабрьский бал был посвящен теме — «подводное царство» и все гости «были одеты русалками, рыбами и прочими морскими обитателями. В залах были гроты и аквариумы. Окна были затянуты голубой кисеей, на которой «плавали», т. е. висели рыбы, раки медузы и т. д.»³.

Были еще ситцевый, шелковый и бархатные балы. «Все, не бывшие в таких платьях, — вспоминала З. Симанова, — платили штраф. Конечно, многие из дам предпочитали штраф ситцевому платью. Для средней публики было дешевле сшить ситцевое платье, так как штраф был 5 руб., а ситец тогда можно было купить от 15 коп. и дороже. Вообще этот бал был всегда новым и оригинальным»⁴.

¹ Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания // Уральская старина: лит.-краевед. зап. — 2000. — Вып. 4. — С. 187.

² Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания. — С. 186.

³ Пешкова И., Симанова З. Отец и дочь. — С. 225.

⁴ Там же.

Проводились в Екатеринбурге, как и в других городах, местные ярмарки невест. Обычно смотр молодых девушек проходил в Общественном собрании ежегодно 28-го декабря. Надежда Нестерова-Анфиногорова рассказывала: «28-го декабря был бал, на который собирались не раньше 9 вечера. Его, шутя, называли «показом невест». Барышни были одеты в парадные платья, а их матери — в бархатных или шелковых. Особенно отличались купеческие дамы и их дочери, иногда на барышнях были толстые шелковые платья ярких цветов. Публика держалась почему-то очень чопорно и на этих балах было скучно. На мамашах и дочках иногда бывало надето очень много золотых украшений с цветными камнями и бриллиантами»¹.

Не забывали екатеринбуржцы и про детей. По праздникам, в залах Общественного собрания, для детей разных возрастов организовывали вечера с танцами и угощением. Их проводили обычно в Новый год и на Масленицу. Надежда Нестерова-Анфиногорова сообщала: «2-го января и на Масленицу (в середине или конце февраля) был детский вечер. С 6 до 8 часов вечера для детей 5 лет, с 8 до 10 для детей 9–11 лет, а для старших детей отводилось время с 10 до 12 часов. Билеты на эти вечера были кажется всего 50 коп. для родителей, а для детей вдвое дешевле. Всем детям можно было выпить стакан сладкого чая и скушать сдобную булочку. Кроме того, в первой гостиной дамы—патронессы на каждый детский билет выдавали маленькую белую картонную коробочку, наполненную шоколадными конфетами и одно яблоко или мандарин. На вечера приходило очень много ребят из небогатых семей с мамами или бабушками, которые брали с собой и чужих детей. Для малышей молоденькие дамы обычно устраивали массовые игры, водили хороводы и танцевали польку. Ребята постарше развлекались разными бальными танцами. Последним танцем была обычно кадриль-монстр, в которой между каждой фигурой вставлялся какой-нибудь бальный танец. Управлял или «дирижировал» кадрилию распорядитель, которого выбирали сами танцующие.

¹ Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания. — С. 188.

Дирижировали, управляли танцами всегда на французском языке. Перед началом кадрили лакей обносил танцующих подушкой с наколотыми букетиками цветов из материи, которые кавалеры должны были приколоть своим дамам, а затем второй лакей нес подушку с наколотыми на ней «орденами» из посеребренного или позолоченного картона и дамы прикалывали их своим кавалерам. Так делалось только на этих двух вечерах и, причем, также бесплатно. После кадрили-монстр был «прощальный» вальс, затем публика расходилась»¹.

Особенно востребованными и посещаемыми в Общественном собрании были семейные балы. В здание клуба многочисленные семейства приезжали обычно к 20 часам, шумно поднимались по парадной лестнице, проходили в зал, располагались на маленьких «видавших виды» потертых диванчиках и ждали начала вечера в предвкушении приятного отдыха и интересных развлечений.

Нестерова-Анфиногорова Н. вспоминала, что к девяти часам вечера в залах собрания «являлись ряженые группами в 8, 16 человек и даже больше и исполняли заранее подготовленные танцы. Например, в группе из 16 человек — 8 кавалеров во фраках и 8 дам, одетых в костюмы цветов: маки, гвоздики, хризантемы, колокольчики, ландыши, васильки, ромашки, виолы. Эта группа танцевала менуэт и входила в зал под музыку полонеза. Публика на этих вечерах была одета скромно — дамы обычно в темные шерстяные платья, барышни в шерстяные серого, песочного цвета или в белые шелковые кофточки и черные шерстяные юбки. Мужчины в форму или пиджаки»².

В конце октября 1894 года Екатеринбург готовился к очередному благотворительному балу в пользу нуждающихся прихожан костела Святой Анны, как вдруг в начале ноября «как гром среди ясного неба» из Петербурга пришла весть о преждевременной кончине императора Александра III. В столицах и во всех городах России был объявлен траур. Праздники, балы и другие увеселе-

¹ Нестерова-Анфиногорова Н. Воспоминания. — С. 189.

² Там же.

ния повсеместно отменялись. Народ скорбел о своем любимом императоре. Это был первый русский царь, для которого благо нации и государства были наиважнейшими и основополагающими в управлении огромной империей. Благодаря царю-миротворцу, его независимой политике, русский народ впервые за много веков, наконец, начал жить спокойно, без войн, трагедий и потрясений в обществе. Правление Александра III не изобиловало для государства серьезными внешними событиями, но принесло в жизнь подданных стабильность и уверенность в завтрашнем дне. За тринадцать лет своего царствования император Александр Александрович сумел высоко поднять авторитет России во всем мире, а в ее пределах утвердить незыблемость и величие царской власти. Смерть Александра III внесла смятение в душу граждан. Многие известные поэты, писатели, художники посвятили незабвенной памяти императора свои произведения. Был среди них и поэт, драматург Сергей Бехтеев, который сочинил стихотворение «Царь Богатырь».

Когда с Державного Престола
Ты Русским Царством управлял, —
В подполье пряталась крамола
И враг России трепетал.
Стремилась все к Твоей Державе,
Ища защиту и оплот,
Был наш солдат в почетной славе,
Был первый в мире Русский Флот!
Везде господствовал порядок,
Закон не смели нарушать,
В стране повсюду был достаток
И мирной жизни благодать.
Трудились сытые крестьяне
В просторных житницах полей.
Служили с рвением дворяне
Тебе и Родине своей!
Рукой железной правя твердо,

Ты порождал любовь и страх,
И Флаг Российский реял гордо
В нам чуждых странах и морях.
Таких Царей, как Ты, не будет,
Вот почему Ты мог сказать:
«Когда Царь Русский рыбу удит –
Европа может подождать!»¹

Сергей Бехтеев.

Николай II

11 января 1896 г. в главной резиденции русских царей состоялся первый большой придворный бал нового властителя Российской империи Николая II и его молодой супруги красавицы Аликс. Бал проходил в соответствии с придворным церемониалом в Николаевском зале Зимнего дворца. На торжественный вечер было приглашено более трех тысяч человек, вся петербургская знать, высшие военные и гражданские чины с женами и дочерьми, придворные. На балу также присутствовали иностранные дипломаты с семьями, «... старейшие офицеры гвардейских полков с женами и дочерьми, молодые офицеры как «танцоры», некоторые лица по специальному указанию их величеств... Сыновья лиц, приглашенных на бал, не разделяли участи своих сестер: их звали только в зависимости от их собственного чина или звания»².

Сверкающие золотом и бриллиантами дамы в придворных платьях, мужчины в парадных белых и ярко-красных мундирах неспешно поднимаются по лестнице, застланной мягким ковром, проходят между двух шпалер лейб-казаков в красивых бешметях, «арапов в белой чалме и шитом платье», своим видом придающих торжеству «особый экзотический блеск», и рассыпаются по залам в ожидании выхода Их Императорских Величеств. В торжествен-

¹ Бехтеев С. Царь-богатырь // SouLibre. — URL: bit.ly/2jedxUF (дата обращения: 19.05.2018).

² Мосолов А. А. При дворе последнего императора. — М. : Просвещение, 2016. — С. 236. — (Серия «Русская классика в иллюстрациях»).

ный момент двери Малахитового зала распахиваются и из них появляются члены императорской фамилии с государем и государыней во главе. Оркестр играет полонез, а все присутствующие в зале склоняются в низком поклоне перед царской семьей. «Придворный полонез — по словам начальника канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолова — являлся настоящим священнодействием, государственным делом. Государь шел в первой паре под руку с женой главы дипломатического корпуса. Великие князья распределяли между собою жен остальных дипломатов, а послы шествовали с великими княгинями. Обер-гофмаршал, окруженный церемониймейстерами, — каждый с жезлом в руках — шел впереди царя и делал вид, что прокладывает ему путь. После первого тура происходил обмен дамами, причем строго соблюдался ранг каждой из них. Количество туров зависело от того, сколько дам приглашено Его Величеством. Приглашенные, кроме перечисленных мною лиц, в полонезе участвовать не имели права»¹, — сообщал А. А. Мосолов.

В течение вечера Николай II разговаривал с офицерами, придворными дамами, чиновниками, обходил присутствующих, стараясь уделить внимание как можно большему количеству гостей. Александр Александрович Мосолов вспоминал, что у императора была великолепная память на лица и если он спрашивал: «... Кто эта девица?» — то можно было быть уверенным, что речь идет о какой-нибудь дебютантке и что церемониймейстеры будут застигнуты врасплох»².

Александр Федоровне в этот момент «представляли множество дам и девиц», имеющих право быть представленными Ее Императорскому Величеству. Все проходило чинно, торжественно, красиво, так, как и должно было быть в соответствии с придворным этикетом. Николай II, став императором, первое время строго соблюдал существующие при дворе традиции. Он прилежно исполнял введенные его предшественниками церемониалы,

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. — С. 241–242.

² Там же. — С. 243.

принимал различные делегации, проводил торжественные приемы, придворные балы, вел публичный образ жизни. Государь, как и когда-то его отец, вступив на престол, своей властью, авторитетом и образом жизни провозглашал незыблемость царского самодержавия и «многие лета» Дома Романовых. Тогда большинство верило, что так оно и будет.

Зимние придворные балы были долгожданным событием в жизни высшего общества. К ним готовились основательно как дамы света, так и представительницы царской семьи. Умение соблюсти грань между модой и стилем, чувство вкуса, такта и умеренности во всем отличало истинную аристократку от дам, пытающихся себя таковыми позиционировать. Великая княжна Мария Павловна вспоминала, как тщательно продумывала свои бальные наряды великая княгиня Елизавета Федоровна. Все детали, начиная от изысканных украшений в прическе и заканчивая цветом и материалом бальных туфель, составляли единый ансамбль, гармонично сочетаясь друг с другом. Елизавета Федоровна не терпела малейшего «выпадения из тона». «Она сама разрабатывала фасоны большинства своих нарядов, делая эскизы и раскрашивая их акварельными красками. И они замечательно смотрелись на ней, подчеркивая ее индивидуальность. Дядя, у которого была страсть к драгоценным камням, дарил ей много украшений, и она всегда могла выбрать то, что сочеталось бы с ее одеждой»¹, — вспоминала ее воспитанница, великая княгиня Мария Павловна.

Наметанный взгляд придворного мгновенно замечал на балу дам, которые не принадлежали к высшему петербургскому обществу. Опытный царедворец А. А. Мосолов сообщал, что «очень свежее и очень дорогое платье свидетельствовало, что дама слегка из выскочек. Истинные аристократки не надевали последних моделей, когда ехали на николаевский бал: там их ожидала толпа, негде было надлежащим образом развернуться — только помнут платье от Ворта или Редферна. Считались также с манерой носить

¹ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары / пер. Л. Бурмистровой, И. Кастальской, В. Харитоновой. — М. : Захаров, 2014. — С. 21. — (Серия «Биографии и мемуары»).

форму или бальное платье и тем «нечто», благодаря которому голубая кровь «езде, как у себя дома»¹.

Проводились во дворце, как и раньше, «концертные и «эрмитажные» балы. После торжественного полонеза, открывавшего бал, распорядитель объявлял вальс, и лучший танцор гвардии приглашал на танец знатную даму. Великие княгини в «легких танцах», как правило, не участвовали. Исключение составляла дочь великого князя Владимира Александровича — Елена Владимировна. Мосолов А. А. вспоминал: «Она очень любила танцевать вальс, и ее можно было пригласить без особых формальностей. Мы все были поголовно в нее влюблены»².

Мосолов так же сообщал, что когда проходили концертные и эрмитажные балы, небольшие по количеству приглашенных, целый ряд залов дворца оставался пустым. «Можно было взять свою даму под руку и провести ее по бесконечной анфиладе дворцовых помещений. Вдруг вы оказывались вдаль от танцев, от светских пересудов и от бальной жары. Едва освещенные, эти залы казались более интимными, более уютными... Так можно было идти почти полчаса. Это была странная, жуткая сказка, сделавшаяся действительностью»³.

Во время бала лакеи обносили гостей прохладительными напитками, предлагали конфеты и мороженое. После мазурки дирижер бала приглашал гостей на ужин, и дамы с кавалерами чинно, под музыку, отправлялись в отдельный зал к нарядно сервированным столам. «На возвышении вдоль окон ставился длинный царский стол, — вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков, — а приглашенные сидели по 12 персон за круглыми столами, имевшими посередине отверстия, из которых выходили стволы пальм или больших лавровых деревьев, так что весь зал обращался в великолепный зимний сад»⁴.

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. — С. 237.

² Там же. — С. 242.

³ Там же. — С. 242–243.

⁴ Воейков В. Н. С царем или без царя. — М. : Захаров, 2016. — С. 34. — (Серия «Биография и мемуары»).

Государь во время балов обычно не ужинал. Он обходил приглашенных гостей и время от времени присаживался за тот или иной стол, если желал с кем-нибудь поговорить. Зная его привычку, устроители бала заранее у каждого из столов оставляли для него свободное кресло. «Царь садился на кресло и делал знак остальным ужинающим этого стола: им разрешалось не вставать. Свита отходила на несколько шагов в сторону и ждала окончания беседы». После окончания разговора царь вставал, и «свита снова занимала свое место сзади царя»¹.

Пока император общался с придворными, бальным процессом руководил распорядитель бала. Во времена Николая II в обществе в качестве дирижера был популярен барон Врангель, блестящий офицер, который отличался не только своими военными, но танцевальными и организаторскими способностями. Прекрасно зная все танцы, чудесно исполняя сложные танцевальные фигуры, он умело руководил танцорами, задавая различные движения, построения, тактично сглаживал возникающие на балу неловкие ситуации. Высокий, стройный конногвардеец пользовался большим вниманием у дам и за период своей бальной деятельности сумел покорить не одно женское сердце.

Государь иногда тоже принимал участие в общих танцах. Он был великолепным танцором и во времена своей молодости, по воспоминаниям его сестры Ольги Александровны, танцевал с большим удовольствием. Императрица же исполняла только те танцы, которые были предписаны ей придворным этикетом.

Заканчивался бальный сезон во дворце в последний день Масленицы, так называемым «фолль-журнэ» (бешеный, развеселый день — фр.). На бал гости приезжали к четырем часам дня и до семи вечера танцевали. «В семь часов подавался обед с блинами, после которого танцы возобновлялись. Ровно в 12 часов музыка прекращалась, и все приглашались к ужину, после которого начинался разъезд»², — сообщил Владимир Николаевич Воейков.

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. — С. 243.

² Воейков В. Н. С царем или без царя. — С. 34. — (Серия «Биография и мемуары»). (400 с.)

Николай II с радостью участвовал и в костюмированных балах, устраиваемых при дворе. Грандиозный исторический бал, который состоялся в Зимнем дворце в январе 1903 года, стал знаменательным событием для Петербурга. «Весь Петербург танцевал в Зимнем дворце. Я точно помню эту дату, так как это был последний большой придворный бал в истории Империи»¹, — сообщал Великий князь Александр Михайлович Романов.

Приглашенным на бал гостям предписано было явиться в костюмах времен царствования Алексея Михайловича. Тема бала была выбрана не случайно. В светском обществе личность Николая II ассоциировалась с царем Алексеем «Тишайшим», да и сам Николай Александрович в своих высказываниях неоднократно демонстрировал симпатию этому правителю. Воспитанный своими родителями в традициях любви и уважения ко всему русскому — культуре, искусству, истории — «... Ники хоть на одну ночь хотел вернуться к славному прошлому своего народа»².

Перед участниками маскарада стояла нелегкая задача: нужно было потратить немало денег и сил на подготовку костюмов, соответствующих допетровской эпохе. «Приглашенные занялись поисками семейных портретов, начали посещать картинные галереи и рассматривать старинные гравюры. Усердно изучались исторические труды...»³.

Некоторые господа обратились за помощью к директору Императорского Эрмитажа И. А. Всеволожскому, создавшему за время своей деятельности в театре более 1000 эскизов театральных костюмов. Над нарядами великих князей и княгинь день и ночь трудились известные театральные художники и портные столицы.

Усердно готовилась к балу и великая княгиня Ксения Александровна. В своих письмах к подруге — княгине Александре Алек-

¹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — СПб. : Питер, 2015. — С. 202. — (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»).

² Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — С. 204.

³ Гафифуллин Р. Костюмированный бал в Зимнем дворце: В 2 т. Т. 2. — М. : Русский антиквариат, 2003. — С. 24.

сандровне Оболенской, она сообщает некоторые подробности подготовки своего костюма. В январе 1903 года она пишет:

«Милая Апрак,

Завтра 12-го у меня будет Иванова с моделью костюма, надо примерить — очень хотелось бы иметь тебя! Также для кокошника рисунок Фаберже мне прислал. Если можешь, приезжай, пожалуйста.

Ксения

Милая Апрак,

Завтра 12-го у меня будут портниха Иванова и какой-то господин, которого я видела на выставке (исторический костюм) и просила его сделать мне рисунок башмака! Он, по-видимому, понимает кой что в старине и может дать указание по поводу костюма! Вопрос этот мне надоел и я, наконец, хочу с ним завтра покончить. Не хочешь ли тоже приехать?! Буду очень благодарна, надеюсь, позавтракаешь с нами.

Ксения

Милая Апрак,

Приезжай, пожалуйста, завтра к завтраку в пол 1-го. Решим насчет кокошника и всего прочего! Благодарю за рисунок... Целую. Ксения»¹.

Особенно старательно готовили к балу маскарадный костюм императора и императрицы. Над эскизами царских платьев работали директор Эрмитажа И. А. Всеволожский и художник санкт-петербургских императорских театров Е. П. Пономарев. Ткани для костюмов — бархат и парчу поставила ко Двору фирма Сапожниковых. Из Оружейной палаты Московского Кремля были привезены жемчужные запястья, принадлежавшие сыну Ивана Грозного царю Федору Иоанновичу, и подлинный жезл царя Алексея

¹ Письма великой княгини Ксении Александровны Александре Александровне Оболенской, 1885–1917 гг. /вступ. ст. и примеч. М. В. Фалалеевой // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 2005. — Т. 14. — С. 540–541.

Михайловича. Наряд императора состоял из двух кафтанов, сшитых из бархата и атласа, и украшенных золотым кружевом и жемчугом. Пояс и шапка, расшитые изумрудами и другими драгоценными камнями, выглядели весьма роскошно. Эскиз костюма для императрицы сделали с иконы в соборе Московского Кремля, на которой была изображена первая супруга царя Алексея Михайловича — Мария Ильинична. Ювелир Фаберже для украшения платья и короны императрицы собственноручно отобрал драгоценные камни в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца, где испокон веков хранились царские сокровища. Парчовое платье императрицы было украшено изумрудами и бриллиантами и расшито белыми жемчужинами. Корона сияла большим количеством драгоценных камней. Изыщные нити, идущие от короны, были сплетены из крупного жемчуга и большого количества бриллиантов. Но главным украшением платья был огромный, величиной с ладонь изумруд, приколотый к лифу платья.

Бал состоялся 11 февраля 1903 года. К половине девятого вечера в Зимнем дворце собрался весь цвет высшего общества, вся петербургская знать. Придворные с нетерпением ждали появления государя с государыней. И вот, наконец, торжественный выход императорской четы. «Аликс выглядела поразительно, но Государь для своего роскошного наряда был недостаточно велик ростом»¹, — отметил Великий князь Александр Михайлович.

Гости, во главе с царственными супругами, парами в торжественной колонне проследовали в Эрмитажный театр, где для всех участников бала был устроен великолепный концерт. В нем принимали участие звезды русской культуры. Федор Шаляпин вместе с Медеей Фигнер исполнили арии из оперы Мусоргского «Борис Годунов», Анна Павлова танцевала сцены из балета «Лебединое озеро» Чайковского и «Баядерка» Минкуса. После спектакля гости были приглашены в Испанский, Итальянский и Фламандский залы Эрмитажа, где им был предложен праздничный ужин.

¹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — С. 204.

В час ночи, наконец, начался костюмированный бал, который открыла «русским» танцем графиня Агриппина Зарнекау в паре с полковником лейб-гвардии Уланского полка Павлом Коцебу. Затем последовали другие бальные танцы¹.

Императрица, несмотря на свою природную робость и стеснительность, чувствовала себя чудесно на этом празднике, была как-никогда оживлена и с удовольствием принимала в нем участие. Фрейлина А. А. Танеева (Вырубова) сообщила: «... она (императрица — прим.) забыла свою застенчивость, ходила по зале, разговаривая и рассматривая костюмы»².

Бал имел грандиозный успех в обществе. Вдовствующая императрица Мария Федоровна и брат царя Великий князь Михаил Александрович из-за плохого самочувствия, к своему сожалению, не смогли принять участие в этом празднике, поэтому специально для них и к радости всех участников бала его было решено повторить спустя два дня уже в Концертном зале Зимнего дворца. Придворные дамы приехали на бал в русских сарафанах и кокошниках, а кавалеры в костюмах стрельцов и сокольничих. Великий князь Александр Михайлович, описывая костюмы своей жены и гостей, сообщал: «Ксения была в наряде боярыни, богато вышитом, сиявшем драгоценностями, который ей очень шел. Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом кафтана с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи XVII века»³.

«Впечатление получилось сказочное, — писал другой очевидец события, — от массы старинных национальных костюмов, богато украшенных редкими мехами, великолепными бриллиантами, жемчугами и самоцветными камнями, по большей части в ста-

¹ Цит. по: Гафифуллин Р. Костюмированный бал в Зимнем дворце. — С. 59.

² Фрейлина ее величества Анна Вырубова / сост. А. В. Кочетов. — М.: Орбита, 1993. — С. 242.

³ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — С. 204.

ринных оправах. В этот день фамильные драгоценности появились в таком изобилии, которое превосходило всякие ожидания»¹.

Танцы проходили в Концертном зале Эрмитажа под звуки придворного оркестра, музыканты которого, так же как и все участники бала, были одеты в старинные костюмы. Танцевальная программа бала началась с исполнения трех, специально подготовленных к балу танцев: русского, хоровода и плясовой. Танцоры накануне бала провели генеральную репетицию, на которой присутствовала лично императрица Александра Федоровна. Фрейлина А. А. Вырубова вспоминала: «Мы несколько раз репетировали танец в зале Эрмитажа, и императрица приходила на эти репетиции»².

В «русском» танце участвовало 20 пар, но все внимание гостей было приковано к исполняющим сольные партии красавицам и гранд-дамам высшего общества — великой княгине Елизавете Федоровне и княгине Зинаиде Юсуповой. «На балу шло соревнование за первенство между великой княгиней Елизаветой Федоровной (Эллой) и княгиней Зинаидой Юсуповой, — вспоминал великий князь Александр Михайлович, — княгиня (З. Н. Юсупова — прим.) танцевала этот танец лучше любой заправской балерины...»³.

В качестве развлечения гостям бала был предложен небольшой концерт, в котором артисты знаменитого Архангельского хора исполнили русские народные песни. Праздник прошел на таком эмоциональном подъеме, что гости еще долго вспоминали «самый блестящий придворный бал» за все время правления императора Николая II. В память об этом событии императрица Александра Федоровна предложила всем участникам бала сфотографироваться. Лучшие фотографы Петербурга: А. Ясвоин, Л. Городецкий, Д. Здобнов и др. продемонстрировали свое искусство

¹ Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце // Издательский дом «Первое сентября». — URL: bit.ly/2HzSvuo (дата обращения: 19.05.2018).

² Фрейлина ее величества Анна Вырубова. — С. 242.

³ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — С. 204.

и мастерство, создав великолепные портреты и групповые снимки всех гостей костюмированного маскарада. В 1904 году по заказу Министерства Императорского двора в Экспедиции заготовления государственных бумаг был издан красочный альбом с фотографиями дам и кавалеров, принимавших участие в этом празднике. Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце был великолепно оформлен, красочно иллюстрирован и пользовался большим спросом у светской публики.

Бывая на придворных балах, публика искренне восхищалась красотой императрицы, но, в отличие от своей свекрови, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, Александра Федоровна не пользовалась в обществе всеобщей любовью и признанием. Пьер Жильяр, наставник царских детей, в силу своих обязанностей имевший возможность часто видеть императрицу, отметил: «... Задача, выпавшая на долю молодой Царицы, была не из легких. Ей нужно было привыкнуть к своему положению Императрицы, и притом — в обстановке самого пышного европейского Двора, наибо­лее подверженного интригам и проискам различных кружков... Понятно, что она должна была чувствовать себя неподготовленной к своим новым обязанностям и ее должна была смущать внезапная и резкая перемена образа жизни... Она мечтала, однако, лишь о том, чтобы найти доступ к сердцам своих подданных. Но она не умела им это выказать, и ее врожденная застенчивость губила ее благие намерения. Она очень скоро почувствовала, что бессильна заставить понять и оценить себя. Ее непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки Двора»¹.

Все это заставило императрицу замкнуться, она полностью погрузилась в проблемы своей семьи и пренебрегла обязанностями Императрицы. Общество ей этого не простило.

Заключительный придворный бал в Российской империи состоялся 19 января 1904 года, накануне русско-японской войны. Это был последний торжественный праздник, который царская

¹ Жирарден Д., Жильяр. П. Рядом с царской семьей / пер. Н. Корякиной. — М. : Вече, 2013. — С. 127. — (Серия «Царский венец»).

чета устроила для своих подданных. Больше ничего подобного в стенах Зимнего дворца уже не происходило. По воспоминаниям баронессы Софьи Буксгевден на балу была представлена «... прекрасная выставка драгоценностей... Все женщины были одеты в свои лучшие платья, а дебютантки — в белое. Там было множество придворных чиновников в расшитых золотой тесьмой мундирах и белых брюках. Кавалергарды и конногвардейцы двух ударных гвардейских полков в алых мундирах, которые надевались только на придворные балы, личные гусары Императора в белых доломанах, с отделанными белым мехом ментиками, свисавшими с одного плеча; кирасиры в белой форме и казаки в красных широкополых мундирах»¹.

«Великосветский Петербург тонул среди случайных гостей, дам и барышень, попавших во дворец по служебному положению мужей и отцов, или наехавших из провинции на сезон богатых дворян: они искали женихов для своих дочерей. А лучшей биржи невест, чем большой придворный бал, трудно было найти»², — вспоминал другой участник бала граф А. А. Игнатьев.

В августе 1904 года в семье Романовых, наконец, произошло радостное событие. На свет появился долгожданный наследник, который, как вскоре выяснилось, имел тяжелую наследственную болезнь — гемофилию. Удрученная этим несчастьем царская семья полностью отошла от светской жизни и вела затворническую жизнь, лишь изредка появляясь на официальных приемах и балах во дворцах членов императорской фамилии и в залах Дворянского собрания.

Пьер Жильяр в своих воспоминаниях отметил: «Для спасения их сына от верной смерти и особенно от ужасных страданий, вызванных периодическими обострениями, доводившими его до шокового состояния, правители России практически удалились от мира и затворились в семейном кругу, что было совсем

¹ Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России: Воспоминания фрейлины / ред. Т. Манаква, К. Протопопов. — М. : Вече : Грифь : Лепта Книга, 2013. — С. 630.

² Игнатьев А. А. 50 лет в строю: Воспоминания. — М. : Захаров, 2002. — С. 115.

непонятно людям извне. За исключением дел, связанных с нуждами политики или международной дипломатии, монархи больше не появлялись на публике, а их дети не делали этого вообще»¹.

Николай II и его супруга пренебрегли обязанностью «блистать в обществе», быть в центре внимания, всячески поддерживая престиж императорской династии. В отличие от своих предшественников, в частности, могущественного Николая I и его всеми любимой и обожаемой супруги Александры Федоровны, которые свою жизнь посвятили служению народу, их тезки, поддавшись жизненным обстоятельствам, все меньше думали о своем долге перед обществом и государством. На первое место они поставили семью и заботы о ней. Американский дипломат Пост Уилер, живший в то время в Петербурге, так охарактеризовал русского царя: «Он был создан для спокойной жизни какого-нибудь хозяина сельского имения, прогуливающегося среди своих цветников в льняной блузе с тросточкой, а не с мечом. И уж никак не царем»².

Тем не менее, время шло, дочери подрастали, и их пора было выводить в большой свет. Первый взрослый бал для великой княжны Ольги Николаевны царственные супруги организовали в Ялте, в Ливадийском дворце, где они всей семьей проводили лето. В 1911 году Ольге исполнилось 16 лет, и это был первый в ее жизни взрослый бал. На праздник были приглашены члены императорской фамилии, придворные, сопровождавшие семью в этой поездке, и офицеры ялтинского военного гарнизона. Фрейлина императрицы А. А. Танеева (Вырубова) вспоминала: «Вечером был устроен бал, один из самых красивых балов при дворе. Танцевали внизу в большой столовой: оркестр трубачей местного гарнизона расположился в мавританском дворике. В огромные стеклянные двери, открытые настежь, смотрела южная благоухающая ночь. Приглашены были все великие князья с их семьями, офицеры местного гарнизона и знакомые, проживавшие в Ялте.

¹ Жирарден Д., Жильяр. П. Рядом с царской семьей. — С. 20.

² Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни / пер. А. Мовчан. — М. : Эксмо, 2015. — С. 197. — (Серия «Дневники княжон Романовых»).

Великая княжна Ольга Николаевна, в первый раз в длинном платье из мягкой розовой материи, с белокурыми волосами, красиво причесанная, веселая и свежая, как цветочек, была центром всеобщего внимания. Она была назначена шефом одного из гусарских полков, что особенно ее радовало. После бала за небольшими круглыми столами состоялся ужин»¹.

В день трехсотлетия Дома Романовых императорская семья вынуждена была изменить привычный режим своего существования и принять участие в официальных приемах и балах, проходивших в Москве и Петербурге по случаю знаменательного юбилея.

23 февраля 1913 года Петербургское Дворянское Собрание устроило грандиозный бал, на котором присутствовало все высшее общество столицы. Царская чета прибыла на бал вместе со своей старшей дочерью Ольгой. Для великой княжны это был первый большой публичный бал. Она чудесно смотрелась в своем «... простом бледно-розовом шифоновом платье». Британская мемуаристка, дочь последнего посла Великобритании в Российской империи Мэриэл Бьюкенен, была восхищена видом Ольги Николаевны, одетой с «классической простотой», с единственным украшением — простой ниткой жемчуга, но при этом такой неотразимой с этим ее «чуть курносым носиком». В ней было «обаяние, свежесть, обворожительный восторг, что делало ее неотразимой»².

Когда государь и государыня вошли в залу, большой струнный оркестр, которым лично управлял граф А. Шереметев, исполнил кантату. Великий князь Гавриил Константинович, присутствующий на празднике, отметил: «Странно было видеть генерала на месте дирижера, с дирижерской палочкой в руке». Далее великий князь в своих воспоминаниях сообщает подробности бала. «Бал начался с полонеза. Государь шел с женой петербургского губернского предводителя дворянства Сомовой. А государыня —

¹ Вырубова А. Воспоминания: переизд. — М.: Захаров, 2015. — С. 36.

² Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. — С. 272–273.

с Сомовым. За ними шли великие князья с женами петербургских дворян и великие княгини с петербургскими дворянами.

Бал открыла великая княжна Ольга Николаевна со светлейшим князем Салтыковым; говорят, что он, танцуя, забыл снять шапку. Я тоже танцевал и, между прочим, с одной из великих княжон. Бал был очень красивый и оживленный... Государь и государыня с великими княжнами уехали до ужина... Я вынес впечатление, что юбилей Дома Романовых прошел без особого подъема, и объясняю это тем, что революция уже начинала чувствоваться в воздухе. Конечно, в театре приглашенная публика кричала «ура», оркестр играл гимн, но настроения не было. Все было по-казенному, не чувствовалось, что вся Россия единодушно празднует юбилей своей династии»¹.

В Москве, так же как и в Петербурге, по случаю 300-летия Дома Романовых в здании Благородного собрания прошел торжественный бал, который посетила вся императорская семья. Великий князь Гавриил Константинович отметил, что праздник «получился более оживленным и красивым, чем в Петербурге». На страницах дневника он написал: «Московское дворянство дало совершенно исключительный по красоте бал в Благородном собрании. В собрании был зал с колоннами, и этот зал был украшен растениями и цветами, которые были привезены из подмосковных дворянских усадеб. Специально для императрицы был сделан лифт, потому что из-за больного сердца ей трудно было подниматься по лестнице. Всем этим устройством заведовал граф Мусин-Пушкин, женатый на графине М. И. Воронцовой-Дашковой»².

Императрица Александра Федоровна, открыв бал традиционным полонезом, вскоре собрание покинула, так как с трудом переносила все публичные увеселения. Император и его дочери оставались на празднике до ужина. На этом балу вместе с сестрой великой княжной Ольгой Николаевной блистала своей молодого-

¹ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. — 2-е изд. — М. : Захаров, 2005. — С. 164–165. — (Серия «Биографии и мемуары»).

² Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце. — С. 168.

стью и красотой Татьяна Николаевна. Это бы ее первый большой выход в свет. Принцессы были в центре внимания и много танцевали с офицерами Эриванского полка.

Последний бал, на котором петербургское общество имело возможность видеть всю императорскую семью, состоялся по инициативе вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Заботливая бабушка решила устроить праздник своим внукам, которые в силу своего воспитания и образа жизни так мало бывали в светском обществе.

13 февраля 1914 года в Аничковском дворце состоялся большой придворный бал, который сразу же стал главным событием сезона. Приглашенных на бал гостей у входа в зал дворца встречали «церемониймейстеры в расшитых золотом придворных камзолах, черных шелковых штанах до колен и чулках, в лакированных туфлях с пряжками», с «тонкими тросточками из слоновой кости (в руках), что делало их похожими на пасторальных пастушков»¹.

Император с императрицей появились в сопровождении своих старших дочерей Ольги и Татьяны «... высоких, стройных, милых созданий», которые смотрели на собравшихся «с каким-то веселым любопытством»².

После того как царь с царицей прошли с почетными гостями в церемониальном полонезе, распорядитель бала объявил вальс, который должны были открыть с лучшими танцорами—офицерами молодые княжны. И вот здесь, вдруг, возникла неожиданная и крайне неприятная для девушек ситуация. «Ни один молодой человек не двинулся, чтобы пригласить двух великих княжон на танец, — отметила участница бала Элен Извольская. — Были ли они слишком застенчивы, чтобы сделать решительный шаг? Или это было внезапное осознание того, что эти две девочки здесь — незнакомки?». После неловкой паузы несколько офицеров из царского конвоя, которые танцевали с ними прежде, были «введены

¹ Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. — С. 295.

² Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. — С. 295.

на роль партнеров», но было ясно, что эти молодые люди «не принадлежат высшему обществу», они были «совершенно никому не известны, достаточно неотесанны и выглядели вульгарно»¹.

Присутствующая на балу герцогиня Саксен-Кобургская в письме к дочери Марии с удивлением отмечала: «... Они (великие княжны — прим.) были окружены китайской стеной казачков и других второсортных служак третьего класса, из-за которых ни один представитель действительно высшего общества так и не приблизился к ним. Так как девушки никого в обществе не знали, они просто порхали по залу, как провинциальные девицы. Им никто не был представлен, их никто не подвел поговорить с какой-нибудь из дам, молодой или постарше». Далее, возмущенная отсутствием светского опыта у царских дочерей, герцогиня пишет: «Вообразите себе, великие княжны, которые, возможно, в скором времени выйдут замуж и, возможно, покинут страну, так и не были введены должным образом в петербургское общество!»²

Затворническая жизнь царской четы, которую они последовательно вели на протяжении восьми лет, не замедлила сказаться и привела к вот таким серьезным для них последствиям. Император, вынужденный из-за дочерей оставаться на балу до половины пятого утра, чувствовал себя крайне некомфортно среди незнакомой ему многочисленной публики. «Я здесь ни с кем не знаком», — признался он одной из дам. И это говорил самодержец, управляющий огромной страной, призванный в силу своего положения быть в центре внимания.

Петербургское общество, тем временем, продолжало жить привычной жизнью. Закрытая жизнь императорской семьи и отсутствие придворных балов и праздников заставляло русское дворянство искать для себя развлечений вне царского дворца. Многочисленные балы, концерты и спектакли проходили в резиденциях великих князей, княгинь и знатных вельмож. Члены император-

¹ Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. — С. 295.

² Цит. по: Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. — С. 296.

ской фамилии, в соответствии с установившимися правилами, обязаны были иметь свой — «малый» Двор. «Петербургское общество, — сообщала Лили Ден, близкая подруга императрицы, — состояло из отдельных партий; каждый великокняжеский двор имел свою собственную клику»¹.

Во время царствования Николая II центром великосветской жизни дворян стали дворцы великой княгини Марии Павловны в Петербурге и великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны (сестры императрицы) в Москве. «Двор великого князя Сергея Александровича был весьма пестр, — отмечал в своих воспоминаниях Ф. Юсупов. — Встречались личности удивительные. Из самых забавных — княгиня Васильчикова, гренадерского роста, весом в двенадцать пудов. Она говорила басом и ругалась, как извозчик. Хвасталась своей силой с утра до вечера. Случись кто рядом — схватит его и поднимет с легкостью, как младенца, под смех публики и самого «младенца». Отец постоянно становился ее жертвой, но шутки этой не любил. А вот князь и княгиня Олсуфьевы были милейшей четой. Княгиня, в ту пору гофмейстерина, походила на маркизу XVIII века. Супруг ее был лыс, пухл и глух, как тетерев. Когда надевал он, генерал, свой гусарский мундир, сабля его, больше, чем он сам, волочилась по земле с адским грохотом»².

Балы во дворце московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, пользовались славой среди высшего общества. Слухи о них распространялись далеко за пределы столицы. Елизавета Федоровна, занимаясь подготовкой к очередному балу, продумывала все до мельчайших подробностей, стараясь сделать праздник верхом красоты и безупречного вкуса. Так, например, даже цветы для украшения залов Дворца подбирались с учетом цвета бального туалета хозяйки дома. Все, что делала великая княгиня, — будь то организация праздничного обеда или

¹ Ден Ю. А. Подлинная царица. — М.: Вече, — 2013. — С. 45. — (Серия «Царский Венец»).

² Юсупов Ф. Ф. Мемуары / пер. с фр. Е. Кассировой. — М.: Захаров, 2001. — С. 71. — (Серия «Биографии и мемуары»).

торжественного бала, должно было быть изысканным и совершенным.

В Петербурге тон в высшем обществе задавала тетка императора, великая княгиня Мария Павловна (старшая). Ее роскошный дом заменил любителям светских развлечений Зимний дворец. Английская писательница Элинор Глин, побывавшая в Петербурге в 1909 году, отметила, что великая княгиня заняла место вечно отсутствующей императрицы и «негласно возглавила придворную жизнь». Ее роскошные балы и рауты пользовались неизменной популярностью у аристократии. Многие важные сановники мечтали получить приглашения на эти вечера. Лили Ден, характеризуя двор великой княгини, сообщила: «Особенно падким на удовольствия, пожалуй, был двор великой княгини Марии Павловны, супруги великого князя Владимира Александровича. Великие князья в большинстве своем жили веселой жизнью»¹.

Именно во дворце Марии Павловны впервые на большой публике появились младшие дочери Николая II Мария и Анастасия. Это было их первое публичное знакомство с высшим обществом. Вечер получился веселым и оживленным, великие княжны Ольга и Татьяна, также присутствующие на этом вечере, «не пропускали ни одного танца, танцевали с нескрываемым огромным удовольствием». Император, сопровождавший дочерей на бал, в очередной раз чувствовал себя неловко и неуверенно в обществе малознакомых ему людей.

В домах высшей аристократии балы проходили не менее часто, чем во дворцах великих князей. Общество, привыкшее к праздной жизни, не мыслило себе жизни без любимых развлечений. Перезезжая из одного дома в другой, дамы и кавалеры в течение всего бального сезона танцевали, сплетничали, играли в карты, весело проводили время. Каждый бал был похож на предыдущий; одни и те же лица, танцы, разговоры. И в то же время всегда находились какие-то особенные отличия, детали, возникали непредвиденные ситуации и казусы, которые можно было потом, при случае, смакуя, обсудить.

¹ Ден Ю. А. Подлинная царица. — С. 46.

Вошедшие в моду в царствование Александра III цветные балы продолжали пользоваться в обществе большой популярностью и в начале XX века. «Розовые» для молодоженов, «Белые» для дебутанток», «Красные» балы для замужних дам проходили в общественных клубах и домах горожан, собирая в залах многочисленную публику. Весьма приличный «Розовый» бал провел в своем доме в 1913 году командир лейб-гвардии Конного полка генерал П. П. Скоропадский. На вечере присутствовало более двухсот человек. Бал начался довольно поздно, и ужин был подан в половине третьего ночи, что не помешало продолжить танцы и после него. «В котильоне, как обычно, раздавали букеты живых цветов — от простых полевых до роз. Во время бала играл полковой оркестр, а во время ужина выступал хор полковых трубачей»¹.

В ту пору в Петербурге часто устраивали и костюмированные балы. Самым запоминающимся для светского общества в 1914 году стал костюмированный бал графини М. Э. Клейнмихель, который она устроила для своих племянниц, чтобы ввести их в свет. Умная, богатая, экстравагантная в своих манерах и поведении, она занимала высокое положение в обществе и была «гранд-дама» до кончиков ногтей, как свидетельствовала о ней сестра императора, великая княгиня Ольга Александровна. Многим знатым дворянам было за честь попасть в ее дом.

На свой бал Мария Эдуардовна пригласила представителей императорской фамилии и весь цвет высшего общества, всего было разослано около трехсот пригласительных билетов. В подготовке бала принимал участие художник, дизайнер Леон Бакст. По его эскизам было выполнено несколько изумительных по своей красоте маскарадных костюмов, которые сразу же стали предметом всеобщего восхищения. Многие столичные издания подробно описывали детали этих нарядов своим читателям.

Балы и маскарады 1913–1914 годов стали для Петербургской аристократии самым запоминающимся событием. Даже дамы почтенного возраста, много видевшие на своем веку, не могли

¹ Плотникова Ю. Последние балы имперской России // Наше Наследие. — 2016. — № 119. — С. 136–145.

припомнить другого такого бурного и веселого сезона. Как будто предчувствуя недоброе, высшее общество торопилось впрок вкушать все прелести жизни. Театры, концерты, рауты, танцевальные вечера следовали друг за другом без перерыва.

В декабре 1913 года в Малом театре А. С. Суворина на Фонтанке проходит традиционный бал-маскарад «Под золотым дождем». Устроители бала в середине вечера вывезли на сцену бумажного слона в натуральную величину, который сразу же привлек внимание всех присутствующих, «... а в конце вечера с галереи на сцену по протянутой проволоке прокатили Пьеро. При этом на публику целыми лопатами стали сыпать конфетти»¹.

7 (20) января 1914 года шталмейстер царского двора князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев и его жена княгиня Мария Павловна устраивают в своем роскошном доме для петербургской знати светский прием. «... Собралось несколько сот человек, среди которых были министры и иностранные послы. Парадные помещения особняка, наполненные картинами, бронзовыми украшениями, гобеленами и антиками, были красиво убраны растениями и цветами. В квартире со стороны Мойки играл модный в то время в Петербурге румынский оркестр. В столовой был фуршет, выступала итальянская труппа, пел итальянский квинтет. Как сообщал светский репортер, «было весело».

В этот же вечер графиня Анастасия Дмитриевна Капнист в доме № 41 по Захарьевской улице давала танцевальный вечер. «Гвоздем программы стал старинный венецианский танец «Фурлана», или «Танец Папы». Журнал «Огонек» в № 8 за 1914 год писал: «Теперь этот танец уже появился даже в парижских салонах, несмотря на антипатию французского общества к итальянским новшествам и к папизму. «Фурлана» очень грациозный танец»².

¹ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

² Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

Костюмированный бал у А. Н. и М. К. Брянчаниновых вновь собирает блестящую публику. «На этом вечере были поставлены танцы, сочиненные и исполнявшиеся в XVIII веке. Гости исполнили менуэт, паван-гальяри и сарабанду. Аккомпанировали танцам на старинных инструментах: Violade Gamba, Viola d Amour и на клавикордах. Все исполнители были в стильных костюмах эпохи»¹, — сообщал популярный в Петербурге журнал «Столица и усадьба».

Танцевальная программа балов к началу XX века существенно изменилась, на смену когда-то популярным мазуркам и кадрилям пришли новые танцы, которые быстро нашли своих приверженцев среди любителей парных танцев. Настоящий фурор на светских вечерах произвел своим необычным ритмом и манерой исполнения латиноамериканский танец «танго», который сдержанной пластикой и страстностью движений покорила сначала Европу, а затем Россию. Танго, как и когда-то вальс, поначалу был признан непристойным, неприличным танцем. Против него выступили Папа Римский и кайзер Германии Вильгельм, ополчились многие общественные деятели и духовенство. Немецкий император, невзлюбивший этот танец, запретил своим офицерам танцевать на балах танго. Вскоре и в России военных постигла та же участь. В гимназиях и в других учебных заведениях исполнять танго считалось верхом неприличия. «Русская музыкальная газета» известила читателей, что министр народного просвещения Л. А. Кассо разослал попечителям учебных округов следующий циркуляр: «Ввиду явно непристойного характера нового, входящего в большое распространение танца под названием «танго» и вследствие полученных Министерством народного просвещения сведений об отдельных попытках обучения ему учащихся, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять строгие меры к тому, чтобы означенный танец не преподавался в учебных заведениях вверенного Вам учебного округа, а равно, чтобы уче-

¹ Костюмированный бал у А. Н. и М. К. Брянчаниновых // Столица и усадьба. — 1914. — № 6. — С. 22.

ники как мужских, так и женских учебных заведений не посещали танцклассов, в коих он преподается»¹.

В газете «Новое время» в статье, посвященной модному танцу, автор писал: «С каждым новым танцем в жизнь входит новый стиль, новая линия. Так было с вальсом, так было с полькой. То же самое происходит и с танго. С ним в нашу жизнь пришла новая «кривая», форму которой еще трудно установить... Но «кривая» ползет и ползет. Она уже проникла в дома и семьи». Газета утверждала, что «танго сводит петербуржцев с ума»².

Известная балерина Тамара Карсавина также высказала свое мнение по поводу набирающего популярность танца. Она писала: «Танго весьма интересен, как танец характерный, и если его исполнять без вычурностей, то он весьма приличен...»³.

Несмотря на все препятствия, танго к концу 1914 года становится настолько модным, что в его честь называют вечеринки. Известные дизайнеры, поддавшись очарованию танца, изготавливают одежду и обувь в стиле танго: мужчины одеваются в смокинги, а дамы в юбки с разрезом. В обиходе появляются и новые слова: любителей танго называют «тангистами», увлечение новой модой — «тангоманией», а вместо «танцевать танго» — говорят «танговать».

Городская газета «Петербургский листок» сообщала, что в столице «витрины магазинов сплошь увешаны материями цвета танго (оранжевый); всем предлагают духи, перчатки, ботинки, и всюду вы слышите — «Танго», «Танго» и «Танго»! Уже идет оперетка «Принцесса Танго», в книжных магазинах выставлены книги о Танго»⁴.

¹ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

² Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

³ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

⁴ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

Вместе с танго во многих танцевальных заведениях вскоре появляются и другие англо-американские танцы; дамы и мужчины в многочисленных танцевальных школах, клубах и кабаре с успехом танцуют тустеп, осваивают чарльстон, фокстрот и бостон, а после Первой мировой войны — румбу, самбу, квикстеп.

К привычным развлечениям знати — балам и театрам, в начале XX века добавляются и новые. Становится модным посещать перед балом цирк, кабаре или театр миниатюр. Владельцы этих заведений прилагали все усилия, чтобы «предоставить уважаемой публике какие-либо выдающиеся новинки».

Повальные посещения цирка представителями аристократии позволили столичным газетам иронизировать: «Если вам захочется посмотреть на последние новинки парижских мод, на новую манеру носить лорнет, на золотую мушку, которую наклеивают между бровями, или на бриллиант, вставленный между передними зубами красавицы, то вам следует зайти в субботу в цирк, где собирается весь демимонд»¹.

В начале XX века городская публика активно посещает и публичные балы. Общественные клубы и собрания, с открытием бального сезона, собирают в свои залы большое количество посетителей. Неизменной популярностью у любителей оригинальных и красочных развлечений продолжают пользоваться балы художников в Петербурге. Яркие декорации, интересные представления и разнообразная тематика балов привлекают в арендуемые Академией художеств залы множество гостей. Бал-маскарад «Торжество красоты или Фрина на Элевсинском празднестве» в 1900-м году в 1901 сменяется «Балом—Сказкой», на котором оживают различные сказочные персонажи. В 1906 году Академия проводит бал «Весна» — и в залах вдруг расцветают поляны с нежными весенними цветами; в 1907 в бальных помещениях шумит греческий рынок, который уютно расположился вокруг Акрополя. Однажды в здании Дворянского собрания художники устроили бал на мор-

¹ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

скую тему. Участник праздника художник А. А. Рылов вспоминал: «Во всю сцену за эстрадой висела декорация, изображавшая морское дно. В зале возле колонн стояло несколько киосков в виде раковин или коралловых зарослей, внутри киосков сверкали глаза и брильянты красавиц балерин, оперных и драматических примадонн. Они успешно торговали шампанским. Платили им по 100 рублей за бутылку... Распорядитель расчищал путь для процессии из всевозможных морских существ: прыгали и резвились маленькие рыбки, помахивали усами и клешнями громадные омары, ползли крабы, плыли акулы, дельфины и прочая тварь водяная. Морские центавры везли колесницу, на которой восседал бородатый Посейдон с трезубом в руках. В раковине, которую «ели» тритоны, стояла стройная златокудрая Венера, только что вышедшая из пены морской»¹. Другой учащийся академии, Борис Кустодиев, который вел не менее активную жизнь, чем Аркадий Рылов, собираясь на бал, в своем письме к матушке Екатерине Прохоровне восторженно сообщает: «В киосках будут продавщицами звезды Мариинского балета: Петипа (я видел ее в «Самсоне и Далиле»), Кшесинская и др. Будет, наверное, очень весело...»².

На балу среди высокопоставленных лиц присутствовали вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой и иностранные послы.

На вечер, в соответствии с бальным этикетом, всем мужчинам следовало являться во фраках. Однако, не все студенты могли себе позволить иметь такой дорогой костюм в своем гардеробе. Самые предприимчивые из них отправлялись в академическую гардеробную, где можно было найти костюмы на самые разные случаи. «... Один оденется польским паном..., другой каким-то допотопным гулякой с громадной ржавой саблей или черкесом с пистолетом и кинжалом за поясом. Костюмы довольно затасканные, со следами масляных красок; в них позировали натурщики еще во времена Брюллова»³, — вспоминал А. А. Рылов.

¹ Рылов А. А. Воспоминания. — М. ; Л. : Искусство, 1940. — С. 69.

² Кудря А. Кустодиев. — М. : Молодая гвардия, 2005. — С. 6. — (Серия «Жизнь замечательных людей»).

³ Рылов А. А. Воспоминания. — С. 69.

Самым запоминающимся для петербургской публики стал бал, устроенный Императорской Академией художеств в здании русского купеческого общества в 1908 году. Он был посвящен временам правления французского короля Людовика XV. Художники умело воссоздали стиль эпохи, изготовив предметы интерьера XVIII века. Приехавшие на бал гости, благодаря искусству декораторов, попали в роскошные интерьеры версальского дворца, в которых дамы и кавалеры в пышных платьях, камзолах и париках танцевали менуэты и другие старинные танцы.

В январе 1914 году в Рафаэлевском зале Академии художеств, как всегда, собралась многочисленная пестрая публика. Степенные профессора с женами, молодые студенты и студентки, натурщики и натурщицы, артисты и артистки — всем нашлось место в просторных залах учреждения. На балу присутствовал ректор Академии Л. Н. Бенуа. Танцы длились до утра. «... Самым популярным танцем был вальс. В перерывах разыгрывались лотереи, на которых за 25 копеек можно было выиграть произведение искусства. Работал буфет, где можно было угостить партнершу по танцам конфетами, фруктами, прохладительными напитками и шампанским»¹.

Помимо танцев организаторы бала в качестве развлечений устраивали для гостей живые картины, костюмированные шествия и небольшие концерты, где своим искусством блистали известные балерины Матильда Кшесинская и Тамара Карсавина, тенор Леонид Собинов и другие.

Последний бал художников состоялся перед самой революцией в 1917 году. Он завершил череду блестящих и оригинальных по своим замыслам балов художников, каждый из которых по праву можно было назвать настоящим произведением искусства.

После начала Первой мировой войны веселье в светском обществе поутихло: развлечения прекратились, о балах не вспоминали. Горожане проводили свои вечера в разговорах о политике и войне, об одержанных победах и полученных поражениях.

¹ Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. — Центрполиграф, 2014 // Электронная библиотека PROFLIB. — URL: bit.ly/2r2pYr5 (дата обращения: 19.05.2018).

Небольшие семейные праздники отмечались скромно, без прежней помпы и роскоши. В обществе считалось неприличным веселиться, когда шла война и на полях сражений гибли люди. В это время многие представители аристократии работают в различных благотворительных обществах и комитетах. Императрица, великие княгини и другие богатые дамы открывают в своих дворцах и домах госпитали и лазареты, щипают корпию, заготавливают материалы и лекарства, необходимые для лечения больных и раненых солдат и офицеров.

Наступивший 1917 год стал последним в истории царствования Николая II и всей императорской династии. После отречения Николая II от престола история императорской России закончилась, а вместе с ней прекратили свое существование императорские и великосветские балы. На смену старому режиму пришел новый государственный строй, страну возглавило революционное правительство, в обществе крестьян, рабочих и солдат появились другие виды досуга, новые праздники и развлечения. Новые хозяева России вершили свою историю. И в этом новом мире не было места императорской династии Романовых, аристократам и дворянам, балам и светским развлечениям. В основах молодого государства провозглашались другие ценности, идеи, понятия. Стране Советов предстояло пройти долгий и нелегкий путь в своем развитии, а пока императорская Россия, растерзанная и измученная, испускала последний вздох.

История должна была совершить еще несколько витков в спирали времени, чтобы, наконец, в один прекрасный день дамы и господа в бальных платьях и фраках вновь смогли закружиться в вихре стремительного вальса на блестящих паркетах дворцов и усадеб. То лучшее, что было в прошлые века, те ценности культуры, этики отношений между мужчиной и женщиной, вновь стали актуальны в современном мире. Клубная музыка и прочие новомодные веяния культуры XXI века ныне мирно соседствуют с набирающими популярность бальными развлечениями XVIII–XIX веков. Балы вновь востребованы. И ценители прекрасного по праву сегодня могут сказать: «Господа, бал жив. Да здравствует бал!».

Бал в системе культуры

В XXI веке начинается новый этап исследований, включающий комплексную оценку культуры бала, рассматривающий бал как специфический культурно-исторический феномен, целостный и ценностный организм. Многочисленные и разнообразные интерпретации понятия «бал» обусловлены исследовательским интересом и концептуальным подходом к базовому понятию «культура». Культура как социальный феномен, возникая и развиваясь в процессе антропосоциогенеза как противоположность природе, характеризует различные явления, аспекты жизни человечества: от аккумуляции социального опыта по применению таких форм деятельности и взаимодействия, которые помимо утилитарной эффективности обеспечивают коллективный характер человеческой жизнедеятельности, воплощаемый в системе регулятивных установок, опредмечиваемый в традиционных и инновационных технологиях до рефлексии этого опыта в науках и общественной мысли и трансляции от поколения к поколению в виде традиций, ценностных ориентаций, экзистенциальных установок, воспроизводящих как все человечество, так и конкретные типы культурных систем. В своей сущности она представляется надбиологическим явлением, предстает как творческая деятельность человека по предметной реализации его замыслов, духовному изменению самого себя и своего мира, формирует определенное социокультурное пространство, обретая в нем свой социальный статус и занимая соответствующие ему ролевые позиции. Культура — понятие многозначное, характеризующее очень сложное явление, возникшее вместе с человеком и обществом и нераз-

ривно связанное с историей развития общества. В научной литературе представлены многочисленные концепции понимания культуры. Разнообразие определений культуры, безусловно, свидетельствует не только о сложности и многоаспектности данного явления, но и о степени значимости культуры в жизни общества. Неисчислимость сущностных и функциональных характеристик является имманентным свойством культуры, отсюда — множественность дефиниций культуры, подходов, концепций, классификаций и типологий. Каждый исследователь обращает внимание на одну из сторон самого феномена. Кроме того, и сам подход к культуре обусловлен во многом исследовательскими установками. Многогранность культуры и подходов к ней всегда рождала стремление выработать более общее интегративное определение. Сегодня — в рамках синергетического подхода — в социологии культуры начинает работать принцип Бора: «нельзя на одном языке описать сложное явление». А это означает правомерность разных подходов к культуре, отражающих — каждый по-своему — ту или иную грань культуры¹. Тем не менее необходимо, сознательно упрощая вопрос, определить направления для структурирования многообразия представлений о сущности культуры, основываясь на структурно-функциональном методе, рассматривающем культуру как подсистему социальной структуры, выполняющую определенную роль в общей системе.

— Культура — это средство самоорганизации совместной жизнедеятельности людей в виде определенных устойчивых сообществ на основании того или иного типа социальной солидарности, определяющего историческую типологию самой данной культуры;

— культура — это способ познания и упорядочивания мира для практических и психологических нужд и потребностей человека;

— культура — это механизм выработки определенных способов поведения, закрепляющий в сознании людей и их нравах,

¹ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: курс лекций для техн. вузов. — 3-е изд., доп. и перераб. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. — С. 214.

обычаях, традициях, ментальностях и т. п. наиболее приемлемые технологии этого существования, сохраняющие общество в консолидированном состоянии;

— культура — это особый способ рефлексии и фиксации социального опыта в виде определенных «культурных текстов», задающих более или менее общепринятые нормы и стандарты коллективного бытия и сознания, а также индивидуального поведения и суждения каждого человека в отдельности;

— культура — это совокупный групповой социальный опыт данного общества;

— культура — это система норм, образцов, что воплощается в исторически складывающейся системе мировоззренческих установок (религии, идеологии) ценностных ориентаций;

— культура — это средство распредмечивания объектов окружающего мира, наделения их смыслами, а также выражения этих смыслов на системных языках символов и условных знаков и одновременно средство опредмечивания интеллектуально-образного мира человека в социальной практике жизнедеятельности людей;

— культура — это средство межпоколенного воспроизводства общества как устойчивой и исторически своеобразной социокультурной целостности, осуществляемое путем трансляции социального опыта;

— культура — это средство реализации функции обучения, непосредственной целью которых является социализация и инкультурация;

— культура — это совокупная общественная и индивидуальная деятельность по реализации потенций и способностей, заложенных в человеке.

Все вышеперечисленные направления культуры в рамках структурно-функционального метода позволяют раскрыть сущность бала как феномена культуры, влияющего на общество, но и определяемого политикой этого общества. Целеполагание относится как к сфере политики, так и культуры, а их взаимная связь и переводит ценность в ценностную ориентацию, без которой невозможно ра-

зумное действие. Интегративная функция, определяемая идеологией общества, осуществляется через общие верования, моральные нормы и правовые принципы. С одной стороны, бал предстает как инструмент, механизм развития культуры общества через формирование ценностей субкультуры и распространение нормативности; с другой стороны — анализ развития балльной культуры России дополняет историческую фактологию причинно-следственными связями отдельных общественных явлений.

Системное рассмотрение места культуры бала в социальной регуляции взаимоотношений может быть осуществлено на основе общей теории действия, основным создателем которой был Т. Парсонс. В рамках этой теории в структуре деятельности следует выделить деятеля и ситуацию. Отношения между ними включают в себя: а) адаптационную ориентацию, требующую вычленения из окружающей среды отдельных объектов, их обозначения по свойствам, месту и т. п.; б) целеполагание как стремление к достижению значимых потребностей; в) оценочную ориентацию, предполагающую установление положительного или отрицательного значения объектов с точки зрения человеческих потребностей; г) взаимодействие и согласованность социальных субъектов, поддержание дифференциации и стабильности общества. Образующиеся в обществе различные подсистемы обеспечивают необходимые функции в разных сферах. Так, функции адаптации культура содействует через формирование познавательных ориентаций, накопление, трансляцию и развитие адаптационных механизмов. Культура балов разных периодов в России полностью детерминирована спецификой управления, идеологией, воплощаемой социальными институтами в той или иной мере. Однако хорошо известно, что важным, хотя и противоречивым средством обеспечения единства и интеграции общества является государство как властная структура¹. Балльная культура, культивируемая российским государством, осуществляла функцию поддержания

¹ Ерасов Б. С. Социальная культурология : учеб. для студентов вузов. — 3-е изд., доп. и перераб. — М. : Аспект Пресс, 2000. — С. 88.

образца взаимодействия в системе, одновременно являясь и механизмом консолидации членов общества. Культура объясняет смыслы интеграции на разных этапах существования и моделирует их, поэтому сама система взаимодействия рассматривается как продукт культуры. Таким образом, культура уже не сводится только к нравственно-этическим характеристикам, она понимается в единстве традиций, образцов, норм и ценностей — духовного потенциала и свободы выбора. Она «отделена» от общества своей собственной подсистемой, она равнозначна с другими сферами общественной жизни (экономикой и политикой) и, взаимодействуя с ними, создает новые формы сообществ и определяет ориентиры их дальнейшего развития. Структурное представление общества должно, как мы отмечали выше, согласовываться с новыми смыслообразующими характеристиками взаимодействия. Общество усложняется и сильно дифференцируется. Оно состоит из разных социальных общностей. Разные люди выполняют разные роли и занимают разные статусные позиции в течение жизни, меняются и символы, обозначающие суть их взаимодействия.

Луман Н. предложил рассматривать характер и формы взаимодействия в обществе в зависимости от способов его дифференциации. В основу его классификации представлений об обществе легли три основополагающих принципа: сегментарное общество, состоящее из «примитивных», архаических народов; стратифицированное общество «высоких» культур и современное функционально дифференцированное общество.

Согласно Луману, формами дифференциации в нем являются сферы деятельности. Культура как сфера общественной жизни имеет собственные институты (искусства, науки, образования), которые отличаются от других институтов специализированной деятельностью. Институты культуры являются формами организации жизни и служат посредником между субстанциональным и функциональным пониманием культуры.

Из представленной схемы (рисунок) видно, что первичные структурные элементы общества сгруппированы в три основных

блока: социальные общности, социальные институты и социальные организации. На социетальном уровне — в рамках мирового сообщества и в рамках конкретного общества — действуют сферы общественной жизни, на социальном уровне они разворачиваются в более детальном делении.

Культура в системе общественных отношений

Система взаимосвязей культуры в обществе¹

Будучи механизмом взаимодействия между социальными общностями, институтами и организациями, социальные отношения, в свою очередь, имеют собственный механизм, который на личностном уровне проявляется через потребности, интересы, ценности. Социальные отношения, интегрируя институциональные и личностные подсистемы, отражают и в определенной мере направляют общественную жизнь, представляя ее в виде закономерностей.

¹ Победа Н.А. Социология культуры. — Одесса : Астропринт, 1997. — С. 15.

Единение, социальный порядок и целостность становятся основанием условий человеческого существования. Целостность на разных уровнях общественного организма понимается как система социальных институтов и отношений между ними, как система социальных статусов и ролей. Введение понятий целостности и взаимодействия связано с поиском механизма интеграции общества. Культура впервые выделяется в самостоятельную подсистему общества благодаря осознанию ее функций в качестве одного из образцов взаимодействия.

Во всем многообразии функций культуры можно выделить такие «профильные» направления, как социально-интегративное, организационно-регулятивно-нормативное, познавательно-коммуникативное, рекреационное и оценочное.

Интегративная. Наиболее общей и универсальной функцией следует признать обеспечение социальной интеграции людей: формирование оснований их устойчивого коллективного существования и деятельности по совместному удовлетворению интересов и потребностей.

Консолидация. Объединение посредством выработки общих целей и идеалов их совместного существования, групповых интересов и потребностей, чувства солидарности личности с коллективом и защищенности им, удовлетворенности действующими нормами и правилами совместного общежития и взаимодействия, стимулирование повышения уровня их групповой консолидированности и эффективности взаимодействия.

Идентификация. Формирование системы образов групповой идентичности и оснований личной самоидентификации человека в коллективе и самоотождествления с ним, заинтересованности членов коллектива в его социальном воспроизводстве как процессе, отвечающем их индивидуальным и групповым интересам.

Нормативная. Возникновение первичных социальных норм является одним из факторов антропосоциогенеза, т.е. длительного процесса эволюции человека и общества. Возвысившись над природным миром, человек в буквальном смысле совершил про-

рыв — он создал свои законы бытия — морально-нравственные принципы существования.

Регулирующая. Организация людей в их совместной жизнедеятельности основана на определении норм, правил, требований и реализации их в работе регулятивных механизмов конвенционального (ценностные ориентации, мораль, нравственность, обычаи, этикет и пр.) или институционального (право, политика, идеология, церемониал и т. п.) свойства.

Аккумулирующая. Накопление социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ. основополагающие принципы культуры сохраняются во времени (например, добро, сострадание и т. д.), а научно-технические знания в культуре быстро меняются, постоянно совершенствуясь. Культура выражается в различных типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Информационно-символическая — функция превращения реальных явлений и предметов культуры в ее символы, в условный знак, который не перестает нести семантический смысл реального явления, события или предмета.

Познавательная. Познавательная функция культуры расширяет диапазон знаний в сфере общечеловеческих ценностей. Эти знания могут существовать как на уровне обыденного — эмоционально-психологического сознания, так и на уровне теоретического. Теоретическое постижение различных форм национальных культур отличается высокой степенью обобщенности и целенаправленностью, установлением причинных связей и закономерностей.

Воспитательно-образовательная. Воспроизведение человеком накопленного опыта в целях воспитания следующих поколений. Она может формироваться только во взаимодействии с другими членами общества, трансляции социального опыта (воспитание, просвещение, образование, традиции, обряды и ритуалы и пр.).

Коммуникативная. Коммуникативная функция осуществляет связь между людьми во времени и пространстве, внутри и вне

определенной социальной организации. Культура есть форма общения, средством которой выступает язык в широком понимании его значения как определенная система знаков (слова, жесты, рисунки, нотная запись, рукотворные предметы и т. д.). Суть коммуникационного процесса состоит в достижении культурно-социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента.

Компенсаторная. Компенсаторная функция (от лат. *compensatio* — уравнивание, уравнивание) — функция творческого восполнения, возмещения недоступного, труднодостижимого, утраченного, уравнивание дисбаланса между потребностями и возможностями их удовлетворения.

Творческая. Культура есть творческая деятельность по изменению и созданию окружающей среды: человек взаимодействует не только с «первой природой» — естественной средой своего обитания, но и со «второй природой» — искусственно созданной средой. Эта «вторая природа» является результатом его творческой деятельности, воплощением его идей, принципов и смыслов, способом его предметной самореализации¹.

Объединяет все вышеперечисленные функции культуры «человекотворческая» функция, поскольку по определению Л. Н. Когана «культура — средство (способ, механизм) формирования духовного мира человека, это средство формирования и реализации сущностных социальных сил человека: его способностей, потребностей, мировоззрения, знаний, умений, навыков, социальных чувств»².

Культура превращает социальный опыт поколений в индивидуальный опыт, т. е. в процессе воспроизводства культуры происходит формирование индивидуальности человека: во-первых, путем отбора тех или иных ценностей культуры из всего предоставленного многообразия смыслов, видов, форм и т. д. Во-вторых,

¹ Культурология. XX век : словарь / гл. ред., сост. и авт. проекта А. Я. Левит ; отв. ред. Л. Т. Мильская. — СПб. : Университетская книга, 1997. — С. 508–511.

² Коган Л. Н. Теория культуры: учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. — С. 13.

степень их освоения, «преломления» может быть различной, как могут быть различными и их интерпретации. Важным фактором, изменившим кардинально культурное пространство российского общества, был интенсивный культурный обмен. Постоянные контакты между различными культурами привели к усилению их взаимовлияния, распространению культурных образцов далеко за пределы обществ, их создавших. Этот непрекращающийся «диалог культур» (где стороны не всегда равноправны) не только способствовал появлению новых видов досуга, но значительно изменил все общество, являясь катализатором его развития. В 1718 году Петр Алексеевич издает указ о новом виде досуга для жителей Москвы и Санкт-Петербурга — об ассамблеях, в котором излагает суть данного мероприятия. «Ассамблея — слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно; обстоятельно сказать, — вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела. Ибо тут может друг друга видеть и всякой нужде говорить, также слышать, что где делается, при том же и забава»¹.

Французские ассамблеи Петра Первого кардинально изменили социокультурное пространство России, явились катализатором появления новых форм досуга, норм и правил общения, ценностных установок. Существенное изменение объективных условий сопровождалось и изменением на антропологическом уровне. Динамика бальной культуры в рамках исторического подхода иллюстрирует трансформацию культуры бала, отражая изменение норм и правил (институциональный подход) и организацию бальной церемонии. На протяжении более чем двух веков бал представлял собой одну из главных составляющих культурной жизни России, неотъемлемую часть культурно-исторической реальности. Бальная культура, культивируемая российским государством, осуществляла ряд функций: нормативную, воспитательно-образовательную, информационно-символическую, регулирующую,

¹ Цит. по: Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников // История государства. — URL: bit.ly/2rkyIIa (дата обращения: 19.05.2018).

идентификационную, поддержания образца взаимодействия в системе, одновременно являясь и механизмом консолидации членов общества. Бальная культура, формируемая российским дворянством, сама утверждала определенные неформальные принципы. Принимая во внимание данные факты, понятие «бальная культура» может быть определено как способ, механизм формирования норм и правил поведения, т. е. механизм возникновения, развития и функционирования культуры в определенной сфере общественного бытия. Данное понятие является «технично-операциональным» и отвечает на вопрос «каким образом». «Бальная культура» как вид связана с более широким, содержательным понятием «культура бала» и является формой проявления определенного типа культуры. «Культура бала» — концептуальное понятие, определяющее смысл, принципы и нормы в определенном пространственно-временном контексте. В этом смысле культура — «сквозная характеристика общества» — имеет проявление и в культуре бала того или иного общества в конкретный период его существования как его «качественная характеристика»¹. Бал как феномен культуры может быть проанализирован как механизм, способ развития сущностных сил человека и как социальный институт формирования субкультуры дворянского слоя, как форма взаимодействия разных типов культуры, результат межкультурного диалога. Необходимо отметить, что чем более дифференцировано общество, чем более открыто оно для инокультурного воздействия, тем сложнее говорить о его культурной гомогенности. Культурное разнообразие общества может быть обусловлено следующими факторами: выделением функциональных сфер, связанным с социальной дифференциацией и разделением труда; социальным неравенством; различиями в уровне образования членов общества; личными предпочтениями людей; индивидуальным выбором системы убеждений и образа жизни (характерно, главным образом, для современных обществ); эт-

¹ Вишнеvский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: курс лекций для техн. вузов. — С. 211.

ническим составом общества, сосуществованием носителей различных этнических традиций; различиями в образе жизни людей, связанными с местом поселения (городская и сельская культура; культура мегаполисов и малых городов и др.); открытостью инокультурным влияниям, межкультурными контактами. Именно интериоризированные ценности культуры формируют ценностные ориентации и приоритеты, определенный тип человека. Основатель Уральской социологической школы Л. Н. Коган отмечает, что «специфическая сущность состоит ... в том, что культура призвана формировать человека. Этот тезис надо понимать двояко: с одной стороны, культура формирует некий тип личности, соответствующий данной культуре. С другой стороны, культура формирует и каждую отдельную личность как неповторимую индивидуальность, которая соответствует тому или иному типу личности и одновременно отличается от него»¹. В результате отобранные, освоенные и интегрированные ценности культуры в деятельности конкретного человека могут иметь различные проявления. Данный момент позволяет нам приблизиться к пониманию механизма формирования мировоззрения конкретного человека, его ценностных ориентаций, его смысложизненных установок, которые проявляются в его деятельности. Культура выступает не только «сквозной» характеристикой общества, но «общественной системой сущностных сил человека в процессе его многообразной социальной деятельности»².

При изучении культуры особое значение имеет определение подхода или концепции, позволяющих объединить элементы культуры в систему, произвести анализ на различных уровнях. Многообразие функций и исходных представлений о культуре, поскольку понятие «культура» вводится в сферу знаний самими различными способами, через производство, технологию, ценности, деятельность, творчество, знаковые системы, информацию,

¹ Коган Л. Н. Социология культуры: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — С. 58.

² Коган Л. Н. Социология культуры. — С. 7.

детерминировало появление нескольких подходов в истории развития наук о культуре: антропологический, аксиологический и знаково-символический. Версии культуры отличаются по направленности исследования культуры: если для антропологической парадигмы характерен интерес к поиску общих закономерностей, универсалий и структур культурно-исторического развития, то аксиологическая и символическая парадигмы тяготеют к подчеркиванию уникальности культур. Однако при всех различиях этих парадигм обнаруживается существенный общий смысловой срез: понятие «культура» означает, что в окружающий мир вносится то, что ему изначально не принадлежит, и то, что без деятельности человека не может появиться.

— Антропологический подход — способ человеческой жизнедеятельности по преобразованию природы, общества и самого человека, выраженный в продуктах материальной и духовной деятельности. В результате деятельности человека наряду с естественной реальностью возникает иная форма существования — искусственная, созданная человеком реальность, которая надстраивается над природой, — культура. Антропологический подход рассматривает культуру как инструмент приспособления человека к природе.

— Знаково-символический подход. В основе данного подхода культура определяется как знаково-символическая система, переводящая содержание социально-исторического опыта человечества в индивидуально-личностный, а затем в общественный. В ходе исторического развития человечество создает «мир смыслов». Мир смыслов хранится и передается, «кодируется» в знаковой оболочке. В культуре исторически складываются различные системы знаков: естественные языки, искусственные языки, язык искусства, театра, кино, религиозные символы, ритуалы, геральдические знаки и т. д. Знак есть предмет, выступающий в качестве носителя информации о других предметах и используемый для ее приобретения, хранения, переработки и передачи. Знаки могут приобретать символический смысл. Символ — знак, кото-

рый не только указывает на некоторый объект, но и несет в себе добавочный смысл: выражает общие идеи и понятия, связанные с толкованием этого объекта.

— Игровая концепция культуры, в которой присутствует идея создания в локальном пространстве и времени изначально не данной реальности — игры. Игра рассматривается здесь как важнейший фактор перехода к культуре и необходимая форма ее существования. Игра как «свободное действие» выводит человека за рамки обыденности. Один из наиболее ярких представителей игровой концепции культуры Й. Хейзинга (1872–1945) прослеживает универсальность игровых форм, которые присутствуют во всех сферах человеческой деятельности.

— Аксиологический (от греч. *Axiós* — ценный) подход определяет сущность культуры через понятие «ценность». Ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая личности осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых обстоятельствах. В социологии изучение ценностей связано с анализом их «индивидуальных эквивалентов» — ценностных ориентаций. Ценностное измерение — одно из важнейших в культуре. Но понимание культуры только как совокупности ценностей ограничено. В этом случае как бы вне культуры оказываются важнейшие сферы жизнедеятельности человека. На первый план выходят уже созданные, «готовые» ценности. Преодоление разорванности процесса и результата, соответствия формы и содержания осуществляется в деятельностном подходе. Человек рассматривается как субъект и продукт культуры.

— Деятельностный подход. Деятельность — родовая сущность человека, имманентно ему присущая. Деятельность — это преобразование мира и изменение самого человека в этом преобразовании. Все области человеческой деятельности пронизаны культурой как всеобъемлющей универсальной формой реализации сущностных сил человека. С позиций социоцентризма именно

принцип деятельности предстает как источник происхождения разнообразных форм социальной жизни. С позиций антропоцентризма «конечная» цель культуры — формирование человека, имманентной характеристикой которого является деятельность, воплощающая его сущностные характеристики, актуализирующая его знания, ценности и т. д.

Связь между культурой и деятельностью является исходной, определяющей при ее объяснении и изучении. Как бы не назывался внутренний код культуры: символами, знаками, знаниями, ценностями и прочее — очевидным ее назначением оказывается быть использованным для деятельности. Замечательно просто эта мысль выражена у Б. Малиновского: культура — это определитель человеческого поведения (деятельности). Качеством, отличающим человека от животных, как известно, является рефлексия — способность осознать мысль, что позволило человеку не просто применить камень как орудие, но и обработать (изготовить) его, не только обжечься огнем, но и согреться возле него, не только воспользоваться предметом, но и присвоить его. В отличие от животного, таким образом, человек может переходить от одной формы деятельности к другой, творя себя и созидая культуру. В процессе деятельности человек не столько приспосабливается к среде, сколько преобразует природу согласно своим потребностям и, в конце концов, создает особую среду — искусственно созданный мир культуры. При этом он одновременно преобразует и себя: как свою внешнюю, телесную природу, так и внутренний мир, т. е. культура также предполагает изменение изначального, биологического состояния человека.

Суть деятельностного подхода сводится к тому, что культура рассматривается как способ деятельности, как система внебиологических способов программирования активности людей в обществе. Эта система включает в себя: «сверхприродные» качества человека; многообразие материальных и духовных предметов, возникающих благодаря деятельности человека; способы «опредмечивания» (воплощения) и «распредмечивания» (извлечения) содержания про-

дуктов деятельности. Таким образом, к культуре относится все, что производно от деятельности, т. е. сознательной активности человека, направленной на мир объектов и других людей. Деятельностный подход к пониманию и описанию культурных явлений наиболее эффективен, так как обеспечивает единство оснований в измерении социального с другими сферами, предполагает оценку культурной деятельности с точки зрения ее содержания и направленности. Понятие «способ деятельности» уточняется как степень участия индивида, группы в процессах производства, сохранения, распространения и потребления духовных ценностей, являющихся основными функциональными элементами культуры. К средствам деятельности относятся знания, умения, навыки, ценности, организационные и социальные технологии и социальные институты. Истоки «деятельностного подхода» отчетливо прослеживаются в работах Г. В. Гегеля, К. Маркса, М. Вебера. В рамках деятельностного подхода разрабатывались ключевые марксистские идеи, изложенные в «Экономико-философских рукописях 1844 года», о деятельности как единстве опредмечивания и распредмечивания, о деятельностной сущности человека, общественных отношениях, воплотившихся в предметном мире культуры.

В российской культурологии одними из наиболее ярких представителей деятельностного подхода можно считать Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана, Л. Н. Когана. М. С. Каган, будучи сторонником не только деятельностного, но и системного подхода в сфере гуманитарного знания, понимает культуру как форму бытия, которая образуется человеческой деятельностью. С точки зрения автора, она охватывает не только способы и результаты этой деятельности, но и качество самого человека как субъекта деятельности. Кроме того, Каган М. С. в качестве одной из фундаментальных форм бытия человека рассматривает общение, понимаемое как способ реализации потребности человека в человеке. Согласно М. С. Кагану культура, являясь процессом «преображения человеком природы по законам общества», конструируется человеческой деятельностью и включает в себя: цело-

века в его «сверхприродных» качествах как субъекта деятельности; первичные и вторичные способы человеческой деятельности, передаваемые от поколения к поколению благодаря обучению, образованию и воспитанию; многообразие предметов, составляющих созданную на основе человеческой деятельности «вторую природу»; многообразие форм общения как способа реализации потребности человека в человеке¹.

Именно через различные виды деятельности человека культура «является» нам, поэтому определение Л. Н. Коганом культуры «как меры и способа реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и в результатах этой деятельности»² позволяет преодолеть разрыв между ядром личности и его поведением, акцентируя внимание на то, что именно в деятельности проявляется сущность человека. Это положение находит отражение в определении культуры Ю. Р. Вишневым и В. Т. Шапко, перекликающемся и конкретизирующем определение культуры Л. Н. Коганом. Понимание «культуры как качественной характеристики человеческой деятельности во всем многообразии ее видов, форм, способов, результатов»³ отражает не только степень, качество освоения ценностей культуры, но и, что самое главное, реализуется в деятельности, человек представлен как творящее существо. Культура выражает не только предметные результаты деятельности людей (их можно определить как «средства культуры»), но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания и умения, интеллектуальное, эстетическое и нравственное развитие, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей. Именно в социуме индивид проходит адаптацию к его состоянию, интегрируется в общество, обретая в нем свой социальный статус и занимая соответствующие ему ролевые позиции.

¹ Каган М. С. Философия культуры. СПб., ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 36–47.

² Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург : УрГУ, 1993. С. 15

³ Вишневы Ю. Р., Шапко В. Т. Социология : курс лекций. Екатеринбург, 2000. С 117.

Бал как феномен культуры можно рассматривать с различных позиций, выделяя в качестве объекта научного исследования тот или иной подход, отмечая различные аспекты, поскольку все обозначенные подходы могут быть методологической базой для анализа бала — от антропологического до деятельностной концепции. Все социальные факты и явления являются результатами культуры, поэтому культуру человека-индивида, культуру социальных организаций, субкультуру общностей и все общество в целом целесообразно рассматривать как социокультурную систему. В рамках данного социокультурного подхода бал предстает как феномен культуры, кардинально изменивший социокультурное пространство России. Культура балов разных периодов в России детерминирована спецификой управления, но можно проследить постепенное развитие всех элементов бальной культуры, поступательное развитие от простых форм к сложным. Бал — это органично выстроенная система, в которой политика, культура, искусство и человек, активно взаимодействуя и стремительно развиваясь, были постоянно связаны между собой. Бал занимал важнейшую нишу в системе дворянского досуга. Данное сословие располагало не только наиболее благоприятными условиями для трансформации и пересмотра всех прежних форм досуга, но и радикального изменения соотношения между государственной и частной жизнью в пользу последней. Именно дворянство создавало в России новые формы отдыха, культивировало утонченный вкус, изысканные манеры и нормы этикета. И это был весомый вклад в русскую культуру. Аванесова Г. А. подчеркивает: «Новоевропейская ментальность, формы активности и бытовые нормы дворянства, безусловно, расширяли и обогащали горизонты отечественной культуры, задавая эффективные образцы социального поведения и отдыха»¹. Заимствование западноевропейских форм досуга первоначально происходило под давлением государственных указов и в проти-

¹ Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации : учеб. пособие для студентов вузов. — М. : Аспект Пресс, 2006. — С. 39.

вовес национальным традициям. Проводниками этой культуры в России было дворянство: «Новшества и увеселения выступали в качестве роскоши для высшего московского общества, воспитывая в нем новые, более рафинированные вкусы и потребности и подготавливая смену нравов».¹ Высокая степень нормативности традиций русского дворянства обеспечивала эффективность достижения целей воспитания — типа личности с устойчивой системой ценностей. Генерирующей идеей, символом данного социального слоя были высокие морально-нравственные устои, чувство чести и достоинства. «Передовому российскому дворянству была присуща следующая система взглядов... Честное выполнение обязанностей, возложенных императором, — основа жизненной позиции. Успехи в карьере — своеобразная оценка принесенной пользы за время службы. Но ключевое понятие мироощущения — честь, нравственная ответственность перед памятью предков и последующими поколениями. Эти принципы закладывались в основу системы воспитания в большинстве дворянских семей».² Дворянство стало главной фигурой по восприятию новой культуры в силу высокой ценности корпоративного сознания, именно потому, что внутри сословия господствовали патронажные связи. Дворянин был надежно защищен своим кланом и в то же время внутренне свободен. Миронов Б. Н. подчеркивает: «Отсюда большая склонность дворянства сравнительно с другими сословиями к новациям, его готовность к усвоению новых образцов культуры и стандартов поведения»³. Бальный церемониал, основанный на бальной этике, включал и бальную символику, отражающую и формирующую с помощью бальных аксессуаров модель коммуникации. В некотором смысле баль-

¹ Поликарпов В. С. История нравов в России. Восток или Запад? — Ростов-на/Дону: Феникс, 1995. — С. 71.

² Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX века. Танцы, костюмы, символика. — М.: Центрполиграф, 2010. — С. 12.

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XIX в.): В 2 т. Т. 1. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 512.

ная модель коммуникации была игрой, в которой публичность, зрелищность и театральность проявляли существенные характеристики общества в различные периоды его существования. Бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, своеобразным «социальным экзаменом». Представители и высших, и низших слоев общества, каждый соответственно своему социальному слою, должны были обладать навыками поведения в публичном действе: танцевать, музицировать, петь, декламировать. «Бал оказывался не только увеселением, но и проникнутым серьезностью символическим действием в череде других актов, служащих освящению и укреплению государственной власти»¹.

Основой для рассмотрения бала как традиционной субкультурной практики выступают труды советского литературоведа, культуролога и семиотика Юрия Михайловича Лотмана «Беседы о русской культуре: Быт, нравы, традиции русского дворянства» и «Поэтика бытового поведения в русской культуре», где бал рассматривается в контексте жизни русского общества XVIII—XIX веков, его традиций и нравов. По мнению Ю. М. Лотмана, «... бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринужденного общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. Присутствие дам, танцы, нормы светского общения вводили внеслужебные ценностные критерии, и юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражении полковника. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела»². Порфирьева А. Л. отмечала: «Как один из актов придворного ритуала бал оказывается не толь-

¹ Цит по: Высокочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. — СПб. : Питер, 2012. — С. 308.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб. : Искусство-СПб, 1994. — С. 91.

ко увеселением, но и проникнутым серьезностью символическим действием в череде других актов, служащих освящению и укреплению государственной власти»¹.

Для императора Николая и всей царской семьи светская жизнь была обязанностью, которую они должны были выполнять неукоснительно, независимо от настроения, самочувствия и желания. «Жизнь государей — наших, по крайней мере, — так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений..., что неизбежно должны потерять всякую непосредственность... Часы бьют, — им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце», — записала в своем дневнике фрейлина Тютчева².

Появляясь в публичных местах, делая официальные и неофициальные визиты, посещая торжественные праздники и балы, высочайшие особы демонстрировали свою неразрывную связь с подданными, оказывали им свои милости и уважение, поддерживали престиж императорской фамилии, влияли на общественное мнение. Самоотверженно выполняя свою работу, они не жалели ни сил, ни времени, ни своего здоровья. «Во время молодости императора Николая Павловича и императрицы Александры Федоровны двор был очень оживлен. Они оба были весьма общительного и веселого нрава, да притом считали своим долгом много принимать, развлекать общество, часто показываться на публике: в театрах, концертах и т. п., показываться народу на народных гуляниях и проч.; словом, вели жизнь со всеми и для всех. Вся обстановка была царская, величественная; они понимали, что престиж необходим в их высоком положении. Большие балы и обеды

¹ Порфирьева А. Л. Бал и бальные танцы // Три века Санкт-Петербурга. В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. А—М. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2003. — С. 97.

² Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник / пер. с фр., вступл., указ. Л. В. Гладковой. — М.: Захаров, 2016. — С. 44. — (Серия «Биографии и мемуары»).

давались очень часто в течение всего года во дворце», — сообщила баронесса М. П. Фредерикс¹.

Кюстин А., посетивший Россию в 1839 году, отметил: «В России каждый выполняет свое предназначение до последних сил. Долг императрицы — развлекаться до самой смерти. Она должна и будет исполнять эту обязанность, как другие рабы исполняют свои обязанности. Она будет танцевать до тех пор, пока у нее станет сил держаться на ногах»².

Кроме того, подобные мероприятия являлись и своеобразным средством общения с народом. Николай I и великие князья, появляясь на балах, не упускали случая поговорить с офицерами, чиновниками, светскими львицами, литераторами, дипломатами, иностранными гостями и пр. Спрашивая их мнение по тому или иному вопросу, определяли для себя настроения, царящие в обществе и в дипломатических кругах, получали необходимую информацию из «первых уст», выражали удовлетворение или неудовольствие действиям того или иного ведомства или человека. Непосредственное общение с людьми помогало им вникнуть в суть существующих проблем и нарушений, узнать причины их возникновения, найти способы их разрешения. Барон М. А. Корф вспоминал: «Государь на балу меня не видел, что в такой толпе и не мудрено. Великий князь Михаил Павлович долго со мною разговаривал, и больше всего о том, что сегодня, в понедельник, отменено обыкновенное заседание Государственного совета за неимением дел, «*ce qui fait en general la conversation du jour*» (что составляет главную тему дня — фр.). Великий князь думает, что это род фантазмагии, потому что, верно, в департаментах пропасть дел, неокончание которых одно причиною, что нечего делать в общем собрании. Я объяснил ему истину, которая имеет

¹ Николай I. Портрет на фоне империи / сост., послесл., справ. аппарат С. Шокарев. — М. : Фонд С. Дубова, 2011. — С. 57–58. — (Серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.»).

² Кюстин де А. Николаевская Россия / пер. Я. Гессен, Л. Домгер. — М. : Neoclassic: Хранитель: АСТ : АСТ Москва, 2008. — С. 148. — (Серия «Историческая библиотека»).

только некоторое сходство с тем, что он думает. Если бы департамент законов делал свое дело, то, конечно, не было бы причины отменять нынешнее заседание, но недели через две или три, вероятно, был бы опять тот же результат»¹.

Однако попасть во дворец могли не все желающие. Придворный этикет строго определял перечень лиц, имеющих право присутствовать на царском балу. На придворные балы приглашались гражданские чины первых четырех классов «Табели о рангах» с супругами; высший воинский состав, придворные, иностранные дипломаты с семьями, гости, по личному приглашению императора или членов его семьи, губернаторы, предводители дворянства и председатели земных управ, молодые офицеры из элитных полков, умеющие хорошо танцевать. Все имеющие право приехать на бал обязаны были заранее записаться в особом реестре у гофмаршала. Перед балом мужчины, в соответствии с придворным этикетом, должны были представиться императору, дамы — императрице.

Началом сезона придворных балов считался большой январский бал в Зимнем дворце. Ежегодно на этот праздник приезжало около двух тысяч гостей. О нем, как о главном событии в жизни светского общества, смакуя мельчайшие подробности, сообщали столичные газеты. «Здесь просто толпа народа — но толпа, конечно, блестящая, нарядная; белыя по преимуществу платья дам, жемчуг и бриллианты их шейных и головных уборов перемешиваются с звездами, лентами и с мундирами штатских и военных; блеск эполетов и аксельбантов сливается с блеском залитых золотом и серебром мундиров придворных чинов и высших сановников. Вот в сплошь вышитом серебром мундире разговаривает министр иностранных дел, а с ним, расшитый золотым шитьем по всем швам своего мундира, стоит первый чин Двора. В красных бальных мундирах резко выделяются кавалергарды и конногвардейцы <...> Переменяясь тысячами цветных огней, горят хрустали люстр и канделябров вверху залы, а в движущейся наряд-

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 344.

ной массе внизу непрерывными струйками сверкают бриллианты. После полонеза начались кадрили, вальсы, оживленная мазурка, а за нею ужин и котильон», — писал журналист одной из петербургских газет. Приехавшие на бал гости не упускали случая попасть на глаза императору, императрицам и великим князьям. Внимание и благосклонность царственной семьи были верхом мечтаний тщеславных особ. Приветливое обращение государя к тому или иному человеку резко поднимали его авторитет в глазах присутствующих и мгновенно возводили на пьедестал избранных. Елизавета Петровна Янькова, которая благодаря любезности графа А. И. Соллогуба смогла попасть на придворный бал, позднее вспоминала: «Не будучи чиновною и не имея доступа ко двору, мне никогда не приходилось видеть придворного бала, потому что балы в собраниях в присутствии высочайших особ — это совсем другое дело, чем бал при дворе. Очень мне любопытно было следить за всеми этими господами, как они старались незаметным манером друг друга оттереть и будто бы случайно стать там, где могли привлечь к себе внимание или надеялись услышать милостивое слово. Все эти фокусы находящимся в зале незаметны, а с хор видно всех в одно время: смотри только, так вот и увидишь, куда все стремятся»¹.

Императорские балы имели определенную градацию и условно разделялись на малый, средний и большой придворный бал.

«Малые» балы, получившие свое развитие во времена Екатерины Великой, проходили в Эрмитаже. На бал приглашалось небольшое количество людей, поэтому попасть на него было престижно. В Эрмитаже собиралась верхушка аристократии и весь дипломатический корпус. В качестве развлечения гостям предлагались танцы, карточные игры и ужин. Для любителей карточных игр в Эрмитажной галерее расставляли целую вереницу ломберных столов, за которыми коротали время любители спокойного отдыха. Долли Фикельмон, жена австрийского посла,

¹ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — 3-е изд. — М.: Ленанд, 2014. — С. 262.

в своем дневнике оставила воспоминания об одном из этих балов. 22 апреля 1830 года она написала: «Вчера состоялся придворный бал по случаю именин Императрицы. Танцевали в одной из зал Эрмитажа. Никогда бы не могла предположить, что картинная галерея столь благоприятна для танцев и так выигрывает от хорошего освещения. Бал был дивным, ни малейшей неловкости, никакой скованности. Мы так непринужденно чувствовали себя, будто вовсе и не при Дворе. Только блеск, исключительная элегантность во всем напоминали, что мы танцуем в императорском дворце... На этом бале из дипломатического корпуса присутствовали только послы с женами»¹.

«Средние» балы давали в Концертном зале Зимнего дворца. На этот бал могла попасть только «трехклассная аристократия», то есть лица, занимавшие в «Табели о рангах» первые три классные должности, и люди, входящие в близкий круг императорской семьи. Эти балы носили официальный характер и устраивались по случаю важных семейных праздников или торжественных событий. Так, например, в начале февраля 1834 года в Концертном зале дворца прошел бал по случаю дня свадьбы принцессы Оранской, а 28 января, ежегодно, устраивали бал по случаю дня рождения великого князя Михаила Павловича. «Эти балы, — сообщал барон М. А. Корф, — принадлежат к числу официальных: туда зовут не по милости или степени короткости, а по званиям и степеням. Из статских на списке балов Концертной залы состоят: первые и вторые чины двора, министры, члены Государств [енного] совета, статс-секретари и первоприсутствующие сенаторы депар [таментов] и общих собраний. Камергеры и камер-юнкеры приглашаются только по наряду, т. е. для дежурства при дамах царской семьи, а дежурство это состоит в том, что они должны отыскивать и звать приглашаемых для танцев кавалеров. На эти балы все являются в мундирах (сегодня даже в парадных); они начинаются парадными польскими, в которых Государь ходит с почетней-

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. — М.: Минувшее, 2009. — С. 109–110. — (Серия «Пушкинская библиотека»).

шими дамами, а имп [ератри]ца и вел [икие] княгини и княжны с почетнейшими кавалерами, и оканчиваются ужином с музыкою в большой аванзале. Особенную прелесть таких балов составляет то, что при них открыты внутренние комнаты Имп [ератри]цы: ее кабинет, почивальня, купальня и пр. — верх роскоши и вкуса»¹.

В Концертном зале могли свободно разместиться примерно 500—550 человек. Корф М. А. отметил, что количество приглашенных на бал с каждым годом увеличивается: «Года с три тому назад на списке их было всего 440 человек, а в последний раз звано уже было 520», — и объясняет это тем, что «одни женятся или выходят замуж и, вместо одного лица, является два, ... другие выходят в люди и места, третьи втираются в аристократию через родство и связи, — словом, по соразмерности, гораздо более прибывает на сцену света, нежели с нее убывает»².

Долли Фикельмон, часто бывавшая на балах в Концертном зале, оставила интересные воспоминания в своем дневнике. «Вечером, 28 января (день рождения великого князя Михаила Павловича — прим.) на бал во дворец собралось триста человек. Это было прекрасное торжество. Все здешние придворные церемонии полны величия и блеска, которых не встретишь ни в одном другом дворе. Во всем красота и изящество. А свита фрейлин, сопровождающих очаровательную и прекрасную Императрицу, представляет бесподобную картину»³.

Большой бал проводили в Белом зале Зимнего дворца. Это был самый грандиозный, самый масштабный, по сравнению с другими, бал. Бывало, что в Белый зал собиралось до 3000 человек. Приехать на праздник могли лица, занимающие определенную ступень в «Табели о рангах» и имеющие право быть представленными императору и императрице. К этим лицам относились гражданские чины — до IV класса, которые имели право приез-

¹ Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. — М. : Academia, 2004. — С. 68—69.

² Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. — С. 75.

³ Фикельмон Д. Дневник 1829—1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 93.

жать с женами и дочерьми, офицеры — до VII класса, свитские и бывшие фрейлины с мужьями. «Приглашения на эти балы были по классам, и все, военные и статские, являлись на них в парадных мундирах и бальных башмаках», — сообщал М. А. Корф.

Большой бал открывал зимний сезон и начинался он, во время правления императора Николая Павловича, в Николин день, 6 декабря. Эти балы проходили по одному и тому же сценарию из года в год, поэтому «имели одинаковый, строго классический характер». Первое время на Больших балах танцевали только полонезы, впоследствии танцевальная программа дополнилась кадрилими, вальсами и другими танцами. Дамы и кавалеры исполняли танцы обычно в Белой галерее (после пожара Зимнего дворца ее переименовали в Золотую), в карты играли в Георгиевском зале, а к ужину отправлялись в Аванзал, к роскошно убранным сервированным столам. Великая княгиня Ольга Николаевна в своем дневнике оставила описание бала, который был устроен 6 декабря 1834 года. «По обычаю в одиннадцать лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трена. На некоторых приемах, а также на большом балу в день ангела Папа, 6 декабря, мне было разрешено появляться в нем в Белом зале. Когда мы в него входили, все приглашенные уже стояли полукругом. Их Величества кланялись и подходили к дипломатическому корпусу. Папа открывал бал полонезом, ведя старшую чином даму дипломатического корпуса. В то время это была прелестная графиня Долли Фикельмон, жена австрийского посланника. За ними шли Мама с дядей Михаилом, затем я, под руку с графом Литта. Он был обер-камергером, рыцарем Мальтийского ордена и бежал в царствование Павла I из Италии в Россию. Человек этот был громадного роста и говорил низким басом с сильным итальянским акцентом. Ввиду того, что он был председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено навести разговор на эту тему, что я с грехом пополам и выполнила. В девять часов, когда начинался настоящий бал, я должна была уходить спать. Мне

надлежало попроситься с Мама, которая стояла в кругу стариков у ломберных столов»¹.

Гости, приезжавшие на бал, с большим интересом рассматривали новшества, придуманные организаторами праздника, восхищались удачным оформлением залов, незлобиво подмечали и недостатки.

Барон М. А. Корф, неоднократно бывавший в Белом зале дворца, имел возможность сравнивать прошлые и настоящие балы, отмечая интересные подробности в их организации. В своем дневнике от 25 апреля 1839 года он написал: «Вчерашний бал в Белой зале был поистине грандиозен. Званных было с лишком 1500, и при всем том они терялись в огромных палатах, где можно было поместить еще столько же. Все это в блестящих мундирах при очаровательной лядовской музыке было бесподобно и поразительно. Особенно хороша была ужинная зала с огромными померанцевыми деревьями и с двумя хорами музыки. Одна беда в обновленном дворце та, что исчезло множество прежних закоулков, которые в большие праздники служили буфетами, и что негде больше разогреть кушанья, как на лестницах и в коридорах, и хотя все это убрано и маскировано цветами, однако везде пробивается дух кушанья и мелькают куртки и колпаки поварские»².

Организацией придворных балов занимались Церемониальная часть, гофмаршальская служба и другие подразделения Императорского Двора. Дело это было серьезное и хлопотное. Нужно было продумать программу торжества, составить список приглашенных, напечатать, а затем развезти приглашительные билеты, украсить залы дворца, накрыть «обеденные» или «вечерние» столы для гостей, обеспечить исправную работу всех дворцовых служб и все это для того, чтобы бал удался на славу и император, и его гости остались довольны.

Приглашения на императорские балы заблаговременно, чаще

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — М. : Алгоритм, 2017. — С. 299. — (Серия «Как жили женщины разных эпох»).

² Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 344.

за две недели до его начала, развозили по адресам придворные слуги. В приглашении обязательно указывалось, в какой форме быть на балу, к какому подъезду следует подъехать, чтобы избежать давки, в каком зале будет проходить бал.

Мужчины приезжали ко двору во фраках или парадных мундирах, белых шелковых чулках и башмаках. Под фрак надевали жилет и тонкую фрачную рубашку. В начале XIX века вошли в моду бутоньерки, которые вставлялись в левую петлицу фрака.

Военные офицеры обязаны были являться на бал в парадных мундирах, белых панталонах и белых перчатках. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д. Г. Колокольцев сообщал: «... Во время больших балов во дворце, где обязательно было положительно находиться всем офицерам гвардии, в бальных формах того времени (*grand gala*)... Бальная форма того времени, хотя нас стесняла, но, надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантной. Эта бальная форма была установлена для всех офицеров всех оружий, кроме уланских и казачьих полков, которые и на парадных балах сохраняли свою форму.

Бальная форма (*grand gala*), или торжественная, заключала, ежели гвардейский мундир, то с открытым лацканом; белые короткие до колена суконные панталоны; затем шелковые чулки и башмаки с серебряными пряжками; шпага у бедра и треугольная шляпа в руках, у пехотных с черными, а у кавалерии с белыми перьями»¹.

Офицеры на придворных балах были всегда востребованы, так как становились обязательными кавалерами для скупающих и «застоявшихся» дам. «Выезды в свет представляли для молодых офицеров чуть ли не служебную обязанность, и каждый полк имел своих почти профессиональных танцоров», — вспоминал историк литературы А. Д. Галахов. Командиры полков, отправляя красавцев-танцоров во дворец, наставляли их добросовестно выполнять свои обязанности; развлекать дам, участвовать во всех танцах.

¹ Мальшев С. А. Военный Петербург эпохи Николая I. — М. : Центрполиграф, 2012. (Серия «Все о Санкт-Петербурге»). [Электронный ресурс]. URL: <https://fanread.ru/book/9423579/?page=1> (дата обращения: 19.05.2018)

Быть бальным кавалером на придворных балах считалось делом не только приятным, но и ответственным. Офицеры обязаны были строго соблюдать бальный этикет, в совершенстве владеть танцевальным искусством, быть безукоризненно одетыми. Малейшее отступление от правил могло вызвать недовольство начальства, или, еще хуже, самого императора.

Декабрист А.Е Розен, часто приезжавший на бал по так называемой разнарядке — два человека от каждого полка, — вспоминал: «Из кавалеров особенно отличался Хрушов, Преображенский капитан, и не посчастливилось офицеру конногвардейскому, о котором государь заметил Орлову, полковому командиру, что он слишком подсакивает, что это неприлично или пренебрежение»¹.

Полковнику лейб-гвардии Московского полка Г. А. Римскому-Корсакову не посчастливилось гораздо больше. На балу, во время ужина, он, вопреки существующим правилам, позволил себе небольшую вольность — расстегнул мундир. Александр I, крайне чувствительный к нарушениям воинской дисциплины, незамедлительно отправил офицера в отставку, приказав: «Мундира Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит».

Военные, появляясь на балу в парадной форме, перед входом в зал обязаны были отстегнуть шпагу и оставить ее у швейцара. Танцевать с оружием категорически запрещалось. Кроме того, в соответствии с бальным этикетом, офицеры обязаны были снимать с обуви шпоры, так как они могли доставить массу неприятностей партнерше и танцующим по соседству парам. Граф Жозеф де Местр в одном из своих писем рассказывал о неприятном случае, произошедшем в августе 1809 года на балу у французского посла с мадам Нарышкиной и братом императора Александра великим князем Константином Павловичем. «Великий князь Константин, как оно подобает великому тактику, танцевал в сапогах с длинными шпорами и в решающий момент вонзил оные столь глубоко в ее трен, что, несмотря на все старания участвовавших

¹ Розен А. Е. Записки декабриста / подгот. Г. А. Невелев. — Иркутск : Восточ.-сиб. книж. изд-во, 1984. — С. 98–99. — (Серия «Полярная звезда»).

в сем танцевальном поединке сторон, оба полегли на поле битвы в самых живописных позах»¹.

Борог О. В., российский искусствовед, рассматривает бал как «форму диалога (на высоком уровне), которая обеспечивала, с одной стороны, непринужденное общение, а с другой — психологическую закрытость от других социальных групп»². Исследователь акцентирует внимание на социальной структуре общества, рассматривая иерархическую принадлежность определенному слою, отражающую особенности положения данной группы общества. К особой категории императорских балов относились танцевальные вечера, которые проходили в Аничковском дворце и устраивались только для членов императорской фамилии и близких им людей. Идея проведения камерных балов для «своих» была не новой. Еще в XVIII веке Екатерина Великая ввела моду на закрытые собрания для избранной публики и регулярно проводила Эрмитажные вечера для любимчиков. В 19 столетии Николай I эту традицию поддержал и во время своего правления регулярно проводил домашние балы в Аничковском дворце. В этот дворец семья приезжала, чтобы отдохнуть от церемонности, царящей при дворе, забыть на некоторое время об этикете, приятно провести время в кругу друзей. Дарья Федоровна Фикельмон, любившая бывать на этих вечерах, отмечала легкую и приятную атмосферу, которая возникала благодаря радушию и приветливости хозяев дворца. «Император с императрицей умеют искусно предрасположить все общество к непринужденности. Они тогда превращаются в обычных хозяев, наиприятнейших и наилюбезнейших, и ничто не может сравниться с их простыми, я бы даже сказала, добродушными манерами, при этом оба ничуть не теряют своего истинно царственного и величественного вида»³.

¹ Местр де Ж. Петербургские письма/сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева // Электронная библиотека RuLit. — URL: bit.ly/2Hfkraw (дата обращения: 19.05.2018).

² Борог О. В. Общедоступный бал как социально-психологический феномен // Мир психологии. — 1996. — № 2. — С. 54.

³ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 261.

Попасть на бал в Аничковский дворец считалось огромной честью. Количество приглашенных было строго ограничено, сюда приезжали только избранные, счастливики, удостоившиеся особой милости и покровительства царственных особ. Привилегированное общество в свете называли *La Socete d'Anitchkoff* (аничковское общество — фр.), состав его менялся достаточно редко и определялся он не служебным положением и чинами, а личными симпатиями членов императорской семьи. Дочь Николая I, великая княгиня Ольга Николаевна, рассказывала: «Никогда на этих празднествах не присутствовало больше ста человек, и они считались самыми интимными и элегантными праздниками. Только лучшие танцоры и танцорки, цвет молодежи, принимали в них участие»¹.

Князь Александр Мещерский, входивший в состав аничковского общества, откровенничал: «Самые изысканные, и к тому же для немногих избранных, были придворные балы в Аничковом дворце. Быть приглашенным на эти балы считалось между гвардейскими офицерами большим почетом, и некоторых из них, более честолюбивых, желание попасть на эти балы преследовало, как любимая мечта, как единственное счастье на белом свете»².

Офицер преображенского полка Г. П. Самсонов, неоднократно бывавший на этих балах, подтверждал, что приглашения на Аничковские балы достаивались немногие, попасть же на бал мечтали все. В своих «Воспоминаниях» он сообщал: «После происшедшего в Зимнем дворце пожара государь император перенёс свою резиденцию в Аничковский дворец. Роскошные приёмы и балы, украшенные тремя царскими дочерьми, привлекали к нашему двору много иностранных принцев. Получить приглашение на эти балы составляло верх желаний светской молодёжи»³.

О закрытости аничковских балов и их высоком статусе в кругу

¹ Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе. — С. 360.

² Николай I. Портрет на фоне империи. — С. 280.

³ Самсонов Г. П. Воспоминания Г. П. Самсонова // Исторический вестник. — 1901. — № 86. — С. 934.

светской аристократии рассказывал и барон М. А. Корф. Сообщая в своем дневнике о балах в Зимнем дворце, он достаточно подробно описывает и домашние Аничковские. 16 января 1839 года он делает следующую запись: «... Первое место занимают здесь так называемые Аничковские балы, т. е. балы в собственном (Аничковском) дворце Государя, бывающие не в праздничные или торжественные дни, а просто так, когда вздумается повеселиться, раз шесть или более в зиму. Тут приглашения делаются не по званиям и не по степеням государственной службы, а по особенному разбору: зовется именно только большой свет, но и тот не весь; c'est une espèce de société intime (это род закрытого общества — фр.) и есть не один министр, который разве только раз в зиму побывает на Аничковском бале. Кроме нескольких высших придворных чинов, тут все почти одни военные мундиры. Штатские бывают все во фраках, и вообще на таком вечере не более пены, чем в каком-нибудь частном доме. Для петербургского fashionable (модник — фр.) высшая радость и слава — d'appartenir à la société d'Anitchoff (быть прикосновенным к Аничковскому обществу — фр.)». Далее Корф с грустью замечает: «Я никогда еще не был удостоен приглашения на Аничковский бал»¹.

На этих балах царила особая атмосфера. Император, строгий и сдержанный на придворных балах, в Аничковском дворце полностью расслаблялся, от души танцевал и веселился. Здесь он мог быть самим собой: любящим мужем, заботливым отцом, гостеприимным хозяином. Позволяя вольности, недопустимые на официальных балах, он с удовольствием примерял на себя роль дирижера танцев, придумывал смешные танцевальные фигуры, шутил, смеялся, играл вместе с императрицей в ее любимые игры.

Самсонов Г. П. вспоминал: «Аничковские вечера были особенно оживлены участием в них их императорских величеств. Государыня императрица танцевала котильоны и кадрили, а государь император Николай Павлович становился обыкновенно в первой паре «гроссфатера» и здесь, при затейливых фигурах,

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 244.

изобретавшихся нашим высоким дирижёром, возникало полное, непринуждённое веселье. Вот одна из этих фигур. Пройдя попарно, умеренными шагами, по всем комнатам дворца, танцующие составляли общий круг в большой зале, и тут начиналась так называвшаяся «фуга». Государь император выходил со своей дамой на середину, а затем, не разрывая цепи, все прочие пары наматывались клубком вокруг первой как можно теснее. Когда клубок был готов, государь первый начинал прыгать, а за ним и все остальные. Получалась какая-то толчея, на которую нельзя было смотреть без смеха, но все были веселы и довольны. Я иногда имел честь танцевать с великими княжнами, но никогда не удостоился чести быть кавалером её величества. Один раз, когда я в котильоне что-то напутал, государыня, ударив меня слегка по руке, сказала: — «Vous etes un maladroït!» — «Вы неуклюжий»¹.

Корф М. А. также подтверждал, что Николай I был человеком «очень веселого и живого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив», устраивая подобные вечера, не боялся выходить за рамки своего царского величия и достоинства².

В своем дневнике барон рассказывает: «Во время попури, когда дамы заняли все стулья, Государь, тоже танцевавший, предложил кавалерам сесть возле своих дам на пол и сам первый подал пример. Пришлась фигура, где одна пара пробегает над всеми наклонившимися кавалерами: Государь присел особенно низко, говоря, что научен опытом, потому что с него таким образом сбили уже раз тупей»³.

Такой же точки зрения придерживается доктор философских наук Е. В. Дуков, выявивший различия в местоположении отдельных групп дворянства в бальном зале⁴. Исследования Е. В. Дукова представляют бал как «церемониал, имеющий свой особый язык,

¹ Самсонов Г. П. Воспоминания Г. П. Самсонова. — С. 934–935.

² Корф М. А. Записки. — С. 79.

³ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 272.

⁴ Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII — пер. пол. XIX века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.: Очерки истории и теории / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. — С. 181.

апеллирующий к письменной культуре и подчеркнуто ориентированный на зрелищность»¹. Дуков определяет бал как «важнейший проводник европейской моды и танцевальной культуры, как своего рода контркультуру, противопоставление традиционной культуре, направленное на ее разрушение»². Пышные балы для императора, членов императорской фамилии и петербургского светского общества устраивали и иностранные послы, представляющие в России интересы своих государств. Балы проходили по случаю национальных праздников, дней рождения монарших особ, разных политических и торжественных событий. Поскольку балы, несмотря на свой развлекательный характер, были местом, где продолжала вершиться политика, послы придавали им большое значение и готовились к ним весьма серьезно и основательно. От того, насколько удачным оказался вечер, зависела не только репутация иностранного представителя, но и авторитет правящей монаршей особы, а в целом и престиж самого государства. Не удивительно, что организуя балы для высшего общества, послы разных государств часто устраивали негласное соперничество между собой и старались превзойти друг друга в оригинальности своих праздников. Личное обаяние посла и его супруги играли в этом немаловажную роль. Приятная внешность, обходительные манеры, умение произвести хорошее впечатление помогали наладить близкие контакты с представителями аристократии, стать своим в светском обществе, обрести благосклонность императора и членов его семьи.

«Требуются большая смелость и определенное терпение, чтобы сделать первые шаги в совершенно новом обществе и завоевать не только его одобрение и благосклонность, но даже и любовь! Вот это и входит в обязанности жен дипломатов. Разве сие легко? Как трудно, однако, нравиться всем! Я нахожу в петербургском обществе одно постоянное *sostenuto* (в данном случае — сдержан-

¹ Дуков Е. В. Бал как социальная практика в России XVIII–XIX веков // Музыка быта в прошлом и настоящем: сб. статей. — Ростов : Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 1996. — С. 149.

² Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII — пер. пол. XIX века. — С. 181.

ность, скованность — итальянское слово — прим.). Употребляю *sostenuto*, чтобы объяснить и некоторую скованность и, одновременно, претенциозность, а, может быть, даже фальшивую скромность, царящие в нем. Как трудно мне, дитяти юга, избалованному большой непринужденностью и легкостью южных нравов, вписаться в определенные рамки здешнего поведения», — делилась своими чувствами жена австрийского посла Дарья Федоровна Фикельмон¹.

Устраивая свой первый бал для императорской семьи и петербургской знати, чета Фикельмон сильно нервничала и переживала. Это торжество было, своего рода, их визитной карточкой в высший свет, знакомством, которое могло при удачном стечении обстоятельств продолжиться, при неудачном — завершиться. В своем дневнике от 12 февраля 1830 года счастливая Долли записала: «Наконец-то мы дали наш первый бал в Петербурге. Он получился удачным, и я в восторге. Императрица, как никогда, веселилась и смеялась. Император даже исполнил со мной по-пурри, хотя обычно никогда его не танцует. Бал, впервые здесь, продолжался до пяти часов утра. Молодые люди развлекались от души, дамы тоже. Зала была хорошо освещена, умеренно натоплена. В этот наш первый вечер я волновалась за тысячу мелочей. Теперь буду совершенно спокойной за следующие»².

Долли волновалась не зря. От впечатлений публики зависело многое, аристократия формировала определенное мнение в обществе, создавала соответствующий резонанс. Любая небрежность и недоработка в организации бала могли привести к неприятным результатам. Фрейлина А. Ф. Тютчева оставила для истории воспоминания о неудачном празднике, который дал для петербургской публики английский посол, лорд Грэнвилл. «Для танцев была устроена палатка, довольно просторная, но в ней все-таки было тесно вследствие большого скопления народа. Съехался весь

¹ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 56.

² Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. — С. 96–97.

город с предместьями. По словам самого посланника, на балу появилось с полсотни человек, которых он не приглашал... Бал лорда Грэнвилла не стоил того, чтобы стремиться на него с таким азартом. Во-первых, давка в танцевальном зале была так велика, что после первой же кадрили пропало все мое мужество; и я искала убежища в соседнем салоне. Кроме того, с люстр струился дождь растопленного воска. Смешно было видеть, как люди, которым на лицо или на плечи падала эта жгучая роса, подпрыгивали, делая страшные гримасы. Освежающих напитков совсем не было. Буфет, очень небольшой и наскоро сервированный, до такой степени был осажден толпой, что не было никакой возможности добыть даже стакан лимонада. За ужином дело обстояло еще хуже. Приборов хватило только на половину приглашенных; остальная половина, ворча, сидела с пустым желудком в соседних салонах. Отсутствие ужина было очень чувствительным ударом для русских патриотов; все те, которых война не сделала врагами Альбиона, стали таковыми по этому поводу»¹.

В отличие от бала у английского посланника, праздник во французском посольстве заслужил огромное одобрение у приглашенных гостей и оставил самые приятные воспоминания. Писатель Франсуа Ансело, побывавший в Москве на коронации Николая I в августе 1826 года, так описал этот бал в своем письме: «Вдоль лестницы стояли пятьдесят лакеев в сияющих ливреях, слуги и метрдотели. Офицеры в богато расшитых мундирах выстроились в прихожей, а в следующей зале кавалеры посольства встречали дам, вручали им по букету цветов и провожали на заранее отведенные для них места. Когда пробило девять часов, фанфары возвестили о прибытии императора. Он вошел в сопровождении всей семьи и начался бал — за чинным полонезом последовал вальс и французские танцы. Присутствие государя, благосклонное выражение его лица и ласковые слова, которые он обращал к каждому, с кем говорил, оживили веселость танцующих... Два часа пронеслись незаметно,

¹ Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник. — С. 359.

и вот уже, по распоряжению императора, г. маршал подал сигнал, и распахнувшиеся двери явили восхищенным взорам гостей огромный шатер столовой. Свет трех тысяч свечей играл на оружии, украшавшем стены своим воинственным великолепием; стол для императорской фамилии возвышался над остальным пространством, где за тридцатью шестью столами блистали четыреста дам. Аромат корзинок с благовониями, блеск бриллиантов, радуга цветов и переливы света в хрустале — эта волшебная картина невольно уносила зрителя в один из волшебных дворцов, созданных воображением поэтов. Когда дамы, вслед за царской фамилией, направились в бальную залу, в руках у каждой было по маленькому хрупкому букетику — произведению кондитера, совершенно неотличимому от творений природы. С необычайной быстротой стол был накрыт снова и позволил мужчинам, до того окружавшим своим вниманием дам и предупреждавшим их малейшие желания, в свою очередь, ознакомиться с чудесами наших современных Вателей (то есть поваров-виртуозов. Франсуа Ватель — метрдотель министра финансов Людовика XIV, Н. Фуке, а затем принца Конде, великий гастроном. — А. В.). Они должны были признать, что никогда еще московские гурманы не встречали такой тонкой изысканности в сочетании с таким изобилием. Император удалился в три часа ночи, но праздник продолжался до пяти часов утра, и танцы закончились с первыми лучами солнца»¹.

Высшее общество ни в чем не уступало дипломатическому корпусу и вносило свою лепту в разнообразие светской жизни обеих столиц. Частные балы следовали один за другим, и в бальный сезон их случалось такое количество, что посетить все было достаточно сложно. Особым интересом пользовались балы, на которых собирался большой свет.

«Большой свет в Петербурге, — писал В. Г. Белинский, — еще более чем где-нибудь, есть истинная *terra incognita* (неведомая земля —лат.) для всех, кто не пользуется в нем правом гражданст-

¹ Ансело Ф. Шесть месяцев в России / вступ. ст., пер. с фр., коммент. Н. М. Сперанской. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — С. 155–157.

ва; это город в городе, государство в государстве. Не посвященные в его таинства смотрят на него издалека, на почтительном расстоянии, смотрят на него с завистью и томлением...»¹.

Попасть на такие балы было сложно, представители высшей аристократии с большой тщательностью следили за чистотой своего круга, боясь замарать себя ненужными связями и знакомствами. Круг избранных практически оставался неизменным; перемещаясь из одного дома в другой, они заранее знали, кого там встретят, с кем будут танцевать, общаться и флиртовать.

Модест Андреевич Корф, принадлежавший к этому обществу, в своем дневнике анализирует состав его участников. «Элементы, из которых составляются все эти балы большого света, довольно трудно объять какими-нибудь общими чертами. Разумеется, что на них бывает весь аристократический круг; но кто именно составляет этот круг в таком государстве, где одна знатность происхождения не дает сама по себе никаких общественных прав, объяснить нелегко. В этом кругу есть всего понемножку, но нет ничего, так сказать, dokonченного, округленного. Тут есть и высшие административные персонажи, но не все; некоторые отдалаются от светского шуму по летам, другие по привычкам и наклонностям, а другие отдалены самим светом, по какому-то общему, безмолвному, но вместе и безотчетному приговору. Я приведу только один пример. До определения меня управляющим делами Комитета министров я не посещал решительно ни одного дома большого круга. По вступлении моем в эту должность первый позвал меня к себе кн. Кочубей, и вслед за ним стали звать меня всюду; теперь же нет ни одного дома, в котором я не был, даже и тогда, когда приглашается один отборный теснейший круг. Поэтому казалось бы, что и мой преемник должен пользоваться теми же самыми правами, особенно если взять в соображение, что я решительно ни в один дом не попал по исканию, никогда

¹ Белинский В. Г. Собрание сочинений. В III т. Т. II. Статьи и рецензии 1841–1845 гг. / под общ. ред. Ф. М. Головенченко; ред. С. П. Бычкова // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/1PrMSLX (дата обращения: 19.05.2018).

никому не рекомендовался и вообще не делал в жизни ни одного шагу *pour me lancer dans le grand monde* (чтобы сделать карьеру в большом свете). Между тем Бахтин изредка только мелькает в каких-нибудь второстепенных домах и не бывает ни в одном первой руки. Отчего же это, когда, впрочем, он ничуть не менее меня удовлетворяет малоприхотливым требованиям этого света, т. е. и играет в карты, и болтает по-французски почти все, что тут надобно? Точно так же в этом кругу есть и богатые и бедные, и знатные и ничтожные, даже такие, о которых удивляешься, как они туда попали, не имея ни связей, ни родства, ни состояния, ни положения в свете. Между тем весь этот круг, как заколдованный: при 500 тыс. населения столицы, при огромном дворе, при централизации здесь всех высших властей государственных он состоит не более как из каких-нибудь 200 или много 250-ти человек, считая оба пола, и в этом составе переезжает с одного бала на другой с самыми маленькими и едва заметными изменениями, так что в этом кругу, т. е. в собственно так называемом большом свете, невозможно и подумать дать в один вечер два бала вдруг. Попасть за очарованную линию мужчине можно, кажется, только двумя путями: женитьбою на принадлежащей сюда девушке или служебным помещением, как, например, попал я, что, впрочем, довольно и даже очень редко. Молодые люди, танцоры попадают без труда. Так, например, флигель-адъютанты и кавалергардские офицеры почти все везде, конногвардейских много, прочих полков можно всех назвать наперечет, а некоторых мундиров, например, гусарского, уланского и большей части пехотных гвардейских, решительно нигде не видеть. Появление в этом эксклюзивном кругу нового лица, старого или молодого, мужчины или женщины, так редко и необыкновенно, что составляет настоящее происшествие, *un dvenement* (событие, происшествие — фр.). Заключу одним: человеку, не посвященному в таинства петербургских салонов, невозможно ни по каким соображениям угадать *a priori*, кто принадлежит к большому кругу и кто нет. Есть министры, члены Госуд<арственного> совета, генерал-адъютанты,

статс-секретари, придворные чины, не говоря уже о сенаторах, которых нигде никогда не увидишь и которые решительно никуда не приглашаются, есть люди знатные по роду и богатству, просвещенные со всеми формами лучшего общества, которые в том же положении, и есть, напротив, как я уже сказал, люди совершенно ничтожные, которые везде бывают, которых везде зовут большей частью, потому кажется, что они играют в высокую игру, до которой некоторые из наших баричей большие охотники»¹.

Субкультурный подход позволяет выявить основополагающие характеристики социального слоя, культивирующего этот феномен. Культура любого общества целостна и гетерогенна одновременно. Целостность культуры, выражающаяся в том, что все члены общности не различаются значительно образом жизни; нормы и представления о реальности наиболее характерны для архаичных общностей, немногочисленных и слабо структурированных, где социальная дифференциация имеет зачаточные формы, базируясь лишь на возрастных, половых и родственных критериях. Когда процесс социальной дифференциации приводит к выделению функциональных сфер внутри общества, когда формируется социальная стратификация, культурное единство оказывается в некоторой степени нарушенным. Выполнение той или иной социальной функции связано с особыми специфическими интересами, поведенческими стандартами, навыками, своеобразием образа жизни. Группы, выполняющие эти функции, приобретают, следовательно, культурные особенности. Социальные слои и классы, занимающие различное место в системе стратификации, также зачастую имеют ярко выраженные особенности образа жизни. Бал как феномен начинает функционировать исключительно в дворянской среде. «В дворянстве сосредотачивались и наиболее образованные, интеллектуальные силы страны. Русское дворянство дало и российской, и мировой науке и культуре целую плеяду выдающихся деятелей»².

¹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. — С. 243–244.

² Соловьев Б. И. Российское дворянство. — Ростов н/Д : Феникс, 2011. — С. 139.

Однако необходимо заметить высокую степень дифференцированности данного слоя не только в рамках одного поколения, но и на протяжении всей истории России. «История русской интеллигенции представляется в виде последовательной смены поколений интеллигенции, обладающих типологической общностью и специфическими, исторически обусловленными особенностями»¹.

Данная точка зрения предполагает применение субкультурного подхода в сочетании с историческим для анализа взаимовлияния бальной культуры и российского общества. С исторических позиций бал представлен в работах М. М. Богословского, А. О. Корниловича, С. Н. Шубинского и др. Они как непосредственные свидетели зарождения и развития культуры бала в России отмечали его особенности. Корнилович А. О. писал: «Вы хотели иметь описание балов, <...> в какое время исчезла в русских грубость нравов, свойственная народу полуобразованному и когда женский пол получил право гражданства в наших обществах. Исполняю вашу волю. <...>».

Современники вспоминали, что указ о введении ассамблей был как гром среди ясного неба и произвел на подданных Петра самые противоречивые впечатления. Русские красавицы, которые вели затворническую жизнь и выходили в люди только по праздникам, конечно же, обрадовались возможности покинуть свои надоевшие палаты в теремах и обрести долгожданную свободу. Князь Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России» по этому поводу писал: «Петр Великий ... учредил разные собрания, где женщины, до сего отдаленные от сообщения мужчин, вместе с ними при веселиях присутствовали. Приятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами в своих домах, пользоваться всеми удовольствиями общества, украшать себя одеяниями и уборами, умножающими красоту лица их и оказующими их хороший стан. ...Жены, до того не чувствующие своей

¹ Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. — СПб. : Изд-во СПб-ГУП, 2009. — С. 19. — (Серия «Новое в гуманитарных науках»).

красоты, начали силу ее познавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями...»¹.

Их строгие родители, мужья, воспитанные по старинке, наоборот, были возмущены новыми порядками и развращенным временем, в которое юным девушкам и замужним женщинам можно было не только смело появляться в обществе, но на виду у всех танцевать и разговаривать с мужчинами. Однако, возражать Петру Алексеевичу было бесполезно и даже опасно, и сварливым матушкам и суровым отцам пришлось подчиниться приказу царя. Ассамблеи, хотели они этого или нет, стали частью их жизни. Петр, хорошо понимая важность данного мероприятия, лично разработал правила и порядок проведения ассамблей. Собрания должны были проходить два раза в неделю, поочередно в домах богатых и знатных горожан. О месте и времени проведения данных собраний обычно извещали барабанным боем и объявлениями, прибитыми на столбах. Посещать ассамблеи в соответствии с указом Петра могли придворные вельможи, чиновные особы, все дворяне, известные купцы, корабельные мастера и канцелярские служащие с женами и детьми. *Начинается формирование субкультуры, которая определяется как автономное целостное образование внутри господствующей культуры, обладающее собственными институтами и характеризующее определенный способ мышления и действия различных социальных групп.*

Порядок проведения общественных собраний очень хорошо описал в своих воспоминаниях камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, побывавший в 1722 г. в Москве на ассамблее гр. Матвеева. «Скажу здесь вкратце, что такое эти ассамблеи и какие при них соблюдаются правила. Они устроены на манер Петербургских, которые, по именному повелению императора, бывают ежегодно зимою. Во-первых, они распределяются между всеми вельможами, но без соблюдения особенного порядка или последовательности; здешний комендант спрашивает или его величество императора (когда

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век / ред. А. В. Бутов. — М. : АСТ : Астрель, 2012. — С. 291. — (Серия «Историческая библиотека»).

он бывает здесь), у кого он прикажет быть собранию, или самих вельмож, когда и как им удобнее, и затем, прежде нежели общество разоидется, объявляет гостям, где им собираться в следующий раз. В Петербурге это делает обыкновенно генерал-полицмейстер. Прийти на ассамблею имеет право всякий. Во-вторых, хозяин не должен никого встречать вне комнаты, ни провожать, хотя бы то был и сам император. В-третьих, в комнате, где танцуют (если есть место, или в ближайшей к ней), должны быть приготовлены: стол с трубками, табаком и деревянными лучинками (которые употребляют здесь вместо бумажек, для закуривания трубок) и еще несколько других столов для игры в шахматы и шашки; но карты на ассамблеях не терпят и не подаются. В-четвертых, хозяин, хозяйка или еще кто-нибудь из домашних открывают танцы, после чего, смотря по месту, одна или две пары могут танцевать менуэт, англез или польский по желанию... В-пятых, всякий имеет свободу делать, что хочет, т. е. может или танцевать, или курить табак, или играть, или разговаривать, или смотреть на других; равным образом всякий может спросить себе, по желанию, вина, пива, водки, чаю, кофе и сейчас получит требуемое. Но хозяин не обязан, да даже и не смеет, принуждать гостей пить или есть, а только может сказать, что имеет для угощения, и затем предоставляет им полную свободу. В-шестых, и в последних, собрания эти, начинающиеся около 5 часов, продолжаются не далее 10, и тогда все должны разъезжаться по домам»¹.

Сам Государь был частым гостем на ассамблеях. С удовольствием предаваясь развлечениям, он стремился к тому, чтобы и его подданные научились легко, непринужденно, а самое главное, с пользой проводить время в обществе. «Он бывал весел, обходителен, разговорчив. Любил и вокруг себя видеть веселых собеседников, слышать непринужденную, умную беседу и терпеть не мог ничего, что расстраивало такую беседу, никакого ехидства, выходок, колкостей, а тем паче — ссор и брани. Провинившегося тотчас наказывали, заставляли пить штраф — опорожнить бока-

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 154–155.

ла три вина или одного «орла» (большой ковш), чтоб «лишнего не врал и не задирал», — вспоминал постоянный участник ассамблей П. А. Толстой¹.

«Предметы бесед Петра с гостями были довольно разнообразны: говорили о Библии, о мощах, о безбожниках, о народных суевериях, о Карле XII, о заграничных порядках. Иногда среди собеседников заходила речь о предметах более им близких, практических, о начале и значении того дела, которое они делали, о планах будущего, о том, что им предстоит еще сделать. В этих беседах... происходила оценка деятельности самого царя и его предшественников, вскрывались те побуждения, которые легли в основу его деятельности», — сообщал видный отечественный историк С. А. Князьков. Непринужденность общения гостям ассамблеи далась не сразу, по началу, дамы сидели отдельно от мужчин, боялись сказать лишнее слово, чтобы, не дай Бог, не попасть впросак, и «дичились друг друга». Берхгольц Ф. В. в своем дневнике отмечает: «Не удается почти сказать и слова: когда не танцуют — все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга»².

Да и сама ассамблея воспринималась не как приятное развлечение, а как тяжкая повинность и наказание. — «На ассамблеи и балы придворные и военные съезжались большею частью как на известную церемонию, вторая больше стесняла и утомляла, чем вносила веселье»³.

Давалась с большим трудом и наука этикета. Вчерашним барыням—затворницам и их новоявленным кавалерам приходилось учиться по-новому жить: думать, разговаривать и танцевать на европейский манер, прилично вести себя в обществе. Мудреные поклоны, непривычная одежда, «аллонжеловые» парики с длинными, завитыми в букли волосами, сложные танцы — все это вызывало сильное раздражение и недовольство и требовало

¹ Ключевский В. О. Исторические портреты // Электронная библиотека Лит-Мир. — URL: bit.ly/2KjZY2b (дата обращения: 19.05.2018).

² Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век / ред. А. В. Буто-ров. — М. : АСТ : Астрель, 2012. — С. 155. — (Серия «Историческая библиотека»).

³ Пыляев М. И. Старое житье. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — С. 148.

огромных усилий и выдержки. Часто прежние привычки брали верх над новыми манерами, и тогда во время светских приемов и обедов возникали неприятные ситуации и недоразумения. Так, немецкий дипломат, публицист Х. Ф. Вебер, побывавший в Москве в 1716 году, позднее вспоминал: «Я видел много женщин поразительной красоты, но они не совсем еще отвыкли от своих старых манер, потому что в отсутствие двора (в Москве) за этим нет строгого наблюдения. Знатные одеваются по-немецки, но поверх надевают свои старые одежды, а в остальном держатся еще старых порядков, например, в приветствиях они по-прежнему низко кланяются головой до самой земли. ...Женщины же, которые ездят ко двору, хотя и одеваются по иноземному образцу и очень хорошо, но в обращении с посторонними или иностранцами до сих пор еще как-то дики и своенравны, что одному известному немецкому кавалеру пришлось дознать собственным опытом, когда, бывши в Кроншлоте, он пожелал было поцеловать у одной девицы руку и награжден был за это полновесною оплеухою»¹.

Культура любого общества целостна и гетерогенна одновременно. Целостность культуры, выражающаяся в том, что все члены общности не различаются значительно образом жизни; нормы и представления о реальности наиболее характерны для архаичных общностей, немногочисленных и слабо структурированных, где социальная дифференциация имеет зачаточные формы, базируясь лишь на возрастных, половых и родственных критериях. Когда процесс социальной дифференциации приводит к выделению функциональных сфер внутри общества, когда формируется социальная стратификация, культурное единство оказывается в некоторой степени нарушенным. Выполнение той или иной социальной функции связано с особыми специфическими интересами, поведенческими стандартами, навыками, своеобразием образа жизни. Группы, выполняющие эти функции, приобретают, следовательно, культурные особенности. Социальные

¹ Вебер Х. Ф. Записки Вебера / пер., примеч. П. П. Барсова // Русский архив. — 1872. — №. 7/8. — С. 1381.

слои и классы, занимающие различное место в системе стратификации, также зачастую имеют ярко выраженные особенности образа жизни. Бал как феномен функционировал исключительно в дворянской среде, несмотря на стремление Петра I с помощью танцевальных собраний консолидировать общество. Менялись люди, менялись и нравы. Ассамблеи Петра стали хорошей школой формирования в недрах малообразованного русского общества настоящих представителей светской элиты, обладающих всеми качествами воспитанного и образованного европейца. Образ завсегдатаев ассамблей поддался «телесному благолепию», а манеры и движения «немецких и французских учтивств».

На ассамблеях учились всему, чему можно было научиться друг у друга: остроумное высказывание, удачная шутка, новомодные словечки и выражения, умение завести или поддержать разговор, изящный жест, красивая поза, оригинальный фасон платья — все это и многое другое моментально фиксировалось в памяти присутствующих, чтобы потом непременно, при удобном случае где-нибудь повторить. Русские дамы и их кавалеры, по своей натуре наблюдательные и сметливые, не обремененные какими-то особыми премудростями, быстро схватывали новые знания и правила. Желание соответствовать духу нового времени подталкивало к дальнейшему самообразованию и совершенствованию. В 1717 году в помощь молодым людям, вступающим на путь светского развития и образования, было издано, по указанию Петра I, первое руководство по этикету, которое называлось «Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Данное издание достаточно подробно рассказывало, как следует молодому человеку держать себя в обществе, дабы завоевать одобрение людей и иметь успех при дворе. Так, например, в книге сообщалось, что ни знатность рода, ни богатство и высокое положение в обществе «украшают шляхетскую славу..., но три добродетели: приветливость, смирение и учтивость». Новичкам же, только начинающим свою придворную карьеру и желающим себя достойно зарекомендовать на этом

поприще, учебник по этикету советовал: «Когда при дворе, или в других делах явитца надлежит, то должно в таких церемониях, в которых напредь того не бывали и не учились, прилежно присматривать, как в том те поступают, которым оное дело приказано. И примечать, похваляют ли их или хулят, и хорошо ль они в том поступали или плохо. Слушать же и примечать, в чем оныя погрешили, или что просмотрели»¹.

Книга содержала рекомендации и для молодых девушек. На нескольких страницах достаточно подробно было рассказано о том, какие добродетели следует в себе развивать, чтобы уметь показать себя в обществе и произвести на присутствующих приятное впечатление. «Ко всякому быть услужливу, ближняго сожалеть, терпеть, ласкову и единомушну быть, а не себя представлять весма, и паче других непорочна в повседневной беседе приятно и тихо обходится. С чуждым говорить учтиво, отвещать ласково, других охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать в поступках, словах, и делах, которыя добродетели выше всех мер украшают девицу»².

Ассамблеи не только формировали культуру поведения и общения людей, они способствовали и развитию сложной танцевальной системы, науки, требовавшей от учеников специальных навыков и умений. В танцевальном словаре Ш. Компана за 1790 год можно прочесть следующее определение: «танцевания, которые философы определяют наукой о телодвижении, есть без прекословия одно наидревнейшия из преизящных художеств». Эта сложная система включала в себя непосредственно танцы, их последовательность, хореографию, танцевальный этикет и новую для этого времени профессию танцмейстера, который и обучал этому непростому «художеству». Появление этой системы было вызва-

¹ Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов // Исторический дискуссионный клуб. — URL: bit.ly/2NAp7IA (дата обращения: 19.05.2018).

² Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов // Исторический дискуссионный клуб. — URL: bit.ly/2NAp7IA (дата обращения: 19.05.2018).

но потребностью времени. Развивающиеся ассамблеи выходили за рамки некой стихийности и требовали упорядочивания, жесткой регламентации, мастерства и профессионализма от участников. Неумение танцевать на ассамблеях становилось признаком дурного тона. Чтобы не «ударить в грязь лицом» и быстро освоить это непростое искусство, маменьки и папеньки для своих любимых чад вынуждены были искать педагогов, которые смогли бы за короткий срок научить их легко и грациозно исполнять модные танцевальные движения. Первое время роль учителей танцев исполняли пленные шведские офицеры, а в дальнейшем за это дело взялись профессиональные танцоры, образовавшие цех танцмейстеров. Во время танцев молодые люди учились взаимопониманию, умению доверять своему партнеру, держаться легко и непринужденно на глазах огромной публики. Ученики оказались способными и танцевальную науку освоили достаточно быстро, о чем можно найти подтверждение в дневнике камер-юнкера Берхгольца Ф. В.: «Нельзя себе вообразить, до какой степени они любят танцы, равно как и здешние молодые купцы, из которых многие танцуют очень хорошо...»¹.

К 20-м годам 18 столетия на ассамблеях сформировался определенный порядок исполнения танцев, который поддерживался вплоть до 1725 года (смерти Петра). Открывалась ассамблея степенным, неторопливым полонезом, танцем-шествием. По словам Ф. Листа, полонез был не просто прогулкой, а «дефилированием, во время которого все общество, так сказать, приосанивалось, наслаждалось своим лицезрением, видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым. Полонез был постоянной выставкой блеска, славы, значения». Тон в танце задавала первая пара. Кавалер, становившейся во главе колонны, старался удивить танцующих не только галантностью своих манер, но и своими необыкновенными танцевальными способно-

¹ Берхголец Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, введенный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. В 4 ч. Ч. 2. 1722-й год / пер. с нем. И. Аммон. — 2-е изд. — М. : Тип. Лазаревского ин-та восточ. яз., 1860. — С. 86.

стями. Он придумывал сложные комбинации и фигуры, и колонна послушно повторяла движения, которые задавала первая пара. «Выписывая» фигуру за фигурой, танцующие проходили по бальной зале, а затем совершали свое торжественное шествие по всем комнатам дома. Полонез, или польский (как его еще называли), с удивительной точностью демонстрировал придворную иерархию танцующих, чем ближе дамы и кавалеры стояли к «голове» колонны, тем выше и почетнее было их положение в обществе. Несмотря на видимую простоту, танец требовал от исполнителей немалой изобретательности, ловкости и быстроты реакции, все время нужно было придумывать новые и оригинальные движения, стараться легко и грациозно их исполнять. Кроме того, полонез с легкостью можно было назвать и «рыцарским» танцем, в котором мужчина демонстрировал свое восхищение Прекрасной Даме. Так, например, среди фигур полонеза была одна, которая пользовалась популярностью у танцующих. Кавалер первой пары, где-нибудь в середине танца, совершив несколько фигур, вдруг вставал перед своей партнершей на колени, снимал с ее ноги бальную туфельку, ставил в нее бокал вина и пил за красоту своей Дамы. Все остальные кавалеры, вслед за ведущим, спешили повторить этот рыцарский жест.

Вторым по порядку танцем обычно был менуэт (фр. menuet, от menu — маленький, незначительный) — старинный народный французский танец, названный так вследствие своих мелких шажков. Танец исполнялся одной или несколькими парами. Скользящие шаги и глубокие поклоны с реверансами были главными элементами этого необычайно красивого и грациозного танца. В своем дневнике Ф. В. Берхгольц описывает, как менуэт танцевали на петровских ассамблеях: «В менуэте однако ж соблюдается правило, что его может начать не всякий, а только тот кавалер или та дама, которые протанцевав менуэт, снова танцуют его, выбирая уже кого хотят, и так идет по порядку, все равно, танцевала ли одна пара или несколько пар»¹.

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 154.

После менуэта приходила очередь англеза (франц. *anglaise*, общее наименование различных народных танцев английского происхождения, распространённых в Европе в XVII–XIX вв.) Англез был не менее интересным танцем. Этот парный танец был своего рода кокетливой игрой и представлял «пантомиму ухаживаний кавалера за дамой, которая изображала в танце побег и уклонение от ухаживаний кавалера, преследующего ее». Первая пара в танце галопом проходила между линиями кавалеров и дам других пар. Затем то же самое делали другие пары. В какой-то момент танца дама «останавливается в обольстительной позе и, едва кавалер к ней приближается, мгновенно оборачивается в сторону и скользит по полу».

Большой популярностью на ассамблеях у молодежи пользовался Аллеманд, который позволял танцующим сбросить с себя всю чинность и степенность и порезвиться на славу. Здесь, как и в полонезе, главную роль играла первая пара. Ведущие изобретали различные сложные или, наоборот, шуточные комбинации, которые немедленно должны были дублироваться остальными танцующими. Так, например: «дама стаскивала парик у своего кавалера на лицо и целовала его в губы», кавалер же в ответ «придумывал невообразимые прыжки и пируэты». Ведущие в аллеманде постоянно менялись, поэтому танец мог продолжаться до тех пор, пока хватало сил и фантазии у танцоров его продолжать.

Контрданс — еще один танец английского происхождения, от англ. *countrydance*, буквально — деревенский танец, который возник в Англии в XVII веке и к концу XVIII-го века уже считался самым модным танцем в Европе. Первые контрдансы были незамысловатыми и короткими, так как состояли из одной-двух фигур. Позднее танцмейстеры дополнили танец новыми движениями, используя элементы уже существующих бальных танцев, отрывки из балетов или движения народного характера. Петров Н. пишет, что «все фигуры контрданса появились одновременно и каждая из них исполнялась поодиночке, составлены же они были в одно целое уже впоследствии». Для танцоров контрданс был привлека-

телен тем, что его могли танцевать все присутствующие на ассамблее гости. Светские собрания разрушили грань между сословиями и собрали под своими сводами людей, в которых главными были не знатность рода, а деловые качества, образованность и полезность обществу и государству.

Ассамблеи, изменив ход жизни россиян, тем не менее, имели недолгую историю. Навязанные обществу преобразования царя-реформатора носили насильственный характер и осуществлялись только благодаря его воле. Кроме того, ассамблеи в полной мере выявили и двойственный характер Петра I, всю сложность и противоречивость его натуры. Мечтая сделать отдых своих подданных культурным и непринужденным, он с большим упорством и жестокостью менял их привычки и принуждал следовать заведённым правилам и порядкам. Прививая дамам и кавалерам светский образ жизни и утонченные манеры, сам Петр не мог похвастаться культурой общения и изысканностью обхождения. Стремясь довести свои праздники до европейского уровня, он, по словам В. Боковой, сделал их похожими «на веселые деревенские пирушки с танцами». Желая придать ассамблеям дух свободы и вольности, он, тем не менее, лишил этой свободы всех, на ней присутствующих. Всем известен случай, произошедший с генеральшей Олсуфьевой. Берхгольц Ф. В. в своем дневнике очень подробно рассказывает об этой трагедии. Бывшая на сносях Олсуфьева просила Петра Алексеевича разрешить ей пропустить одно из пиршеств. «Он отвечал, что не может этого сделать, что другие знатные русские дамы оскорбятся таким предпочтением, оказываемым немке. Генеральша так терзалась во всю ночь, что на утро разрешилась мертвым младенцем. Исполняя указ 1718 года о пополнении кунсткамеры всеми монстрами и курьезами, она должна была представить ребенка и отдать его на хранение в кунсткамеру»¹.

¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, введенный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. В 4 ч. Ч. 2. 1722-й год / пер. с нем. И. Аммон. — 2-е изд. — М. : Тип. Лазаревского ин-та восточ. яз., 1860. — Цит. по: Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII—XIX века. М. : Центрполиграф, 2003. С. 117.

В период царствования Елизаветы Петровны основы балльной культуры, принятые во времена Петра Великого, получают свое дальнейшее развитие. Будучи достойной дочерью своего отца, Елизавета понимает, что цивилизованный образ жизни требует от человека и соответствующих норм поведения. Поэтому, едва вступив на престол, она повелевает издать книгу испанского писателя Бальтасара Грасиана и Моралеса «Придворный человек», представляющую свод правил житейской мудрости для человека, вступающего на путь светского развития и воспитания. Автор фолианта начинает свои рассуждения с того, что «... никто совершенен не рождается, но отчасу во нраве и делах приходит. Зрелый человек познается по доброму знанию вещей, по твердости рассуждения, по обузданию воли, также по осторожности в словах и делах своих»¹.

Книга содержала около 300 регул, описывающих разные жизненные ситуации, например, как должен поступать добрый человек в той или иной ситуации, как следует «подойти под чужой интерес, для усмотрения собственной пользы», как «себя воздержать» и многое другое. Книга становится своего рода бестселлером для молодых людей. Эта книга, по мнению императрицы, могла помочь ей в деле воспитания и образования россиян, приблизить их к европейским стандартам. Формирование с помощью этой книги субкультурного слоя можно рассматривать как механизм осуществления идеи Петра. Инновационные элементы в традиционной культуре формировали социальный слой, культура которого на тот момент отличалась от «культуры большинства». В российской социологической науке общее определение субкультуры определяется как системы норм и ценностей, отличающих группу от большинства населения. Субкультура — особая форма организации людей — автономное целостное образование внутри господствующей

¹ Овсянников Ю. М. Картины русского быта: Стили, нравы, этикет. — М. : АСТ-Пресс : Галарт, 2001. — С. 215.

культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и институтами. Прослеживается механизм изменения в традиционной культуре и формирование социального слоя, осуществляющего эти изменения.

Елизавета Петровна, как и ее предшественница, также честолюбива. Соперничество с Версалем, предпринятое в годы правления Анны Иоанновны, она продолжает с не меньшим жаром. Желание выделить свой двор, сделать его роскошнее, изысканнее вынуждает Елизавету, как в свое время и ее отца, внимательнее изучить французскую культуру и обычаи. Из Парижа запрашивается подробное описание придворных праздников, церемоний, торжественных приемов, в частности, описание свадьбы юного Людовика XV с дочерью польского короля Марией Лешинской. На смену незатейливому и приятельскому общению при дворе Петра Первого и строгому, но несколько примитивному придворному этикету Анны Иоанновны приходит величественный церемониал французского двора, сулящий красивую и беззаботную жизнь для русских подданных. Французский этикет становится эталоном для подражания, неотъемлемой частью жизни русского общества. «Без них (французов), — иронизировал впоследствии известный писатель, публицист Н. И. Новиков в журнале «Кошелек» (1774), — не знали бы мы, что такое танцевание, как войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъяслять страсти и показывать состояние души и сердца нашего ... Что ж бы мы сошедшим в женское собрание говорить стали. Разве о курах да цыплятах разговаривать бы стали? Без французов разве мы могли бы назваться людьми»¹.

Вносит свою лепту государыня и в совершенствование бального этикета. Отныне женщина становится центральной фигу-

¹ Цит. по: Арсеньева Е. А. Царица любит не шутя // Электронная библиотека RuLit. — URL: bit.ly/2Htxcyq (дата обращения: 19.05.2018).

рой бала, его царицей. Это ей хозяин дома подносит в знак восхищения розу. Это ее терпеливо ожидает кавалер на танец, пока она заканчивает разговор со своим собеседником. Это ее благодарит партнер по менюэту за доставленное удовольствие и провожает на место. Дама лишь благосклонно принимает знаки внимания.

Императрица придает большое значение эстетике бала во всех его проявлениях — от декоративного оформления дворцовых залов до фасонов бальной одежды. Так, например, «в Большом Петергофском дворце при Елизавете на торжественных выходах и балах дамы и кавалеры должны были надевать особые «петергофские платья», гармонирующие с наружной окраской дворца и зеленым и белым цветами сада с фонтанами», — сообщает Д. С. Лихачев¹.

Большое внимание императрица уделяет и костюмам своих придворных. В соответствии со своим идеалом красоты она придумывает фасоны платьев, подбирает для них определенные цвета и даже обозначает место, где тот или иной наряд следует носить. На придворные куртаги в Петергофе дамы должны были приходиться в тафтяных кафтанах белого цвета с обшлагами и опушкой зеленого цвета. Кавалерам рекомендовалось иметь «... кафтаны белые же, камзолы, да у кафтанов обшлага маленькие разрезные и воротники зеленые, кто из какой материи пожелает, с выкладкою серебряного позумента около петель, ... чтобы кисточки серебряные ж, как оныя прежде сего у Петергофского платья бывали»². Такое описание мужского придворного костюма дано и в камер-фурьерском журнале от 28 мая 1752 г.

Елизавета Петровна огромное значение придает и окружающему ее антуражу. Свой дворец она превращает в роскошную оправу из драгоценных камней и дорогой утвари. Бесконечная

¹ Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Согласие: Новости, 1998. — С. 22.

² Цит по: Именные указы императрицы Елизаветы Петровны. Из бумаг М. Д. Хмырова // Исторический вестник. — 1880. — Т. 3, № 10. — С. 410.

анфилада залов, наполненных изысканным фарфором, дорогой мебелью, великолепными картинами, гобеленами и золотом в каждой детали интерьера, должны подчеркнуть богатство императрицы, произвести неизгладимое впечатление на иностранных гостей и продемонстрировать Европе мощь и величие русского престола.

Несомненно, парадная жизнь государыни производила должное впечатление на ее гостей. Г. де ла Мессельер, неоднократно бывавший при царском дворе, на себе почувствовал силу этого воздействия. Позднее он писал в своих записках: «Императрица дала великолепный праздник, за которым последовал маскарад, на коем присутствовало три тысячи человек в богатых костюмах, осыпанных драгоценными камнями. Сады, каскады, дворец, морской берег, окаймляющий сад, эскадра из тридцати линейных кораблей, все это было освещено разноцветными огнями. Это было зрелище неопишное»¹.

В унисон ему поет свою хвалебную песнь и Иеремия Позье, швейцарский ювелир, изготавливавший ювелирные украшения для императрицы и придворной знати: «Каждое воскресенье бывали прием и бал, кроме больших праздников. Нельзя ничего вообразить себе более величественного, чем двор при подобных случаях: редко бывало менее трех тысяч гостей, в том числе лучшая молодежь обоого пола. Придворные дамы немало способствовали блеску этих собраний, обладая в высокой степени искусством одеваться к лицу, сверх того они умеют до невозможности поддерживать свою красоту. ...На дамах, сравнительно низшего звания, бывает брильянтов на 10–12000 рублей. Они даже в частной жизни никогда не выезжают, не увешанные драгоценными уборами, и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была хоть одна, имевшая бо-

¹ Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года / сост. В. Д. Мюссе-Патай // Русский архив. — 1874. — Кн. 1, вып. 4. — С. 1008.

лее драгоценных уборов, чем русская императрица... Таково впечатление, вынесенное мною от этого двора, который я имел время изучить, прожив при нем около тридцати лет»¹.

Умело управляя своими подданными и двором, Елизавета во все преобразования вносит свое личное виденье и вкус, порой совмещая несовместимые вещи. Например, являясь законодательницей придворной моды, она категорически запрещает своим подданным подражать ее манере одеваться. Демонстрируя на балах и праздниках «чудные туалеты, задуманные с редким искусством», императрица строго следила за тем, чтобы никто из дам не затмил ее своим оригинальным нарядом или изысканным украшением. Только она могла появиться на балу одетая и причесанная по последней французской моде. Современники вспоминали, что дамы, позволившие себе прийти на бал с такими же, как у императрицы, аксессуарами или украшениями, подвергались всеобщему унижению. Публичному оскорблению подверглась и графиня Лопухина, приехавшая на бал с такой же розой в волосах, как и императрица. Последствия были самые неприятные для модницы. Очевидцы вспоминали: «... В разгар бала Елизавета заставила виновную стать на колени, велела подать ножницы, срезала преступную розу вместе с прядью волос, к которой она была прикреплена, и, закатив виновнице две добрые пощечины, продолжила танцевать. Когда ей сказали, что несчастная Лопухина лишилась чувств, она пожала плечами: «Ништо ей дуре!». Этот случай должен был показать другим отчаянным модницам, что главная красавица на балу она, Елизавета, и только она может быть вот такой единственной и неповторимой! Приучая дворянское общество французским манерам и приличиям, она сама легко выходила за рамки этих приличий. Так, например, в приступе гнева могла побить горничных и за какой-нибудь пустяк обругать своих придворных самыми последними словами.

¹ Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век. — С. 354.

Не жалея денег на наряды, праздники, убранство дворцов и содержание Двора, Елизавета всю свою жизнь стремилась к роскоши и богатству, но, по словам Ключевского, «царствовала в золоченой нищете». Пышные дворцовые залы резко контрастировали с жилыми покоями, которые «поражали теснотой, убожеством обстановки, неряшливостью: двери не затворялись, в окна дуло; вода текла по стенным обшивкам, комнаты были чрезвычайно сыры, ... меблировка была так скудна, что зеркала, постели, столы и стулья по надобности перевозили из дворца в дворец, даже из Петербурга в Москву, ломали, били и в таком виде расставляли по местам»¹. Среди шедевров европейского искусства иногда не на чем было даже сидеть, но при этом императрица, кое-как разместившись в кресле со сломанной ножкой, пила чай из чашки, привезенной по ее приказанию Румянцевым из Константинополя за 8 тысяч дукатов. Своенравие и противоречивость характера императрицы безусловно отражались в стиле правления и накладывали отпечаток при общем направлении к развитию и обогащению культуры бала.

В период царствования Екатерины Великой балы становятся все более торжественными, впечатляют своим блеском и роскошью. Историк М. И. Пыляев в книге «Старое житъе» пишет: «В блестящий век Екатерины эстетическая забава и наслаждения получили широкое развитие. Роскошь и великолепие ее общественных пиров и торжеств доходили до степени сказочного азиатского волшебства»².

Английский путешественник Уильям Кокс, посетивший Россию в 1778 году, с удивлением рассказывал: «Богатство и пышность русского двора превосходят самые вычурные описания...

¹ Ключевский В. О. Исторические портреты // Электронная библиотека Лит-Мир. — URL: bit.ly/2KjZY2b (дата обращения 19.05.2018).

² Пыляев М. И. Старое житъе. — С. 162.

Из различных предметов роскоши ничто не поражало нас, иностранцев, так, как обилие драгоценных камней, блестящих на различных частях костюмов знати»¹.

Но Екатерине недостаточно только внешнего лоска и красоты. С немецкой педантичностью и аккуратностью она берется за усовершенствование придворного и бального церемониала и придает ему большую парадность. Во всем, что делает Императрица, есть глубокий смысл. Отныне и навсегда она сама, весь ее образ жизни и все ее окружение должны способствовать выражению идеи государственного величия, незыблемости императорской власти, могущества государства. И вся Европа должна это видеть. Меры, принятые Екатериной II, не столь жестоки и категоричны, как у Петра I, зато более продуманны и последовательны. Придворный этикет, установленный Екатериной, определяет порядок дворцовой жизни и обязанности придворной челяди. Каждое появление императрицы четко расписано: торжественный выход, представление императрице гостей, целование ее руки, обед для приглашенных особ, бал.

Императрица вводит при Дворе торжественную церемонию парадных выходов — Больших и Малых, которым стремится придать как можно больше представительности. Выходом считалось торжественное шествие императрицы и членов императорской фамилии из внутренних покоев в дворцовую церковь или в Тронный зал и обратно.

Большие Выходы проходили по случаю великих церковных праздников и в особо знаменательные дни. В них, помимо императорской семьи, принимали участие придворные дамы и кавалеры. Причем кавалеры открывали это шествие, а дамы закрывали. В таком порядке вся процессия направлялась на службу в собор Зимнего дворца. После праздничной обедни императрица возвращалась в Большой зал, где ей представлялись иностранные послы,

¹ Кокс У. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии // Президентская библиотека. — URL: bit.ly/2H9j6xX (дата обращения: 19.05.2018).

министры и другие персоны. После небольшого приема Екатерина Алексеевна, вместе с сопровождающей ее свитой, переходила в Тронный зал. Здесь уже ее ждали чиновники, вельможи и все придворные особы, имеющие право на вход в это парадное помещение. Государыня приветствовала всех гостей тремя поклонами: один направо, другой налево и третий к середине, принимала поздравление с праздником, разговаривала с дамами и кавалерами. В такие дни Екатерина выглядела особенно торжественно. На ней была изумительной красоты бриллиантовая корона, две орденские ленты с цепями этих орденов и двумя звездами, приколотыми на корсаже одна над другой.

Во время этих выходов Императрица всегда держится легко и свободно, при этом она ни на минуту не забывает о своем царском величии и о том, какое впечатление она должна произвести на всех присутствующих. Вот как описывает один из таких выходов Уильям Кокс, с интересом наблюдавший эту церемонию: «Императрица в церкви стояла за решеткой. После обедни потянулся длинный ряд придворных обоюго пола, идущих попарно. Императрица шла одна, подвигаясь вперед тихим и торжественным шагом, с гордо поднятой головой и беспрестанно кланялась на обе стороны. При входе она останавливалась на несколько секунд и приветливо разговаривала с иностранными послами, которые приложились к ее руке. Государыня была одета в русском наряде: светло-зеленом шелковом платье с коротким шлейфом и в корсаже из золотой парчи с длинными рукавами. Волосы ее были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой, головной убор весь унизан бриллиантами. Особа ее очень величественна, хотя рост ниже среднего; лицо полно достоинства и особенно привлекательно, когда она говорит»¹.

Многие вельможи старались попасть на такие Выходы, ибо это было весьма почетное и полезное препровождение времени.

¹ Кокс У. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии // Президентская библиотека. — URL: bit.ly/2H9j6xX (дата обращения: 19.05.2018).

Можно было переговорить с нужным лицом, лишний раз попасть на глаза императрице и, таким образом, напомнить ей о своем существовании.

Малые Выходы проходили в воскресные дни и заканчивались в малой церкви дворца. При малых выходах в шествии принимали участие лишь члены императорской фамилии.

Особо торжественно во дворце проходили официальные приемы для иностранных послов и членов королевских семей дружественных европейских держав. Их проводили, как правило, в Тронном зале, интерьер и атмосфера которого должны были подчеркнуть важность данного для всех события. Варвара Головина в своих воспоминаниях оставила описание аудиенции, данной Екатериной Алексеевной турецкому посланнику. «Аудиенция, данная ему императрицей, была величественна. От двери зала, в котором происходил прием, до трона, на котором сидела Императрица, стояли в два ряда телохранители государыни. Это были очень высокие мужчины в красных куртках с золоченым изображением солнца и русского орла на груди и на спине, скрепленными толстыми перекрещивающимися цепями. Каски и карабины были посеребрены, плюмаж черный. На государыне была императорская мантия и малая корона. Два церемониймейстера открывали шествие, каждый держа в руке золотой жезл с орлом. Сзади два других вели посланника, богато одетого, и пятьдесят турок несли подушки из материи, затканной золотом, с подарками»¹.

Вид императрицы, несмотря на ее небольшой рост, был настолько внушительным, что даже поднаторевшие в искусстве дипломатии сановники робели и смущались в ее присутствии. Неприятный случай произошел с графом Сегюром во время такого приема. Представляя Екатерине верительные грамоты, граф так разволновался, что совершенно забыл приготовленную им заранее речь, которую должен был произнести в соответствии с установленным этикетом. Позднее, в своих записках, он вспоминал об этом инциденте: «... Дверь отворилась, и я предстал перед

¹ Головина В. Н. Мемуары. — М. : АСТ: Астрель: Люкс, 2005. — С. 60.

императрицею. В богатой одежде стояла она, облокотясь на колонну; ее величественный вид, важность и благородство осанки, гордость ее взгляда, ее несколько искусственная поза, все это поразило меня, и я окончательно все позабыл. К счастью, не стараясь напрасно понуждать свою память, я решил тут же сочинить новую речь»¹. В эпоху Екатерины Великой бальная культура продолжает развиваться и совершенствоваться, а балы выходят за пределы царских дворцов и дворянских усадеб. Императрица, движимая любовью к русскому обществу, стремясь завоевать его поддержку и симпатию, старается приобщить к культурной жизни все слои городского населения и разнообразить их жизнь приятными развлечениями и удовольствиями. Не напрасно императрице приписывают высказывание о том, что «народ, который поет и пляшет, зла не думает».

В 30–40-е года XVIII столетия в Москве и Петербурге, а затем и других городах России открываются общественные клубы и собрания, в которых представители разных сословий проводят для своей публики балы, маскарады, устраивают концерты и спектакли. Новые формы общественных отношений и увеселений быстро усвоились русским обществом. Их внедрение в повседневную жизнь подданных не потребовало от Екатерины больших усилий. Отныне дворяне, купцы, мещане с удовольствием проводят время в обществе равных себе. Художники, студенты, музыканты и писатели, объединившись по профессиональным интересам, спешат вечерами в общественные клубы, где приятно отдыхают в обществе близких по духу и интересам людей. Цена билета на такие собрания чаще всего не превышала одного рубля, причем, вследствие немногочисленности женщин, за вход в клуб платили исключительно мужчины.

В Петербурге общественные балы проходили в Шустер (Бюргер)-клубе, основанном в 1772 году немецким купцом Шустером. В его состав входили как представители купечества, так

¹ Сегюр де Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789) : пер. с фр. — СПб. : Тип. В. Н. Майкова, 1865. — С. 97.

и мещанства, отсюда и второе название клуба «Мещанский». Каждую зиму клуб давал по два—три бала для членов клуба и их гостей. В 1782 году в городе был создан еще один всесословный клуб, который получил название «Клуб Соединенного общества», или «Американский». Устав клуба четко регламентировал правила поведения своих посетителей. Так, например, на собрания всем членам клуба можно было приглашать гостей не больше двух раз, «испросив билет наперед у старшин». Женщин же подозрительного поведения приводить в клуб категорически запрещалось, тот же, кто осмеливался нарушить устав, подвергался строгому ответу. В клубе собирались все представители социальных групп для приятного и полезного времяпрепровождения. Играли в карты, шашки, шахматы и бильярд, читали газеты. По праздникам и в назначенные дни учредители клуба для своих посетителей проводили балы, устраивали музыкальные концерты и литературные вечера.

В 1784 году в Петербурге был организован и Купеческий клуб, который имел собственное помещение в престижном месте города, на Английской набережной, в доме № 2. По свидетельству А. Н. Греча, членами клуба могли быть купцы, «лица прочих сословий пользуются правом вписываться в качестве посетителей». Клуб проводил для своих посетителей тематические балы, в частности «ситцевые», на которые дамы должны были приезжать в платьях из разноцветного ситца. Билет на такой бал стоил очень дорого — 15 рублей, что, по мнению учредителей, должно было оградить их состав от лиц, не принадлежавших к купеческому сословию. К концу 1795 года в Петербурге действовало около семи общественных клубов, насчитывающих в своих рядах более 2500 постоянных посетителей.

В Москве в период царствования Екатерины II работали три общественных клуба: Купеческий, Английский и Дворянский. Дворянский клуб с первых дней своего существования стал одним из самых популярных и престижных мест Москвы, куда все столичные и приезжие дворяне «съезжались наслаждаться прият-

ностями общежития». Но прославилась Москва балами, которые проходили в здании Благородного собрания (второе название — Дворянский клуб). Дворянский клуб был учрежден в 1783 году по инициативе попечителя Опекунского совета М. Ф. Соймонова и князя А. Б. Голицына. Располагалось здание на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда (д. 2). В соответствии с уставом Благородного собрания его членами могли быть только потомственные дворяне (мужчины и женщины). Янькова Е. П. вспоминала, что «... старшины зорко смотрели за тем, чтобы не было никакой примеси, и члены, привозившие с собой посетителей и посетительниц, должны были отвечать за них и не только ручаться, что привезенные ими точно дворяне и дворянки, но и отвечать, что привезенные ими не сделают ничего предосудительного, и это под опасением попасть на черную доску и чрез то навсегда лишиться права бывать в собрании»¹.

Иногда старшины клуба могли отойти от правил и сделать исключение для почетных купцов и их семей и в особо торжественные дни, например, во время приезда в Москву представителей царской фамилии допустить их в «святая святых» Благородного собрания. Но при этом они не должны были смешиваться с дворянством: «стой себе за колоннами да смотри издали»².

Балы в Московском Благородном собрании проходили всегда на высоком уровне, слава о них гремела по всей России. Огромные хрустальные люстры, роскошные настенные зеркала, стройные колонны из белого мрамора, обилие цветов и украшений поражали присутствующих своим великолепием. Москвичи вспоминали, что даже светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, бывая в Москве, изумлялся блеску этих балов. Однажды, на своем празднике в Таврическом дворце, в ответ на восторженные отзывы гостей посетовал: «Нет, господа, мне все кажется, что чего-то не достает, когда я вспомню о бале в Московском Благородном

¹ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 164.

² Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 164.

собрании»¹. А императрица Екатерина Алексеевна, внимательно следившая за всеми событиями в жизни русского общества, как-то заметила в разговоре с Потемкиным: «Когда мне представляют, кого я назначу из Москвы приехавших, то всегда спрашиваю о Благородном собрании; принятые отзывы о нем остаются у меня в памяти»².

Собрания в клубе открывались 24 ноября, в именины императрицы, и заканчивались в день ее рождения, 21 апреля, если этот день не совпадал с началом Великого поста. Приезжали на бал обычно к шести часам вечера и в 12 разъезжались по домам. Первое время танцевали на балах «только умевшие хорошо танцевать, и почти наперечет знали, кто хорошо танцует... Вот и слышишь: «Пойдемте смотреть — танцует такая—то — Бутурлина, что ли, или там какая-нибудь Трубецкая с таким-то». И потянутся из всех концов залы, и обступят круг танцующих, и смотрят как на диковинку, как дама приседает, а кавалер низко кланяется. Тогда и в танцах было много учтивости и уважения к дамам»³.

Московское дворянское общество, в отличие от петербургского, было намного многочисленнее, поэтому большая зала Благородного собрания могла вместить за один раз около шести тысяч человек. Дамы приезжали на бал в платьях, сшитых из «затканых серебром и золотом» материй и «цельных глазетных». Мужчины во французских кафтанах различных цветов «... довольно ярких иногда, — атласные, обьяринные, гродетуровые и бархатные, шитые шелками, блестками, и серебром, и золотом; всегда шелковые чулки и башмаки: явиться в сапогах на бал никто и не посмел бы, — что за невежество! Только военные имели ботфорты, а статские все носили башмаки, на всех порядочных людях хорошие

¹ Барсуков А., Барсукова А. Российское Благородное собрание в Москве, по сохранившимся архивным документам. — М. : Синодальная тип., 1886. — С. 5.

² История дома Благородного собрания // Дом союзов. — URL: bit.ly/2Kqm6be (дата обращения: 19.05.2018).

³ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 165.

кружева, — это много придавало щеголеватости», — рассказывала Елизавета Петровна Янькова¹.

В 1787 году в честь двадцатипятилетнего правления Екатерины Великой и ее приезда в Москву все дворянское общество собралось в Благородном собрании. Во славу императрицы был устроен грандиозный бал, который Екатерина Алексеевна почтила своим присутствием. Праздник прошел с такой помпой, что спустя много лет Е. П. Янькова вспоминала его в мельчайших подробностях: «Бал был самый блестящий и такой парадный, каких в теперешнее время и быть не может: дамы и девицы все в платьях или золотых и серебряных, или шитых золотом, серебром, камней на всех премножество; и мужчины тоже в шитых кафтанах с кружевами, с камнями. Пускали в собрание по билетам самое лучшее общество; но было много. Императрица тоже была в серебряном платье, невелика ростом, но так величественна и вместе милостива ко всем, что и представить себе трудно. Играли и пели:

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый Росс...

И каждый куплет оканчивался стихами:
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Мне пришлось танцевать очень неподалеку от императрицы, и я вдоволь на нее нагляделась. Когда приходилось кланяться во время миновета, то все обращались лицом к императрице и кланялись ей; а танцующие стояли так, чтобы не обращаться к ней спиной. Блестящий был праздник»².

Активно распространяющаяся по всей России мода на частные и публичные балы потребовала от императрицы дальнейшей регламентации бального этикета. Отныне, приезжая на бал, дамы и кавалеры должны были хорошо знать правила этикета, в совершенстве владеть навыками светского общения, уметь искусно танцевать

¹ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 165.

² Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 64.

и модно одеваться. Во время бала каждый должен был знать, в каком месте зала ему следует находиться и куда после танца он должен вернуться.

Доктор философских наук, кандидат искусствоведения Е. В. Дуков отмечал: «Танцор должен был вернуться после танца на то место, которое было отведено его социальной группе. Это правило касалось даже чисто дворянских балов, на которых сановная знать всегда занимала позицию в противоположной стороне от оркестра, вокруг которого теснились молодые чиновники»¹.

Этикет запрещал мужчинам пожимать даме руку, слишком близко подходить к ней, говорить двусмысленные комплименты. На балу нельзя было утомлять присутствующих серьезными разговорами, заумными рассуждениями, зато остроумные высказывания и веселые шутки всегда приветствовались. Дамы на балу должны были излучать веселое настроение, быть приятными и вежливыми в общении. Излишняя эмоциональность и фамильярность порицались. Во время разговора дамам не рекомендовалось обсуждать привычки и характер своего мужа, говорить о богатстве, нарочито демонстрировать свои украшения, всячески привлекать внимание к своему наряду. Беседу надлежало вести тихим голосом, стараясь не привлекать внимания посторонних, рассказывая о ком-либо, надлежало вместо фамилии, имени и отчества говорить «мой знакомый», «моя знакомая». Участники балов, не умеющие танцевать, должны были воздержаться от танца, дабы не подвергать себя и своего партнера неприятным испытаниям. Во время танца кавалер обязан был убереечь даму от непредвиденных ситуаций, например, столкновения с другой парой или падения. Если это случилось, то необходимо было как можно быстрее загладить неприятные последствия. После танца кавалер обязан был поблагодарить даму за танец учтивым поклоном и отвести на место.

Светский человек, по мнению дворянской знати, был замечен издали: легкость в разговоре, галантные манеры, утонченное

¹ Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII — пер. пол. XIX века // Развлекательная культура России XVIII — XIX вв.: Очерки истории и теории / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 175.

волокитство, остроумие и изысканная вежливость выдавали в нем принадлежность к высшему обществу. Граф Сегюр, часто бывавший в петербургском свете, отмечал, что дворяне давно живут по европейским стандартам и многие из них могут блеснуть в обществе не только хорошими манерами, но и своей начитанностью и образованностью. «В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии»¹.

Чувство такта, остроумие, начитанность и образованность, «вежливые приемы» обхождения, легкость и невозмутимость в любой ситуации — вот визитная карточка истинного аристократа в период правления Александра I. Манера поведения, «знание приличий» и утонченное обхождение императора вызывали восхищение у восторженной публики. «Приближенные к государю особы перенимали его нежные формы обращения и старались угождать его чувствованиям — и это благое направление распространялось на все сословия»², — вспоминал писатель, журналист Фаддей Венедиктович Булгарин.

«В гостиных лучшего общества также царствовала величайшая пристойность: ни слишком повысить голоса, ни без пощады злословить там не было позволено»³, — сообщал Ф. Ф. Вигель.

Хорошо воспитанный человек, имеющий определенный багаж знаний и умений, принятых в светском обществе, похожий своими манерами поведения на Благословенного Александра, был желанным гостем на любом вечере и в любом доме. «Тона высшего круга невозможно перенять, — пишет Ф. Булгарин, — надобно родиться и воспитываться в нем. Сущность этого тона: непринужден-

¹ Сегюр де Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789): пер. с фр. — С. 27, 32.

² Булгарин Ф. В. Воспоминания // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2Hwqwj1 (дата обращения: 19.05.2018).

³ Вигель Ф. Ф. Светская жизнь Российской империи / ред. Е. А. Павликова. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — С. 70. — (Серия «Подарочные издания»).

ность и приличие. Во всем наблюдается середина: ни слова более, ни слова менее; никаких порывов, никаких восторгов, никаких театральных жестов, никаких гримас, никакого удивления. Наружность — лед, блестящий на солнце». Женщина же хорошего тона, «чтобы с честью поддерживать свою репутацию», должна была владеть собой в совершенстве, демонстрировать свою приветливость и любезность, красиво говорить. Во время разговора особо ценили умение «придавать особенный интерес всякому предмету», рассуждать на разные темы «с легкостью и приятностью»¹.

Вигель Ф. Ф. вспоминал: «Быть неутомимым танцовщиком, в разговорах с дамами всегда находить что-нибудь для них приятное, в гостиных при них находиться неотлучно: все это перестало быть необходимостью. Требовалось более ума, знаний; маленькое ораторство начинало заступать место комплиментов»².

Умению вести себя в обществе дворян учили с малых лет. Специально приглашенные учителя преподавали детям азы придворного этикета: как нужно было приветствовать членов императорской фамилии или важных сановников, каким образом поклониться, что сказать — все эти премудрости маленькие ученики постигали с самого детства. Во время продолжительных мастер-классов преподаватели обращали внимание своих подопечных не только на положение рук, ног, головы, но и на выражение лица «приличного в обществе». «Глаза, служащее зеркалом души нашей, должны быть скромно открыты, означая приятную веселость. Рот не должен быть открыт, что показывает характер сатирический или дурной нрав, а губы расположенные с приятною улыбкою не выказывая зубов. Бровей ни поднимать ни опускать, а держать на месте»³.

¹ Булгарин Ф. В. Воспоминания // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2Hwqwjl (дата обращения: 19.05.2018).

² Вигель Ф. Ф. Записки // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2HN76Vu (дата обращения: 19.05.2018).

³ Петровский Л. Правила для благородных общественных танцев, изданные учителем танцеванья при Слободско-украинской гимназии Людвигом Петровским // Русские мемуары. — URL: bit.ly/2HVq5vE (дата обращения: 19.05.2018).

Кроме этикета, молодым людям в обязательном порядке преподавали музыкальное и танцевальное искусство. Светский человек того времени должен был уметь изысканно одеваться, изящно выражаться, владеть каким-нибудь музыкальным инструментом и прекрасно танцевать. Кстати сказать, Император Александр I чудесно играл на скрипке и кларнете, а его супруга Елизавета Алексеевна, обладая замечательным голосом, прекрасно пела и исполняла любимые музыкальные произведения на арфе и клавикордах. Искусству танцев юных учеников обучали профессиональные танцоры, хореографы—танцмейстеры. В начале 1800-х годов в Петербурге большой популярностью пользовались уроки Дидло, Новицкой, Колосовой, Эбергарда, зарекомендовавших себя прекрасными учителями бальных танцев. Москва славилась великими П. А. Йогелем и Мунаретти. Известный балетмейстер Глушковский вспоминал, что «все первоклассные учителя бальных танцев были завалены уроками, и что престранную картину представляли иногда тогдашние танцклассы. Тут можно было видеть мальчика лет восьми, с булочкой в руке, прыгающего чижилом немца-старичка с подвязанными зубами, который задыхается, но танцует до поту лица, армянина в национальной одежде, пожилых и молодых барынь, в папильотках на голове, которые со всеми грациями стараются выделять падезефир и, поглядывая на всех, как будто спрашивают: «А что, каковы мы?»¹.

Ученики и ученицы всех возрастов, оттачивая танцевальные движения, осваивали огромное количество бальных танцев, которые могли быть в программе любого бала. «По словам Глушковского, репертуар тогдашних бальных танцев был самый обширный; в то время танцевали: экосез, вальс, котильон, французскую кадрили в восемь фигур, гротфатер, полонез-сотан, пергурдон, гавот, вестриса, мазурку в четыре пары; характерные танцы — русскую, па-де-шаль, фанданго, матлот, венгерку, краковяк, алеманд, падекозак»².

¹ Пыляев М. И. Старое житье / М. И. Пыляев. — С. 106.

² Там же. — С. 106.

Богатые дворяне для своих отпрысков приглашали известных учителей на дом. Пяти–шестилетние дети под руководством опытного наставника добросовестно, в течение нескольких часов отработывали батманы, *passé par terre* (взмах ноги открытой на носок в пол, либо поднятой на какую-либо высоту вперёд, в сторону или назад), движения менуэта. Считалось, что именно этот танец помогал танцорам развить грацию, выработать красивую осанку, легкую походку. Учителя, демонстрируя малышам сложные шаги (па), прыжки (антраша), мудреные фигуры бальных танцев, не делали скидку на возраст и учили так же строго и основательно, как если бы это были профессиональные балетные танцоры. Полученные на уроках навыки танцевального искусства юные ученики закрепляли и совершенствовали на специально устраиваемых для этой цели детских балах. Знаменитыми по всей России были московские балы, которые проводил для маленьких танцоров Петр Андреевич Йогель, признанный мастер своего дела. Известный балетмейстер Адам Глушковский так характеризовал танцмейстера: «К достойным особенного внимания старинным учителям бальных танцев в Москве принадлежит Йогель, который в своей молодости получил отличное воспитание: он изучил русский, французский языки и музыку как нельзя лучше, о бальных танцах нечего и говорить; кто в Москве не знает об его таланте? Сквозь его руки прошли три поколения! С искусством Йогель соединяет неоценимые достоинства общезнания. Он находчив, остёр, всегда весел и любезен. Бывши во всех аристократических домах учителем, он везде умеет держать себя, как придворный века Людовика XIV, при котором вежливость была доведена до высшей степени»¹.

Свои балы Петр Андреевич проводил в зале благородного собрания, университетском пансионе, в домах богатых дворян и аристократов. Часто балы проходили в доме Кологривовых на Тверском бульваре. В одном из своих писем к младшему брату Александр Яковлевич Булгаков, неоднократно посещавший балы

¹ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. — 2-е изд., испр. — СПб. ; М. ; Краснодар : Планета музыки: Лань, 2010. — С. 418.

Йогеля, сообщал: «Сам я, хотя и нездоровый, поехал на всемирный бал, который Йогель дает всякий год для своих учениц. Там была бездна — 500 человек. И хотя дом Кологривова на бульваре велик, с двумя залами, было тесно и жарко...»¹. Известно, что и Александр Пушкин в юном возрасте, на протяжении шести лет, каждый четверг вместе со своей сестрой Ольгой, в сопровождении матушки Надежды Осиповны, приезжал на уроки Петра Андреевича.

На детские балы П. А. Йогель часто приглашал и бывших учеников. Это делалось с воспитательной и практической целью. Начинающие танцоры, исполняя танцевальные движения в паре с опытными партнерами, быстро схватывали, запоминали жесты, позы. Подражая манере поведения своих старших товарищей, обретали уверенность и опыт. Очень хорошо детский бал Йогеля в своем романе «Война и мир» описал Лев Николаевич Толстой: «У Йогеля были самые веселые балы в Москве. Это говорили матушки, глядя на своих *adolescentes* (подросточков — фр.), выделяющих свои только что выученные па; это говорили и сами *adolescentes* (подросточки — фр.) и *adolescents* (подростки — фр.), танцевавшие до упаду; это говорили взрослые девицы и молодые люди, приезжавшие на эти балы с мыслию снизойти до них и находя в них самое лучшее веселье...

Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки: был, как пух летающий, по правилам искусства расшаркивающийся добродушный Йогель, который принимал билетки за уроки от всех своих гостей; было то, что на эти балы еще езжали только те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья. Все, за редкими исключениями, были или казались хорошенькими: так востороженно они все улыбались и так разгорались их глазки»².

¹ Федина А. Дом Кологривовых на Тверском бульваре // Узнай Москву. — URL: bit.ly/2HDgqNn (дата обращения: 19.05.2018).

² Толстой Л. Н. Война и мир. В 4 т. Т. 2 / худ. Николаев А. В. — М. : Детская литература, 2014. — С. 37. — (Серия «Школьная библиотека»).

На одном из таких балов Наташа Ростова получила замечательный урок танцевального мастерства, пригласив на мазурку знаменитого гусара Дениса Давыдова. «Он вышел из-за стульев, крепко взял за руку свою даму, приподнял голову и отставил ногу, ожидая такта. Только на коне и в мазурке не видно было маленького роста Денисова, и он представлялся тем самым молодцом, каким он сам себя чувствовал. Выждав такт, он сбоку, победоносно и шутливо, взглянул на свою даму, неожиданно пристукнул одною ногой и, как мячик, упруго отскочил от пола и полетел вдоль по кругу, увлекая за собой свою даму. Он неслышно летел половину залы на одной ноге и, казалось, не видел стоявших перед ним стульев и прямо несся на них; но вдруг, прищелкнув шпорами и расставив ноги, останавливался на каблуках, стоял так секунду, с грохотом шпор стучал на одном месте ногами, быстро вертелся и, левою ногой подщелкивая правую, опять летел по кругу. Наташа чутьем угадывала то, что он намерен был сделать, и, сама не зная как, следила за ним — отдаваясь ему. То он кружил ее на правой, то на левой руке, то, падая на колена, обводил ее вокруг себя и опять вскакивал и пускался вперед с такой стремительностью, как будто он намерен был, не переводя духа, перебежать через все комнаты; то вдруг опять останавливался и делал опять новое и неожиданное колено. Когда он, бойко закружив даму перед ее местом, щелкал шпорой, кланяясь перед ней, Наташа даже не присела ему. Она с недоумением уставила на него глаза, улыбаясь, как будто не узнавая его.

Несмотря на то, что Йогель не признавал эту мазурку настоящей, все были восхищены мастерством Денисова, беспрестанно стали выбирать его, и старики, улыбаясь, стали разговаривать про Польшу и про доброе старое время»¹.

Приехать на бал к прославленному учителю считали своим долгом многие его ученики. Здесь можно было встретить важного сановника и светскую львицу, гвардейского офицера и известного литератора. На балу Йогеля встречались разные поколения и, за-

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. — С. 37, 38.

частую, в одном и том же зале весело и непринужденно танцевали почтенные дамы, солидные мужчины, их дети и даже внуки.

Детские балы являлись серьезной школой для молодых людей, готовых вот-вот вступить во взрослую жизнь. Молодых девушек начинали вывозить в свет в возрасте 16–18 лет. Подготовка к балу происходила задолго до его начала. Дебютантку с особым тщанием наставляли, просвещали и посвящали в подробности бальной жизни многочисленные бабушки, тетушки, кузины. Малейшая неточность или случайная оплошность могли стоить девушке испорченной репутации. В каком платье следует поехать на бал, как войти в зал, приветствовать людей старшего возраста, каким образом вести себя с кавалером, о чем говорить во время танцев и многое другое — все эти важные детали втолковывались опытными родственниками в юную головку девушки на протяжении долгих вечеров. Отношение к бальному костюму было таким серьезным не случайно. Многие правила этикета обращали внимание своих читательниц на то, что «по платью встречают, по манерам замечают», — и, лишь только потом, — «по уму провожают». При выборе бального туалета дамы руководствовались не только собственным вкусом и направлениями моды. Платье должно было подчеркнуть достоинства его обладательницы, показать всем неповторимость и индивидуальность ее образа, умение создавать собственный стиль, работать над имиджем. С большим чувством ответственности они подходили к созданию собственного стиля и имиджа, работали над неповторимостью своего облика. И такое отношение к бальному наряду, прежде всего, было характерно для дамы из высшего общества. Светская львица вкладывала в создание наряда все свои идеи, вкус, фантазию, продумывала мельчайшие детали, украшения и все для того, чтобы образ выглядел совершенным и законченным. Только обладательница тонкого вкуса могла с помощью своего туалета подчеркнуть достоинства фигуры, не прибегая к большому количеству ткани, кружев и украшений. Мера во всем — вот правило, которым руководствуются

дамы высшего света. При этом большую роль играло и умение дамы достойно все это преподнести.

Дама высшего общества отличалась особой манерой носить одежду. Перед выходом, надев платье, она аккуратно поправляла все складки, кружева и, в последний раз, взглянув на себя в зеркало, покидала дом, больше уже не вспоминая о своем наряде. Если во время бала неожиданно появлялась легкая неаккуратность в платье, например — загибалась оборка, дама и виду не подавала, что в наряде что-то не так. В журнале «Модный магазин» отмечалось, что «можно быть красивой, остроумной, грациозной, хорошо воспитанной и все-таки не быть вполне светской женщиной! Это качество исключительное, оно дается как результат воспитания, традиций и чего-то природного, но такого, без чего не может выйти совершенного типа светской женщины; и потому этот тип, в полном значении слова, встречается редко...»¹.

Бальный этикет рекомендовал молодым девушкам надевать на бал легкое, без излишеств, платье, с небольшим вырезом декольте. При выборе цвета предпочтение отдавалось светлым тонам — слоновой кости, нежно-голубому, розовому, но чаще белому. Платье можно было украсить букетиком искусственных или натуральных цветов. Янькова Е. П. вспоминала: «В 1814 году мы решили с Дмитрием Александровичем, что пора вывозить дочерей. Грушеньке был двадцатый год; если бы не нашествие неприятеля, может быть, я вывезла бы ее и прежде, но французы помещали; а тут и Линочке пошел уже восемнадцатый год, и я вывезла обеих вместе. И той и другой я сделала одинаковые платья, белые креповые, с белыми цветами на корсаже и на голове»².

Правила хорошего тона не советовали девушкам делать вычурные прически и использовать накладные букли. Главным украшением барышни считались ее собственные волосы. Являясь на бал в таком наряде, девушка всем своим видом демонстрировала при-

¹ Об этикете // Модный магазин. — 1877. — № 9. — С. 223.

² Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. — С. 187.

сутствующим красоту и свежесть молодости, чистоту помыслов и невинность души.

Первый выезд в свет был важным событием не только для светской барышни, но и для молодого человека. Умение непринуждённо вести себя, красиво танцевать, способность возбудить интерес, привлечь внимание к своей персоне — могли помочь молодому человеку сделать блестящую карьеру и быть востребованным в обществе. «Сделавшись своего рода культом, балльные танцы становятся как бы обязательной повинностью для каждого вступающего в свет члена общества. Не танцевать светскому человеку, а тем более даме времен александровских было немислимо, как, с другой стороны, умение танцевать и хореографический талант составляли ценное достоинство и составляли успех не только на паркете, но иногда и на поприще служебной карьеры»¹, — писал историк быта, журналист В. О. Михневич.

Отправляясь на бал, девушки и юноши не только впервые представляли себя большому обществу, они держали экзамен на право принадлежать ему, быть полноправными участниками его жизни. Однако, бывали случаи, что непосредственность и эмоциональность, несмотря на все старания дебютантов, все-таки брали верх над сдержанностью и самообладанием. Наташа Ростова, в романе Толстого «Война и мир», не смогла удержать слез, когда осталась без приглашения на полонез. Другая Наташа, героиня рассказа П. Муханова «Первый выезд на бал», настолько была растеряна и напугана, что никак не могла справиться со своими чувствами. «Шум от всеобщего разговора, от шарканья, от шпор, от музыки оглушил Наташу. Блестящая толпа разнаряженных красавиц изумила ее; она смешалась, побледнела, дрожащая прижалась к матушке, и все прочитали — семнадцать лет на миленьком личике ее»².

¹ Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни. В 2 т. Т. 2 // Библиотека учебной и научной литературы. — URL: bit.ly/2Fm19w0 (дата обращения: 19.05.2018).

² Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет // Русский мир. — URL: bit.ly/2Kq3jwQ (дата обращения: 19.05.2018).

Сергея Ивин, герой романа «Святочная ночь», так был взволнован, «что заметно было, как скоро и сильно билось его сердце под белым жилетом, и что ему отчего-то захватывало дыхание, когда он вслед за князем Корнаковым, пробираясь между разнообразною, движущеюся толпою знакомых и незнакомых гостей, подходил к хозяйке дома. Волнение его еще усилилось в то время, как он подходил к большой зале, из которой ясней стали долетать звуки вальса»¹.

Бальный этикет помогал неопытным участникам бала освоиться в незнакомой обстановке. Многочисленные правила регламентировали каждый шаг, каждый жест, каждое слово. От присутствующих лишь только требовалось следовать утвержденным канонам. Так, например, приезжая на бал в частный дом, гости обязаны были выразить свое почтение сначала хозяевам, затем важным особам, пожилым людям, знакомым, в соответствии с их полом, возрастом и положением в обществе. Не подойти, не уделить внимание было крайне непростительно, допущенная небрежность могла стоить нарушителю этикета серьезных последствий, например, ему могли «отказать в доме». Александр Булгаков в своем письме к брату от 17 октября 1808 года рассказывал о неприятной ситуации, в которую он по легкомыслию попал, будучи на балу у Кологривовых: «В среду был бал у бывшей княгини Прасковьи Юрьевны Гагариной, что теперь за Кологривовым... Я приехал на бал в полночь... Так как Кологривов очень тучен, то я тотчас его заметил и раскланялся с ним; но о существовании его жены я совершенно забыл: поставил мою шляпу, надел перчатки и пустился в пляс, а о хозяйке дома и не помышляю... Проходит с час времени. Я танцую польский с Софьей Пушкиной, переходя из комнаты в комнату, наступаю кому-то на ногу, при окончании танца оборачиваюсь и вижу... О Боже! Г-жа Кологривова! Что делать? С чего начать? «Добрый вечер, сударыня» или «Прошу тысячу извинений», но я был так смущен, что не сказал ни того, ни другого. «Сударыня», — пробормотал я наконец, —

¹ Толстой Л. Н. Святая ночь / Собрание сочинений. В 22 т. Т. 1. — М. : Художественная литература, 1978. — С. 368.

«желаю видеть вас в 1879 году в этот же день вполне здоровой, красивой и любезной, как сегодня, а себя более вежливым и менее рассеянным. Как видите, я назначаю весьма продолжительное время для моего воспитания и потому надеюсь, что к назначенному сроку буду вполне приличным юношей»¹.

Находчивость молодого человека так понравилась госпоже Кологривовой, что он был тут же прощен.

Благосклонность знатной дамы была необходима и очень полезна любому молодому человеку, вступающему в свет. «В обращении только с женщинами могут они просветиться, и в искреннем только обхождении с ними, приобрести приятность...»².

Князь Иван Михайлович Долгоруков с большой благодарностью вспоминал М. П. Нарышкину, которая своими советами и наставлениями помогала ему, тогда еще молодому и неопытному человеку, обрести хорошие манеры и преодолеть робость и застенчивость. В своих воспоминаниях он пишет, что к Марье Павловне приезжали обучаться «благопристойным навыкам» многие петербуржцы: «Знатная дама, пожилая, у которой все молодые люди обучались бонтону в Петербурге. Дом ее была первая моя школа, когда я туда появился... Она была очень строга насчет общезжития и не пропускала ни одной мелочи, касательной до того, без насмешки или порицания, смотря по человеку и по свойству проступка. Дом ее был для меня очень полезен в этом смысле; она принимала меня милостиво, иногда шпетила, иногда поправляла, и все это усовершенствовало меня в науке жить в свете»³.

¹ Булгаков А. Я., Булгаков К. Я. Переписка. В 3 т. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. — М.: Захаров, 2010. — С. 197. — (Серия «Биографии и мемуары»).

² Правила светского обхождения о вежливости / пер. с фр. со 2 изд. испр. и умнож. А. Герасимова. — М.: Тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829. — С. 159.

³ Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / вступ. ст. Г. Д. Овчинникова; прим. А. А. Ковзуна, Н. В. Фролова. — М.: Наука, 1997. Цит. по: Лаврентьева Е. В. Глава XVI. «При танцах вы должны особливо стараться показывать вашу благосклонность, вежливость и приятство» // Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. Изд. 2-е. — М.: Молодая Гвардия, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://russify.ru/text/etiket/53.htm> (дата обращения 19.05.2018).

«Правила светского обхождения о вежливости» 1829 года отмечали, что покровительство женщин, «одобрения их и подпора, могут заменить в случае нужды тысячу качеств: похвала их имеет более весу, нежели состояние, дарования и самой даже ум; можно основательно сказать, подражая слабо известному поэту; «мущины составляют законы, женщины славу»¹.

Многочисленные руководства по этикету обращали внимание молодых людей и на их внешний вид. Учили «ревниво смотреть за своею внешностью», уделять внимание деталям. Так, например, «Правила светского обхождения о вежливости» 1829 года рекомендовали собирающимся на бал, прежде чем выйти из дома: «посоветуйтесь прежде двадцать раз с зеркалом, рассмотрите подробно с большим примечанием все части наряда вашего; уверьтесь таким образом, что все соответствует летам и наружности, которой вы одарены»².

«Приятность в наряде состоит в приличии и в способности носить одежду... Не в пышном одеянии и богатстве галантерейных вещей состоит наряд. Отменной вкус, совершенная ответственность придают только одну прелесть»³.

Благородный облик, опрятная одежда и приятная внешность могли помочь юноше сделать карьеру, получить одобрение общества, девушкам же найти «завидного» жениха. «В многих важных обстоятельствах жизни нашей нет человека, которой не чувствовал от того выгоды, что он хорошо одет; не желая возобновлять шутки, так часто повторяемой, можем сказать, что многие обязаны одежде за устройство своих обстоятельств»⁴.

Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин вспоминал, что во время приезда в Москву государь на балу в Дворянском собрании обратил внимание на двух молодых людей в застегнутых доверху

¹ Правила светского обхождения о вежливости / пер. с фр. со 2 изд. испр. и умнож. А. Герасимова. — М. : Тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829. — С. 156.

² Там же. — С. 25–26.

³ Там же. — С. 119, 121.

⁴ Там же. — С. 128.

черных фраках. Вид юношей так понравился императору, что он тут же велел их назначить в свою канцелярию.

Пособия по этикету большое внимание обращали и на умение молодых людей развлекать дам во время танцев и в перерывах между ними. Особенно приветствовалась способность непринужденно начать разговор и вовремя его закончить. «Непринужденность тем драгоценна в обществе, что нравится даже людям, имеющим принужденность»¹.

Во время разговора с дамами кавалерам необходимо было руководствоваться чувством меры и такта, чувствовать грань между остроумием и глупостью, нетривиальностью и пошлостью.

«Некоторые считают доказательством вежливости, занимая безпрестанно разговорами танцующих с ними, которых в первый раз видят: большая ошибка, — предупреждали своих читателей правила этикета. — Не повторяйте безпрестанно женщине, что она прекрасна, умна, приятна. Дамы знают сами о том лучше нас, и тот человек для них приятнее, от которого слышат что-нибудь новинькое»².

Утомительные разговоры, длинные, заумные рассуждения, банальные анекдоты были неуместны на балу. «Ничего нет несноснее тех людей, которые, имея всегда запасец анекдотов, примешивают их без разбора ко всем разговорам»³.

Правила светского обхождения о вежливости» советовали «избегать говорить с кем-нибудь о дневных его занятиях; с издателем журнала о политике, о тяжбе со стряпчим, о лихорадке с доктором и проч.»⁴.

Если в доме, в котором проходил бал, в зале было недостаточно стульев, «сесть на место женщины, начавшей фигуру в контрадансе, было бы невежливо: когда нет других стульев кроме для

¹ Правила светского обхождения о вежливости. — С. 225.

² Там же. — С. 57–58.

³ Там же. — С. 32.

⁴ Там же. — С. 30.

дам, то стойте на ногах, до первого обморока»¹ — рекомендовали «Правила светского обхождения о вежливости» мужчинам.

Кавалер, приехавший на бал, должен был быть внимательным по отношению ко всем женщинам, находящимся в зале. Его обязанностью было приглашать на танцы оставшихся без партнеров девиц, развлекать скучающих дам. Оказывать предпочтение какой-то одной барышне было крайне неосмотрительно по отношению к ней и невежливо по отношению к другим дамам. «Отдавая преимущество женщине, не должны вы быть невнимательны и нечувствительны к другим» — советовали мужчинам «Правила вежливости»².

Статский советник Григорий Иванович Мешков вспоминал: «Было не мыслимо, чтобы кто-либо из присутствовавших молодых мужчин позволил себе не танцевать; не пригласить к танцам оставшуюся без кавалера даму считалось невежливостью»³.

Людам же, «не имеющим слуха», рекомендовалось воздержаться от танцев, чтобы не поставить в затруднительную ситуацию себя и свою партнершу.

Покидающим бал гостей «Правила вежливости» рекомендовали: «Уйдите тихонько никому не кланяясь, старайтесь, чтоб не заметили отъезду вашего»⁴.

Бал для многих молодых людей стал местом, где, по словам Петра Андреевича Вяземского, они «... торжествовали... вступление свое в возраст светлаго совершеннолетия. Тут учились мы любезничать с дамами, влюбляться, пользоваться правами и, вместе с тем, покоряться обязанностям общежития. Тут учились мы и чинопочитанию и почитанию старости»⁵.

Руководства по этикету подробно определяли обязанности и хозяев дома, принимающих у себя гостей. Так, например, «Пра-

¹ Правила светского обхождения о вежливости. — С. 58–59.

² Там же. — С. 58.

³ Мешков Г. И. Из воспоминаний Г. И. Мешкова // Русская старина. — 1903. — Т. 114, вып. 4–6. — С. 572.

⁴ Правила светского обхождения о вежливости. — С. 28.

⁵ Вяземский П. А. Допотопная или допожарная Москва // Библиотека Максима Мошкова. — URL: bit.ly/2reuJHJ (дата обращения 19.05.2018).

вила светского обхождения о вежливости» 1829 года сообщали, что «приглашения на бал делаются по крайней мере осьмью днями прежде назначенного дня, для того, чтоб дать время дамам приготовить все принадлежности к нарядам». «Для хорошаго приему гостей, надобно иметь отличный вкус, тонкость, много опытности в светском обращении, равенство в характере, спокойствие и услужливость»⁶.

Встречая гостей, хозяин обязан был оказать им всяческое внимание и уважение, проводить в зал, предоставить им полную свободу действий. При этом, он не должен был злоупотреблять своим положением и «иметь хотя малейшее желание отличиться; старание нравиться должно быть заменено благосклонностью» ко всем присутствующим⁷.

В течение вечера хозяева дома зорко следят за тем, чтобы никто из присутствующих не скучал, а игры, развлечения и танцы были интересными и разнообразными. «Хозяин должен наблюдать, чтоб все дамы танцевали, и упрашивать снисходительных кавалеров, чтоб подымали тех, которыя просидели бы целой век в креслах, как жемчужины в раковинах»⁸.

Некоторые хозяева, чтобы доставить удовольствие приехавшим на бал потанцевать дамам, заранее просили своих близких родственников, друзей и знакомых приглашать на танцы засидевшихся женщин. Мешков Г. И. писал: «Не одна только молодежь участвовала тогда в танцах; от участия в них не отказывались и пожилые, и на некоторых из них, как например на гг. Жедринского, Бровцына, Путятю, Полякова и других, хозяева всегда рассчитывали. Между тем, каждому из этих господ было за 50 лет; все они были украшены орденами»⁹.

Степан Петрович Жихарев, посещая балы, всегда старался следовать правилам приличия и с большой готовностью шел навстрече-

⁶ Правила светского обхождения о вежливости. — С. 58, 206.

⁷ Там же. — С. 206.

⁸ Там же. — С. 58.

⁹ Мешков Г. И. Из воспоминаний Г. И. Мешкова. — С. 572.

чу желаниям хозяев дома, выполняя их просьбы. В своем дневнике от 5 февраля 1806 года он отметил: «Охота пуще неволи, говорит пословица, а я скажу: неволя пуще охоты. В субботу плясал до упаду, и все с такими дамами, которые без меня просидели бы целый вечер на одном месте: их никто не ангажировал. Как весело!»¹.

Девицам же, которые из-за недостатка кавалеров все-таки остались не ангажированными на танцы, правила этикета советовали: «Ожидайте спокойно и весело, пока не подойдет к вам кавалер: ибо сколь ни неприятно для молодой девицы оставаться на бале часто не приглашенной на танцы, но это небольшая только, скоро проходящая неприятность, которую равнодушно перенести можно, между тем как спокойствие, скромность и веселость скорее привлекут к вам желаемого кавалера, нежели явное обнаружение дурного расположения и горькой досады». Барышням, которые, наоборот, пользовались успехом у мужчин и были приглашаемы на все танцы, правила вежливости не рекомендовали танцевать с одним и тем же кавалером более двух раз и «смотреть слишком смело в глаза своему кавалеру». Во время танцев девушка должна была держать себя с партнером скромно, танцевать грациозно, «прыгать, ломаться и принимать жеманные позы значило бы выставить себя в глазах одних предметом достойным посмеяния, а в глазах других предметом, достойным жалости и презрения». Правила бального этикета остерегали молодых девушек и дам участвовать во всех, без исключения танцах, танцевать «до излишнего утомления». Бесконечное исполнение многочисленных танцевальных движений и сложных фигур приводило к тому, что к концу бала барышни сильно уставали и теряли свой привлекательный вид. «Молодая девица с раскрасневшимся от напряжения лицом, с остолбеневшими от изнурения глазами, забывающая все окружающее, и от того выходящая из себя, производит очень противное и неестественное впечатление в других» — сообщали правила этикета любительницам танцевать без перерыва.

¹ Жихарев С. П. Записки современника. — М. : Захаров, 2004. — С. 175. — (Серия «Биографии и мемуары»).

Постепенное развитие бальной культуры не только внедряло нормы и правила поведения, но и способствовало окончательно закреплению нормативности и положения дворянства как субкультурного слоя. Исследование феномена бала включает и анализ социальных различий, поскольку он служил инструментом социальной стратификации. Елизавета, в отличие от Петра Первого, который устраивал ассамблеи в частных домах, но не любил давать праздники при Дворе, и Анна Иоанновны, которая, наоборот, учредила придворные балы, но запретила придворным участвовать в общественных, Елизавета находит компромисс и утверждает в жизни светского общества придворные и частные балы в собственных домах. Принимать у себя государыню считается большой честью, сановники и вельможи устраивают балы чуть ли не каждый день, а Елизавета с удовольствием их посещает. На частных балах царила непринужденная атмосфера. Этикет, в отличие от придворных балов, был не строгим. Хозяева не обязаны были встречать и провожать гостей, даже императрицу. Когда Елизавета Петровна входила в гостиную, дамы и кавалеры не вставали со своих мест, а продолжали общаться между собой. В простой и доброжелательной обстановке государыня отдыхала от строгого придворного этикета.

Большой популярностью при дворе Екатерины Великой пользовались Эрмитажные собрания. Они разделялись на Большие, Средние и Малые.

На Большие — приглашалась придворная знать и весь дипломатический корпус. По словам современников, в такие дни вся дворцовая площадь была полностью заполнена каретами и людьми. Роскошно одетые дамы и кавалеры поднимались по парадной лестнице, чтобы в назначенный час предстать перед императрицей. Глухой шум и говор стихал, когда появлялась Екатерина, начинался бал. Государыня танцевала менуэт, но чаще всего бал открывал полонезом великий князь Павел Петрович в паре с одной из старейших придворных дам. На Больших собраниях играл придворный оркестр под управлением капельмейстера Галуппи.

На балу у каждой дамы было по два кавалера, которые после танцев сопровождали ее к ужину. После обильного застолья танцевали еще полонез и разъезжались по домам около десяти часов вечера.

Средние собрания отличались от больших только тем, что на них было намного меньше гостей, в основном, приглашались лица, пользующиеся особенным благоволением императрицы.

Малые приемы проводились только для членов императорской семьи и лиц, особенно близких Екатерине Алексеевне. Эти собрания были немногочисленными, на них собиралось не больше двадцати человек. Попасть на такой прием мечтал каждый придворный, но допускались только избранные. На малых вечерах царила непринужденная обстановка, каждый делал, что хотел. Присутствующие освобождались от соблюдения правил этикета, всяческая стеснительность и церемонность в обхождении исключались.

Вместо оркестра гостей развлекал музыкальный квартет. На скрипке играл Диц, на виолончели Дельфини, на арфе Кардон, на фортепиано Ванжура. Участники собрания танцевали, играли в жмурки, гадали, читали стихи. Екатерина в течение вечера активно принимала участие в играх, от души веселилась, придумывала новые развлечения. «Вельможи со способностями выделывать различные гримасы и изменять свою физиономию особенно ценились на этих вечерах и получали в шутку разные военные чины»¹.

Бальная культура как светская игра отражала специфику социальной организации общества, стратификацию, постепенное развитие и упорядочивание отношений в обществе во всех аспектах и на всех уровнях. Ее развитие осуществлялось от «хаоса» к нормативности и регламентации межличностных отношений, что постепенно приводило к формированию и утверждению в обществе светского этикета.

Стоит отметить, что бал не только выполнял социальные функции, способствуя иерархизации общества, но сам имел опреде-

¹ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. — С. 213–214.

ленные границы. Бал в качестве целостного культурно-исторического и эстетического феномена обладал внутренним единством и строгой грамматикой, имел выраженные признаки ритуальности и нормативности. Он имел строгую композицию, где каждая его часть характеризовалась определенными правилами поведения, темами общения. Колесникова А. В. подчеркивает, что «эстетика танцевального вечера во многом сопрягалась с идеей порядка, со стремлением бала к созданию совершенной, упорядоченной формы»¹. Данной идее порядка подчинялись все элементы танцевального вечера, в том числе и главная их составляющая — танцы. В зависимости от характера исполнения и темпа каждый танец приобрел свое место в бальном пространстве. Исследователи бала обозначают традиционную бальную цепочку танцев: полонез — вальс — мазурка — котильон; представляющую собой эволюцию от церемониала к игре, от торжественности и некоторой чопорности к безудержному веселью. Представленная логика не должна была нарушаться никоим образом, изменения были связаны лишь с модой на танцы. Каждому танцу соответствовал свой стиль поведения и беседы, т. е. музыка и танцы выступали направляющими всего вечера, которые задавали общее настроение. Полонез открывал вечер, соответствуя торжественности этого момента, его официальности и парадности. Полонез — это танец-приветствие, символ принадлежности, идентичности. Вальс «раскручивал» действие в своем вихре, давал возможность, как отмечает Ю. М. Лотман, менее официального общения и «нежных объяснений». Мазурка являлась кульминацией бала, его смысловым центром, именно мазурка дарила ощущение праздника и веселья. Этот танец отличался изобретательностью движений, легкостью исполнения, причудливостью поз, поэтому ей соответствовала непринужденная беседа. А также, как отмечают исследователи, мазурка — это время признаний; неслучайно в произведениях классиков русской литературы предложения руки и сердца

¹ Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры: дис. ... канд. культурологии. — СПб., 1999. — С. 191.

девушки часто ожидают во время мазурки (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). Котильон, завершающий бал, представлял собой танец-игру, из всей цепочки танцев он был самым непринужденным и динамичным, разрушающим строго организованную структуру бала. Однако стремление к нормативной упорядоченности формы не исключало многообразия межличностных отношений.

Никитина Е. А. обращает внимание на существенное влияние культуры бала на другие сферы культуры: «Соотношение формы и содержания, динамика их изменений в бальной культуре представляли интерес, поэтому образ бала широко представлен и в отечественной художественной культуре; неизменно его присутствие в музыке, изобразительном искусстве. Наиболее полное выражение бал получил в литературе (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», М. Ю. Лермонтов «Маскарад», Л. Н. Толстой «Анна Каренина», «Война и мир», Ф. М. Достоевский «Двойник», А. П. Чехов «Анна на шее»)»¹. Это влияние отмечает и А. В. Колесникова: «изображение сцен бала у классиков русской литературы редко применяется лишь в качестве красивого фона тех или иных коллизий литературного произведения. Обычно изображение сцен бала совпадает с кульминационными моментами в развитии сюжетной линии художественного произведения»², тем самым подчеркивается сущностное значение бала в жизни дворянина. Тем не менее, постепенно бальная культура переставала быть частью лишь столичной дворянской культуры, проникая в провинцию и другие слои общества.

Комплексное историко-культурное исследование бала как феномена русской культуры появляется в трудах А. В. Колесниковой (диссертация «Бал в истории русской культуры», монография «Бал в России: XVIII—начало XX века»). На основе анализа архивных источников А. В. Колесникова прослеживает генезис и историю бала, его место в русском обществе, особенности сто-

¹ Никитина Е. А. Бал как культурная практика // Человек в мире культуры. 2012. — № 2. — С. 53.

² Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурологии. — С. 195.

личных и провинциальных балов, отражение бальной культуры в русской литературе, что дает системное представление о бале как уникальном культурно-историческом комплексе. Колесникова А. В. подчеркивает: «Многими чертами бал напоминает игру. Балу, как и любой игре, свойственна повторяемость — он может быть «разыгран» вновь и вновь. В композиции бала просматривается определенное движение: она всегда имеет свою завязку, развитие сюжета и развязку. Танец по своей природе тоже игра»¹. И дает следующее определение: «бал — карнавализованное инобытие данной социальной структуры и связей: социально-организованная, регулярная, полифункциональная акция, локализованная по времени, пространству и количеству участников, атрибутом которого является танец»². Карнавализация является существенной характеристикой бала; по мнению кандидата филологических наук Т. Н. Юрченко, «бал имеет свою философию, в основе которой лежит категория «театральности», бал представляется моделью игры с несколькими модификациями: это ритуал, продуманный и организованный («сценическая игра»), а также пространство, где происходит стихийное разрушение ритуализованности бала, допускающее игру случая»³. Лотман Ю. М. определял эту особенность танцевального собрания как «бальные вольности», возрастающие к концу вечера, в которых проявлялось борение «порядка» и «свободы».

Доктор исторических наук, профессор О. Ю. Захарова в работе «История русских балов» рассматривает исторический аспект бальной культуры, также отмечая ее социокультурное значение. Захарова О. Ю. определяет бал светским официальным церемониалом, этикетной системой знаков⁴, способствующей сохранению

¹ Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурологии. — С. 126.

² Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурологии. — С. 199.

³ Юрченко Т. Н. Мифологема бала в русской литературе 20–40-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Горно-Алтайск, 2001. — С. 11.

⁴ Захарова О. Ю. История русских балов. — М. : [б. и.], 1998. — С. 12.

и развитию национальной культуры. Подготовка к балу отнимала много сил и времени у женщин. Помимо нового платья, необходимо было подобрать еще туфельки, шляпку, перчатки и, обязательно, веер. Веер на балу был совершенно необходимым предметом. В бальных залах из-за огромного количества зажженных свечей стояла страшная жара, и веер, в таких случаях, был незаменимым помощником — он быстро охлаждал лицо и тело разомлевшей хозяйки. Кроме того, веер был и дополнительным аксессуаром, украшением, которым дама умело пользовалась, дабы подчеркнуть изысканность своего бального туалета и показать всем присутствующим на балу гостям грациозность и изящество своих движений. Многочисленные руководства по светскому этикету всячески описывали достоинства этого красивого и полезного в обиходе предмета. «Что бы было, если элегантный туалет был бы без веера, этого волшебного жезла красивых женщин? Сколько неподражаемой грации в раскрытии и закрытии этой маленькой вещички! Для залы, кроме того, он очень практичен, а также оказывает большие услуги своей госпоже в жаркие летние дни»¹.

Веера для бальных нарядов покупались в готовых магазинах, делались вручную на заказ и стоили немалых денег. Инкрустированные драгоценными камнями, выполненные из тончайшего кружева, перьев экзотических птиц, китайского шелка, слоновой кости или черепахового панциря, они зачастую являлись настоящими произведениями искусства и были гордостью его обладательницы. Обмахиваясь веером, дама демонстрировала потрясающее искусство владения этим предметом. В нужный момент она ловко его раскрывала, изящным движением поднимала к лицу, тонкими пальчиками легко играла пластинами веера и вдруг стремительно закрывала. Виртуозно владея веером, она использовала его не только как предмет украшения и освежающего опахала. В руках опытной дамы этот аксессуар мог играть роль тайного почтальона, с помощью которого можно было послать сообщение

¹ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни / сост. В. К. Юрьев, М. Владимирский. Изд. 3-е. — СПб. : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1896. — С. 112.

своему воздыхателю. В XIX веке мужчины и женщины хорошо знали язык веера и активно им пользовались на балах. Положение веера, его цвет могли о многом рассказать сведущему человеку. Так, например, зеленая гамма дарила надежду, оттенки голубого — верность, белый цвет символизировал невинность, красный обещал радость и счастье. Если дама хотела сказать своему поклоннику «да», ей необходимо было приложить открытый веер левой рукой к правой щеке. Если «нет», нужно было сделать все наоборот, приложить веер правой рукой к левой щеке. Открытый веер, поднесенный к сердцу, означал — «Я тебя люблю». Движение закрытым веером от сердца в сторону означало — «Я вас не люблю».

С помощью веера можно было незаметно для окружающих назначить и свидание своему возлюбленному.

Вероятно, это могло происходить вот таким образом:

— Хочешь меня выслушать? — задает вопрос дама, открывая и закрывая веер.

Кавалер незаметно для окружающих слегка наклоняет голову в качестве утвердительного ответа.

— Приходи, я буду довольна, — отвечает дама, медленно закрывая веер правой рукой и перекладывая его в ладонь левой руки.

— Когда? — одними губами спрашивает мужчина.

— В пятницу, — сообщает дама, открывая пять пластинок веера. «В семь часов», — уточняет она, медленно отстукивая семь раз по створке веера.

Бальный этикет, помимо веера, рекомендовал дамам иметь при себе и *cardet de bal* (бальную книжечку), в которую они записывали фамилии партнеров, ангажировавших их на танцы. Обложку книжечки изготавливали из драгоценных металлов, украшали бриллиантами, сапфирами, изумрудами, декорировали росписью или эмалями. Листы книжечки, в основном, делали из слоновой кости, на которых дамы специальным карандашиком, чаще всего серебряным, вели свои записи. Бальная книжечка защищала забывчивых дам от неприятных ситуаций и подсказывала, с каким партнером следует танцевать очередной танец.

Непременным атрибутом бального наряда были перчатки, причем этикет обязывал их носить не только женщинам, но и мужчинам. Дамы могли приезжать на бал в белых или в сочетающихся с цветом платья перчатках. Мужчины — обязательно в белых, причем военные — в замшевых, штатские — лайковых. Надевать перчатки нужно было заранее, перед выходом из дома. Делать это на публике считалось моветоном. Снимать же перчатки разрешалось только за карточным столом или во время ужина. Нарушители бального этикета жестко порицались в обществе и вызывали всеобщее осуждение. Несвежий вид перчаток мог доставить его обладателям самые неприятные эмоции и даже вызвать комплекс неполноценности.

Писатель В. В. Вересаев в воспоминаниях достаточно ярко описывает свои переживания по поводу цвета бальных перчаток. «... Увы! На руках моих были белые замшевые перчатки, которые сделали для меня веселье совершенно невозможным. Накануне я долго и старательно чистил их бензином. Они, пожалуй, были белые, но белизной какой-то подозрительной, с переливом в желтизну разных оттенков; на концах пальцев оставались сплюснутые кончики, которые никак не хотели налезать на пальцы. Мне казалось, — все смотрят на мои перчатки и тайно смеются; перчатки эти лишали меня развязности, лишали разговора, я ухмылялся напряженно и глупо, говорил таким тоном, что никому не хотелось мне отвечать. Танцевал, как мешок на ножках! Какая мука! И вдруг осияла меня мысль: дома у меня есть два рубля с лишним, лайковые перчатки стоят три рубля; девятый час; если съезжу домой на извозчике, то еще успею в магазин. И помчался на извозчике домой. Рассказал маме, умолил ее дать мне рубль взаймы... Купил чудесные белые лайковые перчатки. Приехал назад. Вошел в бальную залу. Перчатки — изящные, ослепительно белые, плотно охватывают всю кисть и каждый палец. И как будто волшебство случилось: вдруг я стал приятно-развязан, остроумен, жив, в танцах явилась грация, в приглашении дам — смелость и уверенность. И началось веселье»¹.

¹ Вересаев В. В. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. Воспоминания // Поиск лекций. — URL: bit.ly/2jn5t4f (дата обращения 20.05.2018).

Бальный костюм и необходимые к нему аксессуары играли большую роль для его обладателя, они были, своего рода, визитной карточкой. По внешнему виду мужчины легко можно было рассказать о его социальном положении, финансовых возможностях, вкусах и привычках. Даже имя портного, изготовившего костюм, могло сообщить многое знающему человеку. В Петербурге любили говорить: «скажи мне кто твой портной и я скажу, сколько стоит твое платье». И это было так. Чем престижнее был мастер, тем дороже была его работа.

Светский человек, появляясь в обществе, привлекал внимание своим безукоризненным видом и безупречными манерами. Костюм сидел на нем идеально, перчатки на руке — как влитые, волосы аккуратно зачесаны, ботинки до блеска начищены. Образ продуман и элегантен. Журнал «Мода» за 1857 год, характеризуя великосветских модников, писал: «Держатся они точно так же прямо, как их туго накрахмаленные воротнички: ни сучка, ни задоринки; каждая необходимая складка на их платье должна быть непременно на принадлежащем ей месте, изогнутый как-нибудь неизящно корпус — есть верх неизящества...»¹.

Чиновники и военные приезжали на бал в мундирах, мужчины, которые не служили в государственных ведомствах, появлялись во фраках. Во время царствования Александра II в моду входит фрак черного цвета. Черный фрак в сочетании с белым жилетом, белой рубашкой, черным галстуком и белыми перчатками выглядел строго и нарядно. К фракту полагалось иметь и головной убор — цилиндр — шапокляк. Его, так же как и перчатки, надевали заранее, перед выходом из дома. Цилиндр изготавливали из черного шелка и снабжали специальным механизмом, который в случае необходимости позволял убор сложить. В таком виде его при входе в бальный зал отдавали прислуге. Снимая цилиндр, мужчина демонстрировал присутствующим и свою прическу, которая завершала весь его образ. В 1860 годах было очень модно

¹ Цит. по: Мужская мода XIX века // LiveInternet. — URL: bit.ly/2KBOHL2 (дата обращения: 20.05.2018).

укладывать волосы так, как делал это император Александр II. В области причесок он стал, своего рода, законодателем моды для многих мужчин. Государь появлялся перед подданными в военном мундире, высокий, красивый, с тщательно зачесанными и уложенными волосами. На лице выделялись роскошные усы с подусниками и великолепные бакенбарды.

От мужчин требовалось немалое умение сохранить свой безукоризненный вид до конца вечера — танцевать во время бала приходилось много, часто бывало, что за один день кавалерам приходилось посещать сразу несколько домов. Офицер, москвич Д. И. Никифоров, сообщал, что «... количество танцевальных вечеров было так велико, что молодежь веселилась чуть не ежедневно. Кавалерам приходилось, начав свой вечер где-нибудь на Покровке, вследствие массы приглашений кончить его на Арбате или Пречистинке»¹.

Восприятие новых форм досуга, в том числе и балов, происходило в XVIII в. в игровой, театральной форме. Новые европейские виды увеселений воспринимались тогда как своего рода игра. Этот процесс сопровождался активным включением в повседневность различных знаковых систем. Знаковость помогала вытеснять традиционные формы досуга и воспринимать незнакомые чуждые образцы европейских увеселений. Лотман Ю. М. доказал возрастание знаковости поведения, что дает основание жизнь дворян этого времени представить как жизнь с ярко выраженными признаками театрализации и игры. Чем больше игры и театральности было в досуге дворянина XVIII в., тем серьезнее становились последствия этого игрового поведения для культуры XIX в., когда пришлось перейти к переосмыслению всего образа жизни и национальных традиций. Хренов Н. А. указывает: «Новый век способствовал индивидуализации духовной деятельности и в этом смысле противопоставил себя предшествующему столетию. XIX в. продемонстрировал, что от игры история непосредственно переходила к ценностям культуры, культуры новой,

¹ Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания. — М. : Гос. публич. истор. б-ка России, 2013. — С. 53.

обогащенной»¹. На основе преобразования западных форм досуга и сопряжения их с развлекательными традициями давно забытого старого возникли свои собственные формы досуговой (в том числе и бальной) культуры.

Бойко М. Н. по этому поводу замечает: «Русский человек не перестает быть самим собой, несмотря на французский язык, французские моды и зарубежные романы в обиходе. Усвоив, насколько это было возможно и необходимо, западные формы мирской интерпретации бытия, русская культура приступила к созиданию самобытных ценностей в соответствии с внутренними потребностями»². Так, балы в XIX веке являлись не просто веселыми мероприятиями-праздниками, они играли существенную роль в общественной жизни страны. Доктор исторических наук, профессор О. Ю. Захарова отмечает: «Важнейшей чертой общественной жизни этого времени была политизация досуга... Если придворные балы носили ярко выраженный политический характер, то публичные балы устраивались по большей части с благотворительной целью, их социальная значимость особенно ярко проявлялась в XIX веке»³.

Поощряет Николай I и организацию благотворительных балов, которые широко проходят как во Дворце, так и в общественных клубах и собраниях. Средства, собранные от продажи входных билетов, направлялись в помощь нуждающимся. Беспроигрышные лотереи, розыгрыши, аукционы, устраиваемые в рамках бала, способствовали увеличению денежных средств, привлекали большое количество благотворителей. Участвовать в таких балах дворяне считали делом чести, своим нравственным долгом, который они выполняли с большой охотой и готовностью.

¹ Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. — СПб. : Алетей, 2005. — С. 76–77.

² Бойко М. Н. Россия XVII–XIX веков: цивилизационный поворот или культурная самобытность // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и новейшее время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. А. Хренов. — М. : Наука, 2003. — С. 217

³ Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX века. Танцы, костюмы, символика. — М. : Центрополиграф, 2010. — С. 57.

Николай Павлович сам часто проводил благотворительные лотереи-аллегри для своих придворных, деньги от которых поступали в сиротские приюты, шли в пользу немощных и инвалидов.

Благотворительные балы в конце XIX века проводят многие учебные заведения «в пользу недостаточных студентов».

Среди них — Политехнический и Горный институт, Петербургский университет, Императорский Александровский лицей.

В 1881 году Петербургский университет устроил благотворительный вечер в пользу своих «недостаточных товарищей». Бал посетило около 4000 человек, среди которых, помимо самих студентов, были слушательницы Бестужевских и медицинских курсов. Журнал «Всемирная иллюстрация» сообщал, что «... бал открылся в восемь вечера и продолжался до четырех утра»¹.

Давали публичные балы и многочисленные благотворительные общества. В арендованных залах общественных клубов и собраний ежегодно проходили благотворительные балы в пользу немощных, «на усиление средств Комитета для сбора пожертвований в пользу заведений С-Петербургского совета детских приютов Ведомства Учреждений Императрицы Марии», в помощь пострадавшим от наводнений и пожаров и пр. Организаторы балов для привлечения большего количества посетителей приглашали на балы знаменитых артистов, балерин, музыкантов, устраивали великолепные концерты, спектакли, проводили бесприигрышные лотереи-аллегри, игры, организовывали работу буфетов. Журналистка А. И. Соколова вспоминала, что как-то в благотворительном концерте в пользу бедных учащихся одного из петербургских училищ выступала известная в Европе и России французская опереточная артистка Анна Жюдик. Лицам, пригласившим ее участвовать в этом концерте, артистка ответила, что «она считает их приглашение за честь и за удовольствие для себя»².

¹ Всемирная иллюстрация. 1881. № 1 (626). — С. 34.

² Соколова А. И. Встречи и знакомства / сост., предисл., подгот. текста С. В. Букчина; коммент. С. В. Букчина, А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — С. 391. — (Серия «Россия в мемуарах»).

Благотворительные балы, несмотря на дороговизну билетов, (они могли стоить от 3 до 10 руб.) всегда собирали огромное количество людей, желающих внести посильный вклад в благое дело — помощь нуждающимся людям. Во время правления Николая II на пике популярности были и благотворительные балы. Их устраивают представители императорской фамилии и различные благотворительные комитеты. Среди благотворительных балов лучшими в обществе считались вечера великих княгинь Марии Павловны (старшей) и Елизаветы Федоровны.

На своих балах и базарах Елизавета Федоровна устраивала вещевую лотерею, где за сравнительно небольшую плату можно было приобрести достаточно ценные предметы. Обладая художественными способностями, великая княгиня, бывало, выставяла на продажу и свои акварели, которые пользовались большим спросом у покупателей. Современники вспоминали как однажды на благотворительном аукционе один гвардейский офицер, купив акварель великой княгини «Тюльпаны», нечаянно порвал рисунок. Расстроенный, он обратился к Елизавете Федоровне с просьбой что-нибудь написать ему на память на поврежденной акварели. «С Вашей подписью, хоть и изувеченный, этот цветок будет для меня святыней», — сказал он, обращаясь к княгине. Елизавета Федоровна рассмеялась и дала офицеру взамен другую акварель.

Знаменитый четырёхдневный благотворительный базар великой княгини Марии Павловны, которым она открывала светский зимний сезон, был широко известен в столичных кругах. Он, как и все ее мероприятия, проходил с большим шиком и размахом и привлекал огромное количество посетителей. На прилавках в уютных киосках и шатрах, украшенных экзотическими растениями и цветами, лежали веера, сумочки, украшения, различные предметы быта, рукоделия, которые Мария Павловна и ее помощницы предлагали своим многочисленным покупателям приобрести в помощь нуждающимся людям. Лили Ден, близкая подруга императрицы, вспоминала: «... В помещении Дворянского собрания... множество ультрамодных дам из великосветского общества

продавали всевозможные красивые и дорогие безделушки. Великая княгиня Мария Павловна располагалась в центре зала со своим собственным столом, за которым и продавала разные изделия. Это была высокая, внушительного вида дама, правда не такая красивая, как супруга великого князя Кирилла Владимировича, которой я иногда помогала в торговле... Каждая великая княгиня имела свой собственный столик, расположение которого указывало на ее значение в обществе»¹.

Столичные газеты и журналы широко освещали деятельность благотворительных обществ и комитетов, делились со своими читателями подробностями работы благотворительных базаров. Журнал «Призрение и благотворительность в России» за 1913 год на страницах своего издания поместил следующее объявление: «20, 21 и 22 декабря текущего года под покровительством великой княгини Марии Павловны в залах Дворянского собрания состоится по примеру прежних лет большой благотворительный базар при участии свыше 100 благотворительных обществ. На базаре за особым столом великой княгини будут продаваться вещи, привезенные Ея Императорским Высочеством и другими высокопоставленными особами и лицами из Франции, Германии, Англии и Италии, в пользу тех благотворительных учреждений, которые состоят под августейшим Ея покровительством. Лотерея-аллегри устраивается в большом зале Собрания»².

Императрица Александра Федоровна, так же как и ее родственницы, посвящала много времени благотворительности. Проводя лето в Ялте, она часто организовывала благотворительные аукционы и базары в помощь больных и несчастных людей, сирот, беднейших жителей города. На этих базарах государыня стояла за небольшим прилавком в шатре, украшенном глициниями, и продавала свои рукоделия и акварели. Очень часто, по соседству

¹ Ден Ю.А. Подлинная царица / ред. М.К. Залеская. — М. : Вече, 2013. — С. 46. — (Серия «Царский венец»).

² Цит. по: Сбор пожертвований в царской России [Электронный ресурс]. URL: <https://picturehistory.livejournal.com/1259447.html> (дата обращения: 20.05.2018).

за прилавком стояли и ее дочери — великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, иногда и наследник, цесаревич Алексей. Эти базары пользовались огромной популярностью у местного населения, каждому хотелось получить на память предмет, сделанный руками царственных особ.

Генерал-майор Свиты В. Н. Воейков вспоминал: «Надо было видеть, с каким искренним энтузиастом ялтинская публика встречала появление на базаре высочайших особ и как все наперебой толпились вокруг шатра императрицы, чтобы получить какую-нибудь вещицу из ее рук. Царская семья держалась со всеми в высшей степени просто»¹.

Благотворительные базары были для светской публики еще одним развлечением в череде бесконечных праздников и балов. Светские львицы приезжали на эти мероприятия, чтобы «вкусить» новых ощущений, внести разнообразие в свою жизнь, «выгулять» новые платья. Лили Ден рассказывала, что: «... Благотворительные базары представляли собой как бы светские вечера, где можно было блеснуть своими туалетами. Нередко участницы таких базаров меняли туалеты три раза в день. В воздухе стоял густой аромат духов, повсюду множество цветов, а дамы, продававшие вещи, устав, подкреплялись лучшими сортами шампанского»².

В январе 1914 года в Петербурге состоялся традиционный «Польский» бал, организованный Римско-католическим благотворительным обществом в пользу бедных лиц римско-католического исповедания, проживающих в столице. На балу присутствовал весь петербургский бомонд, иностранные дипломаты с женами и представители польской аристократии. Дамы, как всегда, наперебой блистали роскошью своих нарядов, красотой изысканных украшений.

Бал функционировал не только как танцевальное пространство, но и как место демонстрации социального статуса участ-

¹ Воейков В. Н. С царем и без царя. — М. : Захаров, 2016. — С. 58. — (Серия «Биографии и мемуары»).

² Ден Ю. А. Подлинная царица. — С. 46–47.

ника, достатка, чему немало способствовали модные наряды. Одежда и аксессуары выступали в роли знаков бала и, так же как другие элементы бала, подчинялись определенным правилам. Значения имели не только модель платья, отвечающая модным тенденциям времени, но и цвет наряда, количество и характер украшений и т. д. Например, платья пастельных цветов носили исключительно debutantki. Как пишет О. А. Захарова, подчеркивая регламентированность бального костюма: «Специальный указ 1834 г. узаконил характер парадного женского костюма. Цвет бархата и узор золотого или серебряного шитья определялись рангом владелицы»¹. Бальный костюм — это также своего рода система, призванная моделировать другую систему — дворянское общество. Хорошо продуманный костюм вместе с умением красиво и ловко танцевать часто открывал карьеру. Показательный пример содержится в мемуарах А. О. Смирновой-Россет: «Я надела пунцовое платье и белые цветы и то и дело танцевала с Опочаниным, конногвардейским офицером; он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: «Вы с Опочаниным очень красивая пара. — О, Ваше Величество, как приятно танцевать с ним под музыку Лабицкого <...>. Я ей отвечала, что Федор только и мечтает, что об аксельбантах. Тут я подвела его к государыне, а она сказала: Правда, он танцует восхитительно. С этой поры наш Опочанин получил аксельбанты»². Столь же пристальное внимание уделяется и бальным туалетам и аксессуарам (украшения, перчатки, веер, агенда (бальная книжечка)), устанавливая на танцевальных вечерах определенный дресс-код³.

Придворные дамы приезжали во дворец в «русских платьях» или, как их еще называли, сарафанах, если в пригласительном би-

¹ Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской Империи XVIII — начала XX века. — М. : АиФ Принт, 2003. — С. 64.

² Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. — М. : Правда, 1990. — С. 304. — (Серия «Литературные воспоминания»).

³ Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. — С. 304.

лете указывалась форма одежды — придворное платье. «Русское платье» появляется при дворе, благодаря настояниям вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая была сторонницей строгого соблюдения придворного этикета. Сарафан шили из бархата и украшали золотой или серебряной вышивкой. Упоминание о русских придворных платьях можно найти в дневнике обер-гофмейстерины Прусского двора графини Фосс, которая сопровождала прусского короля Фридриха Вильгельма I и его супругу королеву Луизу в Петербург в 1809 году: «Утром пришла графиня Ливен с портным Ея Величества императрицы-матери. Он снял с меня мерку для русского платья, которое государь желает мне подарить»¹.

Далее графиня отмечает, что таким образом были переодеты все дамы из свиты королевы, и на свадьбе великой княжны Екатерины Павловны с принцем Ольденбургским, они, как и русские дамы, присутствовали в придворных сарафанах.

Если балы были полу- или неофициальными, то женщинам разрешалось приезжать на бал одетыми в соответствии со своими вкусами и пожеланиями.

Красавицы появлялись в парадных залах дворца одетые, как древнегреческие богини, в легкие струящиеся платья нежных цветов: «парнасской розы», или «бедр испуганной нимфы». Журнал «Московский Меркурий» за 1803 год так описывал модный античный наряд: «В нынешнем костюме главным почитается обрисование тела. Если у женщины не видно сложения ног от башмаков до туловища, то говорят, что она не умеет одеваться или хочет отличиться странностью. Когда нимфа идет, платье, подобранное и позади гладко обтянутое, показывает всю фигуру мускулов ее при каждом шаге»².

Платья шили с высокой талию из легких и преимущественно тонких тканей: муслина, крепа, кисеи, батиста, тюля. Низ пла-

¹ Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины Прусского двора // Русский архив. — 1885. — Кн. 1, № 4. — С. 482.

² Цит. по: Короткова М. В. Традиции русского быта : энцикл.//Волгоградская областная универсальная научная библиотека. — URL: bit.ly/2HUW2Ua (дата обращения: 20.05.2018).

твев украшали золотой и серебряной нитью, зелеными пальмовыми листьями, отделявали пайетками и блестками. Прически дамы чаще всего копировали с античных статуй. Волосы завивали в тугие локоны в виде «спирали, стружки, штопора», и собирали в «греческий» узел вверху головы или сзади. В качестве украшения использовали диадемы, большие гребни, сеточки из ниток мелко-го жемчуга, повязки, декорированные камеями.

Вигель Ф. Ф. в своих «Записках» оставил подробное описание женского бального туалета того времени: «Что касается женщин, то все они хотели казаться древними статуями, с пьедестала сошедшими, которая одевалась Корнелией, которая Аспазией... Костюмы, коих память одно ваение сохранило на берегах Эгейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве и право все было недурно: на молодых женщинах и девицах все было так чисто, просто, свежо: собранные в виде диадемы волосы так украшали их молодое чело. Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно охватывали стан и верно обрисовывали прелестные формы. Но каково же было пожилым и дородным женщинам? Им не так выгодно было выказывать формы, ну что ж и они из русских Матрен перешли в римские матроны»¹.

В начале XIX века в России входят в моду и цветочные украшения. Нежные букетики живых или искусственных цветов прикалывают на лиф платья, к талии, украшают волосы, держат в руках. Чтобы живые цветы не теряли свою свежесть, их стебельки прятали в специальный футляр — портбукет (port-bouquet — (porter)-носить — фр.). Портбукет являлся своего рода маленькой вазочкой, в которую наливали воду или помещали влажный мох, чтобы сохранить красоту бального букета. Это украшение в виде конуса изготавливали из драгоценных металлов, кости, хрусталя, украшали бриллиантами, изумрудами, жемчугом и сапфирами. Нередко портбукеты представляли собой произведение ювелирного искусства и являлись дополнительным украшением бального туалета. Букет-

¹ Вигель Ф.Ф. Записки // Библиотека Максима Мошкова.— URL: bit.ly/2HH76Vu (дата обращения: 20.05.2018).

тики живых цветов дамы использовали не только для декора своих нарядов. Во времена Александра I большую популярность в обществе приобретает «язык цветов», которым дамы и кавалеры активно пользуются для передачи тайных посланий своим возлюбленным.

«Язык цветов» появился на Востоке, в частности в Турции, благодаря женщинам. Лишённые общения, не смеющие публично выразить свои чувства, они перенесли на цветы все свои тайные желания, передали растениям самые разнообразные настроения и эмоции. Возникшие однажды ассоциации постепенно превратились в конкретные символы, которые позднее все влюбленные стали успешно использовать в разговоре со своим тайным другом.

Сведения о «языке цветов» стали доступны жителям Европы благодаря любознательности двух персон: Обри де Ла Моттре (фр. Aubry de la Mottrae) и леди Мэри Уортли Монтегю. Обри де Ла Моттре — французский дворянин, уроженец Парижа, путешественник и дипломат, оставил в своем двухтомнике «Путешествие... по Европе, Азии и Африке» сведения об этих странах, в том числе и о существующей на Востоке мнемонической системе, известной как «селама» (поэтическое послание). Она была основана на рифмах, которые позволяли с помощью одного слова воспроизвести целую поэтическую строку или фразу. Порой в качестве ключевых слов выступали растения, а сами строчки говорили о чувствах. Именно система «селама» и стала основой для появления в европейской культуре «языка цветов».

Жена британского посла, писательница леди Мэри Уортли Монтегю, жившая в Турции с 1716 по 1718 год, в своих письмах к подругам так характеризовала язык символов: «Нет такой краски, цветов, сорной травы, фруктов, камня, птичьего пера, которые бы не имели соответствующего им стиха, и вы можете ссориться, браниться, слать письма страсти, дружбы, любезности, или обмениваться новостями, при этом не испачкав своих пальцев». С легкой руки леди Мэри в Англии, а затем в Европе и России начинается повальное увлечение цветочными посланиями. В 1811 г. в Париже выходит в свет пособие Деланше под названием «Азбука Флоры».

или «Язык цветов». Руководство содержало описание более двух сотен растений, имеющих определенное значение. Молодые люди, зная символику цветов и растений, могли признаваться друг другу в любви, рассказывать о своих переживаниях, делиться своими мечтами и надеждами. С помощью глоксинии можно было сообщить о любви с первого взгляда, голубая фиалка предупреждала об осторожности, ирис — обещал только дружбу, а амброзия, наоборот, дарила надежду на взаимность. Большое значение для влюбленных имел и цвет букета, так как он эмоционально усиливал содержание послания. Красный — считался цветом любви и страсти, розовый — демонстрировал нежные чувства дарящего, оранжевый — рассказывал о радости и счастье, голубой — обещал чистоту и преданность, темно-зеленый — выражал надежду. Так, например, букет из василька, вьюнка и белого гиацинта означал следующее: — Не смею выразить тебе свои чувства, но надежда остается. Надеюсь, ты меня не бросишь. Я буду молиться за тебя!

С помощью букета можно было выразить симпатию не только своим пассиям. Например, во время царствования Александра I дамы, очарованные галантными манерами и обаянием императора, выражали своему кумиру любовь и восхищение с помощью букетиков цветов, получивших название «александровские».

Эта мода пришла в Петербург из Парижа в период полной победы Александра I над Наполеоном. Император, войдя в Париж во главе русской армии, показал себя великодушным победителем, предоставив французам право самостоятельно решать свои внутренние дела, отпустил домой пленных солдат и офицеров, не мстил за сожженную Москву.

«Парижанки выразили свое восхищение элегантным и любезным царем тем, что ввели в моду «александровские букеты», состоящие из цветов, первые буквы которых составляли имя русского государя; взрослые женщины носили их на груди, девочки — в волосах»¹.

¹ Цветков С. Э. Александр Первый // Электронная библиотека RuLit. — URL: bit.ly/2rbYiil (дата обращения 20.05.2018).

Букет этот был составлен из цветов и растений, первые буквы которых складывались в имя Alexander.

В России впервые дамы с «александровскими букетами» появились на балу во дворце Д. Л. Нарышкина на набережной Фонтанки. Балы Дмитрия Львовича славились на весь Петербург. Их любил посещать и государь. В один из его приездов влюбленные в красавца—императора дамы выразили ему свои верноподданнические чувства таким необычным образом.

Степан Петрович Жихарев в своем дневнике 15 ноября 1805 года отметил: «Без этих букетов ни одна порядочная женщина не смеет показаться в общество, ни в театр, ни на гулянье. Вот из каких цветов составляются букеты, которые разнятся только величиною и ценностью; большие носят на груди, а маленькие в волосах: Anemone (анемон), Lilie (лилия), Eicheln (жёлуди), Heranthenum (амарант), Accazie (акация), Nelke (гвоздика), Dreifaltigkeitsblume (веселые глазки), Erheu (плющ) и Rose (роза). Мило и остроумно!»¹.

Много внимания уделялось внешней стороне бала: обрамление танцевальной залы, выступающей в роли рамы всего танцевального вечера, убранство дома — все эти элементы были чрезвычайно значимы. Цветовая гамма отделки интерьера способствовала созданию определенного настроения участников бала, что особенно важно было на балах-маскарадах. Элементарная «техника» бального пространства уже сама по себе организует многозначную структуру бала. Прежде всего это организация освещения и декорирования бального пространства. Главным источником света на балах становятся свечи. Свечи создают вместе с хрустальными потолочными люстрами и жирандолями — осветительными приборами в виде изогнутых золоченых веток — одно целое. Льющийся отовсюду свет придает общей картине бала красочность и живость, создает праздничную атмосферу. Как обязательный атрибут бальных залов и как особенная в смысловом отношении

¹ Жихарев С. П. Записки современника. — М. : Захаров, 2004. — С. 12. — (Серия «Биографии и мемуары»).

вещь отмечаются в художественной и мемуарной литературе в связи с балом зеркала. Зеркала не только отражают и множат свет, но и зрительно раздвигают пространство, тем самым, с одной стороны, увеличивают праздничность и красоту, роскошь и блеск и, с другой стороны, актуализируют другой полюс бального мира — его призрачность. В декорировании бального пространства часто использовались «живые» декорации: «В конце залы, в густой тени экзотических растений, виднелся бассейн <...> Роскошные пальмы, банановые деревья и всевозможные другие тропические растения, корни которых скрыты были под ковром зелени, казалось, росли на родной почве, и чудилось, будто кортеж танцующих пар какой-то чудодейственной силой был перенесен с дикого севера в далекий тропический лес»¹, — вспоминает Адольф де Кюстин о бале в Михайловском дворце.

«Порядок» бального пространства организовывали этикетные нормы, общепринятые и функционирующие исключительно в пространстве танцевального вечера. Бальный этикет, выраженный в различных ритуалах и нормах поведения, невыполнение которых являлось вызовом светскому обществу, подчеркивал строгость «грамматики» бала, его регламентированность. К подобным правилам относятся особенности приглашения на танец и отказа от него, смена партнеров для разных танцев, специфика обращения с агендой — бальной книжечкой для записи партнеров. В основе ритуализированного поведения лежит множество ритуальных жестов, к которым можно отнести язык вееров и язык мушек: помещенная по-разному на лице мушка могла очень многое сказать: интерес, влюбленность, кокетство и т. п., то же выражал и веер открытый или переданный определенным образом. Умение обращаться с данными обязательными бальными атрибутами легко и непринужденно являлось настоящим искусством. Все эти ритуальные жесты венчали формирование бальной культуры и выступали в роли маркеров бала. Как отмечает доктор исторических

¹ Кюстин де А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. — Л. : Лениздат, 1991. — С. 480. — (Серия «Библиотека «Страницы истории Отечества»»).

наук, профессор Л. В. Беловицкий, «бал — это не просто танцы: это почти священнодействие»¹; он имеет свою устойчивую структуру и язык, что отражается в закреплённой последовательности его частей и существовании устойчивых элементов, ритуализированных форм, которые наполняют содержание бала.

Балы отличались местом и временем их проведения, составом участников, степенью соблюдения церемониала, спецификой бального костюма и т. д. Отсюда их различное назначение и различные наименования: придворный; частный; великосветский; общественный; большой, маленький, костюмированный, семейный и другие. Наиболее официальной разновидностью были придворные балы, довольно чопорные и скучные. Участие в придворных балах было обязательным для приглашённых. На эти балы полагалось приезжать в полной парадной форме: мужчинам — в наградах, а дамам — в платьях специального фасона. Представители знатнейших и богатейших семей Петербурга и Москвы давали великосветские балы. Именно они наиболее полно выражали особенности той или иной бальной эпохи. Нередко приезжали и члены императорской семьи, но без всякой официальности — просто в гости. От участия в подобных балах можно было отказаться. Множество разновидностей имели общественные балы. Как правило, круг участников таких балов был широким и пестрым: чиновники, военные, помещики, учителя и пр. Наиболее веселыми и непринуждёнными бывали обычно семейные балы. Их приурочивали к семейным праздникам, приглашали родню и близких знакомых — как правило, несколько десятков человек.

Для сущностного раскрытия феномена бала исследователи часто используют понятия «маскарад», «танцевальный вечер» и «раут», отождествляя данные понятия, не отмечая их специфики. Танцевальный вечер, как учат нас «Правила светской жизни и этикета», не требует особой изысканности в костюмах и не отличается таким многолюдством, как бал. Кроме того, бал немислим в небольшой

¹ Беловицкий Л. В. Культура русской повседневности: учеб. пособие. — М. : Высшая школа, 2008. — С. 576.

квартире — для бала необходим большой зал и затем ряд комнат, в которых могли бы быть устроены дамская уборная (от слова «убор» — наряд, здесь дамы могли поправить туалет и просто отдохнуть), буфет и т. п. «На балу не танцуют под рояль, но непременно под оркестр. Десерт и ужин тоже должны отличаться роскошью. Вообще бал требует несравненно более хлопот и материальных затрат, нежели танцевальный вечер. Балы не начинаются раньше половины десятого или десяти часов»¹. В отличие от бала, на танцевальном вечере царила простота и веселье: «Лица средних лет, не решающиеся танцевать на больших балах, могут на танцевальном вечере без всякого стеснения танцевать, если не легкие танцы, то хотя бы кадрили»². Летом такие вечера нередко устраивали прямо в саду. Что касается дресс-кода, то на танцевальный вечер полагалось только «слегка принарядиться»: обычный городской костюм или балльный наряд были одинаково неприличны. Приглашения на большой танцевальный вечер рассылались за неделю, а на бал — минимум за 10 дней до бала, причем в разгар сезона — за 3 недели или даже за месяц. Ответ на приглашение на бал следовало дать в первые два дня по получении. «На бал нужно являться не иначе, как изящно одетым; особенно туалет дам и девиц должен отличаться изысканностью. Под словом «изысканный» мы понимаем туалет в высшей степени согласный с модой, идущий к лицу и совершенно новый. Мужчины являются на бал в черной фракной паре, жилет однако на балу должен быть белый, черный же жилет надевается на танцевальный вечер. Галстук должен быть тоже черный. Перчатки непременно белые — лайковые. ...Слишком яркие цвета дамского туалета означают дурной вкус. Проходя мимо зеркала, не заглядывайте в него»³. Бал и танцевальный вечер похожи и отличаются в первую очередь масштабом и степенью торжественности

¹ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. — С. 129.

² Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. — С. 130.

³ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. — С. 131.

и пышности, но не только этим. Бал, как пишет историк О. Ю. Захарова в своей работе «Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в.», — это церемониал. А «церемониал — это некий культурный посыл одной социальной группы другой»¹. Отличие бала от маскарада Ю. М. Лотман определил в своих трудах следующим образом: в маскараде имели место те черты, которые были невозможны на строгом балу — принципиальное смешение участников, социальные контрасты, дозволенная распушенность поведения². Такой же точки зрения придерживается А. В. Колесникова, полагая, что эстетика бала была связана с совершенной упорядоченной формой игры, регламентацией, нормами светского этикета, что отличало его от «анархии» маскарада с его традицией праздничного ряженья и стиранием сословных различий. Кроме того, не все маскарады сопровождались танцами³. Именно благодаря своей сословной специфике бальная культура в России имела гораздо больший успех, нежели маскарады. Раут же — это совсем другое. Раут заимствован у англичан, поэтому правила проведения раута тоже английские. «На раут, подобно тому, как и на бал, собирается довольно многочисленное общество, и поэтому господствует строгий этикет и изысканность в костюмах. В отличие от бала, раут — это вечернее собрание без танцев, где все время проходит в беседе: гости группируются в отдельные кружки, слушают чужие рассказы или сами рассказывают какой-нибудь интересный случай, современную новость или занимательный анекдот. Для людей умных и талантливых раут, бесспорно, есть лучшее времяпровождение»⁴.

¹ Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. — С. 225–226.

² Лотман М. Ю. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам VIII: К 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. — 1977. — Вып. 411. — С. 65–89.

³ Колесникова А. В. Бал в России XVIII — нач. XX вв. — СПб. : Азбука-классика, 2005. — С. 239–240. — («Серия искусство жизни»).

⁴ Цит. по: Арцишевский И., Давтян О. Эксперты: как деловому человеку одеться на прием // Деловой Петербург. — URL: bit.ly/2jdy1wR (дата обращения: 20.05.2018).

Стоит заметить, что бал не прекратил свое существование в XIX веке, и его история продолжается в настоящее время. Бал присутствует в культурной памяти людей в качестве балов выпускников, художественной интеллигенции, потомков дворянских родов. Функционирует множество организаций, занимающихся проведением традиционных светских балов, что является попыткой возродить массовую бальную культуру. И Вену по-прежнему можно назвать столицей балов, именно там ежегодно проходит традиционный Венский бал, являющийся важнейшим событием в Европе. Бал даже после «ухода» дворянства с исторической сцены продолжает существовать в современной культуре как самостоятельное явление. Поэтому одной из важнейших закономерностей, действующей на протяжении всей истории мировой культуры, является преемственность. Каждый новый этап в процессе исторического развития культуры, отрицая предшествующий, обязательно включает все прогрессивное его содержание, все то, что было приобретено человечеством на предшествующих ступенях развития. Следовательно, культурное пространство бала можно также определить как развивающуюся, взаимодействующую систему культурных потребностей населения страны, органически связанную с накопленным в предыдущие периоды культурным наследием путем его повторного освоения в связи с развитием новых форм культурного поведения, реализации новых творческих концепций и применения новых культурных технологий. Социокультурный феномен преемственности является общим элементом, соединяющим различные, зачастую противоречащие, концепции социодинамики. Отличие различных концепций проявляется в механизмах и формах передачи культуры. В процессе исторического развития общества преемственность тех или иных явлений культуры может носить как прерывный, так и непрерывный характер. Культурные ценности прошлого, имеющие непрерывный характер и переходящие от одного поколения к другому, выступают в качестве живого элемента культуры каждой исторической эпохи. Такого подхода придерживались

представители эволюционной (линейной) теории. Эволюционная форма культурной динамики — это последовательное усложнение социокультурной жизни, сопровождающееся повышением уровня ее организации.

К числу важнейших функциональных особенностей культуры как системы следует отнести и такие ее свойства, как способность к самообновлению, постоянному порождению, появлению, созданию новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям бытия. Данный процесс предполагает постоянную селекцию и отбор форм культур, оказавшихся наиболее эффективными не только с точки зрения утилитарных функций, хотя последние могут доминировать в зависимости от типа культуры определенное время. Социальные системы — в своем большинстве открытые системы. В обществе, в социальных системах каждый цикл протекает в новых конкретно-исторических условиях. Поэтому циклический процесс в социальных системах как движение от одного качественного состояния к другому не является детерминированным и не может представлять собой абсолютный кругооборот. Процесс развития в социальных системах можно представить как некую совокупность взаимосвязанных циклов, непрерывное чередование волн. Продолжительность социальных циклов можно разделить на три уровня: макроуровень — столетия, тысячелетия; мезоуровень — годы, десятилетия; микроуровень — дни, недели, месяцы. Циклично-волновая динамика в социальных процессах складывается из совокупности последовательных дискретных положений (фаз, стадий, этапов, эпох).

Согласно синергетике (теории самоорганизации сложных систем различной природы, состоящих из большого числа взаимодействующих элементов и подсистем) культура предстает в виде неравновесной, открытой, нелинейной самоорганизующейся системы. Очевидно, что традиционный подход к управлению сложными системами, основанный на представлении: управляющее воздействие — желаемый результат, — оказывается неверным,

управляющее внешнее воздействие корректируется собственными тенденциями саморазвития сложноорганизованных систем. Проблема управления в свете синергетики сводится к необходимости понимания того, как способствовать собственным тенденциям развития, как выводить системы на эти пути. Несмотря на множественность путей эволюции (целей развития), в точках бифуркации проявляется некая предопределенность разворачивания процессов. Синергетика открывает новые принципы управления сложными системами, где главным оказывается не сила, а малые, но правильно организованные воздействия. Бальная культура, как и культура в целом, не наследуется генетически. Она осваивается индивидами в процессе социализации, воспроизводится каждым новым поколением, благодаря определенным социальным механизмам, обеспечивающим трансляцию культурного опыта. На протяжении тысячелетий передача культурного опыта, знания, верований, необходимых навыков осуществлялась посредством традиции. В традиции, как и во всех прочих явлениях социальной жизни, имеет место историческая связь между новым и старым, идет непрерывный процесс преемственности. Понятие традиции оказывается на пересечении с целым рядом общенаучных дефиниций и сама собой встает проблема демаркации смежных понятий преемственности, наследия, социальной памяти и собственно традиции. Преемственность есть имманентное объективное и закономерное свойство социокультурных процессов, выражающее внутреннюю диалектику развития. Реализуется преемственность именно в традициях, характеризует тенденции становления культурного наследия. Преемственность — свойство социокультурного развития, традиция — основной механизм реализации преемственности в социокультурном развитии, а культурное наследие — основная форма выражения как традиции, так и преемственности в процессе социокультурного развития. Иными словами преемственность — это философская категория, традиция — социальный механизм, культурное наследие — это социальный институт. Если преемственность имеет своим предметом

только системы и механизмы передачи историко-культурного опыта безотносительно к его содержанию, то предметом традиции становится более конкретное содержание социокультурных процессов, и в этом плане традиция — более широкое понятие. Культура бала аккумулирует в себе ценностно-значимый опыт прошлых поколений, выступающий необходимой предпосылкой формирования целевой программы духовного творчества людей, т. е. бал по существу является формой и способом преемственности традиций. Культура бала способна формировать целостную личность, воздействовать на чувства, разум, волевые установки. То есть через рациональное и эмоциональное постижение объективной реальности в культуре бала формируется определенное мироотношение, позиция. Тем самым, рассматривая ценностные ориентации бала как сложное образование, можно выделить в них когнитивный (знания), эмотивный (эмоционально-чувственное отношение, вытекающее из оценки) и поведенческий (реализация ценностных ориентаций в поведении личности) компоненты. Таким образом, культура бала опредмечивает духовное богатство человека, его способности, знания, умения и привычки, которые в процессе творчества воплощаются в ценности культуры. Но само творчество возможно лишь тогда, когда личность осваивает уже существующие ценности бальной культуры. И тем самым — творит, меняет и обогащает себя. Творчество личности разворачивается не только вовне, оно есть и самоизменение, развитие личности.

Традиции являются предметом множества научных дискуссий и исследований. Сарсенбаев Н. С. определяет традиции как исторически сложившиеся, устойчивые и наиболее обобщенные нормы и принципы общественных отношений людей, передаваемые из поколения в поколение и охраняемые силой общественного мнения¹.

Савин М. В. рассматривает феномен традиции как громадный комплекс неформализуемых, подчас не поддающихся рациональ-

¹ Цит. по: Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с пол., общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. — М. : Прогресс, 1990. — С. 320–321.

ной дешифровке, внерационально постигаемых общественных установлений, норм, предписаний, обычаев, обрядов, ценностей и идей. Однако иррациональность восприятия традиционности в обществе не означает ее примитивность или ущербность, она есть необходимое качество ее существования, означающее богатое внутреннее содержание¹.

Традиции присутствуют во всех социальных и культурных системах и являются необходимым условием их существования. В традиции находит выражение богатство, дифференцированность и одновременно с этим системность и целостность общественной жизни, что обуславливает то обстоятельство, что традиция как особая сфера и форма деятельности, воздействующая на остальные сферы человеческого бытия, имеет свое конкретно-историческое содержание и социально детерминированную структуру. Духовная составляющая традиции является многослойным образованием, вбирающим в себя всю множественность элементов познавательной, нравственной, художественной, правовой, педагогической, религиозной и других сфер культуры. Основными выделяемыми компонентами в этой структуре являются артефакты, обычаи, вкусы, догмы, заклинания, законы, знаки, знания, идеология, идеи, информация, культ, культурные универсалии, манеры, менталитет, мифология, нормы, мораль, нравственность, нравы, образцы поведения, обряды, отношения, правила, религия, ритуалы, символы, смыслы, стереотипы, суеверия, фольклор, ценности, церемониал, церемонии, этикет, язык.

Традиции — социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. В то же время культурное наследие можно представить как результат материального и духовного производства предшествующего исторического развития общества. В этом плане понятие культурного наследия намного шире, чем понятие традиции. Кроме того,

¹ Савин М. В. Сущностное значение преемственности, традиции и социальной памяти как феноменов культуры // *Личность. Культура. Общество.* — 2003. — Т. V, вып. 1–2 (19–20). — С. 524.

если представить наследие как результат социокультурного развития, то традиция, в отличие от наследия, — это реально действующий процесс развития и освоения культурного наследия. Таким образом, традиции включают в себя: объекты социокультурного наследия (материальные и духовные ценности); процессы социокультурного наследия; способы этого наследования.

Традиции образуют «коллективную память» общества и социальных групп, обеспечивая идентичность и преемственность в их развитии. Понятие социальной памяти включает в себя совокупность духовных ценностей, установок, социальных норм, передаваемых из поколения в поколение, т. е. социальная память — это содержание культуры, в том числе содержание традиции. При этом понятие социальной памяти не охватывает традицию как явление культуры целиком, так как не включает в себя механизмы воспроизведения, а выдвигает на первый план только сохранение и удержание.

Традицию не следует понимать как механическое, бездумное воспроизводство сложившихся в прошлом образцов. Передача опыта происходит в непосредственном повседневном общении между людьми, при этом неизбежно происходит модификация передаваемого культурного содержания: что-то утрачивается, что-то, напротив, добавляется. Каждое поколение, получая в свое распоряжение определенную совокупность образцов, не просто воспринимает и усваивает их в готовом виде, но всегда осуществляет их собственную интерпретацию и выбор. В этом смысле каждое поколение выбирает не только свое будущее, но и прошлое. Традиция зачастую лишь кажется чем-то неизменным: на самом деле она изменчива и вариативна. Российский этнолог С. А. Арутюнов отмечал: «Любая традиция — это бывшая инновация, и любая инновация — в потенции будущая традиция»¹. Но при этом традиция мыслится, воспринимается ее носителями всегда как неизменная — это особенность так называемого «традиционного со-

¹ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М. : Наука, 1989. — С. 160.

знания». Традиция не только «наследуется» от предшествующих поколений. Она еще и конструируется теми поколениями, которые ее воспринимают. Происходит оценивание и отбор культурных содержаний, их переосмысление. Традиция, таким образом, это живая связь, постоянный, непрекращающийся диалог между прошлым и настоящим, влияющий на будущее. Таким образом, традиция в реализации разного уровня субъектности (общества, слоя личности) по отношению к культуре выступает одновременно в нескольких ипостасях:

— как *«продукт» культуры*, введенный в ее нормы и ценности, технологии деятельности и этику взаимодействия с другими людьми в процессе своей инкультурации и социализации, осуществляемой при воспитании в детстве, при получении общего и специального образования, в ходе контактов со своим социальным окружением, получая информацию обыденного и специализированного характера, осмысливая художественные образы и нравственные коллизии в произведениях литературы и искусства и т. п., что прямо или опосредованно работает на формирование личности, социально и культурно адекватной обществу и постоянную корректировку параметров этой адекватности на протяжении всей жизни человека;

— как *«потребитель» культуры*, использующий нормы и правила усвоенной им культуры в своей социальной практике и особенно во взаимодействии с другими людьми, пользующийся языками и символами коммуникаций, знаниями, оценочными стандартами, типовыми этическими формами и прочими, как данными ему уже в готовом виде инструментами и способами личностной самоидентификации и социальной самореализации в данном обществе;

— как *«производитель» культуры*, творчески порождающий новые формы культуры, либо интерпретативно воспроизводящий или оценивающий в суждениях имеющиеся формы, что уже по самому факту индивидуального интерпретирования (собственной оценки) может быть квалифицировано как акт творчества;

— как «*транслятор*» культуры, ибо, воспроизводя какие-либо образцы культуры в практических действиях и суждениях, человек тем самым передает информацию о них другим людям.

Природа традиции как социально-философского, социально-исторического феномена неразрывно связана с морально-нравственной нормативностью. Она задает социально-исторический образец нормы поведения и тем самым является регулятором общественной и личной деятельности. Система ценностей традиционной нравственной культуры складывалась тысячелетиями под воздействием осознаваемой людьми потребности в сохранении социума как главного условия сохранения жизни каждого человека. Под влиянием традиции социальный процесс разворачивается как движение, в котором устойчивость и сохранение его постоянных моментов обеспечивается их трансформацией, модернизацией и переходом друг в друга. Социальный процесс в контексте бальной традиции — это не сумма актов человеческой деятельности, а процесс взаимообогащения старого новым, процесс синтеза старого и нового, посредством которого решается вопрос о поиске социального консенсуса и социальной гармонии. Традиция как механизм трансляции культуры общества через преемственность, как субкультура определенного слоя является способом сохранения нации, так как опыт поколений реализуется в организации жизнедеятельности народности, нации и воплощается в различных формах культурных практик. Соответственно культура бала предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие традиций и новаторства, преемственности и изменений.

Механизм изменений состояния культуры, актуальности тех или иных элементов отражает концепция «ядра и периферии» Ю. М. Лотмана. Суть данной концепции заключается в том, что культура как система рассматривается как двойственное в структурном плане образование, состоящее из двух основных сфер: хорошо структурированного ядра и относительно слабоструктурированной периферии (оболочки), за пределами которой находится внешняя (неструктурированная в ключе данной системы) среда.

В формировании и развитии системного ядра выражается тенденция самосохранения системы через ее усложнение. Периферийную сферу образуют те элементы системы, которые испытывают на себе лишь частичное (временное, фрагментарное) организующее и упорядочивающее воздействие со стороны системного ядра. По сравнению с ядерной структурой периферия характеризуется относительным хаосом, но по сравнению с внешней по отношению к системе средой ей свойственна относительная упорядоченность. Функции системного ядра предполагают сочетание таких свойств, как устойчивость, с одной стороны, и гибкость, способность «подстраиваться» под среду — с другой, что приводит к постепенному разрушению сначала элементов, а затем самого ядра. Всякая культура — сложная и целостная система, которая переходит от состояния гармонии к состоянию хаоса, поэтому кризис — это объективное и закономерное состояние в каждой культуре.

Социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе, неразрывно связаны с переоценкой традиций, идей и взглядов. В настоящее время в каждой стране идет поиск новых смысловых ориентиров, способных придать ее обществу устойчивость и стабильность. Постоянно происходящий круговорот слоев культуры, их переход из одного состояния в другое, из активного в пассивный и наоборот, наряду с созданием новых культурных ценностей, представляет «живую» ткань культуры, которая наполняет среду обитания человека.

Культура любого — даже минимально дифференцированного и структурированного — общества наряду с общезначимыми нормами и ценностями содержит и множество специфицирующих. Любая культура предстает как система различных субкультур. Идентично и положение с актуальной культурой: «единой актуальной культуры в обществе не было и нет. В каждой из систем культуры общества есть своя актуальная культура»¹.

¹ Коган Л. Н. Социология культуры: учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — С. 64.

Сегодня процессы *дифференциации* преобладают не только в реальной жизни, но и в подходах к различным социокультурным явлениям. Так, в современной российской культуре исследователи выделяют *субкультурные подсистемы* по различным основаниям. Одно из них — *ценностное, ментальное*¹:

— высокая интеллигентская субкультура, развивающая традиции элитарной культуры:

— «советская культура», основанная на привычке людей старшего поколения к патернализму и уравниловке;

— субкультура либеральных ценностей, охватывающая часть молодежи, предпринимателей, интеллигенции;

— комплекс маргинальных субкультур низов, их объединяет преимущественно тоталитарный подход к личности и «окопная» психология.

В результате девальвации системы советских культурных ценностей образуется социокультурная ниша, за заполнение которой идет борьба между «западной» и «маргинальной» субкультурами. Представляется, что такой подход продуктивен и реалистичен. Он позволяет более четко *соотнести субкультуру и актуальную культуру*. На наш взгляд, различие между ними не столько предметное, сколько функциональное. Субкультура (в частности, молодежные субкультуры) выражает специфические особенности культурного бытия данной группы, имеет идентифицирующий, специфицирующий характер. Актуальная культура (в том числе и молодежная) отражает всю полноту репрезентативных, наличных норм и ценностей, не только специфических, но в первую очередь — принимаемых группой. Поэтому она более сложна и многогранна, чем субкультура. Так, конкретное поколение молодежи выбирает систему своих ценностей из актуальной культуры общества, а не создает каждый раз какие-то специфически молодежные, особые. В этом смысле анализ актуальной культуры молодежи — это не поиск особых молодежных культурных яв-

¹ Флиер А. Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 20—21.

лений и ценностей, сколько попытка выяснить и понять, какие культурные ценности принимает молодежь (учитывая и ее социальную неоднородность).

Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, как ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие *традиций и новаторства, преемственности и изменений*. Происходит постепенное обновление культуры. В то же время что-то в ней устаревает, отходит в прошлое, представляя музейную ценность. Для обозначения тех ценностей культуры, которые реально функционируют в данном обществе и в данную конкретную эпоху, используется понятие «*актуальная культура*». Оно позволяет отделить «живую», находящуюся в реальном обращении, культуру от культуры «не востребовавшей» в данный период. Специфическая особенность актуальной культуры — в ней выражено деятельностное, функционирующее начало культуры. Она — «*наличная культура*», выражающая в масштабе общества массовое, типичное, господствующее.

В этом смысле представляют интерес размышления К. Мангейма о взаимоотношении господствующей культуры и субкультур: «Субкультуры, хотя и возобновляются постоянно в истории, все же выражают процесс приспособления к господствующей культуре... Следовательно, субкультуры интересны только тем, что выражают некое преходящее отклонение от магистрального пути»¹.

Такой подход к выделению актуальной культуры соотносим с выводом Ф. Тенбрука: «Культура является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они

¹ Цит. по: Гуревич П. С. Культура и контркультура // Свободная мысль. — 1994. — № 11. — С. 86.

активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием»¹.

Для понимания актуальной культуры значимо и проводимое в литературе разграничение «культуры» и «культурного наследия»: «Культурное наследие ... есть не что иное, как опредмеченная, овеществленная культура. Оно не участвует непосредственно в воспроизводстве общественной жизни, хотя при определенных условиях может быть распределено и вплетено в живую ткань человеческих отношений. Сказать заранее, какие именно элементы культурного наследия обретут в тот или иной момент новую жизнь и обретут ли они ее вообще, невозможно»².

Но актуальная культура не может быть ограничена лишь культурными ценностями, которые имеют современное происхождение. Напротив, именно ценности культуры, способные преодолеть испытание временем, несут на себе печать вечного, непреходящего. И потому они способны оказать воздействие, вызвать живой отклик у людей во все времена, в том числе и в настоящем времени, составляя *ядро актуальной культуры*. Как это не покажется парадоксальным, ценности культуры прошлого, созвучные настоящему, с большим правом могут быть отнесены к актуальной культуре, чем многие явления культуры, имеющие современное происхождение. Глубокий смысл приобретает вывод Ю. М. Лотмана: «актуальность в развитии экономики, техники и актуальность развития искусства имеют, видимо, совсем разные значения, поскольку речь идет об ориентации на разную временную дистанцию... В культуре особенно заметно, если мы ради представляющихся нам злободневными задач разрушаем или наносим ущерб далеко идущим культурным целям и нашим культурным богатствам. А что станет необходимым для наших внуков и правнуков? Угадать сложно. Отсюда главный вывод: необходи-

¹ Цит. по: Ионин Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие. — М. : Логос, 1996. — С. 49.

² Баталов Э. Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 39.

мы бережное отношение к историческому наследию и постоянная мысль — не все, что сейчас мы понимаем, есть конечная истина, и что всякое классическое наследие еще будет раскрываться»¹.

Теория актуальной культуры, разработанная основателями уральской научной школы социологии культуры, является методологией анализа социокультурной реальности. Степень репрезентативности слоев актуальной культуры формирует определенную социокультурную реальность, создавая объективные условия для социализации молодого поколения, формирования его мировоззрения, ценностных ориентаций, определенных поведенческих практик. Коган Л. Н., Шапко В. Т. выделили 5 слоев актуальной культуры:

— общечеловеческие, непреходящие ценности. Этот слой сравнительно невелик по объему, имеет интернациональный характер;

— национальная классика. В других странах она менее известна широким массам, являясь достоянием преимущественно специалистов;

— произведения культуры прошлого и современности, поддерживаемые одними культурами (направлениями, школами), но отвергаемые другими;

— «культурный поток» — самый широкий, непрерывно меняющийся слой. В нем могут оказаться и замечательные произведения, которые со временем могут стать классикой, но основная масса его произведений обречена на забвение, причем часто довольно быстро;

— ранее «не востребовавшие» ценности, которые обогнали свое время и лишь сейчас получают аудиторию.

Границы между этими слоями условны и подвижны. В своем единстве они и составляют актуальную культуру. Представляется, что этот плодотворный подход к структурированию актуальной культуры может быть дополнен и развит, прежде всего за счет выделения двух взаимодополняющих оснований структурирования.

¹ Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее // Воспитание души. — СПб. : Искусство-СПБ, 2005. — С. 241.

Одно из них — по масштабу культурных ценностей и норм: общечеловеческие; общецивилизационные; общенациональные; субкультурные.

Другое основание — по способу существования явлений культуры в качестве актуальных, по способу их вписывания в настоящее время, эпоху: вечные, непреходящие ценности культуры, классика; архетипы национальной культуры («способы ориентации в основных, наиболее важных проблемах бытия»¹); «культурный поток».

Структурирование актуальной культуры не является линейно-прогрессивным. К ней не относится то, что лишь вызревает в настоящем. Оно уже есть в действительности, но еще не укоренилось и как феномен культуры носит потенциальный характер. И напротив, явления актуальной культуры могут «забываться», уходить из нее и снова возвращаться — отвергаемое одним поколением может быть воспринято в изменившихся условиях другим; опередившее свое время — по-новому, заслуженно оценено в дальнейшем. Нередко предлагается выделять явления актуальной культуры (и, соответственно, описывать ее границы) по критерию соответствия их тем или иным социальным потребностям. Культурные потребности, в конечном счете, зависят от степени развития производства культурных благ, товаров и услуг. Поэтому главной задачей практиков культурного процесса является регулирование этого процесса с учетом общей закономерности развития культуры и общества. Стихийное и дискретное возрождение бальных традиций можно рассматривать как проявление объективных закономерностей развития общества, циклической концепции его развития. Культура, как и другие сферы общественной жизни, функционирует в прямом и опосредованном виде во всех срезях социальных отношений. Ее собственные сущностные характеристики существуют и проявляются через способ мышления и способ действия. Способ мышления означает специфику отра-

¹ Седов Л. А. Место русской культуры среди мировых культур // Полис. Политические исследования. — 1994. — № 4. — С. 98.

жения, диапазон познания, способ действия — выбор вариантов практического исполнения, обоснованный мотивами, стимулами, системой ценностей. Искусство, литература, наука, будучи видами духовного производства и особым классом явлений, специфически отражают мир, мыслят его существование в своих категориях и преобразуют его, создавая образы, «идеальные типы», обнаруживая новые законы и закономерности. Она, так же как и другие сферы деятельности, располагает собственными институтами и организациями, которые создают формы обучения людей и являются возможностями и условиями для самореализации личности или групповых интересов.

При всей вариантности независимых от стран объективных условий своеобразным стержнем (инвариантом) собственного (ускоренного или замедленного) развития является некая мера самостоятельности, определяемая через независимость, саморегулирование и самовоспроизводство общества. Культура имеет к этому прямое отношение: чем активнее рефлексивируется и перестраивается внешняя политика и внутренняя жизнь страны, тем более активно развивается то или иное общество.

В каждую эпоху у каждой социальной группы существует определенная форма самоидентификации: с одной стороны, отражающая самосознание, ценности данной группы, с другой стороны — формирующая и закрепляющая эти ценности и смыслы. Специфический стиль жизни и поведения, свойственный данной социальной группе, нормы, мировосприятие, наличие генерирующей идеи можно отнести к характеристикам субкультуры, которые обособляют данную социальную группу. Степень репрезентативности слоев актуальной культуры формирует определенную социальную реальность, создавая объективные условия социализации личности, формирование его мировоззрения, ценностных ориентаций, различных поведенческих практик, в частности, культуры досуга. Досуг является маркером субкультуры, с другой стороны, досуговая деятельность не только способствует восстановлению сил, но и совершенствованию и развитию личности.

Субкультура характеризует те занятия, которым отдает предпочтение в свободное время. Культура проведения свободного времени является результатом стараний самой личности, её желания превратить досуг не только в средство приобретения новых впечатлений, но и знаний, умений, способностей. С данной точки зрения, бал в наши дни является на социальном уровне формой общественного сознания, позволяющей хранить историческую память, передавать конструктивный социальный опыт от поколения к поколению, методом формирования определенной субкультуры, досуговых практик; балльная культура — форма возрождения традиций воспитания интеллектуального слоя России.

Бал в системе корпоративной культуры университета

Балы — новая социокультурная реальность в образовательном пространстве России. Логичным следствием этого стало внимание к проведению в Уральском федеральном университете преподавательских и студенческих балов. Возникший в 2010 году на факультете гуманитарного образования в рамках внеучебной деятельности проект «Университетский бал» был направлен на создание социокультурной реальности на основе традиционных классических ценностей национальной и мировой культуры. Основной задачей идеологи-организаторы полагали необходимость формирования субкультурной идентичности университета. Бал как элемент корпоративной культуры способствует формированию имиджа, позиции вуза в социокультурном пространстве города. Воздействие бальной программы происходит одновременно на самых разных уровнях (абстрактно-логическом, художественно-событийном и т.д.), уникальность воздействия проявляется в многоаспектном влиянии. Однако, роль, функции, положение, специфические черты общностей студентов и преподавателей конкретизируют цель при проведении балов. Специфика студенческих балов заключается в превалировании интеллектуальной составляющей в процессе подготовки. Основное внимание уделялось не только и не столько освоению классических бальных танцев, сколько пробуждению интереса к культуре и истории России. С этой целью были организованы дискуссионные встречи, мастер-классы, студентам предлагалось ознакомиться с рядом теоретических работ ведущих представите-

лей научных школ. Задачами студенческих балов являются формирование мировоззренческой культуры современного студента, формирование интереса студентов к культуре своего народа и культурным традициям других народов, стремление сохранять и преумножать культурное наследие своей страны, содействие развитию творческого потенциала, развитие организаторского и управленческого мышления, самореализации студенческой молодежи УрФУ; обеспечение условий свободного выбора самим студентом стиля своего саморазвития и удовлетворения индивидуальных культурных потребностей через программу праздника как уникальную форму досуга, сочетающую в себе отдых, развлечение, самообразование, творчество. Образовательно-воспитательный потенциал проекта заключается в передаче традиционной культуры от поколения к поколению. Значение бала выразил в интервью один из участников балов УрФУ, выпускник УГТУ-УПИ 1976 года Олег Николаевич Попов: «Я танцевал здесь 40 лет назад, как сейчас помню! В 1971-м году я был на первом курсе, мы приехали после колхоза, на этом же паркете устроили вечер первокурсника. Правда, в наше время такие танцы не танцевали: у нас же стройотряды, парни под гитару пели.., а танцевали мы танго. Сейчас же я просто в восторге! У меня жена преподаватель, пригласила сюда, тоже решили участвовать. Я так рад видеть, что ребята с таким желанием танцуют! Видимо, молодежь настолько устала от этой разнузданности, что не хватает им высоких ощущений. А здесь все корректно, выдержанно, строго. В этих танцах человек чувствует себя личностью!». Уникальность проекта заключается в синтезе исторического и настоящего, в реализации традиций в современном обществе с учетом его норм и правил типа современной культуры.

Первоначально балы УрФУ проводились только среди студентов, но с ноября 2011 года (осенний бал) к участию в этом событии подключилась группа преподавателей. «Профессорский вальс» преподавателей открыл осенний бал. Осенний (университетский) бал (3 ноября 2011 года) проходил под знаком 300-летия М. В. Ло-

монослова, получил название «Университетский» и был посвящен идентичности университетской субкультуры.

Могучие волны вздымает веками
Науки безбрежное море.
Глубины его увлекают нас с вами
Таинственной силой теорий.
Концепции, мнения, школы, труды
Нередко спасали от страшной беды,
Которую мы с древнейших времен
Невежеством с Вами зовем.
Особой породы здесь братство сложилось:
В основе добро и участие.
Здесь властвует разум,
Чья мудрая сила
Пределы Вселенной пронзила.
Кто разум и сердце науке принес,
Любовью к людям проникнут насквозь,
Тот, право сказать, обрел наяву:
«Я мыслю и чувствую — значит, живу!»¹
(*Е. Н. Нархова, доцент УрФУ*) октябрь 2011 г.

Основной спецификой Осеннего бала следует признать совместное участие студентов и преподавателей. Авторитет преподавателей значительно возрастает в такой ситуации, и они становятся референтными личностями, что является основой трансляции норм и ценностей данной общности. Участие в подготовке и проведении бала объединяет преподавателей и студентов вокруг общих целей. Перед ними не просто более компетентные, чем они сами, в какой-то области специалисты, а представители университетского уровня культуры. Процесс формирования норм и ценностей субкультуры всегда более эффективен, когда он базируется на основе конкретного примера и образца поведения, конгруэнтного им способа мышления. Бал

¹ Нархова Е. Н. Коммуникативные технологии в молодежной политике // Центр новых образовательных технологий УрФУ. — URL: bit.ly/2ro5gkR (дата обращения: 20.05.2018).

явился формой реализации корпоративной культуры, ориентированной на формирование таких ценностей, как сотрудничество, взаимопомощь, гордость за свою организацию, и тот уровень, которого она достигла в своем развитии. Помимо танцевальной программы участники бала готовились к викторине, посвященной университетам Европы XVIII–XIX вв. и истории создания Московского государственного университета. Роль образования в жизни любого общества была отражена в диалоге императрицы Елизаветы и основателя МГУ М. В. Ломоносова.

Осенний бал пробудил интерес не только к истории возникновения и специфике университетов разных стран, но и спровоцировал размышления о тактической роли образования в обществе и стратегических последствиях в геополитике. Образование — один из древнейших социальных институтов, основной целью которого является профессиональная подготовка членов общества. В разные эпохи образование имеет специфику, обусловленную типом философствования, совокупностью общепринятых ценностей, местом и степенью развития фундаментальной и прикладной науки, особенностями государственной и общественной организации, ресурсной обеспеченностью общества. В современном информационном обществе образование становится основным институтом культуры, от идеологии которого зависит направление развития всего общества в целом и формирование определенного типа личности. Образование как система имеет статус базового социального института, с собственными закономерностями, отражающими наиболее устойчивые связи, и обладает достаточно устойчивой многоуровневой структурой¹. При этом ступень высшего образования в большей мере определяет облик того общества, в среде которого оно функционирует. Как раз высшее образование готовит в массовых количествах тех специалистов для всех сфер и отраслей, которые в свою очередь определяют социокультурные характеристики данного общества.

¹ Социология : учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. Л. Я. Рубиной. — 3-е изд., доп. и перераб. — Екатеринбург : УГПУ, 2004. — С. 182.

Само слово «университет» в высшем образовании является системообразующим для самых разных культурных систем. Феномен университета как самоорганизующегося, свободного, определяющего идеологию общества и стратегию его развития — детище европейского средневековья. «Что означает университет для европейской культуры? Если согласиться с тем, что:

— университет — это символ науки и культуры, где главная ценность — человеческая личность, а цель — свободное и многогранное развитие человека, ибо того требует растущая взаимозависимость в науке и в мире целом;

— университет — не конвейер для «подготовки специалистов», а поприще для развития интеллектуальных способностей каждого;

— университет — это храм, где каждый дышит воздухом свободы и прогресса...», то университеты, основой которых является трансляция универсальных, глубоких системных познаний и формирование гуманистического мировоззрения, воспитывают интеллектуальную элиту страны»¹.

Ректор Московского государственного университета в монографии, посвященной 300-летию М. В. Ломоносова, отмечает: «Локомотивом российской образовательной системы с XVIII века стала высшая школа, которая вместе с другими учебными заведениями постепенно вывела страну на путь социального прогресса. В огромной по территории, но малонаселенной Российской империи первые академии, университеты, кадетские корпуса и училища являлись центрами высшего образования, передовой науки и многонациональной культуры»².

Роль и значение высшего образования, отмеченные В. А. Садовничим, дополняет профессор И. Е. Видт «Анализ культуры как системы и образования как ее феномена, как подсистемы,

¹ Культурология : учеб. для студентов техн. вузов / Н. Г. Багдасарьян, А. В. Литвинцева, И. Е. Чучайкина [и др.] ; под ред. Н. Г. Багдасарьян. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 2004. — С. 10.

² Андреев А. И., Змеев В. А., Ильин И. В. Студенческая жизнь Императорского Московского университета (1755–1917). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. — С. 29.

в рамках которой идет процесс социального воспроизводства посредством «распредмечивания» смысла социокода, позволил зафиксировать изоморфность этих явлений. Она выражается в том, что образование репрезентует в себе признаки культуры, в рамках которой оно функционирует и в норме являет слепок породившей его культуры. Поэтому образование... — проекция, содержащая в себе все признаки культуры как системы»¹.

В настоящее время в России менее половины всех вузов (450) имеют в своем названии термин «университет». В их число входят как государственные, так и частные вузы. Важно заметить, что многие из университетов этот статус получили в ходе социального феномена «университетизации всей страны» 1990-х начала 2000 годов. С одной стороны, сам факт возникновения этого феномена признает лидерство университета в системе образования, его роль и значение в системе образования. С другой стороны, ставит на повестку дня вопрос о качественных характеристиках университетской культуры в динамике плюралистического социокультурного пространства, возможности реализовывать функции культурного лидера, возлагаемые на него обществом и государством (в этой связи достаточно указать на такой механизм реализации государственной политики, как «Перечень ведущих университетов России» — объединение национальных, федеральных и национально-исследовательских университетов России. Университетская культура как особый комплекс корпоративной культуры, основанный на производстве и передаче наиболее значимых для общества знаний и фундаментальных основаниях национальной культуры, оказывает значительное влияние на культуру общества, обеспечивая устойчивость и независимость в динамике глобализационных изменений.

В настоящее время вопрос сохранения и укрепления культурных ценностей молодого поколения является как никогда актуальным. Молодой человек в современном динамичном обществе,

¹ Видт И. Е. Образование как феномен культуры: моногр. / Тюм. гос. ун-т. — Тюмень : Печатник, 2006. — С. 105.

благодаря своей мобильности, информационной свободе, гибкости сознания, становится главным критиком, создателем, носителем и потребителем культуры. Вопросы культурного самоопределения, соотношения глобального и национального становятся не просто актуальными, а судьбоносными для всего общества.

В условиях ценностного полистилизма студенчество представляется неоднородной группой. «Студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на интеллектуалов и интеллигентов. И те, и другие обладают образованностью и креативностью, что объединяет их в интеллектуальном слое. Различаются же они этическим самоопределением: интеллигентность понимается ныне как человечность в эпоху капитала и компьютера. Интеллектуал руководствуется следующими нормами: а) эгоистическая направленность; б) допустимость насильственных действий по принципу «цель оправдывает средства»; в) утилитарное потребление культуры». Мировоззрение интеллигента базируется на альтруистической направленности, отказе от насилия, признании гуманизма в качестве магистрального пути развития человечества, приобщения к аккумулированному опыту человечества (культуре) как основе и источнику развития¹.

В фундаментальном исследовании петербургского профессора А. В. Соколова выделяется 12 поколений интеллигенции на основе сопоставления различных поколений, от древнерусского до постсоветского поколения XXI века. Автор отмечает, что «цельный образ интеллигенции раздвоился на «подлинного» интеллигента и предприимчивого специалиста-интеллектуала: «подлинный» интеллигент — образованный человек с обостренной совестью, а интеллектуал — также образованный «отличный мастер своего дела», но замкнутый в узком кругу мещанских интересов и равнодушный к судьбам отечества и человечества»².

¹ См.: Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2007. — С. —41–59. (Серия «Новое в гуманитарных науках»).

² Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009. — С. 13. — (Серия «Новое в гуманитарных науках»).

Афоризм профессора М. С. Кагана «образованного человека с больной совестью» конкретизируется на личностном уровне в мировоззренческой позиции интеллигента «Важно помнить о том, что цели не оправдывают средства и достигать их нужно, не роняя достоинства, так, чтобы не испытывать впоследствии неловкости за себя или угрызений совести»¹.

Мнение ректора университета А. С. Запесоцкого «Главная задача университета — формирование интеллигента» дополняет академик Д. С. Лихачев, акцентирует внимание «в модели идеального русского интеллигента» на «интеллектуальной независимости» и «этическом самоопределении: совестливости, честности, правдивости»².

По мнению профессора К. М. Ольховикова, «... глобализация не решает проблем мобилизации общественных нравов помимо ресурсов, выработанных национальными религиозными традициями, а также помимо их постоянных творческих переосмыслений... Нужны новые прочтения, обращающие исходную основу российской национальной идеи в перспективу. Мифотворчество, гармонизирующее личность и общество в современной России, — насущная альтернатива технологиям глобализма»³.

Культурное самоопределение говорит о культурной идентичности, т. е. принадлежности к тем или иным социальным общностям, ориентации на определенные формы поведения, выполнения определенных социальных ролей. О культурной идентичности можно говорить как о вопросе общегосударственного характера, т. к. от выбора студенческой молодежи зависит дальнейший курс развития общества, сохранение целостности государства и место России в мировом сообществе. Идентификация студенческой молодежи с определенной группой, слоем, общностью, субкультурой, национальной культурой позволит сохранить существующие

¹ Цит. по: Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. — С. 647.

² Цит. по: Там же. — С. 656.

³ Ольховиков К. М., Ольховикова С. В. Социология духовной жизни. — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2007. — С. 94.

нормы и усвоить базовые для данного типа общества культурные ценности. Молодость — это не только время поиска, но и самоидентификации, самоутверждения. Молодежная субкультура динамична, хаотична, плюралистична. В молодежной среде вырабатываются нормы и ценности, которые через определенный исторический промежуток времени станут нормами и ценностями всего общества. Выбор, осуществляемый человеком в молодости, чаще всего предопределяет его жизнь, так как это выбор ценностей, которые имеют смысложизненную ориентацию, поэтому так актуален вопрос о необходимости сохранения традиций национальной культуры в глобальном пространстве динамично изменяющегося мира.

Университет как и в целом высшее образование России на современном этапе включен в общий социальный процесс трансформационных изменений общества через модернизацию образования, которая имеет достаточно четко сформулированные цели (создание механизма устойчивого развития системы образования, переход к инновационному образованию — «обучение в процессе создания новых знаний — за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства»¹ и повышение качества образования) и задачи. Это обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования; достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования; формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов; повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки; развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников

¹ Виситова Л. С. Инновационные методы преподавания в начальной школе // Образование и воспитание. — 2016. — № 1 (6). — С. 16.

образовательного процесса обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения¹.

Процессы социального изменения, в ходе которых возникают противоречия между различными социальными институтами, являются сложными, многоуровневыми и разнообразными. Возникновение теорий модернизации связано с попытками объяснить механизмы смены старых общественных структур и зарождения новых, осмысления значимости традиционализма и новаторства, выявления последовательных стадий социокультурного развития, изучение специфики и многообразия факторов, характеризующих различия между странами и народами, эпохами и культурами.

Государство рассматривает образование как «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)»². Новый Федеральный закон существенно расширяет это определение, характеризуя образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»³.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1–2-р.) [Электронный ресурс]. URL: www.mon.gov.ru (дата обращения: 21.08.11).

² Об образовании. Федеральный конституционный Закон от 10 июля 1992 года № 3266–1 [Электронный ресурс]//Консультант+: информационно-правовой портал. — URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=121836> (дата обращения: 18.02.12).

³ Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30 декабря 2012 г.

Образование как социальный и научный феномен чрезвычайно многогранно. Неслучайно в современной социологии оно рассматривается и как система образовательных учреждений, форм их управления и осуществляемых в них педагогических процессов; и как процесс передачи ценностей, умений и знаний от одного человека, группы, сообщества — к другим и результат такой передачи; и как базовый социальный институт¹, выполняющий функции подготовки и включения индивида во все сферы жизнедеятельности общества, приобщающий его к культуре этого общества, транслирующий и развивающий культуру в целом; как сфера образовательных услуг; как вид деятельности по получению и передаче знаний, умений, и формированию личности.

Структура современного российского образования до последнего времени являлась общепризнанной и включала базовое и дополнительное образование². Высшее профессиональное образование представлялось частью базового образования как системы и самостоятельным социальным институтом. Именно высшее образование готовит тех специалистов для всех сфер и отраслей, которые в свою очередь определяют социокультурные характеристики данного общества — специалистов высшей квалификации. Одновременно на высшее образование ложится ответственность и за подготовку специалистов элитной квалификации (аспирантура, докторантура — это неперенные атрибуты системы высшего профессионального образования и Академий наук) — те кадры, которые будут определять облик общества на протяжении длительного времени.

¹ Приведем определение Г. Е. Зборовского, Е. А. Шуклиной: «образование — устойчивая форма организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающая в себя совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами (на основе действующих определенных норм и принципов) для реализации социальных функций и ролей, управления и социального контроля, в процессе которых осуществляется обучение, воспитание, развитие и социализация личности с последующим овладением ею профессией, специальностью, квалификацией». Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. — М.: Гардарики, 2005. — С. 127.

² Социология: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. Л. Я. Рубиной. — 3-е изд., доп. и перераб. — Екатеринбург : УГПУ, 2004. — С. 121–127.

Новый Федеральный закон определяет систему образования как совокупность пяти составляющих: 1) федеральных государственных и иных стандартов, требований, и образовательных программ; 2) организаций, осуществляющих образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и их родителей (законных представителей); 3) органов государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней, осуществляющих государственное управление в сфере образования, а также созданные ими консультативные, совещательные и иные органы; 4) организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования; 5) объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования¹.

Согласно этому документу профессиональное образование выступает одним из уровней системы образования, обеспечивающих «возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование)» и включает в себя 1) среднее профессиональное образование; 2) высшее образование — бакалавриат; 3) высшее образование — специалитет, магистратура; 4) высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации².

Таким образом, новый закон, фиксируя переход к новой образовательной парадигме «образования в течение всей жизни», существенно расширяет понятие образования, а за высшим образованием закрепляет три четверти социального пространства профессиональной подготовки.

Модернизации образования посвящено значительное количество публикаций последних лет. Прежде всего модернизация образования многими авторами связывается с модернизацией

¹ Российская Федерация. Законы. Об образовании: федер. закон: принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 г. — М. : Российская газета, 2012. — С. 36–37.

² Российская Федерация. Законы. Об образовании : федер. закон: принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 г. — С. 38.

экономики страны. В работах М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги она трактуется как *органическая часть модернизации экономики* России. Однако у модернизации образования есть и другие функции, выходящие за рамки экономики. Но эти же авторы обращают внимание на то, что в результате должны произойти положительные изменения в образовательной практике на институциональном уровне»¹.

Мы полагаем, что должны произойти качественные изменения не только в системе, но и в самом *институте образования*, в тех социальных общностях (студенты, родители, преподаватели), взаимодействие которых регулируется данным институтом. Не случайно Л. Я. Рубина рассматривает модернизацию образования как средство, *новую технологию образовательной деятельности*, а не самоцель и тем более не оптимальный достигнутый результат. Цикл исследований в области общего и высшего образования, проведенный под руководством этого автора в постперестроечный период и в настоящее время, позволил ей прийти к выводу, что одной из центральных проблем модернизации образовательной системы России является сохранение и оптимизация кадрового потенциала общей и высшей школы².

Модернизация образования в целом и профессионально-го в частности представляет собой не просто множественный, но и *непрерывный процесс*, что необходимо учитывать при оценке ее хода и результатов, на что обращает внимание Г. Ф. Шафранов—Куцев. Он пишет: «Ускорение темпов научно-технического и социально-экономического развития, постоянное обновление и усложнение технологий и форм производства и обслуживания приводит к тому, что завершение одной модернизации служит отправной точкой, началом следующей. Модернизация образова-

¹ Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. — М. : ЦСПиМ, 2010. — С. 58.

² Рубина Л. Я., Баразгова Е. С., Лихачева Л. С. Российское образование до и в период его модернизации // Социально-гуманитарные науки в модернизации образования / под ред. Л. Я. Рубиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. пед. ун-та, 2013. — С. 27–28.

ния, в особенности профессионального — это навсегда, как и постоянная модернизация общественного производства, социальной сферы»¹.

Таким образом, представления разных научных школ и специалистов о модернизации образования связываются с ее инновационностью, многонаправленностью, непрерывностью и противоречивым характером. Главное, на что обращают внимание большинство исследователей: в условиях «общества образования» сама модернизация образования должна быть «инструментом модернизации страны»².

К приведенным характеристикам модернизации необходимо добавить еще одно важное качество, основное целеполагание данного процесса, — направленность на развитие человеческого потенциала общества и его отдельных групп.

Поскольку само понятие модернизации тесно связано с анализом системных трансформационных изменений в российском обществе, то в данном случае крайне важно обратить внимание на предложенную в свое время Т. И. Заславской методологию исследования этих процессов, базирующуюся на взаимосвязанном анализе трех индикаторов — эффективности институциональных систем, качества социальных структур и уровня человеческого потенциала. При этом особое внимание необходимо обратить на то, что в основание ее «социетального треугольника», характеризующего посткоммунистическое социальное пространство, положен именно человеческий потенциал, понимаемый как «синтез населения и культуры», а «анализ сдвигов в человеческом потенциале... означает соотнесение итогов трансформационных процессов с общепринятыми критериями модернизации»³.

¹ Шафранов-Куцев Г. Ф. Модернизация российского профессионального образования : проблемы и перспективы: моногр. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. — С. 18–19.

² Андреев А. Л. О модернизации образования в России: Историко-социологический анализ // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 119.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М. : Дело, 2004. — С. 106, 109.

Категория «человеческий потенциал» в российской социологии появилась относительно недавно и находится в стадии теоретической разработки. Большинство авторов видят в ней качественную характеристику общества, оказывающую решающее влияние на жизнеспособность и динамику социальных изменений конкретного общества. «Человеческий капитал — совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть привлечены для решения определенных задач и достижения поставленных целей... Человеческий потенциал характеризует некоторое совокупное свойство людских ресурсов той или иной страны, зависящее от их количественных и качественных характеристик»¹.

Способность государства обеспечивать как сохранение, так и развитие человеческого потенциала граждан выступает как мера совершенствования конкретной общественной структуры, так и критерий для оценки политики государства в конкретной отрасли и в стране в целом. «Все то, что ведет к разрушению и деградации имеющегося в стране человеческого потенциала, несомненно, противоречит интересам не только самой личности, но и общества, и государства. И напротив, все то, что способствует его сохранению и развитию, ведет к укреплению и общества, и государства»².

Заславской Т. И. в качестве важнейших характеристик человеческого потенциала общества выделены как традиционно исследуемые формальные показатели — численность и социально-демографическая структура населения, так и показатели, отражающие качество жизни — состояние здоровья и долголетие граждан, но значимой для нас отличительной чертой ее методологии является выделение сущностных характеристик человеческого потенциала.

Данные характеристики позволяют акцентировать внимание на том, что субъектами человеческого потенциала выступает

¹ Гаврилюк В. В. Профессиональный потенциал преподавателей вузов // Актуальные проблемы социологии : сб. науч. статей. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. — С. 147–148.

² Человеческий потенциал как критический ресурс России / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Б. Г. Юдин. — М. : ИФРАН, 2007. — С. 9–10.

не просто общество в целом, но и его социальные общности, группы и индивиды, поскольку именно через их развитие повышается совокупный потенциал конкретного общества и национального государства. Отсюда можно констатировать, что главной целью и условием модернизации общества является не только совершенствование общественного устройства, но и «повышение человеческого потенциала или социально значимых качеств гражданина»¹.

Представляется, что позитивная динамика человеческого потенциала и факторов его развития в значительной степени определяется состоянием и результатами модернизации высшего образования.

Центральной проблемой и *основной целью модернизации образования* выступает проблема **обеспечения качества образования**, соответствующего запросам современного общества. Под качеством образования традиционно понимается совокупность свойств образования, обуславливающих его способность удовлетворять определённые потребности различных субъектов (гражданина, общества, государства) в соответствии с назначением этого образования². Такое понимание нашло отражение в новом Федеральном законе «Об образовании», где качество образования рассматривается как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»³.

¹ Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М. : Дело, 2004. — С. 101.

² Кац А. М. Качество образования: подлинный смысл и бессмысленные процедуры // Директор школы. — 2001. — № 3. — С. 101.

³ Российская Федерация. Законы. Об образовании: федер. закон : принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 г. — М. : Российская газета, 2012. — С. 9.

Обозначенная проблема и задачи по ее решению позволяют выделить три основных направления модернизации образования: структурное, институциональное и содержательное.

Структурная модернизация закрепляет распределение позиций вузов в научной и технологической сфере и создает новую основу для взаимодействия между реальным сектором экономики, академическими и вузовскими структурами. Она связана с процессом присвоения вузам статусов национальных, федеральных университетов и национальных исследовательских университетов, влекущим за собой значительные структурные перестройки внутри самих вузов, получивших такие статусы (реорганизация структуры вузов под их программы развития, переход на уровневую систему обучения, создание инновационных центров при вузах и т. д.).

Институциональная модернизация связана с обеспечением устойчивости общества в процессе модернизации системы образования, а также формированием механизмов стабильного развития самого образования. Это требует создания условий для реализации базовых институциональных функций. Осуществление экономических функций института образования важно направить на обеспечение необходимой экономике общества социально-профессиональной структуры через отбор и подготовку специалистов, обладающих нужными профессиональными качествами и уровнем социализации.

Необходимы соответствующие условия для реализации социальных функций, связанных с поддержанием стабильности в обществе в целом, регулированием его стратификационной структуры и социальной мобильности его членов, обеспечения связей с другими социальными институтами (наукой, семьей, политическими и общественными организациями, средствами массовой коммуникации и др.). Наконец, нуждаются в совершенствовании культурные функции — трансляция и развитие культуры самых различных социальных групп, в первую очередь, обучающейся молодежи. В значительной степени способствует реализации данных функций особый тип культуры — университетская культура.

Как ни парадоксально, но его однозначного и полного определения применительно к российской действительности XXI века, в отличие от корпоративной культуры (а под последней, как правило, понимают «комплекс разделяемых всеми членами организации ценностей, представлений, понятий и убеждений, а также поведенческих норм и артефактов, которые создает организация по мере преодоления препятствий внутреннего и внешнего характера на пути к успеху и процветанию»¹), нами не обнаружено. Изначально основанная на генерации и трансляции новых знаний она имеет «свою специфику и систему взаимодействий с другими видами культуры, в том числе с научной, экономической, политической, со сферой государства и права, с образовательной культурой, из которой она выделилась и с которой в будущем, возможно, соединится, если потребности общества приведут к возникновению всеобщего высшего образования»². И специфика эта заключается в реализации ее главных функций — создании научного знания, его интериоризации в систему высшего профессионального образования, поддержании последней в актуальном состоянии и далее — формировании национальной интеллектуальной элиты общества.

Для нас важно, что именно университетская культура сформировала современную терминологию высшего образования, которая фиксирует системообразующие характеристики университетской среды. Мы приведем лишь некоторые: *университет* (лат. universitas — совокупность, общность), *факультет* (лат. facultas — способность, возможность), *кафедра* (греч. kathedra — стул, скамья), *профессор* (лат. professor — наставник), *доцент* (лат. docens — обучающий), *аудитория* (лат. auditoria от auditor — слушатель), *студент* (лат. studens — усердно работающий, занимающийся), *бакалавр* (лат. baccalaureus от bacalia — плодоносный вид лавра), *магистр* (лат. magister — начальник, наставник, в средние века

¹ Цит. по: Сергеева, Т.Б., Горбатько, О.И. Особенности корпоративной культуры образовательного учреждения // Педагогика. — 2006. — № 10. — С. 15.

² Абрамов А. М. Забытый юбилей // Эксперт online. — URL: bit.ly/2w456o6 (дата обращения: 18.02.12).

преподаватель «семи свободных искусств»), *декан* (лат. *decanus* — десятник, в римской армии начальник десяти солдат), *ректор* (лат. *rector* — управитель) [*курсив наш — авт.*] Нужно заметить, что модернизации подвергаются не сами функции института образования, а способы их реализации в связи с изменениями, происходящими в модернизируемом обществе. Такие изменения затрагивают характер отношений между субъектами образовательной деятельности (студентами, преподавателями, администрацией и др.), способы передачи знаний, в первую очередь, в связи с развитием информационных технологий, инноваций во внеучебной деятельности образовательных учреждений и т. д. Они вытекают из смены глобальной образовательной парадигмы от «образования на всю жизнь» на «образование в течение всей жизни», из создания новых механизмов преодоления образовательного неравенства и построения «социальных лифтов», из конструирования новых способов удовлетворения запросов других социальных институтов (к примеру, систем гражданского воспитания, формированию здорового образа жизни и т. п.). Наконец, изменения происходят в отношении к образованию как ценности в связи с превращением знаний в доминирующий вид капитала.

Здесь нужно отметить, что из отношения к образованию как терминальной либо инструментальной ценности детерминируется характер мотивации к его получению и передаче: реальное или формально-фиктивное. В первом случае мы будем наблюдать совпадение интересов студента и преподавателя, связанных с получением и трансляцией реального образования (в виде комплекса знаний), а следовательно, повышение социального капитала вовлеченных в процесс общностей. Во втором случае создаются предпосылки для подмены знаний их оценкой-симулякрот (термин Ж. Бодрийяра), (изображением без оригинала, репрезентацией того, что на самом деле не существует), для исчезновения собственно образования.

Изменение функций института образования самым непосредственным образом связано с третьим направлением — содержатель-

ной модернизацией, которая направлена на изменения в самом процессе обучения и воспитания и включает комплекс проблем, связанных со сменой классической «гумбольдтовской» лекционно-семинарской модели образования на компетентностную, с соответствующими изменениями в образовательных стандартах, учебных планах, дисциплинах, способах организации занятий и т. д.

Поскольку модернизация образования является составной частью модернизации общества, то ее главной целью и основным индикатором успешности будет повышение человеческого потенциала включенных в образовательный процесс социальных групп и общностей¹.

Основанием для выделения таких общностей является род их деятельности в образовании — это непосредственно участвующие абитуриенты, студенты, преподаватели, администрация вуза, вспомогательный и обслуживающий персонал и другие, вовлекаемые в процесс образования опосредованно, — родители абитуриентов и студентов, работодатели, члены различных общественных, в том числе и неформальных организаций и т. д.

Профессорско-преподавательский корпус в этом отношении представляется наиболее стабильной группой, обладающей наибольшим временным ресурсом для освоения, развития и трансляции университетской культуры. Представляется важным, что это — профессиональная общность, из чего следует, что в основу университетской культуры положены ценности профессиональной культуры. В рамках уральской социологической школы методология исследования профессиональных общностей разрабатывалась профессорами Г. Е. Зборовским², Г. Б. Кораблевой³ и др.

¹ По мнению Г. Е. Зборовского, в образовательную деятельность так или иначе включено 2/3 населения страны — см.: Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: монография. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. С. 280.

² Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. — 304 с.

³ Кораблева Г. Б. Социология профессий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 176 с.

Для изучения реальных профессиональных общностей Г. Б. Кораблева выделяет восемь групп качественных характеристик¹. Общими для выделения профессиональных общностей являются: наличие единого содержания профессиональной деятельности; наличие общих представлений об условиях существования профессии, целях и средствах профессиональной деятельности; наличие специфических профессиональных интересов. Специфическими, раскрывающими различия между общностями, выступают: особенности профессиональных ресурсов, включенных в социальный потенциал общности; профессиональные ценности; нормы и стандарты профессионального поведения; профессиональная идентичность; профессиональная солидарность.

Если для студентов повышение их человеческого потенциала является очевидной целью в образовательном процессе, то остальные группы в той или иной степени выступают ресурсным источником и движущей силой достижения данной цели. Для успешности образовательного процесса важен не только имеющийся потенциал студента, на основании которого будет происходить его увеличение, но и совокупный человеческий потенциал воздействующих на него общностей и групп, в первую очередь, общности преподавателей — основного генератора и транслятора научных, образовательных и культурных знаний. Поэтому, на наш взгляд, исследуя процессы и результаты модернизации высшего образования в российской практике в русле социологического подхода, стоит сосредоточить внимание именно на особой роли этой профессорско-преподавательской общности в обеспечении единства структурного, институционального и содержательного элементов модернизации образования.

Так, успешность функционирования новой структуры высшего образования детерминирована инновационным и научным потенциалом профессорско-преподавательского состава вузов: именно на преподавателя возложена миссия генерации новых

¹ Кораблева Г. Б. Социология профессий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 109–120.

знаний. Его педагогический, методический потенциал обеспечивает содержательное направление: именно преподаватель способен создать и передать студенту новое образовательное знание¹, используя при этом новые образовательные технологии в рамках новых федеральных государственных стандартов (зачастую им же и разработанных). Однако, исходя из ценностей университетской культуры, мы должны обратить внимание и на неформальные признаки, еще более сужающие эту группу. Среди них — особое (панорамное) мировоззрение; склад характера, основанный на «вечных» ценностных установках. В условиях «размытости, бездоказательности ценностных ориентиров, включая идеологические»², профессиональная общность преподавателей высшей школы становится все более дисперсной. Но традиционные основы культуры университета — глубокие знания и гуманистичность мировоззренческих позиций — признаются на когнитивном уровне. Анализируя степень сформированности профессиональных ценностей общности, необходимо отметить, что ценности в современной социологии выступают в качестве основного культурообразующего понятия и рассматриваются как «объекты..., в отношении которых индивид занимает позицию оценки в соответствии со своими потребностями»³.

Система ценностей может трактоваться и как идеальная модель поведения, существующая в представлениях общества в целом или отдельных социальных групп. Профессиональные ценности выступают как производные от общечеловеческих, национальных (групповых, организационных) и личных ценностей и формируются на основе многочисленных видов профессиональной деятельности, основными среди которых являются: ведение учеб-

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. — М. : Гардарики, 2005. — С. 103–105.

² Баразгова Е. С., Жеребцова Т. А. Бизнес-образование в России: этапы развития // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 1 (13). — С. 20.

³ Фролова С. С. Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп // Управление. — 2016. — № 1 (11). — С. 53.

ного процесса, воспитательная работа, методическая работа и повышение уровня собственной квалификации, научная работа, административно-управленческая деятельность.

Эти виды деятельности оказывают влияние и на личную жизнедеятельность членов общности и, соответственно, на систему индивидуальных ценностей, на что указывал П. Сорокин, говоря об общности интересов у людей одной профессии, полагавшего, что профессия «механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом всю его природу»¹.

Ученые выделяют не менее пяти групп ценностей, характеризующих профессиональную культуру преподавателей высших учебных заведений². Это ценности-цели профессиональной деятельности, ценности-способы достижения ее результатов, ценности-отношения, ценности-знания и ценности-качества. Они выступают детерминантами для каждого вида профессиональной деятельности.

Так, применительно к учебному процессу для членов преподавательской общности ценностями-целями будут выступать идеальные модели выпускников, ценностями-средствами — педагогические концепции, технологии и техники трансляции знания.

Ценности-отношения в данном случае характеризуют взаимодействия со студентами, с коллегами-преподавателями, работодателями и членами других общностей и групп, вовлеченных в учебный процесс — комплекс отношений, формирующий профессиональную позицию преподавателя и общности в целом.

Ценности-знания применительно к учебной деятельности проявляются как знание особенностей возрастной психологии, знание теоретических основ, идей и закономерностей педагогического процесса, предметное образовательное знание и т. д.

¹ Сорокин П. А. Система социологии. В 2 т. Т. 2. Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов. — М. : Наука, 1993. — С. 183.

² Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. — М. : Издательский центр «Академия», 2004. С. 69.

Ценности-качества представляются через специальные способности личности преподавателя как субъекта профессионально-педагогической деятельности вуза: это способность к творчеству, способность проектировать и прогнозировать результаты своей деятельности, соотносить свои цели и действия с целями и действиями других, способность строить гуманистические диалоговые отношения с другими и т. д.

Наконец, успешность институционального направления зависит от культурного потенциала преподавателя: именно он в конечном итоге является связующим звеном между обучаемым и воспитуемым им студентом и работодателем, властью, общественными организациями и другими социальными институтами общества. Преподаватель является хранителем и транслятором системы норм, правил и ценностей, обеспечивающим взаимодействие между социальными институтами. На культурном потенциале вузовского преподавателя основывается и внутренняя устойчивость института образования — через взаимодействие внутри образовательного пространства между его субъектами и общностями. Основу, «каркас» университетской культуры, как и любой другой, образует система ценностей, традиционно включающая фундаментальность, системность, гуманистичность университетского образования; высочайший профессионализм; исторически сформированный авторитет; способность ученых, преподавателей и учеников-студентов к нравственной саморефлексии (как не вспомнить «Я — московский студент» булгаковского Филиппа Филипповича Преображенского), высокую гражданскую культуру, нацеленность, с одной стороны, на расширение не только чисто научных, но и культурных горизонтов, с другой — на сохранение «нормального культурного консерватизма»¹, оптимальное сочетание традиций и новаторства, позволяющих сохраняться

¹ Устюгова Е. Н. *Miscellanea humanitaria philosophiae* [Электронный ресурс] // Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Серия «Мыслители», выпуск 5. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 297–300. URL: <https://goo.gl/xt2a6V> (дата обращения: 31.01.2016).

и развиваться и университетской культуре, и культуре общества, ее включающего. Эта система, находящаяся в условиях непрерывного реформирования или модернизации, по-прежнему требует тщательного изучения. Ценности — понятие, жестко связанное с его носителями. В данном случае мы имеем в виду социальные общности и группы, объединенные университетской культурой. «Ценности составляют основу социальной общности и являются наиболее притягательной силой для ее членов. Интегративная функция социальной общности реализуется именно благодаря наличию такого ценностного ресурса»¹. Профессиональные общности, включенные в общую концепцию социокультурной динамики, имеют специфические проявления, в различной степени соответствуя ценностным изменениям в обществе.

Профессиональная общность преподавателей высшей школы в силу выполнения своей миссии не только транслирует, сохраняет культуру в обществе, но и формирует определенный уровень университетской культуры, являясь ее элементом. Особая роль в этом принадлежит части профессиональной общности, которая задает стандарты и нормативы поведения в общности и обществе.

Модернизационные преобразования в рамках линейной концепции способствуют изменению системообразующих признаков общности преподавателей высшей школы, редуцируя их к знаниям в определенной области науки, интеллигент замещается интеллектуалом, формальные признаки становятся доминирующими. Основой традиционной модели университета являлись фундаментальный характер знания и его гуманистическая направленность. Абсолютизация одного из оснований девальвирует сущность образования. Необходимость овладения знаниями несомненна, но сциентизм доказал свою несостоятельность в достижении решения проблем человечества. Состояние профессиональной культуры общности обусловлено механизмами ее формирования. Первый этап связан с получением высшего обра-

¹ Зборовский Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. — 2010. — № 4 (28). — С. 18.

зования, и его наличие является обязательным условием для вхождения в общность. Для развития ее культурного ресурса важно не только подтверждение достигнутого профессионального уровня дипломом, но и то, что его обладатель уже является носителем культурных традиций высшей школы, которые он усваивает уже в силу включенности в образовательную среду в процессе обучения. Это несколько ускоряет процесс адаптации и переход потенциального профессионального знания в актуальное. В других общностях существует определенный разрыв между освоением профессиональной культуры в высшей школе и в условиях реальной деятельности.

В начальный период модернизации сохранялась традиционная модель формирования профессионального ресурса преподавательской общности, основанной на принципе самовоспроизводства: каждый второй преподаватель начинал свою карьеру лишь после окончания аспирантуры, то есть продолжал активно наращивать свой профессиональный ресурс сразу после окончания вуза. Еще треть оставались в нем на должностях учебно-вспомогательного персонала и впоследствии переходили на преподавательские должности. Профессиональный ресурс этой группы формировался через «погружение в среду» и достаточно часто развивался через институт соискательства ученой степени.

В условиях возникновения большого числа новых вузов эта модель оказалась неспособной полностью обеспечить кадровое воспроизводство. В вузы пришли преподаватели из государственных и муниципальных учреждений, силовых структур, общественных организаций, конструкторских бюро и с производства. Характерной тенденцией этого времени стало явление «профессиональной рассогласованности», когда у многих преподавателей характер предшествующей деятельности не соответствует профилю преподавательской работы в вузе, а потому и возникли сложности с актуализацией имевшегося у них профессионального ресурса и необходимость приобретения новых профессиональных знаний. Отсюда возникли предпосылки для снижения общего

уровня профессионализма. В большей степени это было характерно для специалистов в области общественных и гуманитарных наук, несколько меньшей степени — естественнонаучной сферы¹.

Единство профессиональных целей и единое содержание деятельности выражается в генерации особого типа знаний — образовательного и передаче его студентам. Эти два важнейших компонента деятельности преподавателя во многом детерминируют и другие, проявляющиеся в большей или меньшей степени. Это участие в воспитательном процессе, научной деятельности, управление образовательным учреждением, в котором они трудятся, участие в общественных профессиональных организациях и т. д.

Общность представлений об условиях существования профессии складывается на основе нескольких факторов. К ним можно отнести, во-первых, сформированную систему высшего профессионального образования. Вуз, вне зависимости от его статуса, формы собственности и т. п. — та «социальная ячейка», вне которой рассматриваемая общность существовать не может. Во-вторых, это сложившееся единое правовое поле и единая юридическая основа профессиональной деятельности.

Важнейшим элементом укрепления таких представлений стало общественное обсуждение и принятие нового Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации»². Глава 5 этого закона признает особый статус педагогических работников в России, их права и свободы, в том числе и академические, особые трудовые права и социальные гарантии, равно как и особые ограничения для занятия профессиональной деятельностью, и обязанности, и ответственности перед государством, обществом и обучающимися.

Важно отметить, что статья 50 нового закона выделяет в качестве особой категорию научно-педагогических работников

¹ Шереги Ф. Э., Дмитриев Н. М., Арефьев А. Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов. — М. : Изд-во Центра соц. прогнозирования, 2002. — С. 136—137.

² Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30 декабря 2012 г.

организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, наделяя их дополнительными правами и обязанностями, связанными с осуществлением *научной деятельности*, что отличает преподавательскую общность высшего профессионального образования от других преподавательских общностей.

Значимым условием существования общности является ее способность к самовоспроизводству. Традиционным механизмом формирования преподавательской общности является практика приема на работу в качестве ассистентов, преподавателей или инженеров талантливых выпускников (а зачастую и студентов старших курсов) «своих» кафедр: вузы сами воспроизводят собственные преподавательские кадры.

Более того, спецификой системы подготовки кадров для профессиональной общности вузовских преподавателей является отсутствие специальных высших учебных заведений, занимающихся исключительно подготовкой этой категории специалистов, как это происходит, например, с архитекторами, врачами или металлургами. Сами же члены преподавательской общности зачастую ассоциируют себя с представителями профессий, по которым они ведут образовательную деятельность. Происходит интеграция двух социальных институтов: высшего образования и профессии, что применительно к нашему исследованию позволяет говорить о расширении ресурсного потенциала общности преподавателей.

Единство средств профессиональной деятельности детерминировано специфической профессионально-педагогической культурой вузовского преподавателя, определяемой как «мера и способ творческой самореализации его личности в разнообразных видах педагогической деятельности, направленной на освоение, передачу и создание педагогических ценностей и технологий»¹. Это определение делает акцент на педагогической составляющей,

¹ Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. — М. : Академия, 2004. — С. 21–22.

в то время как профессиональная деятельность (и, следовательно, культура) вузовского преподавателя значительно шире.

Специфические профессиональные интересы общности обусловлены взаимодействием с общностями, вовлеченными в процессы производства профессиональных знаний (например, научных работников) и их передачи — с молодым поколением (студентами) как в рамках профессионально-педагогической деятельности, так и в предметно-научной области. Если профессиональные ценности выступают как идеальная модель профессионального поведения участников общности, то реальный способ его регулирования — сформированные и закрепленные профессиональные нормы и стандарты. Социальный контроль осуществляется на уровне профессиональной традиции и на уровне формально закрепленных норм и правил. Так, каждый вуз приказом устанавливает внутренний распорядок, регламентирующий в числе прочего и правила поведения преподавателей. В УрФУ он прямо предписывает соблюдать профессиональную этику (п. 3.1.11), способствовать созданию благоприятного морального и делового климата (п. 3.1.13), на высоком уровне вести учебную, методическую и научную работу (п. 3.2.1), совершенствовать теоретические знания, практический опыт, методы ведения научной работы, педагогическое мастерство, осуществлять подготовку научно-педагогических кадров (п. 3.2.4)¹.

Еще один путь формального закрепления профессиональных норм преподавательской общности — кодексы корпоративной культуры, которые, впрочем, не всегда фиксируются документально — в УрФУ такой кодекс был разработан в 2009 г. Профессиональные ценности, нормы и стандарты оказывают значительное влияние на процесс формирования социальной и, как ее составной части, профессиональной идентичности: субъективное отождествление индивида с определенными социальными общностями и группами. Социальная идентичность соотносит индивида с гра-

¹ Правила внутреннего трудового распорядка (новая редакция) // Уральский федеральный университет. — URL: bit.ly/2JMс5nJ (дата обращения: 20.05.2018).

жданами страны, жителями региона, политическими, религиозными, этническими и другими общественными группами, профессиональная — с профессиональными группами, общностями.

Профессиональная идентичность преподавателей вузов выступает как определенный уровень (результат) освоения ими (принятия) профессиональных ценностей, норм и стандартов своей общности, институциональных ролей и правил поведения, достигнутая степень интегрированности преподавателей в общность и адаптация в ней. Такая идентичность связана с такими факторами, как предметная область, достигнутый уровень квалификации, стаж работы в профессии, возраст, пол, и другими, формирующими его профессиональный и социокультурный облик.

Многомерность признаков для профессиональной идентификации создает основания для выделения ее различных типов¹: в зависимости от предметной и научной области можно говорить о преподавателях-гуманитариях и естественниках, «технарях», экономистах и т. д., выделяя внутри этих типов множественные группы в соответствии с более узкой специализацией (философы, физики и т. д.).

В зависимости от достигнутого уровня квалификации мы говорим о начинающих и опытных, в зависимости от времени вхождения в общность — преподавателей «советского типа», «перестроечной эпохи» и постсоветской эпохи.

Вместе с тем, у преподавателей вузов существует множество оснований для идентификации в рамках единой профессиональной общности — это соблюдение определенных условий для вхождения в общность (например, образовательный ценз и — с недавнего времени — социальная благонадежность, формально выражаемая отсутствием судимостей), сходной системой стимулов и мотивов к занятию преподавательской деятельностью, сходные профессиональные цели, роли и виды деятельности, признание собственной профессиональной состоятельности и др. Одновременно преподавательскую общность объединяет ото-

¹ Зотова И. Г. Социальная идентичность преподавателей современной высшей школы: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. — Саранск : Мордовский гос. ун-т, 2011. — С. 19–20.

ждество ее членов с некоторыми другими, более широкими, социальными группами, позволяющими закрепить особый статус в социальной стратификации. Это интеллигенция, научная элита, культурная элита, творческая элита и им подобные.

Основу профессионализма общности, систему норм и правил, характерных для этой общности, обеспечивающих ее устойчивость и воспроизводимость, составляют культурные ресурсы. На уровне индивида эти ресурсы формируют определенные уровни квалификации, профессиональной компетенции, набор ценностей и моральных установок, политических и правовых воззрений, семейные практики и т.д., что не может не отражаться на его трудовой деятельности.

Культурный ресурс профессиональной общности можно определить исходя из подхода Л. Н. Когана к культуре, характеризовавшего последнюю как «меру и способ реализации сущностных сил человека в его социальной деятельности и в результатах этой деятельности»¹, как некоторую совокупность освоенных общностью культурных образцов, позволяющей ей занимать и сохранять определенное место в социальной стратификации через обеспечение социально значимого результата.

Культурный ресурс можно рассматривать, используя две группы показателей. В первую отнесем все, что связано с процессами освоения культуры: формальное и неформальное образование, уровень мастерства, профессиональные знания, качество воспитания, культурный кругозор, эрудиция, компетентность и т.д. Ко второй — все, что связано с процессом использования уже освоенной культуры: ценностно-нравственные установки, практика потребления, стиль профессионального поведения, способность к осуществлению профессиональной деятельности, инновационность и креативность, определенный жизненный опыт, практика потребления, манеры и образ жизни, свойственный членам общности.

На уровне профессиональной общности культурным ресурсом становится обладание экспертным знанием, под которым понима-

¹ Коган Л. Н. Теория культуры: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. — С. 15.

ется «оценка обществом значимости профессионального знания»¹, т. е. знания, которым оперирует общность преподавателей в своей практической, производственной, деятельности. То есть экспертное знание занимает центральное место в культурных ресурсах общности, позволяет ей сохранять свое место в социальной стратификации и составляет основу профессионализма. Под профессионализмом понимается «мера и качество деятельности человека в определенной, строго ограниченной сфере деятельности»².

В западной традиции профессионализм рассматривается в рамках социологического и управленческого подходов как свойство определенного, независимого от государства, социального слоя, обладающего особым набором характеристик. Это профессиональная компетентность, основанная на соответствующем специализированном образовании, теоретической и практической подготовке и подтвержденная документально, трудовая занятость, которая осуществляется через применение соответствующих навыков, кодекс профессионального поведения, членство в профессиональных ассоциациях³. Функции такого слоя состоят в ограничении доступа к тем социальным благам, которыми он пользуется.

Отечественные ученые изучают характеристики в рамках психологических и педагогических подходов через создание моделей личностных качеств действующего в интересах государства или как минимум независимого от него индивида, где к профессиональной компетентности добавляются нравственные качества, организаторские способности, деловые качества и умение управлять собой⁴.

Таким образом, основным критерием для определения профессиональной культуры специалиста выступает профессио-

¹ Кораблева Г. Б. Социология профессий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 112.

² Коркина Т. А., Шивырялкина О. С. Профессионализм руководителя: содержание понятия и особенности // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 2 (331). — С. 86.

³ Millerson G. (1964). The Qualifying Association. London, Routledge & Kegan Paul, 288 p.

⁴ Преподаватель вуза: технологии и организация деятельности : учебное пособие / под ред. С. Д. Резника. М. : Инфра-М, 2010. С. 21.

нальная компетентность. Подходы в ее определении западными и отечественными учеными также различны. Первые видят в ней «углубленное знание», «состояние адекватного выполнения задачи», «способности к актуальному выполнению деятельности», вторые — характеристику определенного качества подготовки специалиста, наличие необходимого потенциала для эффективного осуществления трудовой деятельности, «готовность и способность выполнять профессиональные функции в соответствии с принятыми в обществе в конкретный исторический момент профессиональными нормами и требованиями»¹.

Профессиональная компетентность обеспечивается специфическим набором компетенций — способностей применять знания (когнитивная компетентность), умения (деятельностная компетентность) и личностные качества (профессионально-личностная компетентность) в конкретной профессиональной области. Поэтому, несмотря на обозначенную разницу в существующих образовательных системах и в научных подходах, представляется возможным выделить основные компоненты, характеризующие профессиональную компетентность вузовских преподавателей. Ими являются: предметное знание — знание преподаваемых дисциплин; психологическое и педагогическое знание; культура методической работы; культура научной деятельности; культура воспитательной деятельности; особая информационная культура. В этот ряд отечественные исследователи добавляют также политическую культуру и культуру речи².

Изучая изменение в профессиональных ресурсах, особые акценты мы будем делать на степень вовлеченности преподавателя в приоритетные направления, обеспечивающие успешность модернизации ВПО — современную инновационную деятельность в образовательной и научной сферах, академическую мобильность, профессиональный рост.

¹ Барышникова И. Е. Профессиональная компетентность: виды, структура и современные подходы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — Т. 5, № 3. — С. 74.

² Преподаватель вуза: технологии и организация деятельности. — С. 22.

Сало Е. П., используя неовебериянский подход, культурный ресурс определяет как возможность профессиональной группы «использовать собственное экспертное знание в целях создания позитивного образа группы, который позволял бы манипулировать сознанием и действиями прочих членов общества, а также занимать высокие места в социокультурной иерархии общества»¹ и предлагает изучать его, опираясь на показатели, характеризующие условия сохранения и упрочения позиций группы именно как профессиональной. Представляется, что такое определение культурного ресурса более подходит под ту часть социального ресурса, которую характеризуют как символический ресурс — имеющийся у социальной группы объем и возможность реализации экспертного знания и его еще более узкой частью — престижными ресурсами, выражающимися через понятия «репутация», «уважение», «общественное признание».

С этой точки зрения вполне обоснованными являются показатели, приводимые исследователем для изучения этого типа ресурсов. Это «восприятие собственной группы как основного референта», вытекающего из ее восприятия как сообщества с собственными ценностями, нормами и профессиональной культурой, позволяющей на основе общности интересов укреплять социокультурные, властные и рыночные позиции группы в обществе. И это «характер трансформации собственной работы в статусные привилегии» (ученые звания и степени, государственные и ведомственные награды, допуск к престижным видам профессиональной деятельности, например, грантам, руководству магистрантами и т. д.), позволяющий выявить возможности и механизмы реализации экспертного знания через использование «этических кодов» группы, специализированного языка, особых потребительских стратегий и т. п. для повышения доверия со стороны групп, использующих результаты труда этой группы (для

¹ Сало Е. П. Социально-профессиональный статус профессиональной группы: ресурсный подход // Профессиональные группы: динамика и трансформация/под ред. В. А. Мансурова. — М. : Изд-во Ин-та социологии Рос. акад. наук, 2009. — С. 391–392.

общности преподавателей такими группами будут студенты и их родители, работодатели и т. д.).

Существенным показателем является свод этических правил профессиональной деятельности, позволяющий осуществлять неформальный контроль нахождения в сообществе. Контроль «границ общности» осуществляется через институт профессиональных ассоциаций, формирующихся на основе научного интереса, таких как, например, «Российское общество социологов», «Ассоциация специалистов и ученых в области строительного материаловедения» и т. п. Через такие ассоциации реализуются «правила поведения» в научной деятельности преподавателей и распространяются научные знания, связанные с профессией.

Профсоюзная организация вуза двуедина по своей природе и характеру деятельности, что не может не накладывать отпечаток на её корпоративную культуру. С одной стороны, она — неотъемлемая часть вуза, её члены — преподаватели, сотрудники и студенты данного вуза, их усилиями создается и воспроизводится корпоративная культура вуза. Более того, в условиях современной России единственной масштабной общественной организацией в вузах (да и многих других организациях) остался профсоюз. Определенные различия в ориентациях, правах и интересах обучающихся и обучающихся отражаются в существовании как бы двух профсоюзных организаций в вузе — сотрудников и студентов, но при этом между ними проявляется организационное единство — они входят в единый профсоюз. И это «входят» отражает вторую сторону проблемы — профсоюзные организации сотрудников и студентов любого вуза являются частью общественной организации, масштабы деятельности которой далеко выходят за рамки любого вуза, — отраслевого или территориального объединения профсоюзных организаций. Профсоюз 1990-х годов в России — единственная масштабная общественная организация вуза и одна из ячеек гражданского общества. Деятельность профсоюза основана на участии его членов в управлении, на ценностях, нормах жизни и деятельности коллективов в большей

степени нежели на иерархических отношениях. Профсоюзная организация характеризуется демократическими процедурами принятия решений, способностью претворять их в жизнь благодаря активному участию членов профсоюза. В основе собственно профсоюзной корпоративной культуры лежат изменение положения, статуса профсоюза в обществе в конце XX начале XXI вв., артефакты и главным образом потребности профсоюзных организаций, действия, мысли и желания их членов, а также нормы Международной организации труда (МОТ). Фундаментом корпоративной культуры профсоюза является общая культура страны, региона, корпоративная культура высшей школы, история Профсоюза работников народного образования и науки РФ.

Профессиональные общности формируют корпоративную культуру, определяющую формальные и неформально регулируемые нормативы. Корпорация (от латинского “corporatio”, то есть объединение) — это совокупность лиц, объединившихся для достижения каких-либо целей. Корпорация может рассматриваться как синоним организации и как высший этап развития организации, когда совместность деятельности её членов сочетается с осмыслением ими своей общности, объединенности, ориентации на общие цели.

За последние десятилетия — под влиянием возросшего технического и интеллектуального прогресса, скорости обмена информацией — изменяется структура и характер организаций, возрастает значимость (прежде всего в передовых корпорациях) социального фактора, места и роли человека в философии управления. Развиваются совместно работающие группы с новыми, собственными представлениями и ценностями, которые встраиваются в культуру корпорации (экстернализация). Происходит интернализация — распространение формализованных знаний, ценностей и норм и их переработка на уровне сознания работника.

«Признаки культуры нового типа — неосинкретизм, универсальность и гуманистичность задают ориентиры для содержания образования. Им должны стать универсальные знания и ценности, отражающие гуманистические основы бытия. Это отражается

в постепенном сближении обучающей и воспитывающей деятельности в форме интеграции, синхронизации...»¹.

Основным фактором производства становятся не материальные и энергетические ресурсы, а интеллект. Поэтому в основе становления и складывания корпоративной культуры лежит процесс приобретения знаний и новых подходов в управлении знаниями, поиска и внедрения новых способов приумножения интеллектуального капитала, перестройки сознания. Эти потребности, как наиболее сильные, становятся мотивами выбора направлений деятельности. Наиболее значимые устойчивые мотивы формируют систему новых ценностей, организаций и работников, становятся ведущими ориентирами, превращаются в нормы их жизнедеятельности. На организационную культуру, на перерастание ее в корпоративную воздействуют факторы как внутренней, так и внешней среды. Культура формирует имидж организации, отличающий ее от любой другой. Самым важнейшим ресурсом становится знание: кто (люди, обладающие соответствующим опытом и ресурсами), что (способность определения и выбора ключевых моделей и актуальных действий), как (протестированные доказанные процедуры чего-либо), когда (соединения чувства времени, ритма и реализма), где (способность правильно выбрать место выполнения определенного действия) и почему (понимание/видение/контекста обширного опыта) будет совершать действия². Это, по существу, современная характеристика образа мышления, уточненные предпосылки для действий организаций и сотрудников, создание нового качества корпоративной культуры, порождающей инновационный процесс. Сущностным устойчивым признаком её становится приоритет человеческой активности, постоянное расширение знаний и компетентности членов организации. Каждая корпорация развивается внутри культуры общества и отражает ее природу.

¹ Видт И. Е. Образование как феномен культуры: моногр. / Тюм. гос. ун-т. — Тюмень : Печатник, 2006. — С. 179.

² Свищев А. В. Проблемы формирования технологий бизнес-знаний современных фирм//Менеджмент в России и за рубежом. — 2003. — № 2.- С. 43–51.

Корпоративная культура как набор общепринятых моделей поведения, артефактов, ценностей, убеждений, понятий, которые активно поддерживаются и разделяются почти всеми членами организации имеет два уровня: внешний и внутренний. К внешнему относятся артефакты, модели поведения, речь, формальные законы, технические ноу-хау. Внутренний уровень скрыт от внешнего наблюдения, расположен в умах членов организации и включает в себя образ мысли, идеи, верования, ценности, отношения, способы восприятия окружающего мира¹. В рамках поведенческого подхода подчеркивается, что корпоративная культура «как образ действий, характерных для организации», играет важную стабилизационную роль — «не позволяет компании поддаваться любым капризам рынка или руководства². Не менее распространены и аксиологические определения.

В них корпоративная культура рассматривается как «система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды³. При этом особое внимание уделяется корпоративным ценностям как важнейшему компоненту корпоративной культуры: «Корпоративные ценности — это набор воззрений, представлений, мотиваций, которые формируются путем консолидации усилий работников организации, в той или иной степени влияют на способ мышления и поведения каждого члена коллектива и передаются во внешний мир посредством различных форм коммуникативного воздействия»⁴.

¹ ODEN H. W. *Managing corporate culture, innovation, and intrapreneurship*. — Westport, Conn.; L.: Quorum, 1997. — XIV, 279 p.

² Брукинг Э. *Интеллектуальный капитал: Ключ к успеху в новом тысячелетии/пер. с англ. Н. Мишаковой*. — СПб.: Питер, 2001. — 287 с.

³ Спивак В. А. *Корпоративная культура: теория и практика*. — СПб., 2001. — С. 8.

⁴ *Корпоративная культура и корпоративные ценности современной фирмы: международный опыт и российская практика / Д. Л. Стровский, А. С. Франц, Е. В. Пятникова [и др.]*. — Екатеринбург, 2003. — С. 23.

Российские исследователи акцентируют содержательные компоненты корпоративной культуры; в комплекс её характеристик включаются: социальное партнерство и культура качества, деловой этикет общения и лидерства; организационные ценности, знаковая символика и культурная сеть, позволяющая совместить официальные информационные каналы и скрытые неформальные коммуникативные структуры¹.

Наконец, в определениях корпоративной культуры представлены и характеристики взаимодействия организации с её внутренней и внешней средой. Наиболее четко такое понимание корпоративной культуры присуще В. А. Спиваку, определяющему её как «среду, в которой мы пребываем, все то, что нас окружает, с чем (с кем) мы имеем дело на работе»². Один из наиболее серьезных исследователей корпоративной культуры Э. Шейн определяет ее как «набор коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого (набора, прим. авт.) оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем»³. Наряду с акцентом на адаптационную роль корпоративной культуры нередко подчеркивается и её стимулирующая роль: главное предназначение корпоративной культуры в том, чтобы посредством внедрения в практику единых норм сформировать ориентации, обеспечивающие высокий моральный дух всех сотрудников фирмы и их чувство гордости по поводу принадлежности к ней»⁴.

¹ Капитонов Э. А., Капитонов А. Э. Корпоративная культура: Социологический аспект. — Ростов н/Д: Ростиздат, 2001. — 384 с.

² Спивак В. А. Корпоративная культура: теория и практика. — С. 8.

³ Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство: Построение, эволюция, совершенствование/пер. с англ. С. Жильцова, А. Чех; под ред. В. А. Спивака. — СПб., 2002. — С. 31–32.

⁴ Корпоративная культура и корпоративные ценности современной фирмы: международный опыт и российская практика. — С. 8.

Корпоративная культура организации как образ жизни, мышления, согласованного действия, как комплекс разделяемых всеми приемов, правил и процедур, совместных ценностей, норм и артефактов направлена на социальное партнерство, мотивирование, повышение компетенции персонала, развитие личности и восприятие себя и других с ориентацией на цели корпорации. В ее содержание входят артефакты; организационные (скрытые и открыто провозглашенные) ценности, убеждения; знаково-символическая система для передачи ценностей работникам; коммуникативная сеть, обеспечивающая единство всех слоев, уровней корпоративной культуры для достижения целей организации. В качестве основных элементов корпоративной культуры можно выделить: миссию, социальное партнерство, базу знаний, корпоративную память, культуру качества, лидерство, умение использовать информационные технологии, модели поведения, мотивирование, деловую репутацию, общий корпоративный язык и т.д. Каждая организация специфична, поэтому и специфично особенное выражение всеобщего, а также элементов корпоративной культуры, которые присущи данной организации. Каждая имеет свои виды коммуникаций, формы социального партнерства, свой образ мыслей и действий, сложившиеся представления, нормы формального и неформального порядка. Символика может быть единичной, неповторимой, пропорции элементов и значимость их для организации различны. Поэтому корпорации могут отличаться уровнем видимости и сложности тех или иных ее компонентов.

Корпоративная культура обусловлена целями организации, принадлежностью к определенной среде человеческой деятельности. Все это индивидуализирует корпоративную культуру. Корпоративная культура закрепляется в коллективном договоре в виде согласованного ансамбля технологий, главным образом социальных, а также организационных, информационных, управленческих. Поэтому коллективный договор по своей природе функционален и открывает реальный простор для социального партнёрства. Корпоративная культура становится в процессе

партнёрства важным фактором, проявляет себя во всех формах и на всех уровнях деятельности. Изучение потребностей и мотивов в конкретной корпорации даёт ключ к пониманию перерастания организационной культуры в корпоративную. Корпоративная культура определяет порядок взаимодействия индивидуального и группового поведения, формы согласования действий подразделений, сотрудников организации с ориентацией на удовлетворение потребностей личности, реализацию, интегрирование.

Все организации являются системами, которые обладают подсистемами и в то же время выступают как составные части суперсистемы. Сотрудники в подсистемах группируются в соответствии со структурой организации и в соответствии с основной их функцией. В подсистемах зарождается субкультура, неформулированные ценности, неформальные нормы. Они невидимыми, опосредованными путями влияют на членов организации. Согласование взаимодействий, отношений по вертикали между руководством и трудовым коллективом и по горизонтали между подразделениями, группами, личностями, их реализация — основная предпосылка эффективности корпоративной культуры. Фундаментом стабильности корпоративной культуры является деловое взаимодействие, вербальные и невербальные связи. Убеждения, организационные ценности, нормы, символы утверждаются в сознании и действиях сотрудников в контексте повседневного решения производственных творческих задач, реализации корпоративных целей. Можно выделить два слоя (уровня) образования и обогащения корпоративной культуры.

Первый слой (внутренний уровень) — живой, скрытый — неформулированные нормы, знаки, желательные неформальные правила доминирующей культуры, по которым общаются большинство сотрудников организации. Сотрудники действуют в каждом отдельном подразделении, сохраняя ценности доминирующей культуры и дополняя её своими нормами (корпоративная субкультура). Если в субкультурах имеются значительные различия, то для сотрудничества, целостности организации требуется обсуждение и приведение их, корректно, к общему знаменателю, к единому представлению

о поведении в организации. С одной стороны, формируется коллективное мышление, реакция самостоятельных в своих индивидуальных суждениях и поступках работников на вызов реальной цели, задачи, с другой — создаются культурные формы организационной среды, представления, не поддающиеся формализации, ценности, обеспечивающие реальную связь, психологический контакт. По сути это центральное звено наличной корпоративной культуры, гарант устойчивости и гибкости организации в достижении единой цели. Второй слой (внешний уровень) — это зафиксированные в документах апробированные, взаимодополняемые, работающие на корпоративную цель, нормы, традиции, процедуры и т. д. В течение времени они кодифицируются в уставе организации, разного рода нормативных положениях, коллективном договоре. В них отражаются формы взаимодействия подразделений, групп, реальных личностей, работающих «верхов» и «низов», организационных ценностей с учетом делового корпоративного стратегического развития. Так происходит трансформация неформализованных знаний в формализованные, переход одного класса норм, ценностей в другой: спонтанных в директивные. Первый слой непрерывно питает второй, находясь в постоянном единстве. При этих условиях, исторически, появляется система нормативных образцов, общественно принятых смыслов, способов обращения человека с нематериальной социальной и вещественной средой. Все это помогает работнику понять организацию и самого себя, свое поведение в коллективе, приложить усилия, сделать вклад в выполнение миссии организации.

Корпорация сама по себе является важнейшим культурным артефактом. История организации выступает как основное условие формирования корпоративной культуры. «Каждая культура есть осадок истории. История представляет собой сито — во многих смыслах. Каждая культура принимает только те аспекты прошлого, которые обычно в изменённой форме и с изменённым значением выживают в настоящем»¹. Это положение полностью

¹ Клакхон К. К. М. Зеркало для человека: Введение в антропологию / пер. с англ. под ред. А. А. Панченко. — СПб. : Евразия, 1998. — С. 50.

применимо к пониманию корпоративной культуры. Содержание корпоративной культуры организации меняется, но набор элементов корпоративной культуры, традиции, созвучные новому времени, сохраняются. Устойчивость организации порождена изменчивостью её составляющих. Эшби У. Р. писал: «эта идея состоит в том, что хотя система в целом претерпевает последовательные изменения, некоторые её свойства «инвариантны» и сохраняются неизменными»¹. Корпоративная культура организации — это опыт, результат особой среды общения и взаимодействия людей в едином творческом и мотивационном поле — все работают самостоятельно и в то же время вместе. Общее дело осознается как собственное. Овладение работниками инновационной корпоративной культурой — означает действовать по своему усмотрению, опираясь на установившиеся ценности и нормы. Организации необходимо направлять свои усилия на создание атмосферы формирования сильной корпоративной культуры с инновационным содержанием. Лидирующие организации руководствуются основополагающими ценностями: качество, ответственность, новаторство во всех сферах, простор для инициативы сотрудников. Они помогают работникам, обладающим скрытыми знаниями, в переводе их в явные. Формирование и совершенствование структуры организации может основываться на функциональном или процессном подходе. В любом случае разрабатывается нормативная база организации, состоящая из различных положений, руководств, стандартов, методик и т. д. Концентрация и распределение ресурсов по процессам предусматривает строго определенное направление деятельности, предопределяющее экономические результаты корпорации. Внедрение инновационных технологий — это историческая тенденция. Существование двух точек зрения на организацию — функциональной и процессной — как на виртуальное жизненное пространство есть отражение противоборства субкультур в организации, а разрыв культур не ведет организацию в новую информационную эру.

¹ Росс Эшби У. Введение в кибернетику : пер. с англ. — М.: ИЛ, 1959. — С. 64.

Сущность корпоративной культуры заключена в единстве различных и противоположных моментов, взглядов социальных слоев, в их сцеплении и взаимообусловленности. Противоречие, которое в принципе неразруσιμο, — скрытый, неявный слой (внутренний уровень) корпоративной культуры, влияет на поведение, мнение и действие людей, точно так же, как и тот слой корпоративной культуры, который закреплён в документах, решениях. Эти слои, находясь в организации в единстве, нередко вступают в противостояние, состязание в сознании людей. Если работа имеет смысл, то человек реализует своё оптимальное представление о ценностях, сам делает выбор. Механизм же образования корпоративной культуры остаётся нерушимым, как нерушима сама целостность человека, который одновременно с нормативным поведением выражает своё неформальное мнение, осуществляет общение, руководствуясь целями, задачами трудового процесса. В этом, возможно, и есть секрет мощнейшего, незримого воздействия корпоративной культуры на сотрудников и наоборот.

В жизненной фазе развития корпорации решающее значение имеет культура лидера. Только руководитель — лидер способен обеспечить единство различных противоположных моментов жизни, их взаимосвязь, влиять на возникновение, формирование новых элементов культуры, создавать у сотрудников твердое убеждение обязательности нововведений. Корпоративная культура — это инструмент отбора. Критерии отбора при приеме на работу, повышении в должности и увольнении: умны, сообразительны, уверены в себе, напористы и обладают умением четко формулировать свои мысли. Корпоративная культура — это и инструмент естественного отбора людей для данной организации. Те, кто не находят идентичности своих интересов с действующим механизмом корпоративной культуры, уходят из организации, но так можно потерять и творческого человека, его ноу-хау. В инновационной атмосфере коллектива рождается и функционирует корпоративная культура, освобождаясь от негативных результатов. Поэтому работник, выбирая между увольнением и изменением своего по-

ведения, принимает выбор последней ценности. Ведь чтобы стать полноценным членом организации, надо обладать нормами и ценностями корпоративной культуры. Творческий работник, новатор вносит самый ценный вклад в корпоративную культуру. Новации инициируют процесс развития корпоративной культуры.

Специфика и своеобразие корпоративной культуры любой организации в основном определяются двумя моментами. С одной стороны, сказывается характер и направленность её деятельности, её миссия и цели, её масштабы и организационная структура, её кадровый потенциал и сложившийся социально-психологический климат коллектива. С другой, — отражает процессуальный, динамический характер корпоративной культуры — её историю, «жизненный» опыт и традиции. Нельзя забывать, что любая организация есть живой, развивающийся организм. В процессе этой жизнедеятельности складывается её организационная культура, перерастающая — по мере освоения её ценностей и норм всеми членами коллектива — в корпоративную культуру.

Профсоюзная корпоративная культура (КК) представляет специфический комплекс понятий, ценностей, убеждений, поведенческих норм членов профсоюза и его руководства, вытекающих из способа восприятия окружающего мира через удовлетворение потребностей в заработной плате, здоровье, занятости и других факторов, непосредственно влияющих на их работу. Профсоюзная корпоративная культура охватывает комплекс ценностей, вытекающих из способа восприятия человеком — членом профсоюза окружающего мира — с позиций удовлетворенности потребности в труде (занятость, содержательная сторона работы), заработной плате, здоровье, культурном развитии. Это — конкретный образ мыслей и действий членов профсоюзных организаций. Принятие профсоюзной организацией тех или иных решений и их претворение в жизнь уже есть добавление или пересмотр элементов КК. Поэтому лидеры профсоюза разрабатывают мероприятия по эффективному использованию факторов корпоративной культуры.

Для того чтобы выжить и развиваться в крайне нестабильных условиях последнего десятилетия XX века, отраслевой профсоюз

использовал такие подходы к руководству и управлению, которые позволили оптимально взаимодействовать с деловой средой, адаптироваться и гибко реагировать на динамику изменений внешней среды. В структуре внешней среды профорганизаций образовательных учреждений выделяются макроструктура и микроструктура (ближайшее окружение). Составляющие внешней макроструктуры оказывают влияние на зоны внешней микроструктуры (администрация вуза, школы) и одновременно — вместе с ней — на внутреннюю среду профорганизации, определяя её готовность выполнить задачи и обеспечить достижение цели организации. Именно через развитие внутреннего потенциала идет развитие профорганизации, всех элементов ее структуры. В руководстве профсоюза постепенно складывалось новое представление о ценностях внутренней среды, ее потенциале и тенденциях развития, а также о внешней среде и месте, занимаемом в ней профорганизациями. Внешняя среда проявляет себя в различных формах, предоставляя благоприятные условия или способ изменения в окружающей среде, используя стратегическое планирование.

Представления — важный фактор, влияющий не только на наше сознание, но и на подсознание. Представления о ценностях внешнего и внутреннего мира определяют приемы, нормы и правила, которые влияют на конкретное поведение организации. Поэтому каждая профорганизация обладает специфической корпоративной культурой, что отражается в ее стиле управления и имидже. Закрепленные убеждения, представления о внешней и внутренней среде, их взаимосвязи и ценности становятся частью жизнедеятельности каждого члена профсоюза — при условии широкого распространения и поддержки этих представлений в профсоюзном коллективе. От формирующихся ценностей зависит взаимопонимание работников и их взаимодействие. Тем самым создается ядро, начало корпоративной культуры профорганизации. Профсоюз представляет интересы работников отрасли, организации и отстаивает их перед органами власти и управления, внешними организациями, правительством и законодательными органами,

администрацией своей организации. Профсоюз стремится влиять на социальную политику правительства, открыто выражая и представляя интересы своих членов, защищая свои взгляды на социально-экономическое развитие, на события в социальной сфере, особенно по проблемам образования и науки. На базе научных разработок профсоюзом составляются конъюнктурные диагнозы и прогнозы, разрабатываются и публикуются свои программы. Стил ь общения профсоюза с внешней средой составляет значительную часть корпоративной культуры профорганизации.

Стало ясно, что укрепление внутрисюзной работы обеспечивает авторитет, более высокую степень адаптивности профсоюзов к изменениям, к неопределенности окружающей среды. В связи с этим повышается роль лидеров учреждений высшего профессионального образования и вузовских профсоюзных организаций в создании атмосферы сотрудничества, в изменении образа мысли и действий, в умении применять корпоративную культуру как инструмент управления, вносить свой вклад в ее развитие, не откладывать решение общих проблем, не затягивать согласований по конкретным вопросам жизни коллектива. Коллективный договор (КД) в различных образовательных учреждениях устанавливает правила игры партнеров: профкома как представителя работников наемного труда с работодателем (администрацией). Партнеры выполняют по отношению к коллективному договору равноответственную двойную роль: исполнителей и ревизоров. Судьями выступают созданные коллективным договором институты — различные комиссии, конференция трудового коллектива. Идет сравнительный анализ положений, записанных, зафиксированных в коллективном договоре, и достигнутых на деле результатов их реализации. Добровольное участие сотрудников вуза в работе профсоюзной организации мотивировано их согласием с долгосрочными целями профсоюза: социальная, правовая и духовная защита — зарплата, занятость, здоровье, охрана труда. Для их реализации профсоюзом разрабатывается методология, создаются и совершенствуются программы, заключается коллективный договор и соглашение. На этой основе

осуществляется внутрисоюзная работа и социальное партнёрство. Создается и функционирует коммуникационное пространство — среда делового общения в зонах полномочий профкома и администрации, прямые и обратные связи с членами профсоюза, их полноценное общение между собой. Самоорганизация коммуникаций формируется на основе явной и неявной корпоративной культуры вуза, «правил игры» и социальных технологий, зафиксированных в коллективном договоре (КД). Коллективный договор — стимулятор и фиксатор корпоративной культуры. Подготовка коллективного договора — это привнесение руководителями и членами профсоюза новизны в проект коллективного договора, новаторского духа работников и сохранение оправдавших себя традиций.

По характеру управляемости не все виды трудовых отношений регулируются федеральным или региональным законодательством. Поэтому имеется простор для проявления инициативы организации и её членов определять нормы в коллективно-договорном порядке. Статья 41 Трудового кодекса РФ разрешает организациям улучшение отношений в некоторых трудовых параметрах с правовыми свойствами. Кроме того, для образовательных учреждений заранее невозможно определить в законодательном порядке специфические вопросы социально-трудовых решений: условия труда и отдыха преподавателей, определение результатов внеучебной деятельности, соблюдение интересов работников в использовании объектов социальной сферы. Это расширение зоны явной корпоративной культуры организации — за счет расширения открытого масштаба её действий. По существу это уже проверенные ценности, ноу-хау членов профсоюза, передаваемые коллективу. Вместе с тем, можно сказать, это и открытая оценка сотрудниками трудовых отношений, научного, учебного, производственного процессов и их результатов. Массовая плодотворная работа повышает ценность коллективного договора в организации. Коллективный договор обновляется в организации, как правило, каждые два-три года. Инициативу в подготовке нового коллективного договора берёт в свои руки профсоюзная организация, комиссия по коллек-

тивному договору, которая, опираясь на федеральную и региональную законодательную базу, проводит анализ, обобщение поступающих от сотрудников предложений по разделам коллективного договора и передаёт итоги своей работы — проект коллективного договора в администрацию вуза. Ректорат оценивает предложения. Затем приступает к работе над проектом согласительная комиссия. Проект обсуждается на факультетах. Профком и согласительная комиссия передаёт окончательную редакцию проекта коллективного договора на обсуждение конференции коллектива вуза.

Конференция утверждает коллективный договор. Таким образом, коллективный договор становится продуктом, плодом поиска и усилий всего коллектива вуза. Благодаря этому достигается единство в реализации коллективного договора и целевых программ, совместных решений, принятых профкомом в содружестве с работодателем. Профком и администрация исходят из положения: чем лучше готовятся решения, тем проще добиться конечных результатов.

Идёт непрерывный сравнительный анализ решения и достигнутого результата. Административные методы управления сменяются участием всех членов профсоюза в принятии основополагающих для вуза решений и равноответственных с администрацией обязательств по их выполнению. Принятие организацией нового решения — есть новый вклад и в корпоративную культуру, в её прозрачность. Таков процесс «выращивания» корпоративной культуры, значение и смысл подготовки принятия и реализации коллективного договора вуза. Ход выполнения коллективного договора, отчёт профкома и администрации заслушивается каждые полгода на конференции коллектива вуза. При необходимости в коллективный договор вносятся коррективы. Корпоративная культура закрепляется в коллективном договоре в виде согласованного комплекса технологий, главным образом социальных, а также организационных, информационных, управленческих. Поэтому коллективный договор по своей природе функционален и открывает реальный простор для социального партнёрства. Корпоративная культура становится в процессе партнёрства важным фактором,

проявляет себя во всех формах и на всех уровнях деятельности вуза. В ведущих вузах цели и технология обучения и воспитания объективно и субъективно ставятся в центр устойчивой системы отношений, отвечающей требованиям постиндустриального развития. Эффективность социального партнерства значительно возрастает в тех вузах, где уже произошло становление корпоративной культуры, ее развитие как образа жизни, мышления, действия на основе создания творческой атмосферы сотрудничества.

Корпоративная культура в работе этой «связки» равных имеет первостепенное значение. Вместе с тем, этот инструмент постоянно, но постепенно изменяет свое содержание, сохраняя неистребимые никакими ситуациями и созвучные новому времени ценности, легко расставаясь с отживающими. Корпоративная культура через социальное партнерство ориентирует на признанные образцы (аналогично эталонам мер и весов в технико-экономической деятельности). Зафиксированные в совместных документах многие приемы становятся образцами созидательного и сознательного поведения, взаимодействия работников с личностной, социальной и вещественной средой. Принимаемые совместно решения, их своевременная трансляция повышают компетенцию персонала, ориентируют сотрудников на участие в новом деле. Важнейшим фактором развития и поддержки корпоративной культуры выступают профессионализм руководителей и их открытая поведенческая реакция. Новизна подхода к решению многих злободневных вопросов, практика их воплощения совершенствует мышление руководителей — и администрации вуза, и членов профкома вуза. Использование новых, ранее не применявшихся средств информации, более доходчиво и быстро объясняющих позитивные изменения в той или иной сфере деятельности, новые задачи делают корпоративную культуру не только более сильной, но, главное, более гибкой, способной приспособливаться к новым условиям. Корпоративная культура становится органически единой. Сотрудники как единый объект организации выигрывают от такой «связки» равных. В этой ситу-

ации возрастает роль профсоюзов как консолидирующей силы. Укрепление равноответственных отношений администрации и профсоюза в организации ведет к ясному пониманию того, что профсоюзу необходимо быть финансово независимым и переходить к профессиональному принципу управления.

И, безусловно, для корпоративной культуры профсоюза работников народного образования и науки характерен высокий интеллектуальный и нравственный потенциал. Это, по существу, субкультура вуза, которая принимает доминирующую культуру и обогащает ее своими ценностями.

Важнейшая особенность вузовских коллективов — они объединяют два относительно разнородных коллектива — обучающихся (профессорско-преподавательский состав, сотрудники вуза, его научно-производственные подразделения) и обучающихся (слушателей, студентов, аспирантов). Первый компонент вузовского коллектива более или менее устойчив (по крайней мере, находится в пределах нормальной текучести кадров). Второй — систематически меняется. Профессорско-преподавательский состав вуза (включая и учебно-вспомогательный персонал, обеспечивающий весь учебный, научный и производственный цикл работы вуза) производит и передает (преимущественно в лично-значимых формах) знания, умения и навыки все новой и новой молодежной поросли. Обновление студенческого коллектива происходит и ежегодно (прием — выпуск), и циклично (в соответствии со сроками обучения — по той или иной форме обучения). Особую роль в развитии вуза и его корпоративной культуры играет ректор, руководитель. И эта роль тем более значима, поскольку динамизм, вихревое мировое развитие требует от ректоров глубокого понимания темпа развития событий внутри и вне вуза, способов преобразований, активизации внутреннего потенциала коллектива вуза, распространения положительного опыта, стратегического мышления и открытости к инновациям, умения координировать усилия коллектива на решение сложных задач, преодоление возникающих трудностей. Решающее значение ректора-лидера, его культурной

парадигмы для формирования развития корпоративной культуры трудно переоценить, поскольку он создает условия для ее развития. Иницируя и продуцируя новые идеи, принимая решения, ректор, администрация вуза в большей или меньшей мере влияют или изменяют нормы, ценности. Но содержание корпоративной культуры вуза заполняется не столько ректором и руководством вуза, сколько образом действий, опытом и коллективной мыслью членов организации; в вузе — преподавателей, сотрудников и студентов. Становление, развитие и зрелость вуза связаны с активной творческой деятельностью конкретных личностей и коллективов. Поэтому для познания корпоративной культуры вуза необходимо рассматривать человека в рамках его научно-педагогических, институциональных и межличностных связей и в этом контексте проследивать его вклад в осуществление корпоративных целей, в формирование и обогащение организационных ценностей. Направление развития вуза определяет и корпоративный дух, который царит в нем. Вуз — это динамическая студенческая организация, выпускающая ежегодно своих питомцев и пополняемая ежегодно новым контингентом. В реальности можно говорить о разных субкультурах — студенческой и сотрудников. Они в вузе не параллельные линии, ибо сам продукт вуза — есть продукт взаимодействия студента с преподавателем, ученым. Живя в ситуации постоянных технологических рывков и ускорений, столкновение субкультур возможно на базе деловых качеств, индивидуальной мобильности и активности. Но в вузе самоконтроль включен в структуру самой работы, в ее содержание. Сама жизнь подталкивает к повышению мастерства, к единству данных, информации и знаний в учебном процессе и научном исследовании. В результате растет квалификация преподавателей и движение студентов от пассивности к активности. Содружество, партнерство укрепляется и от исходных позиций, если к важнейшей процедуре корпоративной культуры — отбору студентов и преподавателей — в вузе относятся весьма ответственно. Каждый вуз в этом отношении имеет свою специфику. Общее основание для всех элементов корпоративной культуры вуза — ре-

зультаты интеллектуальной практической деятельности на новой технологической основе, творческий вклад отдельного преподавателя, сотрудника или студента, кафедры, отдела или лаборатории, коллектива вуза в целом в общее дело, его эффект и признание. Этот критерий группирует вокруг себя всю полифонию реальных (имманентных) норм, ценностей и процедур. Ментальность преподавателей и сотрудников высшей школы, ее интеллектуального ядра изменяется быстрее, чем в других социальных группах. Студент — основной объект и субъект социального взаимодействия в вузе. Формирование привычек, ценностей и традиций новых поколений происходит преимущественно на стадии их базовой социализации, охватывая циклы: детство — юность — молодость, идет по линии: семья — начальная школа — средняя школа — высшая школа. Весьма ответственная задача высшей школы — привить студентам сформировавшуюся в вузе корпоративную культуру, опираясь на те культурные ценности, нормы и установки, которые у молодых людей уже — в той или иной мере — к этому времени сложились. Очень важным ориентиром тут должно стать понимание противоречий сущности социализации личности: освоение культуры той или иной социальной группы или общества должно вести не к нивелированию её индивидуальных особенностей, а — напротив — к развитию и обогащению этой индивидуальности. В это дело должны активно включиться профсоюзные организации сотрудников и студентов вуза. Они могут участвовать вместе с администрацией в обобщении опыта и, главное, отмечать хорошо сделанную работу. Для вуза характерен особый тип социального партнерства — непосредственный контакт обучающихся и преподающих. Ему присуще отсутствие или крайне слабые действия иерархических норм и ценностей в учебном, научном процессе. Корпоративная культура наполняется, уточняется опытом обучающихся и преподающих и приобретает самостоятельную жизнь. Партнёрство — это интегрирующая демократическая ценность, способная при научно-методическом обеспечении ускорить активизацию обучения и воспитания студентов.

Каждый человек стремится быть включенным в стабильные человеческие связи, желает удовлетворить потребности в принадлежности и в признании. Удовлетворить их можно только в группе, в коллективе, только через людей. Поэтому удовлетворение этих потребностей ставит каждого в зависимость от социальной среды и вынуждает следовать принятым ценностям, нормам поведения. Иначе говоря, коллектив получает возможность контролировать поведение его членов. Тем самым механизм общения переходит в сферу социального управления. Воспитание и направление развития личности обучающихся во многом исходит из самого духа (воли, мнения, настроения) учебного заведения. Можно использовать исторический опыт учебных заведений России дореволюционной эпохи. В Екатерининском институте благородных девиц, которому в 2003 году исполнилось 200 лет, например, по воспоминаниям выпускницы А. Н. Энгельгардт, больше всего уважалась простота, спокойствие и чувство собственного достоинства. Институтки не любили никакого кривляния и ломания, подергивания плечами, закатывания глаз и т. п. Были в Екатерининском институте и богатые, и титулованные. «Товарищество с этой стороны выработало чувство равенства и проводило нивелирующую черту между воспитанниками одного института. Отличия не вещественные, а, так сказать, духовные, создаваемые уже институтской жизнью, сообразно уму, занятиям, характеру и нравственным свойствам, признавались, а отличия рождения и состояния — нет». Весьма хороший опыт для сегодняшнего времени¹.

В основе целенаправленной деятельности, по М. Веберу, лежит ожидание определенного поведения людей. Важно учитывать и использовать разнообразные ожидания улучшения ситуации преподавателями, сотрудниками и студентами вуза в качестве условия и (или) средства для достижения рационально поставленной и продуманной цели. Определенные профессиональные ожидания связываются уже с самим вузом: они определяются тем, какое представление в научно-образовательном сообществе и деловом мире

¹ Иванов В. В. Я встретил трех гениев // Известия. — 2003. — 2 августа — С. 1, 3.

создаёт о себе вуз, каков престиж и имидж вуза, какими достижениями и учеными, педагогами он славен. Не менее значимо и то, оправдывает ли управленческая команда вуза ожидания — стать ведущим вузом, решать вопросы стимулирования труда и социальной защиты сотрудников и студентов, повышать качество компьютерной культуры, создавать комфортные условия труда, учебы и досуга. От выпускающей кафедры студенты ожидают качественной подготовки к определенной профессии и жизни в условиях эпохи неопределенности. Определенные ожидания связываются и с преподавателями, ведущими учебный процесс: соответствуют ли личные мотивы деятельности преподавателей выполняемой ими работе; от них ожидают личностного осмысления действительности, авторских лекций, четкого выражения своей индивидуальности и эмоциональности, чтобы образ их действий и мыслей убеждал, вдохновлял и привлекал студентов к учебному предмету. Они должны непредвзято относиться к взглядам, эмоциям студентов и быть объективными. Не менее серьезными являются и ожидания — сможет ли студент стать достигающей личностью? Вузовская среда — это важнейший фактор социализации студенческой молодежи, она формирует у студентов целостный взгляд на вуз, постоянно актуализирует их потребность включения в многогранное социальное окружение для самореализации. Через социализацию идет и непрерывная передача ключевых элементов корпоративной культуры, ее формальных и неформальных ценностей и норм.

В вузе осуществляется — в личностно-значимых формах в процессе творческого, научного, учебного взаимодействия обучающихся и обучающихся (в том числе — с применением новейших технологий) — производство, передача и применение знаний, умений и навыков. Обучение неотделимо от воспитания (последние годы убедительно показали губительность «воспитательного вакуума» для качественной подготовки молодого специалиста), которое не сводится лишь к внеучебной работе, но и пронизывает (точнее — должно пронизывать) весь учебный процесс. При этом любой вид воспитательной работы надо направлять на формиро-

вание у студентов «корпоративного духа», высокой лояльности к вузу, его достижениям и программам развития. Технологии передачи знаний и информации, формирования навыков и умений, развития целостной корпоративной культуры носят непрерывный характер. Цель деятельности вуза с самого начала известна каждому члену вузовского коллектива — подготовка к определенной профессии и к жизни конкурентоспособного выпускника с ясной гражданской позицией в условиях известной неопределенности социально-экономической ситуации. Выпускника готовит весь коллектив вуза, а его личность формирует корпоративный дух вуза. Вуз действует и существует в тесном единстве с внешней средой, прежде всего с государством, с последствиями его деятельности. Степень влияния во многом зависит от особенностей самого вуза, его руководства, от масштабов и территориальной расположенности вуза, от устойчивости и интенсивности его взаимодействия с органами власти и управления, с организациями и предприятиями—заказчиками. Важную роль в обогащении корпоративной культуры вуза играет его непрерывная и неразрывная связь с выпускниками, которые становятся самой близкой внешней средой вуза (все чаще сегодня эта связь организационно оформляется — попечительские советы, ассоциации выпускников). В вузах выпускник всегда рассматривался как конечный продукт деятельности всех структур в рамках единого процесса. Но раньше это осуществлялось на качественно иной технологической основе. Теперь подход к формированию технологий знаний и их реализация строятся на фундаменте и возможности их использования в единой информационной среде, системе. Качество подготовки специалиста по-прежнему решающим образом зависит от уровня преподавания фундаментальных дисциплин, а также перевода системы обучения студентов по всем предметам в системно-информационный режим. Специалист должен не только знать конкретные технологии, он должен уметь учиться самостоятельно, уметь употреблять развитые современные технологии принятия решений. Возможности внедрения в практическую деятельность

(учебную и научную) высоких технологий в вузах неодинаковы, поэтому нормы — составляющие корпоративной культуры высших образовательных учреждений — различны.

Вуз это и систематическое создание условий для контактов во внеучебное время. Одним из средств формирования корпоративной культуры выступает праздник. Праздники в вузах — наряду с государственными и региональными праздниками, охватывают юбилейные даты вуза, отдельных факультетов и территориальных подразделений, кафедр, выдающихся ученых, педагогов и организаторов; праздники в сферах науки, спорта, художественной самодеятельности, музыки, литературы. Они развивают и укрепляют уровень межличностных отношений в вузе, влияют на восприятие вуза в общественном мнении, создают определенное «мотивационное поле» для администрации вуза, сотрудников и студентов. Для вуза важно овладеть механизмом закрепления эффекта праздника. И тогда расходы на праздник будут инвестициями в управление вузовской (особенно — студенческой) средой. Важнейшее значение для корпоративной культуры вуза имеет определение ее типа. Если философия управления вуза ожидает от каждого работника и студента вклада в достижение корпоративных целей и ожидания оправдываются, то тип корпоративной культуры будет зависеть от реалистичности содержания заложенных целей и направленности на ее реализацию, результативность.

Для развитой корпоративной культуры вуза нужны глубокие корни, связь времен и поколений, повседневная реализация продуманной философии управления, четкое видение проблем и перспектив развития вуза, его направленность. Корпоративная культура вуза — это реальный образ мыслей, действия всей организации, поведение людей, прежде всего, руководства, научно-педагогического персонала, а также студенчества на основе создания атмосферы сотрудничества за счет развития интеллекта, социального партнёрства и знания о знании. Это ценности, образцы человеческих отношений, нормы, артефакты, процедуры, направленные на непрерывное совершенствование образовательного учреждения и достижения поставленных целей и задач.

Балы сотрудников УрФУ

В Уральском федеральном университете (Уральском политехническом институте) до 1990 года ежегодно проводились Новогодние вечера для сотрудников. Была установлена дата — 2 января, и все сотрудники ждали этого дня. В едином пространстве национальной культуры новогодние университетские вечера соответствовали эпохе, отражая ее особенности и специфику, удовлетворяли потребность в общении. В Уральском государственном университете факультетские, кафедральные вечера дополнялись праздниками творческих коллективов, где царил дух творчества, «интеллектуального банкета».

Затем времена изменились, началась перестройка, и людей захватили другие заботы и проблемы. Цикличность в развитии общества возродила потребность в культурном отдыхе и дружеском общении. Возрождение идеи проведения классических балов состоялось благодаря заместителю начальника отдела по внеучебной работе со студентами Светлане Александровне Май. Рассуждая о проблемах современного общества, о современной молодежи, о значении национальной культуры, необходимости ее сохранения, воспроизведения и возрождения традиций, С. А. Май вспомнила о балах до-революционного Петербурга: «Прекрасный выход в свет, где каждый мог найти занятие по интересам — танцы, настольные игры, необходимые и приятные знакомства, интеллектуальные беседы. Все мы с детства, читая сказки, мечтаем о красоте и совершенстве. Несмотря на необычность идеи для студентов, желающих принять участие в подготовке бала оказалось много, и с каждым новым балом только увеличивалось. Репетиции пользовались у студентов необычайной популярностью, а я, наблюдая их по вечерам, радовалась

и надеялась, что бал станет не просто праздником, а грандиозным и определяющим событием, как это случилось на первом Новогоднем. В жизни у каждой девушки должен быть первый бал Наташи Ростовской, а у юноши — судьбоносный бал Андрея Болконского».

Возрождение традиции состоялось 28 апреля 2010 года. Бал преподавателей и сотрудников факультета гуманитарного образования имел целью идею единения, более близкого знакомства преподавателей кафедр, тесного их взаимодействия. К последователям культурных и исторических традиций, несомненно, относится и коллектив Уральского федерального университета. Профком сотрудников и преподавателей при поддержке, содействии и покровительстве руководства университета проводит в стенах заведения балы для членов коллектива и друзей университета. Изучая основы бальной культуры и церемониала, работая с архивными, художественными и мемуарными источниками, они стараются как можно точнее передать настроение прошлых столетий, возродить атмосферу былого величия бала. Удачной оказалась идея проводить балы в Старый Новый год: закончился первый семестр, новогодние каникулы... и перед сессий — бал. Для каждого бала определялась концепция, которая воплощалась в сценарии.

Общая идеология первого бала была сформулирована как объединение двух вузов, давайте знакомиться, чтобы найти какие-то точки соприкосновения двух коллективов. Университетский бал и стал таким катализатором сближения.

Храм науки на горке стоит,
Весь одетый в уральский гранит,
Наш УПИ, наш родной институт,
Где прекрасные кадры куют...
Знают Лондон, Париж и Москва,
Что упийцы всему голова.
Но права народная молва,
Что нужна вторая голова.
Инженеры — технари — все ждут,
Когда к ним их коллеги из УрГУ придут.

Но я вспомнить, однако могу,
Что возник-то УПИ из УрГУ.
Долго вузы работали врозь,
Но земная вращается ось —
И сегодня уместно сказать:
Мы отныне едины опять!
(Л. П. Быков, профессор УрФУ)

В первом университетском бале участвовало свыше 280 человек. Сотрудники собирались на паркете под звуки классической музыки, а бал открылся «Заздравной» из оперы Верди «Травиата», что и задало тон всему балу, несмотря на то, что бал был построен на отдельных художественных номерах сотрудников двух университетов. Эти номера были тщательно отобраны режиссерско-редакторской группой: новогодние песни, джазовый вокал и многое другое. А танцевальную часть бала открывала группа сотрудников, которая специально к балу готовила бальные танцы. И в их исполнении все увидели испанский вальс, танго. Другой находкой мы считаем проведение мастер-класса по обучению бальным танцам. Кроме этого, выступили факультеты с творческими поздравлениями и тостами. Игры позволили преподавателям активно подвигаться, вспомнить детство, искренне повеселиться.

За эти годы университетские балы посетили тысячи людей и каждый из них, благодаря стараниям организаторов, почувствовал себя желанным гостем. Преподаватели университета с удовольствием принимали участие в театрализованных сценках, используя язык веера, перчаток, знакомились с основами бального танца. Бал во все времена был хорошей школой общения для людей.

Бал 2012 года года был открыт вальсирующими парами под музыку Ф. Легара и посвящением Науке:

Друзья, на праздничном балу
Науке вечную хвалу воздадим за то,
Что ее дары бесконечно всегда щедры.
Она нас делает добрей, и благородней, и мудрей.
Эту песнь мою в ее честь пою, за науку бокал свой пью.

Радость свершений и откровений,
Тайны прозрений, ярких мгновений
В этом чистом, в этом лучистом,
В этом игристом золотом вине.
Пью за свершенье Ваших мечтаний,
За исполненье светлых желаний.
Пью за юных и дивных
Ассистентов активных,
Пью за старших и их перспективы навсегда.
Пью за опыт доцентов,
Строгий взгляд рецензентов,
За профессорский мудрый наказ,
За всех, за всех — за вас.
Эту чашу пью за дружбу нашу,
За огонь во взорах,
За сердечный порох.
Эту чашу пью за дружбу нашу —
Пьем за университет!

(Е. Н. Нархова, доцент УрФУ)

Впечатления от Новогоднего бала:

«Когда осенью 2011 года наша коллега Елена Николаевна Нархова предложила группе преподавателей участвовать в открытии осеннего студенческого бала, я не думала, что это станет для участников и других преподавателей совершенно новой страницей в нашей университетской жизни. Студенческие балы, инициатором которых была Елена Николаевна Нархова, стали буквально предметом зависти для преподавателей. Руководство нашей профсоюзной организации сделало много, чтобы традиционные новогодние вечера преподавателей превратились в настоящие Новогодние Балы! Возрождение классического бала в нашем вузе соответствует его новому статусу и делает его не просто местом работы, но и местом формирования новой организационной культуры! С каким удовольствием преподаватели всю осень разучивали бальные танцы, репетировали и очень огорчались, если репетиция

не могла состояться. Наши предновогодние репетиции преподавателей превратились в круглогодичные занятия балными танцами при организационной и финансовой помощи профсоюзной организации УрФУ. Круг участников в подготовке к балу с каждым годом расширялся, и было приятно, что новогодние балы объединяли старшее и молодое поколение преподавателей из разных институтов. Объединение двух ведущих вузов города — дело очень трудное, но единая культурная основа классических балов значительно ускоряет этот процесс создания единого коллектива преподавателей и студентов УрФУ и помогает сформировать привлекательный имидж вуза». Таково мнение доцента кафедры социологии и ТГМУ Дегтяревой Татьяны Петровны.

«Мы очень рады, что нас пригласили. С момента создания УрФУ мечтали влиться в общий дружный коллектив на уровне неформального общения, и, наконец, наша мечта сбылась. Особо радует факт, что бал проводился именно после знаменательных дат и событий (Новый год, Рождество, каникулы, обычно посвящаемые семье, и т. д.), как завершающий аккорд зимних праздников.

Веселились от души. Развлекательная программа получилась оптимальной по времени и многогранной по содержанию. Понравилась разнонаправленность мероприятия: желающие петь — пели, желающие танцевать — танцевали, желающие выпить и поесть — выпили и поели. Ограничений не было. Стол порадовал разнообразием и изобилием блюд. И белое вино было как нельзя кстати.

Мы много узнали о наших коллегах из УрГУ — нашей будущей второй половины. Особенно понравились биологи, которые спели о том, как радостно им было гулять в зеленом саду.

Оформление «паркета» было, как всегда, удачным и способствовало праздничному настроению. Мы прониклись этим настроением, порадовали окружающих и порадовались сами атмосфере общего веселья и отсутствию пафоса.

Из отрицательного: было мало питьевой воды, не было овощей и фруктов. Пирожные не достались, кофе и чай достался с трудом. Одного песенного конкурса было мало, хотелось чего-то еще.

Но — мы довольны и счастливы! Организаторам бала — спасибо!!! Приглашайте нас почаще». Это мнение сотрудников Зональной научной библиотеки УрФУ.

Анализ проведенного бала позволил сделать следующие выводы:

- 1) было положено начало возобновлению традиций университета;
- 2) необходимо заранее готовить всех желающих учиться бальным танцам, чтобы принять участие в следующем бале более подготовленными;
- 3) провести разъяснительную работу о необходимости специально одеваться для бала в бальные или вечерние платья и костюмы;
- 4) следующий бал провести с преобладанием бальных танцев;
- 5) оценки участников были самыми положительными, кроме того, желание принять участие появилось у тех, кто не участвовал.

Можно сделать вывод, что у преподавателей есть латентная потребность в неформальном общении, которая реализуется в ходе бала, о чем свидетельствуют отзывы участников.

Доктор исторических наук, профессор Ольга Поршнева рассматривает бал как «время отдохновения, время праздника. Бал — манящий, чарующий — особое событие в университетской жизни. Вот уже 10 лет мы с нетерпением ждем Старого Нового года, чтобы закружиться в вальсе, пережить душевный подъем, пообщаться с коллегами в неформальной обстановке, полюбоваться красотой университетских дам и изяществом танцующих. Бал — это праздник, и, как всякий Праздник, — перерыв постепенности в напряженном течении буден, начало Нового этапа, предвкушение радости... Его проведение в новогодние дни глубоко символично и оправданно, ведь это яркий всплеск эмоций, заряжающий так необходимой в темные и холодные январские дни энергией. Он дает преподавателям силы перед экзаменационной сессией...

Корни бала — в дворянской культуре XVIII–XIX вв., когда бал был формой общественной жизни дворянина, свободной от служебной иерархии и семейных забот. Это был особый символический мир, с присущей только ему специфической внутренней организацией, строгим ритуалом.

Организаторы бала УрФУ постарались соблюсти эти незыблемые основы бального действа. Оно всегда продуманно и логично разворачивается от концерта — к полонезу — вальсу — кадрили, затем к выступлениям вокальных и хореографических групп, и в финале — современным танцам всех присутствующих. Эта последовательность — модифицированный алгоритм классического бала, его динамической композиции, учитывающий современные потребности, ритмы, формы саморепрезентаций. Чего стоят концерты приглашенных артистов, создающие праздничное настроение! А выступление ансамбля бального танца УрФУ, демонстрирующего замечательный результат длительной хореографической подготовки преподавателей и сотрудников! Не стоит даже говорить о том, сколько положительных эмоций дает танец самим танцующим...

Потребность в танцах для многих — это прежде всего форма самовыражения, способ показать красоту и изящество движений, ловкость, молодость, спортивность... Замечательно и то, что преподаватели танцуют вместе со студентами, которые зачастую демонстрируют высоты хореографии и выучки.

Особая тема бала УрФУ — наряды дам. Соблюдается негласное правило, подкрепленное организационными усилиями, согласно которому на бал дамы должны приходить в бальных платьях (или просто в платьях) и красиво причесанными. Это чрезвычайно важно в условиях почти поголовно доминирующего «брючного дресс-кода» и делового стиля наших перегруженных работой университетских женщин. Это переодевание и преображение прекрасной половины делает бал праздником в подлинном смысле слова, а УрФУ в «Старый новый год» превращается в великосветскую залу.

Бал — это одна из площадок неформального общения представителей всех структур университета, институтов, кафедр и департаментов. Давно знакомые люди вдруг открываются с новой, неожиданной стороны, как прекрасные, начинающие, подающие надежды вокалисты, танцоры, артисты, музыканты или ораторы.

Да будет бал! Пусть традиция не прервется! Хочется надеется, что каждый год мы будем снова вступать в этот чарующий, волнующий мир новогоднего бального празднества!»

«Сегодня бал. В огнях весь дом ... подъехали кареты,
Шампанское укрыто льдом и слуги приодеты.
Вплывают дамы, всех слепят бриллианты и сапфиры,
Надеты модные шарфы на оголенных спинах...
Грохочет бал, сияет бал, летают в косах ленты,
Повсюду музыка звучит и шепот комплиментов...
Воспомяненья старых дев под жалостные вздохи,
Какие чудные балы давали в Петергофе...»
(В. Старостин)

Сценарий 2011 года

11 января 2011 года с 17.00–22.00, Фойе ГУКа, 2 этаж — паркет,
Актальный зал

Участники занимают места в актовом зале.

1. 16.30 — Звучит музыка на паркете и в зале:

— Вальс «Прекрасный голубой Дунай» (трек 1-й, диск «В ритме танца. Венский бал»), (4 мин 53 с).

«Весенние голоса» (трек 2, «диск «В ритме танца. Венский бал»), (4 мин 39 с) «Венская кровь» (трек 3, «диск «В ритме танца. Венский бал» (3 мин 59 с).

«Вино. Женщины и песни» (трек 10, диск «В ритме танца. Венский бал» (3 мин 56 с).

«Жизнь артиста» (трек 11, диск «В ритме танца. Венский бал» (3 мин 37 с)

«Дунайские волны», (трек 12, диск «В ритме танца. Венский бал» (3 мин 02 с).

«Утренние газеты» (трек 16, «диск «В ритме танца. Венский бал» (3 мин 03 с).

«Сказки Венского леса», (трек 17-й, диск «В ритме танца. Венский бал», (3 мин 28 с).

«Сокровища» (трек 18, диск «В ритме танца. Венский бал» (4 мин 07 с).

2. 17.10 — Открытие бала.

1. Гаснет свет, в темноте и тишине раздаётся голос ведущего:

И обаянье утонченного ума,

И блеск изысканных манер,

И доброта,

И благородной эlegantности полны,

Вы нам являете прекрасные черты.

Вы, несомненно, совершенный идеал,

Уральский федеральный снова правит бал.

3. На сцену направлены 2 прожектора. В их лучах выходит дуэт Лариса Тарабаева и Светлана Май, который исполняет песню «Пять минут» (фонограмма).

4. Ведущий 1: А теперь — поздравления.

Первый проректор университета Матерн Анатолий Иванович,

Поздравительная речь: «Старый Новый год — новый старый ВУЗ»

Как приятно видеть Вас в этом зале в старый Новый год. Позади 2010 год, наполненный сложными, судьбоносными событиями. Мы перешли в новое качество — стали федеральным университетом. Мы продвинулись вперед по пути реализации нашей Программы развития.

В преддверии Нового года нас поздравили Уральское отделение РАН, вузы Екатеринбурга, Новосибирский технический университет, Томский госуниверситет, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет, помощник Полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе, директора ведущих предприятий, федеральное казначейство по Свердловской области, редакция «Российской газеты» и другие.

Поздравил нас и Президент Российского Союза ректоров, ректор МГУ В. А. Садовничий, который в своем Новогодном обращении отметил, что бесценным итогом прошедшего года стало сохранение единства вузовской корпорации России, сохранение единого образовательного пространства, уважения к истории вузов, понимание их роли в регионах присутствия.

И сегодня мы с Вами собрались в старом Новом году в новом старом вузе. Свой огромный опыт, свой интеллектуальный и ду-

ховный потенциал мы, безусловно, возьмем с собой в Новый год и в новый вуз. С Новым годом!

5. Чегодаева Т. А. Поздравление от профсоюзного комитета

Очень важно, что мы возобновляем свои традиции, мы вместе будем создавать, творить благоприятную атмосферу содружества, творчества не только для реализации всех наших идей, целей, задач, но и для того, чтобы нам всем было уютно, психологически комфортно в нашем общем доме. Мы хотели бы, чтобы Вы сегодня были в хорошем настроении, с удовольствием потанцевали — место для этого есть. С Новым годом!

6. (Ведущие им подносят бокалы с шампанским).

Давайте поднимем тост за единую семью Уральского федерального университета! (Тост 2)

7. Ведущий 2:

УПИ — УрГУ — две стороны одной медали

Какие б страсти не пылали

Всегда мы об руку вдвоем

В науке кадры создаем.

Птенцы УрГУ в УПИ творят,

Профессоров благодарят.

Объединив усилия вузов.

Соединив наш интеллект

Вошли мы в XXI век.

Друзья, прекрасен наш союз-

УПИ, УрГУ и Профсоюз!

Давайте поднимем тост за таланты и интеллект Уральского федерального университета. (Тост 3 п).

8. На сцену выходят ведущие:

Ведущий 1: В Уральском федеральном сегодня снова бал.

Шампанское и свечи,

И Штраус и Легар.

Ведущий 2: В июльский знойный вечер

Иль снежною порой

Приветливо встречает

Наш универ родной.

Ведущий 1: Сокровищница классики –
Услада королям –
Границы все стирая
Вновь Вена в гости к нам.

9. Без объявления Шишенина поет арию.

Ведущий 2: Арию из оперетты Легара «Летучая мышь» исполнила Оксана Шишенина.

За 5 минут до окончания номера танцевальные пары выходят из зала и выстраиваются на паркете для вальса (фонограмма).

10. Ведущий 1:

Лишь только вальс нам дарит этот миг,
Лишь только он сейчас объединяет.
И вальс кружит, кружит,
Как в первый раз,
Забытым чувством снова опьяняет.

Ведущий 2:

Душа прекрасной музыкой объята
В порыве танцевально-дружелюбном.
Партнер коллегу сможет поддержать
И пару па замысловатых
В едином круге дружбы передать.

Ведущий 1:

Дух универа, отраженный в танце,
Напоминает нам о радости общения.
Маэстро Штраус приглашает на паркет всех
Почувствовать минуты вдохновенья.

На паркете уже выстроились пары. Как только начинается звучать вальс, пары начинают танцевать (Штраус) 2–3 круга. Затем пары расходятся, приглашая всех на вальс — мужчин и женщин (фонограмма).

11. Ведущий 2: Надеюсь, однако, что Штраус и Легар короли не только вальсов, но и ваших сердец. (Фонограмма) «Брызги шампанского».

12. Ведущий 2:

Взмах веера и отблеск бриллиантов,
Сиянье глаз и нежность дружеских объятий,
Кружение фраков, диадем и платьев.
И кавалеры приглашают дам
К изысканно-торжественному танцу...

Ведущий 1: Итак, величественный па-де-грас — (фонограмма).
Группы исполняют свои танцы под оркестр.

13. Всем вручаются призы.

14. Ведущий 1: Давайте проведем конкурс на знание новогодних песен. Поиграем, какой институт или подразделение знает больше песен о Новом годе.

Ведущие подходят к 3–4 группам и предлагают исполнить песни. Группы по очереди начинают петь. Ведущим помогают Та-рабаева Лариса и Светлана Май.

Группы награждаются сувенирами.

15. Ведущий 1: Сегодня мы с Вами собрались в старом Новом году. Все лучшее давайте возьмем с собой в Новый 2011 год. С Новым годом!

Ведущий 2: Шаги танцоров то медлительны, то быстры.

То звуки рвутся ввысь. А то чуть слышно тают,
Живого вальса ослепительные искры,
Взлетев в последний раз, внезапно угасают..

Ведущий 1: Танцевальное попурри: сиртаки, танго, вальс, твист. Танцуют все

Ведущие наблюдают за танцующими для награждения.

Награждение всех участников бала.

Завершение в 22 ч.

К балу танцевальная группа подготовила па-де-грас, польку, испанский вальс. Холл 2-го этажа преобразился, как отмечали в своем отзыве сотрудники библиотеки, в площадку для праздника, на которой уместились и столики для ужина, и танцпол; выступления участников праздничной программы сменялись танцами. В исполнении Надежды Пушкаревой, доцента университета, прозвучали джазовые композиции.

«Хорошо была организована программа бала. Она получилась многогранной и интересной. Мы услышали и оперные голоса, и джазовые композиции, что привело нас в восторг! Очень порадовало то, что народ практически весь танцевал. Весь коллектив веселился от души!!! Очень изысканные были угощения, вежливы официанты, красиво все оформлено!

Очень бы хотелось, чтобы подобная традиция проведения Новогоднего бала прижилась!!! Благодарим профком за его организацию!» Так отзывались о бале в 2012 году сотрудники Зональной научной библиотеки УрФУ.

Третий бал прошел 11 января 2013 года. Этот бал был построен по другому принципу. Отказались от столиков и, тем самым, увеличили площадь для танцев. Бал разбили на две части: первая часть прошла в актовом зале, вторая — на паркете. Поскольку это Новогодний бал, то песня «Пять минут» из кинофильма «Карнавальная ночь» в исполнении дуэта в составе Ларисы Тарабаевой и Светланы Май оказалась как нельзя кстати. А дальше — Штраус и Легар. Профессионально подготовленные и исполненные номера — Оксана Шешенина с арией из «Летучей мыши» и два ярких коллектива из театра музыкальной комедии — ансамбль «Изумруд» и вокальная группа «Нон-Соло».

Вторая часть прошла на паркете, где всех приветствовал духовой оркестр. Как только открылись двери актового зала, — зазвучал вальс Штрауса, и пары танцевальной группы, которые заранее выстроились в зале, начали танцевать, приветствуя участников бала, вовлекая их в танец. Далее следует па-де-грас и конкурс танцев.

Переменение живой музыки и фонограмм создавало непередаваемую атмосферу праздника. Танцы под духовой оркестр — что может быть лучше! Танцевали вальс, джайв, танго, фокстрот под руководством танцевальной группы. И у многих возникло желание выучить и другие танцы и на следующий бал прийти более подготовленными.

«Приятно, что в устройстве корпоративного праздника УрФУ не следует общей моде, и наш вечер проводился не в банкетном зале профессиональными «затейниками», а на паркете родного

университета. У нас можно найти талантливых людей, способных создать праздничное настроение, особенно если за устройство мероприятия берется профком.

Бальные танцы — это находка, они придали вечеру торжественность и изысканность. Вокалисты были прекрасны. Понравилось и угощение, и возможность потанцевать от души.

Пожалуйста, пригласите нас, если бальные танцы будут снова, мы просто не знали, что такие занятия проводились.

Нам очень понравились бальные танцы, вокал, ведущие и особенные игры. Спасибо за угощение и обслуживание столов. Нам не совсем понятна только затея с аукционом, все пришли на вечер без денег.

Мероприятие прошло интересно, особенно понравились бальные танцы и вокальные выступления.

Стол был умеренно насыщенным, но вкусным.

Спасибо за праздник и возможность отдохнуть в неформальной обстановке!»

Это еще один отзыв от сотрудников Зональной научной библиотеки.

Лёгким трепетом век,
Нежным шейки наклоном
Вспомню с нежностью век,
Что теперь — эталоном.
В нём походы войной
И веселья пирушки,
И язык в нем иной.
Натали пишет Пушкин,
В нём Татьяны упрямы,
И шуршат кринолины.
В нём все женщины — дамы,
А мужчины — мужчины.
Лёгким трепетом век
И глубоким поклоном
Вспомню гордый тот век,
Что взял душу полоном.
(Н. Н. Пушкина-Ланская)

После бала газета УрФУ «Уральский федеральный» опубликовала статью Юлии Безугловой «Да будет бал!»:

«13 января, накануне Старого Нового года, традиционно под эгидой профсоюзного комитета и администрации университета прошел Новогодний бал для сотрудников Уральского федерального университета, которые танцевали в ритме вальса, танго, полонеза...

Новогодний бал сотрудников в университете существовал всегда, но в 90-е годы прошлого столетия проведение этого традиционного праздничного мероприятия было приостановлено. Но относительно недавно, с 2011 года, новогодние балы возобновили в УрФУ.

Открыли новогодний бал добрые слова поздравлений первого проректора УрФУ — Дмитрия Витальевича Бугрова и председателя профкома сотрудников УрФУ — Давыдова Владимира Никифоровича. Далее сотрудники университета переместились на паркет для долгожданного действия, к которому готовились около трёх месяцев. Бал начался! Под стихотворные строчки русских поэтов, под мигание украшенной новогодней ёлки, под звучание классической музыки в прекрасных платьях и костюмах работники нашего университета начали танцевать полонез. Также на вечере было представлено много других танцев, живой вокал и праздничный фуршет.

Сценарий 2013 года

13 января 2014 года с 17.00–22.00 Фойе ГУКа, 2 этаж — паркет», актовый зал

ЧАСТЬ 1, ПАРКЕТ

Ведущие: Лариса Трапезникова, Виктор Филимонов, Светлана Май, Евгений Тормозов

ВСТУПЛЕНИЕ

Звучит полонез (фонограмма)

Лариса: Здравствуйте, дорогие друзья!

Светлана: Добрый вечер, уважаемые коллеги!

Виктор: С Новым годом!

Евгений: Уральский федеральный снова правит бал!

Лариса: Университет — колыбель инноваций!

Светлана: Университет — хранитель и продолжатель традиций!

Лариса: Инноваций!

Светлана: Традиций!

Лариса: Инноваций!

Светлана: Традиций!

Евгений: Не ссорьтесь, девушки! Ведь без прошлого нет будущего! И сегодня мы предлагаем Вам совершить путешествие в не такое, уж, далекое прошлое, в середину XIX века!

Виктор: Итак, бал!!!

ПОЛОНЕЗ

Звучит полонез из Евгения Онегина (Музыка для бала), наглядываясь на слово «бал» (фонограмма).

Полонез танцует танцевальная группа.

2 мин (1 круг).

Лариса: Согласно традиции, принятой в XIX веке, бал открывается полонезом.

Виктор: По правилам бального этикета в полонезе принимают участие все гости, вне зависимости от возраста, положения и желания.

Светлана: И сейчас, дорогие друзья, мы приглашаем вас на танец.

Евгений: Мы просим вас не оставаться в стороне. Как говорят, Цицерон, Диоген, Никола Макиавелли и Иван Дорн — не надо стесняться!

Светлана: Наш распорядитель Антон поможет вам быть чуть-чуть увереннее.

Общий полонез (6 мин)

Мастер-класс. Музыка фоном. Антон дает инструкции:

Репетиция (2 мин)

Общий танец (4 мин)

Звучит финал из оперы «Иоланта» (фонограмма).

Виктор: Источник жизни и познания,
Тепла неиссякающий родник,

Ты вдохновляешь наши гимны,
Сияй же вечно!

Евгений: Тебе поем хвалу и славу,
Жизни родник лучезарный,
Источник познания!

Лариса: Звучит торжественный финал оперы Петра Ильича Чайковского «Иоланта».

Евгений: К кому обращены слова этого гимна, если не к нашему Университету!

Виктор: Для новогоднего поздравления сотрудников приглашаются проректор по учебной работе Уральского федерального университета Сергей Тихонович Князев

Лариса: и председатель профсоюзного комитета сотрудников университета Владимир Никифорович Давыдов!

Песня — Я танцевать хочу! (фонограмма, 3 мин).

Светлана: В исполнении Ольги Зыряновой прозвучала ария Элизы из оперетты Фредерика Лоу «Моя прекрасная леди».

Звучит нарезка вальсов без перерыва (фонограмма).

Папка «Музыка для бала»:

Хачатурян «Маскарад № 13»

Чайковский «Лебединое озеро», «Вальс № 04»

Папка «Музыка для бала»:

«фон» Вальс Людовика XV № 10

Танцует танцевальная группа (3 мин)

Музыка тише

Лариса: Вальс! Есть ли танец удивительней? То блестящий и бравурный, то нежный и мечтательный.

Виктор: Танец, обаянию которого вот уже два века покоряется весь мир!

Светлана: И мы покоряемся красоте и грации его величества, короля бала!

Евгений: В соответствии с правилами бального этикета, вальс, второй танец на балу, можно танцевать только со знакомыми партнёрами.

Виктор: Давайте познакомимся!

(эта фраза — знак для танцевальной группы)

Лариса: В этом нам поможет «Вальс-знакомство»

Продолжает звучать нарезка вальсов (фонограмма).

Ведущие объясняют правила «Вальса-знакомства».

Евгений: В руках участников нашей танцевальной группы вы видите шарики. Шарик в руке — это своеобразная эстафетная палочка, приглашение вступить в игру-знакомство.

Светлана: Сейчас те, у кого в руках шарики, приглашают на танец незнакомого или малознакомого партнера или партнершу.

Евгений: Если Вы хотите разбить уже танцующую пару, вы отдаёте шарик одному из партнёров и продолжаете танец с тем, кого вы выбрали.

Светлана: Если Вы приглашаете того, кто ещё не танцует, вы отдаёте шарик любому человеку, стоящему рядом, и танцуете с выбранным партнером.

Евгений: Те, кто получил шарик вновь или разбивают другую пару, или приглашают партнёра из зала.

Светлана: Успевайте, пока длится танец, узнать друг о друге как можно больше.

Евгений: А после танца мы проверим, как Вы справились с этим заданием.

Танцевальная группа получает шарики, приглашает стоящих людей или разбивает танцующие пары, передают шарики другим людям (своего пола).

«Вальс-знакомство» (7 мин)

Ведущие останавливают танцующие пары и задают вопросы (в это время музыка делается немного тише), чтобы узнать, насколько хорошо друг друга узнали танцующие.

Например, какого цвета глаза вашего партнера?

Где работает ваш партнёр?

Какого цвета галстук у вашего партнера?

Любимый цвет

Праздник

Время года

Число

Место отдыха

Цветы

Блюдо

Марка машины

Музыка

Фильм

Вино

Продолжает звучать вальс

Виктор: Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный.
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал!

(И. Бунин)

Вальс закончился

Евгений: А теперь полька искромётная, живая, зажигательная!

Лариса: На паркете — наша танцевальная группа!

Танцевальная группа

Папка «Музыка для бала» № 06 (фонограмма, 4 мин)

Звучит вальс (фонограмма).

Евгений: Снова приглашаем всех на вальс. Вальс — это светская беседа и объяснения в любви, прикосновения рук и тайный обмен записками.

Светлана: Танцевальное руководство 1825 г. гласило: танец сей, в котором, как известно, кружатся и сближаются особы обоего пола, требует надлежащей осторожности, чтобы избежать излишнего сближения, оскорбляющего приличия.

Виктор: Заключительным танцем на балу был котильон. Первоначально по-французски так называлась нижняя юбка, продемонстрировать край которой в этом танце считалось вполне даже приличным!

Лариса: В России котильон представлял собой набор туров из вальса, галопа, мазурки и польки и был замешан на перемене партнеров и играх. Одна из самых известных игр котильона, сохранившихся до наших дней, — ручеек.

Ручеек. Начинают танцевальная группа (фонограмма, 6 мин).

Открываются двери в актовый зал

Светлана: Лёгким трепетом век,
Нежным шейки наклоном
Вспомню с нежностью век,
Что теперь — эталоном.

Евгений: В нём походы войной
И веселья пирушки.
И язык в нем иной.
Натали пишет Пушкин...

Лариса: В нём Татьяны упрямы.
И шуршат кринолины.
В нём все женщины — дамы,
А мужчины — мужчины.

Виктор: Лёгким трепетом век
И глубоким поклоном
Вспомню гордый тот век,
Что взял душу полоном. (Н. Н. Пушкина-Ланская)

Евгений: Подошел к концу XIX век. И вместе с волшебной музыкой мы приглашаем вас пройти в зал.

Светлана: Мы приглашаем всех в XX век!

Все переходят в зал

ЧАСТЬ 2. АКТОВЫЙ ЗАЛ

Ведущие Лариса и Виктор

Звучат фонограммы:

Чайковский «Сентиментальный вальс» (Музыка для бала)

Рахманинов «Весенний вальс»

Шостакович «Вальс» № 2

Свиридов «Метель» № 05

Выходит «Brilliance квартет»

Лариса: Двадцатый век расставил свои акценты. Бальная музыка приобретает статус чистого искусства, становится эталоном, классикой!

Виктор: Из аристократических гостиных переселяется в концертные залы. Теряет свою непосредственность, становится строже, точнее, но не утрачивает присущего ей заряда веселья и праздника, лёгкости, юмора, хулиганской искромётности!

Лариса: На сцене «Brilliance квартет»!

Виктор: Иоганн Штраус «Бандитский галоп!» (3 мин)

Лариса: Новая танцевальная музыка получает новые, тонкие и лирические краски.

Виктор: Лунная река,

Царица грёз,

Я иду за тобой везде,

Каким бы причудливым ни был мой путь.

Лариса: — Генри Мансина «Лунная река!» (3 мин).

Виктор: — Иоганнес Брамс «Венгерский танец!» (3 мин).

Виктор: — Иоганн Штраус «Марш Радецкого» — произведение, которое, по словам одного дирижера, музыканты должны впитать с молоком преподавателя (3 мин)

Лариса: Великий Иоганн Штраус сказал однажды: «Аплодисменты являются неотъемлемой частью музыки, их следует вписывать в партитуру».

Виктор: По-моему, это сказал великий Джузеппе Верди.

Лариса: Ну и что! Сказал Верди, а аплодисменты Штраусу, королю вальса!

Виктор: И бриллиантам в его короне!

Лариса: «Brilliance квартет»!

Выходит ансамбль «Живые голоса»

Небольшая пауза, секунд 5

Лариса: Оноре де Бальзак сказал: «Любовь слышится в голосе раньше, чем угадывается во взгляде».

Виктор: Том Йорк: «Основной смысл создания музыки заключается в том, чтобы дать голос вещам, которые его никогда не имели».

Лариса: На сцене ансамбль «Живые голоса»!

Без объявления песен

1. I feel good (2,30 мин)
2. Wondeful World, 2,30 мин.
3. Элвис Пресли, 3 мин.

Виктор: Амброс Бирс утверждает, и не без оснований, что самая плохая компания — это одиночество.

Лариса: Это когда человек один, а когда двое?

Виктор: Это уже Инь и Ян. А когда три?

Лариса: Это три грации! А четыре?

Виктор: Это времена года! А пять?

Лариса: Это олимпийские кольца! А шесть?

Виктор: А6 — это автомобиль «Ауди», Лариса.

Лариса: А семь — это наши друзья, ансамбль «Non solo»!

Виктор: Встречаем!

«Нон соло»

1. Попурри 80-х, 5,30 мин
2. «Кукарелла», Африк Симон, 3 мин.
3. «Верни мне музыку», Бабаджанян, 3 мин.
4. Дарида (русский новогодний текст), 3 мин.
5. Попурри 60-х, 5,30 мин.

Виктор: Наш концерт подошел к концу.

Лариса: Мы прощаемся с XX веком и снова приглашаем всех на паркет!

Виктор: На танцы, в нынешний 2014 год.

ЧАСТЬ 3. ПАРКЕТ

Ведущие Лариса, Виктор, Светлана, Евгений

Все выходят из зала. На паркете звучит музыка к танцу группы Анны Никитиной. Девочки не танцуют.

Когда народ вышел из зала, ведущие начинают:

Светлана: Танцевальный ансамбль шоу-балет, руководитель Анна Никитина.

Выступление ансамбля 3 мин.

Евгений: Поднимем бокалы,
содвинем их разом,
да здравствуют музы,
да здравствует разум!

Лариса: А теперь, уважаемые коллеги, мы приглашаем всех вас на новогодний фуршет!

Звучит танцевальная музыка фоном под фуршет

Классика в современных обработках, 20 мин.

После фуршета — Танец общий, быстрый, заводной (dj Сергей) (фонограмма).

Евгений: Внимание, новогодний подарок от Ларисы Тарабаевой и Анны Тюкиной! Танцуем вместе с ними!

Песни «Январская выюга» и «Разговор со счастьем» (фонограммы).

Виктор: Объявляется белый танец, дамы приглашают кавалеров! 4–5 мин.

Светлана: Ещё один новогодний сюрприз! Поёт Галина Бородина!

2 песни в исполнении Г. Бородиной (фонограммы).

Просто танцы.

Звучит сальса (фонограмма).

Светлана: Сальса! Это же сальса!!!

Евгений: Где, где сальце, я же вроде хожу в бассейн!

Светлана: Сальса, Женя, это танец! Антон, дайте же скорее нам мастер-класс!

Антон проводит мастер-класс, 5–7 мин.

Просто танцы, 20 мин.

Светлана: Какой же праздник без песни!

Евгений: Без песенного конкурса!

Светлана: Объявляется конкурс песен о России. Желающие принять участие собирайтесь в команды и подходите к микрофонам.

Конкурс песен

Подведение итогов: всем участникам—победителями в разных номинациях дать призы.

Евгений: Внимание, дорогие друзья! Подводим итоги песенного конкурса.

Светлана: В номинации _____ победила команда _____

При объявлении победителей ведущие могут меняться.

Номинации:

- За исполнительское мастерство
- За большой тезаурус (отдельный приз тому, кто угадает, что имеется в виду под словом тезаурус)
- За инновационный подход к теме
- За самую большую команду
- За креативность
- За разножанровость
- За исполнение песни на наноуровне

Евгений: Аплодисменты победителям!

Просто танцы

Виктор: А сейчас, господа, самое главное!

Светлана: Для подведения итогов бала мы просим подойти к нам организаторов и вдохновителей сегодняшнего праздника

Евгений: заместителя председателя профсоюзного комитета сотрудников Уральского федерального университета Татьяну Александровну Чегодаеву

Лариса: и доцента кафедры организации работы с молодёжью, то есть с нами, с вами, Елену Николаевну Нархову.

Объявление победителей в номинациях

Татьяна Александровна и Елена Николаевна (по очереди):

— В номинации _____ победителем стал/стала _____

Номинации:

- Самый загадочный женский образ
- Самый лучший костюм
- Самый активный
- Самый выносливый
- Самый внимательный
- Самый галантный

Лариса: Дорогие друзья, на этом мы прощается с вами!

Виктор: С новым годом!

Светлана: С новым счастьем!

Евгений: А танцы продолжаются!

Заканчивается бал в 22.00.

Заключение

Балы — это новые возрожденные формы образовательного и воспитательного процесса, которые объединяют студентов и преподавателей университета, являясь маркером субкультурной идентичности. Основной итог бала — это сформировавшаяся атмосфера доброжелательности, взаимопомощи, ощущение единства, рефлексия самоидентификации. Данные результаты можно рассматривать как сохранение одной из основ классического университета — гуманистической направленности мировоззрения. Бал — культурное пространство, дающее каждому студенту равную возможность самореализации, самовыражения посредством искусств: танца, музыки, театра и художественного творчества. Для преподавателей — это возможность общения с коллегами в неформальной обстановке, возможность проявить себя в танце (и освоить танец) в специально подготовленной для бала одежде (платье, туфли, костюмы, смокинги, бабочки и т. п.).

Совместная созидательная деятельность преподавателей и студентов в процессе подготовки и проведении балов развивает способности к сотрудничеству, взаимопониманию и создает неформальную передачу знаний и опыта от одного поколения к другому.

Таким образом, проведение университетских балов — это новый способ формирования этико-эстетической культуры городской среды, направленный на улучшение проведения досуга, стимулирование получения знаний по учебным дисциплинам, а также побуждение молодежи на социальную и гражданскую активность.

Бальные традиции Уральского федерального университета являются примером воссоздания традиций, формой культурно-досугового пространства интеллектуального слоя России.

Литература

1. Абрамов А. М. Забытый юбилей / А. М. Абрамов // Эксперт online. — Режим доступа: bit.ly/2w456ob. — Загл. с экрана.
2. Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации: учеб. пособие для студентов вузов / Г. А. Аванесова. — Москва : Аспект Пресс, 2006. — 236 с.
3. Алексеева А. Кольцо графини Шереметевой / А. Алексеева. — Москва : АСТ, 2010. — 320 с. — (Серия «Внеклассное чтение»).
4. Альбом костюмированного бала в Зимнем дворце // Издательский дом «Первое сентября». — Режим доступа: bit.ly/2HzSvyu. — Загл. с экрана.
5. Андреев А. И. Студенческая жизнь Императорского Московского университета (1755–1917) / А. И. Андреев, В. А. Змеев, И. В. Ильин ; Моск. гос. ун-т. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. — 552 с.
6. Андреев А. Л. О модернизации образования в России: Историко-социологический анализ/А. Л. Андреев // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 111–120.
7. Андреев А. Л. Российское образование: социально-исторические контексты / А. Л. Андреев; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. — Москва : Наука, 2008. — 359 с.
8. Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле / Е. В. Анисимов. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 446 с. — (Серия «Дворцовые тайны»).
9. Анисимов Е. В. Императорская Россия / Е. В. Анисимов; ред. Е. Цветкова. — Санкт-Петербург: Питер, 2016. — 640 с.
10. Ансело Ф. Шесть месяцев в России / Ф. Ансело ; вступ. ст., пер. с фр., коммент. Н. М. Сперанской. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 288 с.
11. Антонов Б. И. Петербург — 1914 — Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни/Б. И. Антонов // Электронная библиотека PROFLIB. — Режим доступа: bit.ly/2r2pYr5. — Загл. с экрана.
12. Арсеньева Е. А. Царица любит не шутя / Е. А. Арсеньева // Электронная библиотека RuLit. — Режим доступа: bit.ly/2Htxsqc. — Загл. с экрана.
13. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. — Москва : Наука, 1989. — 247 с.

14. Архипова Н.И. Проблемы кадрового обеспечения в условиях модернизации системы высшего профессионального образования в России / Н.И. Архипова, Е.Ю. Колетвинова, О.Л. Седова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 10. — С. 11–25.

15. Арцишевский И. Эксперты: как деловому человеку одеться на прием / И. Арцишевский, О. Давтян // Деловой Петербург. — Режим доступа: bit.ly/2jdy1wR. — Загл. с экрана.

16. Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве, по сохранившимся архивным документам / А. Барсуков, А. Барсукова. — Москва: Синодальная тип., 1886. — 67 с.

17. Барышникова И.Е. Профессиональная компетентность: виды, структура и современные подходы / И.Е. Барышникова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — № 3. — С. 69–80.

18. Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) / Э.Я. Баталов // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 32–41.

19. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. Статьи и рецензии 1841–1845 гг. / В.Г. Белинский; под общ. ред. Ф.М. Головенченко; ред. С.П. Бычкова // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/1PrMSLX. — Загл. с экрана.

20. Беловинский Л.В. Культура русской повседневности: учеб. пособие / Л.В. Беловинский. — Москва: Высшая школа, 2008. — 766 с.

21. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и прочувствованном: в 4 ч. Ч. 1 / А.П. Беляев // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2qVLihG. — Загл. с экрана.

22. Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. — Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1997. — 493 с.

23. Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. В 4 ч. Ч. 2. 1722-й год / Ф.В. Бергольц; пер. с нем. И. Аммон. — 2-е изд. — Москва: Тип. Лазаревского ин-та восточ. яз., 1860. — 359 с.

24. Бехтеев С. Царь-богатырь / С. Бехтеев // SouLibre. — Режим доступа: bit.ly/2r65DkO. — Загл. с экрана.

25. Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово / Д. Благово. — 3-е изд. — Москва: Ленанд, 2014. — 480 с.

26. Бларамберг И.Ф. Воспоминания / И.Ф. Бларамберг; пер. с нем. О.И. Жигалиной, Э.Ф. Шмидта; вступ. ст. Н.А. Халфина; коммент.

О. И. Жигалиной // Милитера: Военная литература. — Режим доступа: bit.ly/2Нумjv1. — Загл. с экрана.

27. Бойко М. Н. Россия XVII–XIX веков: цивилизационный поворот или культурная самобытность / М. Н. Бойко // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и новейшее время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. А. Хренов. — Москва : Наука, 2003. — С. 195–225.

28. Борог О. В. Общедоступный бал как социально-психологический феномен / О. В. Борог // Мир психологии. — 1996. — № 2. — С. 54–63.

29. Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России: Воспоминания фрейлины / С. К. Буксгевден ; ред. Т. Манакова, К. Протопопов. — Москва: Вече: Грифъ: Лепта Книга, 2013. — 846 с.

30. Булгаков А. Я. Переписка. В 3 т. Т. 1. Письма 1802–1820 гг. / А. Я. Булгаков, К. Я. Булгаков. — Москва: Захаров, 2010. — 752 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).

31. Булгарин Ф. В. Воспоминания / Ф. В. Булгарин // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2Нwqwj1. — Загл. с экрана.

32. Валишевский К. Романы императрицы: Екатерина II / К. Валишевский; пер. с польск. А. Михайлова. — Москва : Мир книги: Литература, 2006. — 496 с.

33. Вебер Х. Ф. Записки Вебера / Х. Ф. Вебер; пер., примеч. П. П. Барсова // Русский архив. — 1872. — №. 7/8. — С. 1334–1457.

34. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары / пер. Л. Бурмистровой, И. Кастальской, В. Харитоновой. — Москва : Захаров, 2014. — 512 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).

35. Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843 / О. Верне; пер. с фр. Д. Васильева. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2008. — 174 с.

36. Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: очерк / В. С. Верхоланцев. — Пермь, 1913. — 202 с.

37. Вигель Ф. Ф. Записки / Ф. Ф. Вигель; под ред. С. Я. Штрайха. — Режим доступа: bit.ly/2НН76Vu. — Загл. с экрана.

38. Вигель Ф. Ф. Светская жизнь Российской империи / Ф. Ф. Вигель; ред. Е. А. Павликова. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — 304 с. — (Серия «Подарочные издания»).

39. Видт И. Е. Образование как феномен культуры. — Тюмень : Печатник, 2006. — 200 с.

40. Виситова Л. С. Инновационные методы преподавания в начальной школе / Л. С. Виситова // Образование и воспитание. — 2016. — № 1(6). — С. 16–19.

41. Вишневецкий Ю. Р. Социология молодежи : учеб. пособие / Ю. Р. Вишневецкий, Д. Ю. Нархов ; науч. ред. А. В. Пономарев ; УрФУ. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 246 с.

42. Вишневский Ю. Р. Социология : курс лекций для техн. вузов / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. — 3-е изд., доп. и перераб. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2007. — 279 с.

43. Воейков В. Н. С царем или без царя / В. Н. Воейков. — Москва : Захаров, 2016. — 400 с. — (Серия «Биография и мемуары»).

44. Воррес Й. Последняя великая княгиня / Й. Воррес // Сайт e-Reading. — Режим доступа: bit.ly/2HvPR8L. — Загл. с экрана.

45. Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 320 с. — (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»).

46. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / пер. с фр. Д. Соловьева. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. — 304 с.

47. Вырубова А. Воспоминания: переизд. / А. Вырубова. — Москва : Захаров, 2015. — 452 с.

48. Высочков Л. В. Будни и праздники императорского двора / Л. В. Высочков. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 496 с.

49. Вяземский П. А. Допотопная или допожарная Москва / П. А. Вяземский // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2reujNJ. — Загл. с экрана.

50. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений : В 12 т. Т. 7 / П. А. Вяземский // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2HNb6Y3. — Загл. с экрана.

51. Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский ; вступ. статья и примеч. В. И. Коровина. — Москва : Советская Россия, 1978. — 270 с.

52. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. — 2-е изд. — Москва : Захаров, 2005. — 384 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).

53. Гаврилюк В. В. Профессиональный потенциал преподавателей вузов / В. В. Гаврилюк // Актуальные проблемы социологии: сб. науч. статей. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 147–157.

54. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры / Н. Г. Гарин-Михайловский // Электронная библиотека PROFLIB. — Режим доступа: bit.ly/2rbKgxJ. — Загл. с экрана.

55. Гафифуллин Р. Костюмированный бал в Зимнем дворце: в 2 т. Т. 2 / Р. Гафифуллин. — Москва : Русский антиквариат, 2003. — 592 с.

56. Гегель Л. А. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты / Л. А. Гегель, В. И. Зубков, Г. Г. Николаев. — Москва : Изд-во ООО Типография «парадиз», 2008. — 200 с.

57. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновенных одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Русская симфония, 2005. — 799 с.
58. Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера / А. П. Глушковский. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург ; Москва ; Краснодар : Планета музыки: Лань, 2010. — 567 с.
59. Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма / Н. В. Гоголь. — Москва : Художественная литература, 1985. — 368 с. — (Серия «Классики и Современники»).
60. Головина В. Н. Мемуары / В. Н. Головина. — Москва : АСТ: Астрель : Люкс, 2005. — 402 с.
61. Григорович Д. В. Полька в Париже и в Петербурге / Д. В. Григорович; пер. с фр. и доп. С. Громилова. — Санкт-Петербург : Тип. С.-Петербургского Губернского Правления, 1845. — 64 с.
62. Гуревич П. С. Культура и контркультура / П. С. Гуревич // Свободная мысль. — 1994. — № 11. — С. 82–92.
63. Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 / П. М. Дараган // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2HtxJwr. — Загл. с экрана.
64. Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Е. Р. Дашкова. — Москва : Издательство МГУ, 1987. — 496 с.
65. Две характеристики: из записок графа О. Г. Головкина / Н. Шильдер // Русская старина. — 1896. — Т. 88, № 11. — 692 с.
66. Ден Ю. А. Подлинная царица / Ю. А. Ден ; ред. М. К. Залесская. — Москва : Вече, 2013. — 320 с. — (Серия «Царский венец»).
67. Дневник Д. А. Милютин : В 4 т. Т. 1. 1873–1875 / ред. и примеч. П. А. Зайончковского. — Москва : Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1947. — 255 с.
68. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. / излож. и отрывки С. Горяинова // Голос минувшего. — 1913. — № 2. — С. 124–164.
69. Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / И. М. Долгоруков; вступ. ст. Г. Д. Овчинникова ; прим. А. А. Ковзуна, Н. В. Фролова. — Москва : Наука, 1997. — 574 с.
70. Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII — пер. пол. XIX века / Е. В. Дуков // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.: Очерки истории и теории / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 173–195.
71. Дуков Е. В. Бал как социальная практика в России XVIII–XIX веков / Е. В. Дуков // Музыка быта в прошлом и настоящем : сб. статей. — Ростов : Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 1996. — С. 142–156.

72. Дуков Е. В. Концерт в истории западноевропейской культуры / Е. В. Дуков. — Москва : Классика-XXI, 2003. — 256 с.
73. Екатерина II о дамских уборах. Октября 24-го дня 1782 г. / сообщ. М. А. Веневитинов // Русская старина. — 1888. — Т. 59, № 7. — С. 177.
74. Епанчин Н. А. На службе трех императоров / Н. А. Епанчин // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Фонда, 2001. — 576 с. — (Серия «Государственные деятели России глазами современников»).
75. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания / Н. А. Епанчин. — Москва : Полиграфресурсы, 1996. — 576 с.
76. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учеб. для студентов вузов / Б. С. Ерасов. — 3-е изд., доп. и перераб. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 591 с.
77. Жирарден Д. Рядом с царской семьей / Д. Жирарден, П. Жильяр; пер. Н. Корякиной. — Москва : Вече, 2013. — 352 с. — (Серия «Царский венец»).
78. Жихарев С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. — Москва : Захаров, 2004. — 560 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).
79. Записки Императрицы Екатерины II: репринтное воспроизведение 1907 года. — Москва : Орбита, Моск. филиал, 1989. — 750 с.
80. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. — Москва: Дело, 2004. — 400 с.
81. Захарова О. Ю. Балы России второй половины XIX — начала XX века / О. Ю. Захарова — Санкт-Петербург: Лань : Планета музыки, 2012. — 176 с. — (Серия «Мир культуры, истории и философии»).
82. Захарова О. Ю. Веселье без перерыва. Балы и маскарады Елизаветы Петровны / О. Ю. Захарова // Родина. — 1995. — № 6. — 160 с.
83. Захарова О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской Империи XVIII — начала XX века / О. Ю. Захарова. — Москва : АиФ Принт, 2003. — 400 с.
84. Захарова О. Ю. История русских балов / О. Ю. Захарова. — Москва : [б. и.], 1998. — 80 с.
85. Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX века. Танцы, костюмы, символика / О. Ю. Захарова. — Москва: Центрполиграф, 2010. — 448 с.
86. Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. / О. Ю. Захарова. — Москва: Центрполиграф, 2003. — 329 с.
87. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры : учеб. пособие для вузов / Г. Е. Зборовский. — Москва, 2006. — 242 с.
88. Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность / Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. — 484 с.

89. Зборовский Г. Е. Социология образования: учеб. пособие / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. — Москва : Гардарики, 2005. — 383 с.
90. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: моногр. / Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. — 304 с.
91. Зборовский Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. — 2010. — № 4 (28). — С. 11–20.
92. Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев / Л. Д. Злоказов, В. Б. Семенов. — Екатеринбург : ИГЕММО Lithika: Музей истории Екатеринбурга, 2000. — 607 с.
93. Зобов Р. А. Человекознание: самореализация человека : учебник / Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев ; под общей редакцией проф. В. Н. Келасьева. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 461 с.
94. Игнатъев А. А. 50 лет в строю: Воспоминания / А. А. Игнатъев. — Москва : Захаров, 2002. — 540 с.
95. Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины Прусского двора // Русский архив. — 1885. — Кн. 1, № 4. — С. 465–486.
96. Именные указы императрицы Елизаветы Петровны. Из бумаг М. Д. Хмырова // Исторический вестник. — 1880. — Т. 3, № 10. — С. 410–411.
97. Ионин Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие / Л. Г. Ионин. — Москва: Логос, 1996. — 280 с.
98. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя / И. Ф. Исаев. — Москва : Академия, 2004. — 208 с.
99. История дома Благородного собрания // Дом союзов. — Режим доступа: bit.ly/2Kqтb6e. — Загл. с экрана.
100. Каменская М. Воспоминания / М. Каменская. — Москва : Художественная литература, 1991. — 386 с.
101. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — Москва : Наука, 1991. — 127 с.
102. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. — Москва: Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. — 560 с.
103. Кац А. М. Качество образования: подлинный смысл и бессмысленные процедуры / А. М. Кац // Директор школы. — 2001. — № 3. — С. 39–50.
104. Ключевский В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский // Электронная библиотека ЛитМир. — Режим доступа: bit.ly/2KjZY2b. — Загл. с экрана.
105. Ключевский В. О. Лекция 69. Ассамблеи. Учебник Приличий / В. О. Ключевский // Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 3 / В. О. Ключевский. — Москва : АСТ, 1993. — 558 с.

106. Коган Л. Н. Интеллигенция / Л. Н. Коган, Г. Н. Чернявская // Личность. Культура. Общество / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — 2009. — Т. II. — 382 с.
107. Коган Л. Н. Социология культуры : учеб. пособие / Л. Н. Коган. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 120 с.
108. Коган Л. Н. Теория культуры (Екатеринбург, 1993 г.) / Л. Н. Коган // Личность. Культура. Общество. Т. II: Работы 1988—1997 гг. / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : ИПЦ «Маска», 2009. 382 с. — (С. 160—192).
109. Коган Л. Н. Теория культуры : учеб. пособие / Л. Н. Коган. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. — 160 с.
110. Коган Л. Н. Интеллигенция (Екатеринбург, 1996 г.) / Л. Н. Коган, Г. Н. Чернявская // Личность. Культура. Общество. Т. II: Работы 1988—1997 гг. / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2009. 382 с. (С. 278—315).
111. Коган Л. Н. Социология культуры (Екатеринбург, 1992 г.) // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Т. II / Работы 1988—1997 гг. / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : ИПЦ 2 Маска», 2009. 382 с. — (С. 121—160).
112. Кокс У. Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии//Президентская библиотека. — Режим доступа: bit.ly/2NH9j6xX. — Загл. с экрана.
113. Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры : дис. ... канд. культурологии / А. В. Колесникова. — Санкт-Петербург, 1999. — 286 с.
114. Колесникова А. В. Бал в России XVIII — начала XX века: моногр. / А. В. Колесникова. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 304 с. — (Серия «Искусство жизни»).
115. Колмаков Ю. П., Хронология. 1891. Ноябрь / Ю. П. Колмаков, Н. С. Романов // Иркипедиягу. — Режим доступа: bit.ly/2HxVuVu. — Загл. с экрана.
116. Коркина Т. А. Профессионализм руководителя: содержание понятия и особенности / Т. А. Коркина, О. С. Шивырялкина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 2 (331). — С. 84—89.
117. Корнилович А. О. О первых балах в России / А. О. Корнилович // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2rmdAS9. — Загл. с экрана.
118. Короткова М. В. Традиции русского быта: энцикл. / М. В. Короткова // Волгоградская областная универсальная научная библиотека. — Режим доступа: bit.ly/2HUW2Ua. — Загл. с экрана.

119. Корф М. А. Дневник. Год 1843-й / М. А. Корф. — Москва: Academia, 2004. — 504 с.
120. Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / М. А. Корф; Рос. акад. наук, Ин-т Рос. истории. — Москва : Рубежи XXI, 2010. — 574 с.
121. Корф М. А. Записки / М. А. Корф. — Москва : Захаров, 2003. — 720 с.
122. Костомаров Н. И. Марина Мнишек / Н. И. Костомаров // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей // ModernLib.Ru. — Режим доступа: bit.ly/2vVdLcD. — Загл. с экрана.
123. Костюмированный бал у А. Н. и М. К. Брянчаниновых // Столица и усадьба — 1914. — № 6. — С. 22.
124. Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января // Всемирная иллюстрация. — 1883. — № 737. — С. 183.
125. Кропоткин П. А. Записки революционера / П. А. Кропоткин // Милитера: Военная литература. — Режим доступа: bit.ly/2qYxiD3. — Загл. с экрана.
126. Кудря А. Кустодиев / А. Кудря. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 368 с. — (Серия «Жизнь замечательных людей»).
127. Кузнецова В. И. Балы в России и в Иркутске / В. И. Кузнецова // Иркипедияги. — Режим доступа: bit.ly/2HVRzpk. — Загл. с экрана.
128. Культура России. 2000-е годы / отв. ред. Е. П. Костина ; науч. рук. А. Я. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. — 864 с.
129. Культура современного студенчества: сб. ст. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2010. — 177 с.
130. Культурология : учеб. для студентов техн. вузов / Н. Г. Багдасарьян, А. В. Литвинцева, И. Е. Чучайкина [и др.] ; под ред. Н. Г. Багдасарьян. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 2004. — 709 с.
131. Культурология : учебник / под. ред. Ю. Н. Солонины, М. С. Кагана. — Москва : Юрайт, 2011. — 566 с.
132. Культурология. XX век : словарь / гл. ред., сост. и авт. проекта А. Я. Левит; отв. ред. Л. Т. Мильская. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. — 640 с.
133. Культурология : учеб. для студ. техн. вузов / Н. Г. Багдасарьян, А. В. Литвинцева, И. Е. Чучайкина [и др.] ; под ред. Н. Г. Багдасарьян. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Высш. шк., 2004. — 709 с.
134. Культурология : учебник / под. ред. Ю. Н. Солонины, М. С. Кагана. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. — 566 с.
135. Кюстин де А. Николаевская Россия / А. де Кюстин ; пер. с фр. Я. Гессена, Л. Домгера. — Москва : АСТ : АСТ Москва : Хранитель: Neoclassic, 2008. — 416 с. — (Серия «Историческая библиотека»).
136. Кюстин де А. Россия в 1839 году / А. де Кюстин // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. — Ленинград :

Лениздат, 1991. — 528 с. — (Серия «Библиотека «Страницы истории Отечества»»).

137. Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. В. Лаврентьева. — Москва : Олма-Пресс, 1999. — 640 с.

138. Лаврентьева Е. В. Светский этикет пушкинской поры / Е. В. Лаврентьева. — Москва : Олма-Пресс, 1999. — 637 с.

139. Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. — Москва: Художественная литература, 1985. — 478 с. — (Серия «Классики и современники»).

140. Лернер Н. О. Маскарад: Забытый рассказ из жизни Пушкина / Н. О. Лернер // Русская старина. — 1913. — № 4. — С. 122–141.

141. Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачев; сост., подготовка текста и вступительная статья Д. Н. Бакуна. — М. : Российский фонд культуры, 2006. — 336 с.

142. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Согласие: Новости, 1998. — 471 с.

143. Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 23 февраля / 7 марта 1845 г. Москва // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. — Москва: Студия ТРИТЭ: Российский Архив, 2001. — Т. XI. — С. 279–282.

144. Лотман М. Ю. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / М. Ю. Лотман // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам VIII: К 70-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. — 1977. — Вып. 411. — С. 65–89.

145. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — нач. XIX века / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. — 399 с.

146. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — нач. XIX века / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Азбука, 2014. — С. 121. — (Серия «Культурный код»).

147. Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Воспитание души. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. — 624 с.

148. Малышев С. А. Военный Петербург эпохи Николая I. — Москва : Центрполиграф, 2012. — 400 с. — (Серия «Все о Санкт-Петербурге»).

149. Манхейм К. Избранное: Социология культуры / К. Манхейм. — Москва—Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. — 501 с.

150. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи / Н. Марченко — Москва : Изограф: Эксмо, 2001. — 368 с.

151. Массон Ш. Секретные записки о России / Ш. Массон. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 208 с.
152. Матвеев А. А. Архив, или Статейный список, Московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день // Русский дипломат во Франции. — Ленинград : Наука, 1972. — 300 с.
153. Мемуары графа С. Д. Шереметева / сост., подгот. и примеч. Л. И. Шохина — Москва : Индрик, 2001. — 736 с.
154. Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / отв. ред. С. Никитин. — Москва : Три века истории, 2000. — 480 с. — (Серия «Русские дневники. Письма. Воспоминания»).
155. Мессельер де ла. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года / сост. В. Д. Мюссе-Патай // Русский архив. — 1874. — Кн. 1, вып. 4. — С. 952–1031.
156. Местр де Ж. Петербургские письма / Ж. де Местр; сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева // Электронная библиотека RuLit. — Режим доступа: bit.ly/2Hfkraw. — Загл. с экрана.
157. Мешков Г. И. Из воспоминаний Г. И. Мешкова / Г. И. Мешков // Русская старина. — 1903. — Т. 114, вып. 4–6. — С. 555–572.
158. Миненко Н. А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. — Москва : Наука, 2006. — 384 с.
159. Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XIX в.). В 2 т. Т. 1 / Б. Н. Мионов. — 3-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 548 с.
160. Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: В 3 т. Т. 2 / В. О. Михневич. — Санкт-Петербург, 1882. — 431 с.
161. Модернизация российского образования : проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. — Москва : ЦСПиМ, 2010. — 352 с.
162. Мосолов А. А. При дворе последнего императора / А. А. Мосолов. — Москва : Просвещение, 2016. — 304 с. — (Серия «Русская классика в иллюстрациях»).
163. Мужская мода XIX века // LiveInternet. — Режим доступа: bit.ly/2KBONL2. — Загл. с экрана.
164. Муханов П. Московская литературная мозаика / П. Муханов // Библиотека Кеменкири. — Режим доступа: bit.ly/2HxSGtk. — Загл. с экрана.
165. Нархова Е. Н. Коммуникативные технологии в молодежной политике / Е. Н. Нархова // Центр новых образовательных технологий УрФУ. — Режим доступа: bit.ly/2ro5gkR. — Загл. с экрана.
166. Нархова Е. Н. Социология культуры: учеб. пособие / Е. Н. Нархова. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — 229 с.

167. Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей / Е. А. Нарышкина ; сост., вступ. ст., перев. и коммент. Е. В. Дружининой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 688 с.

168. Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников / В. Наумов // История государства. — Режим доступа: bit.ly/2rkyIIa. — Загл. с экрана.

169. Нестерова-Анфиногенова Н. Воспоминания / Н. Нестерова-Анфиногенова // Уральская старина: лит.- краевед. зап. — 2000. — Вып. 4. — С. 187.

170. Никифоров Д. Москва в царствование императора Александра II: Воспоминания / Д. Никифоров. — Москва : Гос. публич. истор. б-ка России, 2013. — 352 с.

171. Николай I. Портрет на фоне империи / сост., послесл., справ. аппарат С. Шокарев. — Москва : Фонд С. Дубова, 2011. — 514 с. — (Серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.»).

172. Овсянников Ю. М. Картины русского быта : Стили, нравы, этикет / Ю. М. Овсянников. — Москва: АСТ-Пресс: Галарт, 2001. — 351 с.

173. Ольховиков К. М. Социология духовной жизни / К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова. — Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2007. — 204 с.

174. Ольховикова С. В. Историческое своеобразие мифа в зеркале современной науки и философии монография / С. В. Ольховикова. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — 177 с.

175. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки: В 3 т. Т. 2 / А. П. Остроумова-Лебедева. — Москва : Изобразительное искусство, 1974. — 632 с.

176. Паткуль М. А. Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX столетия / М. А. Паткуль. — Москва : Гос. публич. истор. б-ка России, 2014. — 334 с. — (Серия «Вглядываясь в прошлое»).

177. Первушина Е. В. Быть принцессой. Повседневная жизнь при русском дворе / Е. В. Первушина. — Москва : Алгоритм, 2017. — 480 с. — (Серия «Как жили женщины разных эпох»).

178. Петровский Л. Правила для благородных общественных танцев, изданные учителем танцеванья при Слободско-украинской гимназии Людовиком Петровским / Л. Петровский // Русские мемуары. — Режим доступа: bit.ly/2HVq5vE. — Загл. с экрана.

179. Пешкова И. Отец и дочь / И. Пешкова, З. Симанова // Урал. — 2003. — № 8. — с. 208–232.

180. Пирь. Балы. Торжества / ред. группы: С. Экштут, Т. Евсеева, О. Лесняк. — Москва : Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. — 181 с.

181. Письма великой княгини Ксении Александровны Александре Александровне Оболенской, 1885–1917 гг. / вступ. ст. и примеч. М. В. Фалалеевой // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и докумен-

тах XVIII–XX вв.: альманах. — Москва : студия ТРИТЭ: Российский Архив, 2005. — Т. XIV. — С. 540–541.

182. Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. — Москва: ТРИТЭ : Российский архив, 1999. — Т. IX. — 560 с.

183. Письма Победоносцева к Александру III: В 2 т. Т. 1. / предисл. М. И. Покровского. — Москва : Новая Москва, 1925. — 448 с.

184. Платонов С. Русская история / С. Платонов. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с. — (Серия «Библиотека всемирной литературы»).

185. Плотникова Ю. В. Памятные веера императрицы Марии Федоровны / Ю. В. Плотникова // Аничков дворец — памятник российской истории: материалы конф. — Санкт-Петербург, 1997 — С. 49–52.

186. Плотникова Ю. Последние балы имперской России / Ю. Плотникова // Наше Наследие. — 2016 — № 119. — С. 136–145.

187. Победа Н. А. Социология культуры / Н. А. Победа. — Одесса : Астропринт, 1997. — 223 с.

188. Поликарпов В. С. История нравов в России. Восток или Запад? / В. С. Поликарпов. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. — 576 с.

189. Половцев А. А. Дневник государственного секретаря : В 2 т. Т. 1883–1886 / А. А. Половцев. — Москва: Наука, 1966. — 588 с.

190. Порфирьева А. Л. Бал и бальные танцы / А. Л. Порфирьева // Три века Санкт-Петербурга. В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. А–М. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург, 2003. — 640 с.

191. Потаповская Г. Правила вежливости и светского этикета / Г. Потаповская; сост. В. К. Юрьев, М. Владимирский. — Москва : Белый город, 2007. — 272 с. — (Серия «Энциклопедия культурных традиций»).

192. Правила вежливости и светского этикета / ред. Г. Потаповская. — Москва : Белый город, 2005. — 256 с.

193. Правила внутреннего трудового распорядка (новая редакция) // Уральский федеральный университет. — Режим доступа: bit.ly/2JMс5nJ. — Загл. с экрана.

194. Правила светского обхождения о вежливости / пер. с фр. со 2 изд. испр. и умнож. А. Герасимова. — Москва : Тип. Н. Степанова при Имп. театре, 1829. — 282 с.

195. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон: Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни / сост. В. К. Юрьев, М. Владимирский. — Санкт-Петербург : Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1889. — 413 с.

196. Проблемы модернизации деятельности учреждений культурно-досуговой сферы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В. В. Неустроева. — Екатеринбург : СГОДНТ — ГРДНТ, 2004. — 106 с.
197. Пыляев М. И. Старое житье / М. И. Пыляев. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2016. — 304 с.
198. Пыляев М. И. Старый Петербург / М. И. Пыляев. — Москва : Титул, 1990. — 496 с.
199. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М. И. Пыляев. — Санкт-Петербург: Паритет, 2007. — 480 с.
200. Пыляев М. И. Старое житьё. Замечательные чудачки и оригиналы / М. И. Пыляев. — Санкт-Петербург, 2006.
201. Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни / Х. Раппапорт; пер. А. Мовчан. — Москва : Эксмо, 2015. — 640 с. — (Серия «Дневники княжон Романовых»).
202. Реформы образования: Аналитический обзор / под ред. В. М. Филиппова. — Москва : Центр сравнительной образовательной политики, 2003. — 303 с.
203. Родзянко М. С. Маскарад / М. С. Родзянко // Петербургский листок. — 1865. — № 10–11. — С. 2.
204. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен; подгот. Г. А. Невелев. — Иркутск : Восточ.-сиб. книж. изд-во, 1984. — 480 с. — (Серия «Полярная звезда»).
205. Российская Федерация. Законы. Об образовании: федер. закон : принят 10 июля 1992 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. — Режим доступа: bit.ly/2NHjWq7. — Загл. с экрана.
206. Российская Федерация. Законы. Об образовании: федер. закон: принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 г. — Москва : Российская газета, 2012. — 404 с.
207. Российское студенчество на рубеже XX — XXI веков: Трансформация системы ценностей : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.- информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред.: д-р полит. наук Ильин И. В., Шкаев Д. Г. — Москва, 2012. — 316 с. — (Сер.: Проблемы философии).
208. Ростопчина Е. П. Чины и деньги / Е. П. Ростопчина // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2KoPqIE. — Загл. с экрана.
209. Рубина Л. Я. Российское образование до и в период его модернизации / Л. Я. Рубина, Е. С. Баразгова, Л. С. Лихачева // Социально-гуманитарные науки в модернизации образования / под ред. Л. Я. Рубиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. пед. ун-та, 2013. — С. 9–57.

210. Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции: науч. тр. / Е. Л. Рудницкая. — Москва : Канон +: РООИ «Реабилитация», 2007. — 624 с.
211. Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век / ред. А. В. Буторов. — Москва : АСТ: Астрель, 2012. — 704 с. — (Серия «Историческая библиотека»).
212. Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / вступ. ст. Е. Курганова, сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина. — Москва : Художественная литература, 1990. — 270 с.
213. Рылов А. А. Воспоминания / А. А. Рылов. — Москва—Ленинград : Искусство, 1940. — 232 с.
214. Сабанеева Е. А. Воспоминание о былом. Из семейной хроники 1770—1828 гг. // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2Fb0093. — Загл. с экрана.
215. Саблуков Н. А. Записки о времени императора Павла и его кончине / Н. А. Саблуков // Исторический вестник. — 1906. — Т. 103. — С. 98—123.
216. Савин М. В. Сущностное значение преемственности, традиции и социальной памяти как феноменов культуры / М. В. Савин // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. V, вып. 1—2 (19—20). — С. 523—526.
217. Сало Е. П. Социально-профессиональный статус профессиональной группы: ресурсный подход / Е. П. Сало // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. — Москва : Изд-во Ин-та социологии Рос. акад. наук, 2009. — С. 385—418.
218. Самсонов Г. П. Воспоминания Г. П. Самсонова / Г. П. Самсонов // Исторический вестник. — 1901. — № 86. — С. 923—938.
219. Санникова О. В. Трансформация содержания профессионального социально-гуманитарного образования: социологический подход : монография / О. В. Санникова. — Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2009. — 449 с.
220. Свешникова Г. И. Юсуповский дворец. Санкт-Петербург, Мойка, 94: альбом / Г. И. Свешникова. — Санкт-Петербург: Атр-Палас, 2008. — 120 с.
221. Сегюр де Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789): пер. с фр. / Л.-Ф. де Сегюр. — Санкт-Петербург : Тип. В. Н. Майкова, 1865. — 386 с.
222. Седов Л. А. Место русской культуры среди мировых культур / Л. А. Седов // Полис. Политические исследования. — 1994. — № 4. — С. 97—110.
223. Сергеева Т. Б. Особенности корпоративной культуры образовательного учреждения / Т. Б. Сергеева, О. И. Горбатько // Педагогика. — 2006. — № 10. — С. 11—21.

224. Смакотина Н. Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: моногр. / Н. Л. Смакотина. — Москва : КДУ, 2009. — 242 с.

225. Смирнова-Россет А. О. Воспоминания / А. О. Смирнова-Россет. — Санкт-Петербург : Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. — 416 с. — (Серия «Азбука-классика»).

226. Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма / А. О. Смирнова-Россет. — Москва : Правда, 1990. — 544 с. — (Серия «Литературные воспоминания»).

227. Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2007. — 344 с. — (Серия «Новое в гуманитарных науках»).

228. Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции / А. В. Соколов. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. — 672 с. — (Серия «Новое в гуманитарных науках»).

229. Соколова А. И. Встречи и знакомства / А. И. Соколова ; сост., предисл., подгот. текста С. В. Букчина ; коммент. С. В. Букчина и А. И. Рейтблата. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 528 с. — (Серия «Россия в мемуарах»).

230. Соловьев Б. И. Российское дворянство / Б. И. Соловьев. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. — 315 с.

231. Сорокин П. А. Система социологии. В 2 т. Т. 2. Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов / П. А. Сорокин. — Москва : Наука, 1993. — 688 с.

232. Социология : учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. Л. Я. Рубиной. — 3-е изд., доп. и перераб. — Екатеринбург : УГПУ, 2004. — 224 с.

233. Социология искусства : учебник / под ред. В. Жидкова. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. — 479 с.

234. Студент — 2012 : материалы VI этапа социологического исследования / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. — Екатеринбург : УрФУ, 2012. — 332 с.

235. Толмачев Е. П. Александр III и его время / Е. П. Толмачев. — Москва : Терра, 2007. — 720 с. — (Серия «Венценосцы»).

236. Толстой Л. Н. Война и мир. В 4 т. Т. 2 / Л. Н. Толстой ; худ. Николаев А. В. — Москва : Детская литература, 2014. — 413 с. — (Серия «Школьная библиотека»).

237. Толстой Л. Н. Святая ночь / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений. В 22 т. Т. 1 / Л. Н. Толстой. — Москва: Художественная литература, 1978. — 421 с.

238. Томильцев А. В. Управление качеством образования: практико-ориентированная монография / А. В. Томильцев. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2010. — 292 с.
239. Труайя А. Павел Первый / А. Труайя; пер. с фр. Е. А. Трофимова. — Санкт-Петербург : Амфора, 2014. — 192 с. — (Серия «Великие россияне»).
240. Тютчева А. Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник / А. Ф. Тютчева ; пер с фр., вступл., указ. Л. В. Гладковой. — Москва : Захаров, 2016. — 592 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).
241. Уточкина О. История рода князей Юсуповых (Санкт-Петербургский дворец культуры работников просвещения) / О. Уточкина. — Санкт-Петербург: Издательство «Серебряные ряды», 2006. — 35 с.
242. Федина А. Дом Кологривовых на Тверском бульваре / А. Федина // Узнай Москву. — Режим доступа: bit.ly/2HDgqNn. — Загл. с экрана.
243. Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / Д. Фикельмон; публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. — Москва : Минувшие, 2009. — 1036 с. — (Серия «Пушкинская библиотека»).
244. Философия культуры. Становление и развитие / оформ. обл. А. Олксенко, С. Шапиро. — Санкт-Петербург : Лань, 1998. — 448 с.
245. Философия Серебряного века / сост. Е. В. Бельмис. — Санкт-Петербург г: Паритет, 2009. — 320 с.
246. Флиер А. Я. О новой культурной политике России / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 14–25.
247. Формирование духовно-нравственной среды образовательного учреждения : моногр. / под общ. ред. И. Н. Емельяновой. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. — 168 с.
248. Фрейлина ее величества Анна Вырубова / сост. А. В. Кочетов. — Москва : Орбита, 1993. — 384 с.
249. Фролова С. С. Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп / С. С. Фролова // Управление. — 2016. — № 1 (11). — С. 52–58.
250. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов / Э. Фукс; пер. с нем. В. М. Фриче. — Смоленск : Русич, 2010. — 546 с.
251. Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминание детских и отроческих лет / В. Н. Харузина. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 558 с. — (Серия «Россия в мемуарах»).
252. Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре / Н. А. Хренов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — 604 с.
253. Художественно-музыкальный вечер и костюмированный бал императорской академии художеств (К рисунку Карла Броза) // Всемирная иллюстрация. — 1885. — Т. 33, № 848. — С. 314.

254. Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников // Гос. публич. истор. б-ка России. — Режим доступа: bit.ly/2HLjrpJL. — Загл. с экрана.

255. Цветков С. Э. Александр первый / С. Э. Цветков // Электронная библиотека RuLit. — Режим доступа: bit.ly/2rbYiil. — Загл. с экрана.

256. Церемониал или описание венчания посла великого князя Московского, Дмитрия Ивановича, с дочерью Сендомирского воеводы Мнишека, девицею Мариной, в Кракове 1605 г. 29 ноября // Сайт древних рукописей DrevLit.Ru. — Режим доступа: bit.ly/2IW7L56. — Загл. с экрана.

257. Цивьян Т. В. К некоторым вопросам построения языка этикета / Т. В. Цивьян // Труды по знаковым системам. — 1965. — Т. II, вып. 2. — С. 144–149.

258. Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / А. Ю. Чарторыйский; пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2HEE9wY. — Загл. с экрана.

259. Человеческий потенциал как критический ресурс России / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Б. Г. Юдин. — Москва: ИФРАН, 2007. — 175 с.

260. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: моногр. / А. Н. Чумаков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2015. — 432 с.

261. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. — 4-е изд., стер. — Москва: Дрофа, 2001. — 400 с.

262. Шафранов-Куцев Г. Ф. Модернизация российского профессионального образования: проблемы и перспективы: моногр. / Г. Ф. Шафранов-Куцев. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. — 296 с.

263. Шацкий Е. Утопия и традиция / Е. Шацкий; пер. с польск., общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. — Москва: Прогресс, 1990. — 456 с.

264. Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / С. Шуазель-Гуфье; предисл. А. Кизеветтера // Библиотека Максима Мошкова. — Режим доступа: bit.ly/2qLeAis. — Загл. с экрана.

265. Щербатов М. М. О повреждении нравов в России / М. М. Щербатов. — Москва; Augsburg: Im-Werden-Verlag, 2001. — 42 с.

266. Экштут С. Пиры. Балы. Торжества / С. Экштут, Т. Евсева, О. Лесняк. — Москва: Мир энциклопедий: Аванта+: Астрель: ОГИЗ, 2010. — 181 с. — (Серия: «Самые красивые и знаменитые»).

267. Энгельгардт Л. Н. Записки / Л. Н. Энгельгардт. — Москва: Новое литературное обозрение, 1997. — 256 с.

268. Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов // Исторический дискуссионный клуб. — Режим доступа: bit.ly/2NAp7IA. — Загл. с экрана.

269. Юрченко Т. Н. Мифологема бала в русской литературе 20–40-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Юрченко. — Горно-Алтайск, 2001. — 24 с.

270. Юсупов Ф. Ф. Мемуары / Ф. Ф. Юсупов ; пер. с фр. Е. Кассировой. — Москва : Захаров, 2001. — 428 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).

Приложения

Оглавление

Предисловие.....	3
Введение	5
Балы в истории России.....	8
Бал в системе культуры.....	191
Бал в системе корпоративной культуры университета.....	315
Балы сотрудников УрФУ	372
Заключение	396
Литература.....	397
Приложения	416

Научное издание

Нархова Елена Николаевна
Чегодаева Татьяна Александровна
Ботова Надежда Ивановна
Нархов Дмитрий Юрьевич
Давыдов Владимир Никифорович
Кузьмина Елена Васильевна

**КУЛЬТУРА
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
БАЛА**

Редактор Н. П. Кубыщенко
Верстка Е. В. Ровнушкиной

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 60×84 1/16.
Бумага писчая. Цифровая печать. Гарнитура *Newton*.
Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 100 экз. Заказ 358.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: 8 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: 8 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: 8 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>